

Sbornik literaturnych Statuy

P. Alisow.

RECUEIL D'ARTICLES LITTÉRAIRES & POLITIQUES PAR PIERRE ALISSOFF

B-1086

СБОРНИКЪ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ

И

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

П. О. АЛИСОВА

GENÈVE — BALE — LYON

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1877

Bz 22122
75097811

B 17086

GENÈVE. — IMPRIMERIE RUSSE A. TROUSSOFF, CHEMIN DE LA CLUSE, 12

40.

2.3.2001

ОГЛАВЛЕНІЕ

	СТР.
Замѣтки о Религіи	3
Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, написанную Ренаномъ	33
Прекрасная Елена	41
Пространный христіанскій катихизисъ	46
Дѣло Нечаева	73
Нечаевъ	101
Привалъ арестантовъ	109
Могутъ ли быть честными людьми генералы?	112
Размышленіе по поводу казни Стюарта I	118
Бѣглыя замѣтки	129
Процессъ Павленкова	145
Одинъ въ полѣ не воинъ. (Романъ Шпильгагена).	151
Геркулесовскій подвигъ русскаго правительства	158
Практическіе и Непрактическіе люди	167
Замѣтка о Гоголь	175
Замѣтка о Писаревѣ	178
Довролюбовъ	185
Сказки Лавуле	199
Король Лиръ	205
Ромео и Джульета	211
„Довольно“ и „Призраки“. (Ив. Тургенева).	217
Биографія Грановскаго. (Соч. Ал. Станкевича).	223
Стихотворенія Всеволода Крестовскаго	228
Афера доктора Хана. (Популярная медицина).	238
Не памятникъ, а диво	242
Анна Каренина. (Романъ Гр. Толстого).	245
Донъ-Кихотизмъ. (Загадочная природы—Шпильгагена).	252
Романы Жоржъ-Зандъ	276
Поэзія беременности	291
Отрывокъ изъ моихъ неизданныхъ путешествій	296
Передъ грозю	301
Идиллія моей юности	309

„Что до меня касается, я гроша не дам за политическую свободу, если я в то же время раб своих религиозных убеждений; истинная свобода может быть только тогда, когда человек религиозно свободен, истинное образование там, где человек сдѣлался господином своих религиозных предразсудков и представлений. Мы живемъ въ постоянномъ противорѣчьи между религіей и образованіемъ, уничтожить это тѣмъ творное противорѣчье есть задача нашего времени; для новаго времени необходимо и новое возрѣніе и убѣжденіе о первыхъ элементахъ и причинахъ человеческого существованія и если хотите сохранить слово религія — необходима новая религія.

Религія заключаетъ въ себѣ элементы, существенно противорѣчащіе образованію, такъ какъ она тѣмъ представленія, обычая, изобрѣтенія, которые сдѣланы человекомъ въ дѣтствѣ, хочетъ поставить закономъ и для зрѣлаго возраста.

Когда моды выйдутъ изъ теперешней кажущейся цивилизаціи, изъ эпохи религиознаго варварства, имъ покажется дикимъ, какъ они могли принимать законы нравственности и любви за заповѣди Божьи.

Богъ не есть такая вещь, которую ты можешь найти посредствомъ телескопа въ астрономическомъ небѣ или посредствомъ лупы въ ботаническомъ саду, или посредствомъ минералогическаго молотка, въ черныхъ рудникахъ геологіи, или посредствомъ анатомическаго скальпеля во внутренностяхъ чловѣка и животнаго, ты его найдешь только въ вѣрѣ, въ воображеніи, въ сердцѣ чловѣка, потому что онъ самъ есть ни что иное, какъ существо фантазіи или воображенія, существо чловѣческаго сердца.

Задача моя заключалась въ томъ, чтобы изъ друзей Бога сдѣлать васъ друзьями чловѣчества, изъ вѣрующаго — мыслителей, изъ молемишниковъ — работниковъ, изъ кандидатовъ за гробной жизни — студентовъ настоящей, изъ христіанъ, которые по собственному сознанію, полуживотные, помусамель — людей, помнилъ людей.“

(Сущность Христіанства. Людовика Фейербаха.)

Замѣтки о Религіи

„Мысль, мысль, какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,
Страшна твоя тяжелая борьба....
Грозны небесныхъ бурь, песенъ ты разрушеніе,
Неумолима, какъ сама судьба....“

.....
„За вѣрой, вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ, мнѣ тьмою назвала....“

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я пишу мои замѣтки для той огромной массы, которой дѣлаются недоступны великія истины, если высказывать ихъ начнетъ, полный самообожанія, таинственно глаголющій, жрецъ науки, и для которой будетъ непонятенъ, занавоженный терминами, сухой, однимъ специалистамъ принадлежащій, языкъ. Пора перестать, поборникамъ науки, презирать большинство развѣгой, читающей и разсуждающей публики; она невиновата въ своемъ научномъ невѣжествѣ, виноваты тѣ, Плюшкины науки, которые всѣ ея сокровища, жадно, прячуть, отъ непосвященныхъ, въ заросшія плесенью, темныя кладовыя. Публика жадно ловить всякое честное слово, новую, научную мысль; она не обижается за горькую правду, если видитъ въ пишущемъ не глумящагося идіота, а живаго, любящаго человѣка, горячо дѣлящагося съ нею всѣмъ своимъ умственнымъ имуществомъ. Публика сзумѣла оцѣнить декабристовъ, Герцена, Огарева, Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и многихъ другихъ, не смотря на свирѣпыя завыванія литературной сворни; она способна глубоко понять всякую научную мысль, всякій выводъ науки, расширяющій умъ, если съ ней заговаривать, не подымаясь на ходули, не задирая на-

задь голову, не терзая ее сухими мелочами, утонченными, специальными подробностями. Съ небольшими исключениями, всякую науку можно упростить до того, что ее въ состоянїи будетъ понять ребенокъ, а не только образованный человѣкъ. Специалисты тѣ же чиновники; они силятся даже живую науку превратить въ архивную груду; ихъ узенькій эгоизмъ не допускаетъ ихъ сознаться, что если они публично снимутъ покрывало съ Изиды, то для публики обнаружится не совсѣмъ грандіозное зрѣлище; что если отбросить въ современной наукѣ всѣ, необходимыя только для одного специалиста, подробности, то въ результатѣ окажется не такъ много, какъ кажется, великихъ, неоспоримыхъ, полезныхъ для человѣка истинъ. Такъ какъ для меня сочувствіе публики неизмѣримо дороже черство-педантическаго сочувствія господъ специалистовъ, то я безъ тайнаго трепета, слегка одерну ту занавѣску, за которой прячется та сурово-педо-стунная богиня, одинъ любопытный взглядъ на которую, покрытая волосами головы ученыхъ, дѣлаетъ плѣшивыми и одервенеяетъ всѣ ихъ горячія, юношескія мысли и широкія стремленія.

Я не намѣренъ щеголять массою мельчайшихъ подробностей и сомнительною ученостью, которая пріобрѣтается въ Университетѣ всякимъ желающимъ, какою бы крохотною долею мозга онъ не обладать. Я хочу прослѣдить возвышеніе науки и фіаско религіи; я хочу познакомить массу съ выводами, которые даетъ наука, не желая и не стремясь давать ихъ. Наши лѣтописи хранятъ курьезно прискорбные примѣры, гдѣ профессора естественныхъ наукъ часто вѣбрили въ дремучую галиматью, непростительную ребенку. Самое названіе „замѣтки“ показываетъ сущность моего сочиненія; я не разсчитываю дѣйствовать общею методою; я не стану впадать въ ту скучную, безконечно пространную болтовню, въ которую любятъ впадать, говоря о религіи; каждую мысль, которую я высказываю, можно тянуть на нѣсколько страницъ; не стану съ особенною осторожностью пристугать къ моимъ замѣткамъ: — осторожность мыслима тамъ, гдѣ предметъ черезъ чуръ теменъ; но было бы очень забавно съ смиреніемъ и трепетомъ опровергать, что домовою не заплетаетъ по почамъ гривы лошадамъ, какъ думаетъ масса народа; а вѣрованія такія же глупыя и наивныя, принадлежащія болѣе образованнымъ сословіямъ, почему то разбираются съ большею осторожностью, тогда какъ, въ послѣднемъ случаѣ, нападки должны быть еще безцеремоннѣе, классъ мнимообразованныхъ имѣетъ болѣе шансовъ понимать нелѣпое, не даромъ же они чему нибудь учились! Не стану, для большого

подкрѣпленія моихъ словъ, ссылаться на каждомъ полушагѣ на знаменитыхъ философовъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ: одного, незабитаго безпробудно, здраваго смысла достаточно для пониманія всего, что я пишу. Не стану замаривать читателя описываніемъ всѣхъ религій, медленнаго перехода изъ очень грубой и очень темной, къ немного болѣе свѣтлой; описываніемъ всѣхъ геологическихъ періодовъ земли; изложеніемъ теоріи появленія первыхъ организмовъ; теоріи самосотворенія вселенной, или творенія ея черезъ Творца. Понятно, что люди враждебно смотрящіе на теорію самосотворенія, впадаютъ въ еще большую неясность, говоря о Творцѣ; если возможно самосотвореніе Творца, то почему же невозможно самосотвореніе самой природы? Одна теорія предполагаетъ, что Творецъ не имѣетъ ни начала, ни конца, потому что начало немислимо по своей нелѣпости: изъ ничего никакъ не могло умудриться произойти что; другая — что міры творились въ продолженіи несчетныхъ милліоновъ лѣтъ, изъ вѣчной матеріи, руководствуясь вѣчными, въ ней же скрытыми, законами; какъ логическое научное, такъ и нелогическое богословское сходятся въ концѣ концовъ въ томъ пунктѣ, гдѣ дѣло идетъ о причинѣ всѣхъ причинъ; въ обоихъ случаяхъ основа предположеній—вѣчность, непонятная и неподдающаяся ни на какія объясненія. Знаніе не-бесконечно; есть предѣлы, гдѣ наука останавливается и ни какія гигантскія усилія не подвинутъ ее ни на одну линію. Природа таинственна въ томъ смыслѣ, что въ ней есть основы, которыя не могутъ быть обняты конечнымъ разумомъ; пусть кто нибудь попробуетъ уяснить себѣ безконечность матеріи и силы, ихъ вѣчное движеніе, — или такіе неосъзаемые предметы, какъ сознаніе, чувствительность—но не смотря на невозможность разъяснить ихъ, они ничего не имѣютъ общаго съ дикими вѣрованіями и безобразнымъ идолопоклонствомъ; естествоиспытатель, дойдя до этихъ границъ, остановится и не станетъ выбиваться изъ силъ, чтобы сдѣлать сальто-мортальсь черезъ границу, за которой царствуетъ бездна, безъ границы. При современномъ научномъ знаніи, заглядываніе въ безконечность — пустая затрата силъ, это работа мифологическаго Сизифа: вѣчно вскатывающаго, вѣчно и снова скатывающійся камень. Но теологи, какъ великіе невѣжды, пошли далѣе: они рѣшили на своемъ мудромъ совѣтѣ, что Богъ непостижимъ, даже для господъ ангеловъ; и рядомъ съ этимъ, непостижимое у нихъ обратилось въ доморощеннаго плотника, который отъ скуки творитъ міры, создаетъ добро и зло, а потомъ звѣрски мститъ за зло; выкидываетъ разнаго рода эксцентрическія продѣлки. Таин-

ственному, непостижимому они приписали достоинства, цѣлую кучу желаній; словомъ, написали психологію Бога; оказывается, что для теологовъ непостижимое—пустой звукъ; для нихъ въ цѣломъ мірозданіи нѣтъ ничего непостижимаго, ничего таинственнаго. Сильный орелъ не перелетитъ воздухъ, его поддерживающій, человѣкъ не перегонитъ свою тѣнь, будь онъ даже величайшій въ мірѣ философъ; онъ не объяснитъ безконечное своимъ конечнымъ разумомъ.

ГЛАВА II

„Воздвигая храмы древнимъ истуканамъ,
Люди не подкупаютъ небо фиміамомъ,
И дымокъ ничтожный купленныхъ куреній,
Вѣтеръ вдругъ развѣетъ въ нѣсколько мгновеній.“

Я набрасываю очерки того, что болѣе всего, всегда волновало людей, сбивало ихъ съ толку. Прошли тысячелѣтія, а люди на гибель себѣ все продолжаютъ идти темною дорогою; сколько таинственно нелѣпаго, безобразно фантастическаго породила религія; какіе кроваво-трагическіе и непостижимо-комическіе споры возникали по поводу религіи; сколько ученыхъ философовъ, простыхъ смертныхъ бились надъ религіозными вопросами, въ мукахъ и слезахъ; какая масса ложно направленныхъ великихъ умовъ сгорѣла огнемъ безплоднымъ, погрузившись въ бездны религіозной безмыслицы. Нѣтъ сомнѣнія, что первые проблески религіи обнаружилились въ несчастнѣйшемъ подобіи современнаго человѣка, когда онъ уже обнаружилъ способности высшей цивилизаціи: даръ слова и наблюденія; много тысячелѣтій протекло надъ нашими дивными предками, пока, борясь на жизнь и смерть съ неорганическою и органическою природою, они расправляли свою лахматую спину, а дикій ревъ и жалобное мычаніе пересоздавали въ намекъ на слово, выражающее мысль. Человѣкъ, имѣющій уже право на это названіе, такъ дорого купленное его предками, очутившись среди враждебной ему природы, испуганно съежился передъ ея суровою громадностью; всѣ явленія, бросающіяся ему въ глаза, были обвѣяны для него глубокою таинственностью; страшныя бури, гремящія молніи, бурно разливающіяся рѣки и потоки наводили слѣпой ужасъ на перваго несчастнаго человѣка; слабый, совершенно неопытный, крайне несвѣдущій, беззащитный, онъ былъ жалчайшимъ, затеряннымъ созданіемъ, среди великой,

богатой природы; объяснять все естественно было невозможно: слишком была жидка мозговая кашница первого человека; наконец, такія объясненія не даются даромъ, не сходятъ съ неба, въ видѣ огненныхъ языковъ, а завоевываются тяжкимъ, неутомимымъ трудомъ, неуспыннымъ наблюдениемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что человекъ выбралъ то, что легче: въ каждомъ мертвомъ явленіи природы, онъ сталъ видѣть Бога; неодушевленный предметъ получилъ одушевленное значеніе; это первое, слѣдовательно самое глупое, поклоненіе называется фетишизмомъ. Рѣка текла у фетиша по собственному желанію; ураганъ, развѣявшій въ прахъ его жилище, руководствовался извѣстною *arrigée pensée*; эти остроумныя объясненія лежали въ самой природѣ первого человека — онъ мѣрилъ колоссальную природу на свой микроскопическій аршинчикъ — если онъ дѣлалъ зло, то онъ хотѣлъ этого, на этомъ простомъ основаніи, онъ перенесъ свой образъ дѣйствій на окружающую, безучастную къ человеку природу...

Въ продолженіи многихъ тысячелѣтій религія переходила отъ грубаго и пошлаго объясненія къ болѣе благовидному; переходъ совершался черезъ чуръ медленно, какъ и всегда бываетъ медлененъ прогрессъ свѣтлой мысли. — Человекъ сталъ пробивать дорогу къ объясненіямъ разумнымъ; терпѣніе, наблюденіе, пытливость начали расширять путь. Чудовищныя гоненія, гаденскія издѣванія, суровыя испытанія, терновые вѣнки смерти и пытокъ вынесли бойцы за истину. Уродливое невѣжество, свирѣпое варварство царили бы до сихъ поръ, если бы яркій свѣтъ науки не проникъ въ темный пустырь. Изъ большихъ рукъ огромнаго Бога стали вынимать одинъ за другимъ его атрибуты, это дѣлалось шагъ за шагомъ... Страшный, онъ носился по небу, окутанный тучами и щедро сыпалъ огненные перуны; люди трепетали передъ этою силою, въ наивности они воображали, что это знаменія небеснаго правосудія, что это мстящая сила за дурныя дѣла; но сомнѣніе проникло и сюда: болѣе наблюдательные люди замѣтили, что эти дѣйствія носятъ характеръ бессмыслицы — молнія разила камни, скалы, деревья, храмы, людей, свиней и все это безъ малѣйшей послѣдовательности; между людьми она порожала не худшихъ, но иногда и самыхъ лучшихъ, словомъ какъ прійдется. Нашелся смѣльчакъ, на бумажный, дѣтскій змѣй, онъ поймалъ молнію, находящееся тамъ электричество послужило людямъ въ большую пользу; они смѣлѣе стали изучать его; меньшинство мыслящихъ людей стали еще безцеремоннѣе обезоруживать Бога; они начали выработывать болѣе очищенный взглядъ на него, но все еще очень темный; они перестали въ немъ

видѣть барина, полицейскаго сыщика, всюду толкающагося, во все вмѣшивающагося, управляющаго судьбами людей и посылающаго на нихъ напасти; понемногу они начали выходить изъ податнаго состоянія, но совершенно отдѣлаться отъ мистическаго благоговѣнія сѣумѣли очень и очень немногие. Даже среди большинства начали исчезать и даваемые Богу взятки, подливаніе, пасованія; люди давали взятки вороватымъ чиновникамъ, за ложное веденіе дѣлъ и точно такіе же взятки совали Богу и его вонючимъ флигель-адъютантамъ—святымъ угодникамъ! Бросающаяся въ глаза, наглая пошлость начала исчезать, но совершенное ея исчезновеніе наступитъ въ далекомъ будущемъ, не потому что объясненіе всего естественнымъ путемъ было бы трудно, нѣтъ, но вслѣдствіе недостатка внимательности къ своей логикѣ и придури, общаго удѣла массъ... Очень часто попадаютъ въ естественныхъ книгахъ ни къ чему не идущія, ничего не объясняющія фразы: „Его всемогущая воля,“ „творящая десница,“ „возваніе къ хаосу,“ „бытье и не бытье,“ „благодать пекущагося, мудраго провидѣнія.“ Эта середка на половинкѣ, патетическая трескотня, самая вредная, самая гадкая! Нѣкоторые подъ словомъ Богъ подразумеваютъ природу съ ея законами; иные употребляютъ это названіе, въ полной увѣренности, что еще рано отрѣшиться отъ такого освященнаго вѣками названія; что полное раскрытіе истины не по плечу многимъ и что нужно прививать идеи послѣдовательно и медленно. Высказывать истину вполнѣ никогда не рано; въ чемъ человекъ глубоко убѣжденъ, онъ обязанъ высказывать; у кого нѣтъ мужества выйти на свѣтъ, у того нѣтъ силы переносить свѣтъ. Гадке и вреднѣе быть не можетъ постоянныхъ недоумковъ; неохватываніе идеи сполна — непостижимое юродство. Императоры, паны, попы и самые черные рутинеры и кретинны могутъ не только высказывать свои убѣжденія, но и реализовать ихъ въ жизни, а истину нужно высказывать шопотомъ, съ осторожностью убійцы изъ подъ угла, чрезвычайно постепенно! Душить, грабить людей, занаваживать ихъ головы перегнвшіеу рухлядью не только можно, но и должно; за такіе патріотическіе подвиги въ монархическихъ государствахъ увѣчиваютъ орденами и награждаютъ пожизненными пенсіонами; высказывать же простыя, свѣтлыя, какъ солнце, неэгонистическія мысли вредно, это значитъ въ конецъ развращать массы! Протівоестественнымъ считается глубоко, самоотверженно любить людей и естественнымъ—ихъ давить, обдирать, обезличивать, презирать и ненавидѣть! Отъ этого мы часто встрѣчаемъ людей, которые, рядомъ съ широкими мыслями, высказываютъ младенчески наивную пошлость;

рѣдко кто умѣетъ мыслить до конца, у многихъ, весьма неожиданно, въ началѣ пути, духъ захватываетъ; полное и оконченное развитіе, даже самой блѣдненькой, либеральной мысли можетъ поразить очень сильнымъ сюрпризомъ; приведемъ одинъ примѣръ, изъ безчисленнаго множества примѣровъ: закоренѣлые собственники, съ ужасающими взглядами — если только винегретъ ихъ головъ можно назвать взглядами — люди, готовые отъ всей души растерзать человѣка, проповѣдующаго нецезурныя идеи о собственности и полномъ равенствѣ, валяются, растянувшись плашмя, передъ образомъ Спасителя, который былъ до мозга костей революціонеръ, коммунистъ, рушившій троны и собственность, и такихъ противорѣчій на каждомъ шагу тысячи... Многіе говорятъ такъ: „Положимъ, что все это матерія и что она управляется законами, ну а знаете,“ (говорящій пристально вглядывается въ васъ) „все есть что-то, откуда же это все могло взяться?“ (говорящій впадаетъ въ философскую меланхолю) „не само же это родилось?“ (Нѣтъ сомнѣнія, что Богъ самъ умудрился родиться.) „Наконецъ милліоны вѣруютъ, отъ дикаря до самаго образованнаго человѣка, согласитесь, что эти люди имѣютъ же какое нибудь основаніе!... это выше всякаго пониманія, выше разсужденія, знаменитые ученые и тѣ вѣровали (говорящій высчитываетъ сотню знаменитостей, полужнаменитостей, десятую долю знаменитостей, дураковъ и знаменитыхъ дураковъ).— „Невѣрующій Вольтеръ и тотъ передъ смертію покаялся, а на что, съ позволенія сказать, былъ атеистъ!“ Можетъ быть, мнѣ посчастливилось вступать въ разсужденіе съ дураками, но сколько я помню, на этихъ фразяхъ всегда вертѣлись доказательства вѣрующихъ. Сильнѣе другихъ поражаетъ своею непроходимою нелѣпостью аргументъ: что милліоны вѣруютъ; если бы составить хронологическую таблицу всѣхъ нелѣпостей, въ которыя вѣрили и вѣрятъ милліоны, она наполнила бы большой томъ. Въ XVIII вѣкѣ еще царилъ вѣра, что преслѣдовать огнемъ, крестомъ и мечемъ человѣка за его мысль,—святыню неприкосновенную—дѣло не только не чудовищное, но, напротивъ, чрезвычайно гуманное; десять лѣтъ назадъ, въ Россіи милліоны вѣрили въ святость и неприкосновенность крѣпостнаго палачества; наша современная цивилизація можетъ похвалиться такими вѣрованіями, отъ которыхъ съ ужасомъ отскакиваетъ всякая человѣческая мысль! Принимается или не принимается извѣстная мысль, по плечу ли она всѣмъ или нѣтъ, высказывать ее вполне, окончательно, необходимо; нынче ее поймутъ двое, а черезъ нѣсколько лѣтъ, она будетъ доступна тысячамъ; чья забитая голова ни принять, ни усво-

ить ее не можетъ, пусть не усвоиваетъ, вольному воля; идей сплю никто не навязываетъ.

Слово „Богъ“ можно замѣнить словами: „природа и ея законы“; къ чему два названія, если одно туманно и замораживаетъ слабыя головы, а другое ясно опредѣляетъ сущность предмета? — У Гейне есть одно стихотвореніе, проникнутое глубокою мыслью и жестокою ироніей, я его напомишу читателю:

„Ночью надъ берегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ
Такъ онъ волнамъ говорить:

* * *

— О разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!...
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!...

* * *

Головы въ іероглифныхъ видарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ — и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ.

* * *

Кто же рѣшить мнѣ, что тайно отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?...
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?...

* * *

Катятся волны съ ихъ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ песецъ и тучи несетъ;
Звѣзды мерцаютъ въ безстрастїи холодномъ,
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ!“

Вотъ вамъ безмолвный, горькій отвѣтъ природы на мучительные и безмысленные вопросы! Страшныхъ вопросовъ нѣтъ, есть прямо вопросы очень трудные; вопросъ: „откуда пришелъ человѣкъ“ утерять для насъ мистически недоступный характеръ; Дарвинъ, въ своемъ гениальномъ трудѣ: „Происхожденіе человѣка,“ глубочайшими научными выводами доказалъ, что ближайшіе предки величественно гордаго рода человѣческаго — мелкая порода узконосыхъ обезьянъ стараго свѣта; если же генеологическую таблицу вытянуть гораздо далѣе, на милліоны лѣтъ, то громадно отдаленные родоначальники человѣка затеряются въ глубинахъ морскихъ. Въ то, богатое духовною жизнью, время, наши Богамъ равные

предки, виляя хвостами, махая плавниками, дыша жабрами, свободно разгуливали по необозримымъ воднымъ пространствамъ, весело и безмятежно пожирая другъ друга; отъ этой восхитительной способности взаимнаго пожирания еще не отдѣлался современный намъ, блистающей цивилизаціей, міръ. Сотни тысячъ лѣтъ нужны были для того, чтобы животному переродиться въ человѣка; десятки тысячъ лѣтъ, жалкое, безобразное подобіе нынѣшняго человѣка разгинало свою обезьянью спину, кровавымъ потомъ и жгучими слезами завоевывая себѣ крошечныя удобства жизни. Животное царство безъ перерыва, неуловимо для строжайшихъ наблюдений, переходитъ въ растительное; растительное — въ минеральное. Нѣтъ сомнѣнія, что наука скоро сведетъ всѣ сложнѣйшія и величайшія явленія природы къ простѣйшему знаменателю; вопросъ же „куда пойдетъ человѣкъ — еще менѣе роковой и таинственный: если мертвеца не набальзамируютъ и не уложатъ въ герметическій свинцовый гробъ, то его очень быстро переработаетъ природа въ своей постоянно дѣятельной лабораторіи, и какія бы причудливыя формы не дѣлала природа изъ нашего праха, вновь создавая и вновь разрушая до послѣдняго часа жизни нашей планеты; во всякомъ случаѣ, нашъ прахъ не умудрится залетѣть за предѣлы нашей земной атмосферы, сомнѣваться въ всемъ этомъ могутъ только поклонники библіи, въ которой Егова 6,500 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ эпоху цвѣтущей Индѣйской цивилизаціи, смастерилъ, сначала, въ шесть дней міръ, отдыхая по нѣскольку часовъ, послѣ каждаго дня творенія, а на седьмой день человѣка, послѣ чего онъ залегъ спать и не просыпался до настоящей минуты; — или поборники горячечной чертовщины, которая называется Апокалинсисомъ. Что же касается до послѣдняго вопроса, который — тайна отъ вѣка: „кто тамъ надъ звѣздами живетъ?“ Мы отвѣтимъ, что при помощи сильнѣйшихъ телескоповъ открыли, что, за звѣздами нами видимыми, парить не разжиженный императоръ небесъ, а стройно, руководимыя вѣчными законами, вращаются вокругъ центральныхъ тѣлъ, еще болѣе громадныя звѣзды, а надъ ними опять такі звѣзды, и такъ далѣе, до безконечности. Человѣкъ, вздумавшій въ настоящее время, съ тоскою и слезами или совсѣмъ безъ слезъ и безъ тоски, задавать природѣ такіе наивные, мучительные вопросы, былъ бы забавный эксцентрическій чудакъ. Теперь никто не станетъ — развѣ у кого времени много — ни на берегу моря, ни на берегу ручья, ни прямо на крыльцѣ, словомъ ни въ какой мѣстности, повидимому благопріятствующей мучительнымъ вопросамъ, предлагать ихъ не станетъ. Съ природою стали разговаривать не-

множко иначе, при церемонномъ и жеманномъ обращеніи и нѣжныхъ вопросахъ, она зазналась и упорно молчала, теперь она разговорилась и разговорилась такъ, какъ будто старается вознаградить себя за все время многовѣковаго молчанія, и кому вы думаете, она начала навязывать, одно за другимъ, свои таинства? въ силу деликатнаго чувства, она должна была бы все рассказать пламеннымъ вздыхателямъ, которые, если и предлагаютъ ей вопросы, то непремѣнно съ большими потугами и въ слезахъ,—людямъ, ведшимъ съ нею всегда продолжительные, запутанные, меланхолическіе, мечтательно философскіе разговоры; нѣтъ, она ничего не обнаружила передъ философами, но она вся разоблачилась передъ безмолвными невѣждами—натуралистами, передъ ихъ прозаическими ретортами, вѣсами, пневматическими и нагнетательными машинами, словомъ передъ орудіями физическаго и химическаго кабинета; старая лохмотья свалились съ ея мощныхъ, колоссальныхъ плечъ и предстала она во всей своей грандіозной наготѣ.

Религія считала сводъ небесный крышею земли, а за крышею—замерзшій воздухъ, въ который были вставлены звѣзды и подъ которымъ свершали свой ежедневный всходъ солнце и мѣсяцъ, специально предназначенные для того, чтобы улаживать земныхъ жителей. Кристальный, верхній міръ былъ биткомъ набитъ духами и служилъ резиденціей Богу; поэты надрывались, описывая блаженство духовъ. Что же сказала наука? Земля окружена оболочкою, состоящей изъ смѣси газовъ; основываясь на наблюденіяхъ надъ явленіями сумерекъ въ тропическихъ странахъ, Эмануилъ Ліэ нашелъ, что высота атмосферы достигаетъ 300, даже 309 верстъ; сначала думали, что она невѣсома, теперь она взвѣшена, измѣрено ея давленіе, извѣстны ея составныя части и колоссальное значеніе для всего живущаго. „На землѣ царствовала бы вѣчная смерть и гробовая тишина, если бы не было атмосферы, вѣшной оболочки нашей планеты. Эта газообразная, прозрачная, иногда невидимая масса, которую на первый взглядъ трудно даже признать за часть земли, составляетъ однако, главную стихію послѣдней, ибо она самая подвижная изъ всѣхъ стихій, и въ ней преимущественно сосредоточена жизнь. Всѣ мы люди, животныя и растенія, держимся на почвѣ, но живемъ въ воздухѣ и воздухомъ. Не говоря уже о птицахъ, всѣ существа, ходяція, ползающія или стояція корнями въ почвѣ, могутъ быть названы дѣтьми атмосферы.

Разсматриваемая какъ небесное свѣтило, наша планета состоитъ изъ внутренняго ядра, окруженнаго двумя жидкими слоями. Твердое ядро, или земля въ тѣсномъ смыслѣ, — это

каменные пласты, заключающіе лавы, расплавленные металлы и всю массу неизвѣстныхъ веществъ, занимающую центръ земнаго шара. Океаны, моря и сѣть рѣкъ облегаютъ этотъ земной остовъ; затѣмъ надъ водяной оболочкою идетъ второй сферическій слой, еще болѣе жидкій, представляющій громадный дыхательный аппаратъ, въ которомъ происходитъ непрерывное движеніе токовъ отъ полюсовъ къ экватору и отъ экватора къ полюсамъ, отличающееся тою же правильностью, какую мы замѣчаемъ въ процессѣ дыханія человѣка. Атмосфера — это, такъ сказать, лѣгкія нашей планеты; подобно своему спутнику, который, по мнѣнію большинства астрономовъ, не имѣетъ газообразной оболочки, земля обратилась бы въ мертвое свѣтило, блуждающее въ пространствѣ, если бы вдругъ исчезъ окружающій ее слой воздуха и прекратилось правильное дыханіе вѣтровъ. Каждая частица атмосфернаго газа вѣчно переходитъ отъ жизни къ смерти и отъ смерти къ жизни; становясь поочередно вѣтромъ, волною, землею, животнымъ или цвѣткомъ, она, не смотря на свою малость, служитъ символомъ безконечнаго движенія. Воздухъ—это неизсякаемый источникъ, гдѣ беретъ начало все живущее, громадный резервуаръ, куда отдаетъ свое послѣднее дыханіе все умирающее. Подъ вліяніемъ атмосферы рождаются и умираютъ всѣ организмы, разсыпанные по лицу земли. Въ воздухѣ, которымъ мы дышимъ, заключены жизнь и смерть, постоянно чередующіяся путемъ обмѣна газообразныхъ частицъ. Элементы, выдѣляемые листьями дерева, переносятся вѣтромъ въ лѣгкія новорожденнаго ребенка; послѣдній вздохъ умирающаго идетъ на образованіе блестящаго вѣнчика благоухающаго цвѣтка. Тихій вѣтерокъ, едва колеблющій стебельки травъ, гдѣ нибудь далѣе реветъ страшнымъ ураганомъ, который вырываетъ съ корнемъ вѣковыя деревья и топить корабли вмѣстѣ съ экипажемъ. Такъ, посредствомъ безконечнаго сцѣвленія частныхъ смертей, атмосфера поддерживаетъ общую жизнь земнаго шара. Будучи сходно съ океаномъ, по непрерывному круговращенію своихъ волнъ, великое атмосферное море не замкнуто, подобно водамъ, въ ограниченный со всѣхъ сторонъ бассейнъ. Частицы его скользятъ между порами глѣбъ; онѣ проникаютъ въ нѣдра земли, гдѣ плавятъ лавы, въ глубину морей, гдѣ утверждаются въ организмахъ безчисленныхъ инфузорій. Атмосфера неустанно странствуетъ съ мѣста на мѣсто, увлекая на своихъ волнахъ всѣ мелкіе предметы, не прикрѣпленные къ почвѣ. Она овладѣваетъ золою, вылетающею изъ кратера вулкана во время изверженія и переноситъ ее за сотни и тысячи верстъ, она захватываетъ въ свои вихри миллиарды

микроскопическихъ животныхъ или облака цвѣтени, которыя переносятся за моря и падаютъ на землѣ въ видѣ тончайшей пыли. Она уноситъ самое море въ видѣ облаковъ и метеоровъ, и распредѣляетъ его по всѣмъ точкамъ материковъ; она насыщается цѣлыми потоками электричества, которое затѣмъ освобождаетъ въ видѣ молній или лучей полярнаго сіянія. Словомъ, воздушная оболочка земнаго шара — это исполинскій проводникъ, чрезъ посредство котораго совершается всеобщій кругооборотъ элементовъ, составляющихъ твердую кору, массу водъ и органическія тѣла.“

За этой земной оболочкой открыли дивный міръ и этотъ міръ, открытый разумомъ, оказался такъ безгранично грандіозенъ, что передъ нимъ клерикальная фантазія оказалась узенькою, мелкою, дрянненькою чепухою. Необузданная фантазія стала бесконечно ниже разума; астрономическія измѣренія оказались такъ велики, что фантазія бессильна представить ихъ: лучъ свѣта, проходящій при одномъ колебаніи маятника пространство въ 8 разъ болѣе окружности земли, долженъ употребить милліоны лѣтъ, чтобы дойти до насъ отъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ. Лазурный колпакъ, опрокинутый надъ землею — chef d'oeuvre клерикальной фантазіи — превратился въ безграничное пространство, усаженное солнцами и планетами; но кромѣ системъ міровъ подобно солнечной, безграничное пространство полно самосвѣтящихся солнць; млечный путь, какъ блѣдный, блестящій туманъ, перепоясывающій небо, весь состоитъ изъ массъ самосвѣтящихся солнць; нашъ многолюдный, могучій, гордый міръ — невидимая пылинка въ сравненіи съ однимъ изъ этихъ солнць и весь этотъ неохватимый, неизмѣримый, бесконечный міръ движется произвольно, а напротивъ съ строгимъ ограниченіемъ того закона природы, по которому тѣла взаимно притягиваются. Обыскавши все небо, вы нигдѣ не отыщите произвола, не разыщите толкающаго Бога; „въ этомъ безконечномъ пространствѣ свершаетъ свой путь необходимость; гигантскій механизмъ безстрастно двигается силою математическаго закона.“ Наполеонъ спросилъ у Лапласа, почему въ своей небесной механикѣ, онъ ни разу не упомянулъ слово Богъ; Лапласъ отвѣчалъ: „Я не нуждался въ этой гипотезѣ.“ Лакейство передъ природою, поклоненіе, молитвы, обращенія къ ней — такое же грубое идолопоклонство, какъ и поклоненіе разноцвѣтнымъ лохмотьямъ и деревяшкамъ. Можно восхищаться природою, но поклоняться ей — нелѣпость невообразимая. „Безсознательно, неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка переходящая, она не терпитъ ничего

безсмертнаго, ничего неизмѣннаго; человекъ ея дитя, но она — всеобщая мать и у ней нѣтъ предпочтеній; все, что существуетъ въ ея лонѣ возникло только насчетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому: она создаетъ, разрушая и ей все равно, что она создаетъ и что она разрушаетъ, лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ; а поэтому она такъ же спокойно покрываетъ плесенью божественный ликъ Фидьясовскаго юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе моли драгоценныя строки Софокла. Эта глухая, слѣпорожденная сила даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, и идетъ все пожирая; какъ устоять противъ ея грубыхъ, безконечно и безустанно надвигающихся волнъ?...“
Чтобы устоять нужно изучать ее; локомотивъ на ужасной высотѣ прорѣзаетъ холодную мглу облаковъ, телеграфная проволока связала два міра, пролегла черезъ ширину Океана; компасъ руководитъ судномъ на краю міра, на бездорожномъ пространствѣ Океана; крошечная стрѣлка компаса раздавила въ прахъ ученіе тысячелѣтій: что земля плоска. Паровыя машины всѣхъ родовъ: двигающіяся, высокаго и низкаго давленія, которыя въ одной Великобританіи замѣняютъ собою ручной трудъ шестисотъ милліоновъ людей; телескопы, разоблачившіе небо, микроскопы — землю и воздухъ и тысячи неисчислимыхъ, окружающихъ насъ предметовъ, начиная съ необходимаго и кончая роскошью, все это дало изученіе природы. Атмосферѣ, состоящей изъ азота, кислорода, угольной кислоты, нѣтъ дѣла до насъ, наши завыванія она не услышитъ, наши мольбы ей непонятны, какъ и деревяшкѣ съ намалеваннымъ изображеніемъ. Атмосферѣ все равно, складываете ли вы, набожно, ваши пальцы въ знаменіе креста, или машете по ней палкой; небу все равно, возведете ли вы на него полные религіознымъ восторгомъ очи или плюнете въ него; пустое, беззвучное, холодное небо, одинаково не отлыкнется вамъ, обратитесь ли вы къ нему съ проклятіями или съ нѣжнымъ, горячимъ моленіемъ, съ злымъ укоромъ или пламенною благодарностью; ваши дорого стоящіе виміями расплывутся въ немъ такъ же безслѣдно, какъ и зловонія смрадныхъ, отхожихъ мѣсть. Ваши духовныя картинки, осыпанныя сверкающими брилліантами, залитыя золотомъ — безпроцентныя капиталы; ваши красивые, огромныя храмы отравляютъ кровь, наполненной въ нихъ угольной кислотой, во время пышныхъ, безплодныхъ, многолудныхъ и безтолковыхъ моленій. Религіозныя побракушки глотаютъ капиталы, могущіе служить бѣдности всюду царящей, все пожирающей; служеніе призраку подрываетъ служеніе вы-

соко существенному, человѣчному. Храмы и дворцы — чудовищные анахронизмы, это тѣ же колоссальныя пирамиды, которыхъ строили сотни лѣтъ, сотни тысячъ людей, задыхаясь въ раскаленной Сахарѣ, обливаясь кровавымъ потомъ, чтобы во внутрь горы, изъ кирпичей, положить трупики плюгавенькаго фараончика. Лопочущіеся отъ жира и лѣни монахи, вмѣсто полезнаго труда, вносятъ въ жизнь скотскія наслажденія и забивающую на смерть, здравый смыслъ, средневѣковую схоластику. Не Богъ создалъ человѣка по своему образу и подобию, а люди создали безчисленныя божковъ, по своему жалкому образу и мерзвѣйшему подобию; что ни народъ, то Богъ; разношерстные Боги носятъ на себѣ отпечатки людской безмыслицы; въ одномъ мѣстѣ богъ разрастается въ страшное могущество, рядомъ расплывается въ полное ничтожество; онъ какъ вода носитъ на себѣ отраженіе плывущихъ надъ нею облаковъ, онъ — термометръ, измѣряющій приблизительно вѣрно умственное невѣжество массъ. Неохватимая ни какою мѣркою, природа, грозно-покойно движется, руководимая скрытыми въ ней же законамн; ея колоссальный механизмъ не поколеблется ни на одну линію отъ неслышныя крохотныя посягающія на ея могущество; неумолимая и равнодушная, она — движущаяся необходимость. Воздухъ, наполненный углекислотой, задушитъ васъ, стада боговъ не спасутъ васъ, потому что въ удушающемъ газѣ дѣйствуетъ законъ; не сила молитвы, двигающая горы, спасетъ васъ, а во-время отворенная форточка; камень, брошенный на воздухъ, въ силу закона притяженія, упадетъ на землю, если бы весь мѣръ до кроваваго пота молился и надрывался у всѣхъ божественныхъ алтарей, онъ не остановилъ бы паденія крошечнаго камня; ударъ молніи отъ вашей головы можетъ отворотить желѣзная, заостренная палочка громоотвода и тотъ же самый ударъ не отворотятъ всѣ религіи, взятыя вмѣстѣ, всего земнаго шара; темная туча, полная электричества разрѣшится надъ храмомъ, полнымъ слезно-молящихся людей и курящихся благовонныхъ омиамовъ, такъ же слѣпо и равнодушно, какъ и надъ стадомъ свиней, мирно пасущихся гдѣ нибудь, въ лѣсу; ни взятки, ни мольбы не помогутъ; никакое доморощенное чудо не измѣнитъ законы природы; единственное, универсальное средство, черезъ которое можно избѣжать столкновенія съ неумолимыми законами, это: изученіе природы; въ этомъ знаніи таится наша громадная мощь и великая всепобѣждающая сила.

ГЛАВА III

Квинтинъ Дорвардъ. „Чего ожидаешь ты въ будущемъ, умирая съ такими понятіями и безъ покаянія?“

Цыганъ. „Моя надежда, моя увѣренность заключается въ томъ, что таинственный составъ человѣка раздѣлится на общую массу природы, чтобы снова образоваться въ другія формы, которыми она ежедневно замѣняетъ то, что ежедневно исчезаетъ и возвращается въ другихъ видахъ: водяныя частицы обратятся въ дожди и потоки, земляныя обогатятъ мать свою — землю; воздушныя обратятся въ легкіе вѣтерки, а огненные присоединятся къ сіяющему Альдебарану и его собратіямъ.“
(*Квинтинъ Дорвардъ* — романъ В.-Скотта, перев. Веденскаго.)

Давно ли всякій благонамѣренный гражданинъ изъ себя вышелъ бы, узнавъ, что есть люди, осмѣливающіеся покушаться на безтѣлесную душу, на ея независимость отъ матеріи; малѣйшее прикосновеніе къ этому предмету возбуждало судороги, считалось святотатственнымъ; но, не смотря на стерегущихъ, злыхъ цербериковъ, людская пытливость проникла и въ этотъ недосягаемый міръ; кромѣ невещественнаго начала души, приписываемой человѣку, ему еще приписывали другое, такое же замысловатое невещественное начало: жизненную силу, которая сама умудряется творить всѣ разнообразныя явленія въ человѣческой экономіи; но эти невиннѣйшія иллюзіи растаяли, какъ мыльные пузырьки, когда наука, каждымъ своимъ новымъ словомъ, разрушающая какою нибудь суетвѣрную глупость, открыла, что сердце человѣка устроено по извѣстнымъ законамъ гидравлики; что каналы, несущіе кровь отъ сердца, снабжены простыми, механическими клапанами, что устройство глаза основано на самыхъ утонченныхъ началахъ оптики, — его роговая оболочка, хрусталикъ и влага имѣютъ свойства собирать лучи для составленія изображенія, а радужная оболочка, подобно діафрагмѣ въ микроскопѣ и телескопѣ, предупреждаетъ хроматизмъ и регулируетъ получаемое количество свѣта; открыла, что ухо снабжено органами для воспріятія трехъ характеристическихъ свойствъ звука: барабанная перепонка для силы звука, улитка для тона, полукрутыми каналами для качества звука. Что воздухъ, входящій въ организмъ черезъ большое дыхательное горло, дѣйствіемъ атмосфернаго давленія, обусловленнымъ пониженіемъ грудобрюшной преграды, по физическимъ законамъ переходитъ въ

крайнія клѣточки легкихъ, а потомъ въ кровь и производитъ повсемѣстныя, химическія измѣненія, возбуждаетъ теплоту и вызываетъ сложныя отправленія органической жизни. Даже таинственное питаніе органовъ замкнутыми волосными сосудами объяснилось эндосмосомъ и экзосмосомъ. Прежде, чѣмъ приступить къ объясненію, что такое сверхъестественная, безтѣлесная душа, нужно предварительно объяснить, что подразумѣваетъ наука подъ словами сила и матерія; сила, не соединенная съ матеріей — дикая отвлеченность. Азоту, кислороду, водороду присущи ихъ свойства отъ вѣка; Бюхнеръ говоритъ, что силы не лошади, которыхъ можно запретъ и выпречь, это — свойство матеріи; желѣзо останется желѣзомъ: движется ли оно метеорнымъ камнемъ вокругъ свѣта, трется ли въ колесѣ локомотива о рельсы желѣзной дороги, течетъ ли въ кровеносныхъ сосудахъ и бьется ли въ вискахъ какого нибудь ученаго. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ проявленіяхъ желѣзо и его свойства неизмѣнны; всѣ невѣсомыя тѣла: свѣтъ, теплота, электричество, звукъ — только различные виды взаимнаго притяженія матеріальныхъ частицъ; въ теплотѣ частицы стремятся къ расширенію, въ холодѣ — къ сближенію; свѣтъ и звукъ — волнообразное колебаніе матеріальныхъ частицъ. Звонъ боя часовъ не слышенъ въ безвоздушномъ пространствѣ колокола пневматической машины; звукъ не можетъ образоваться безъ матеріи; на высотѣ 16 тысячъ фуговъ, на Монбланѣ, пушечный выстрѣлъ раздается въ разрѣженномъ воздухѣ, какъ звукъ спущеннаго курка. Сила немислима безъ матеріи, нельзя себѣ вообразить слизь, отдѣляющуюся безъ железъ; сокращенія — безъ мускуловъ; ни одинъ еще, самый завзятый, теологъ не ухитрился видѣть безъ глазъ, нюхать безъ носа, дышать безъ легкихъ, существовать безъ крови и желудка, думать безъ мозга и получать впечатлѣнія безъ зрѣнія и нервовъ. Душа превращается въ волшебную бессмыслицу, отдѣленная отъ мозга, нервовъ, крови, желудка, почекъ, мускуловъ; постепенный прогрессъ ума, неминуемо, тянетъ за собою матеріальное совершенствованіе нервной системы и мозга.

Мозгъ получеловѣка кретина вѣситъ 2 фунта, мозгъ Кювье 4 ф.; по величинѣ одной мало, въ немъ играетъ важную роль его строеніе, присутствіе въ немъ извилинъ, преобладаніе сѣраго вещества; у пса смердячаго обрѣтается душа, какъ и у человѣка, слово истиннѣе придумали ученые, какъ комплиментъ людямъ; у животныхъ мы наблюдаемъ умъ, нѣжность, понятливость, доброту, злопамятность; охотничья собака и всѣ домашнія животныя доказали большую способность цивилизоваться; маленькій прогрессъ въ мірѣ животныхъ,

сравнительно съ нашимъ, зависитъ отъ нхъ, сравнительно, малаго количества мозга. Малѣйшее поврежденіе мозга влечетъ за собою умственное разстройство; малѣйшее недоразвитіе мозга — признакъ умственного ничтожества; сильный ушибъ передѣляетъ генія въ идіота; рюмка презрѣннаго вина, тяжелую, давящую грусть переродитъ въ бѣшенную веселость. „Мозоль придавитъ вапъ добрый умъ и докажетъ ему его зависимость отъ тѣснаго сапога.“ Ребенокъ, съ его крохотнымъ мозжечкомъ, съ отсутствіемъ пониманія внѣшнихъ впечатлѣній — маленькое животно-растеніе, развивается мозгъ, увеличивается воспримчивость впечатлѣній, увеличивается и душа. „Духъ безъ тѣла страшень своею невообразимую нелѣпностью; таинственные философы говорятъ вамъ, что духи имѣють воздушное тѣло, незримое нашими глазами, тонкое, легкое и прозрачное; не думайте, что прозрачность и воздушность — что нибудь высшее; если бы человѣкъ сдѣлался жиже и еще жиже и, наконецъ, совсѣмъ прозрачнымъ, онъ отъ этого сталъ бы хуже; хорошая кровь густа и корошій мозгъ густъ, хорошіе мускулы упруги, воздушные мускулы не могли бы служить, газовымъ мозгомъ нельзя было бы думать. Невидимыхъ для простаго глаза животныхъ бездна: всѣ наливчатые животныя; но они, хотя и малы, не состоятъ же изъ одного воздуха, или изъ одной жидкости, у нихъ есть свои оболочки, очень тонкія, но которыя послѣ себя оставляютъ извѣсть и мѣлъ; прозрачность ихъ сопряжена съ самою бѣдною степенью жизни. Для того, чтобы жизнь мухи или осы была возможна, тѣлу животнога надобно было очень погустѣть, потерять свою прозрачность и мѣстами окрѣпнуть, какъ крылья жука или кузнечика.

Тѣло всякаго животнога: червя, слона, человѣка дѣлается изъ окружающихъ предметовъ тѣдой и дыханіемъ; на это ему нужны части твердыя, жидкія, воздухообразныя; пока онѣ вмѣстѣ работаютъ и ни одна не беретъ верхъ, жизнь продолжается; если у животнога отнять жидкія оболочки, то кровь и всякая жидкость, обращающаяся въ сосудахъ, прольется, газы, заключающіеся въ ней, испарятся; твердыя части вывѣтрятся и засохнутъ, сдѣлаются черноземомъ, твердой землей. Объяснить общее дѣло (жизнь), задерживающее въ извѣстномъ видѣ и въ извѣстной дѣятельности части тѣла — задача трудная, но путь къ ея разрѣшенію — физиологія и химія; неполное знаніе не даетъ право на произвольныя предположенія.

Можетъ ли душа существовать безъ тѣла — вопросъ, продуктъ нелѣпаго пониманія, что духъ можетъ существовать безъ тѣла; что сказали бы вы человѣку, спросившему васъ:

„Можетъ ли черная кошка выйти изъ комнаты, а чернѣйшій цвѣтъ остаться?“ вы его сочли бы сѣмасшедшимъ. Тотъ, кто можетъ себѣ представить чернѣйшій, оставленный кошкою, или ласточку, летающую безъ крыльевъ и легкихъ, тому легко себѣ представить душу безъ тѣла, такое цѣлое, котораго части уничтожены... Есть люди, которые, безъ малѣйшаго основанія, говорятъ, что души умершихъ отираются на другія планеты, это понять не легче; какъ же это онѣ поднимаются въ океанѣ кислорода и селитророда, не окислившись въ немъ? или не соединяясь съ водородомъ, углеродомъ? Но душа не имѣетъ химическихъ свойствъ! — Какія же? — физическія? Нѣтъ! А движется? Предметъ, не имѣющій, ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ, безъ формы, качества и количества, мы называемъ несуществующимъ т. е. ничѣмъ. Тутъ обыкновенно прибѣгаютъ къ сравненію съ электрическою искрою, но электрическая искра очень богата физическими и химическими свойствами, не смотря на то, въ ней нельзя предположить сознанія, а вѣдь это главное, чего хотять въ душѣ, отрѣшенной отъ тѣла. Чтобы сознать себя, нельзя быть ни твердымъ, какъ камень, ни жидкимъ, какъ вода, ни прозрачнымъ, какъ воздухъ, надо быть студнемъ, кашей, какъ мозгъ. „И надъ этой простой, яркой, какъ Друммондовъ свѣтъ, истиной, билась въ мукахъ и слезахъ головы, въ колпакахъ, въ іероглифныхъ кидарахъ, беретахъ, чалмахъ и теперь, когда наука каждый часъ, все болѣе и болѣе изучая природу, все болѣе и болѣе открываетъ въ ней миллионы головъ безъ пудры и колпаковъ, думаютъ, таинственно разсуждаютъ, недоувѣрчиво, враждебно смотрятъ на подобныя мысли. — Что же далѣе? Выводъ прямой: пока кровь обращается, мозгъ работаетъ, желудокъ варитъ, мы живемъ; разъ приостанавливается какой нибудь изъ этихъ процессовъ, равновѣсіе нарушается и наступаетъ смерть; индивидуальность исчезаетъ и человѣкъ поступаетъ въ общій ящикъ природы; человѣческое я превращается въ черноземъ; изъ подъ земли тихо выползаютъ черви, со всѣхъ сторонъ, жадно, стекаются кроты, крысы, мыши и весело, во мракѣ справляется пиръ. И не все ли равно въ чьемъ желудкѣ будетъ свершаться процессъ дальнѣйшаго измѣненія матеріальныхъ частицъ? Матерія—безсмертна, расплывается одинъ только духъ; „матерія, сила, вѣчны, онѣ не могутъ быть ни раздѣны, ни уничтожены; исчезнетъ сила передъ нашими глазами, но на самомъ дѣлѣ она не исчезла, а только перемѣнила форму, перешла въ другія силы; повидному образуется новая сила, но на самомъ дѣлѣ, она посредственно или непосредственно перешла изъ другихъ силъ. Механиче-

скал, химическая, электрическая, магнитная сила, теплота и свѣтъ переходить другъ въ друга, но величина силы остается такою же, въ какой бы формѣ послѣдняя не проявлялась“; та же самая исторія повторяется съ матеріей, что пропадаетъ въ одномъ мѣстѣ, появляется въ другомъ; часы, разбитые, времени не покажутъ, составныя же части ихъ цѣлы. Матерія, миллионъ разъ перемѣнивши свою форму, останется той же матеріей; трупъ можетъ черезъ тысячу лѣтъ проявиться въ листьяхъ крапивы, въ личинкѣ пестряющей дивно нѣжными красками бабочки, въ пахучихъ, чудныхъ цвѣтахъ. Въ природѣ смерть — рожденіе, могила — колыбель; матерія — фениксъ, сгорающая и обращаясь въ пепель, она снова является юнымъ фениксомъ; „матерію можно уподобить кругу, который въ самомъ себѣ носитъ смыслъ своего существованія, въ которомъ причины и слѣдствія перепутываются безъ начала и конца.“

Джоржъ Вруно сказалъ: „изъ сѣмени образуется стебель, изъ стебля колось, изъ колоса зерно, изъ зерна хлѣбъ, изъ хлѣба питательный сокъ, изъ сока кровь, изъ крови животное сѣмя, изъ сѣмени зародышъ, изъ зародыша человѣкъ, изъ человѣка трупъ, изъ трупа земля, камень и другія массы.“ Частица воды, поднимаясь изъ моря можетъ, незамѣтно, перейти въ воздухъ, можетъ плавать надъ нами въ облакѣ, падать въ видѣ дождя, всасываться въ землю, выступить снова въ источникѣ, войти въ корни растений, подняться въ его соевъ до листьевъ, разложиться тамъ съ помощью солнечнаго свѣта на свои составныя части: кислородъ и водородъ; изъ этихъ и другихъ элементовъ могутъ быть приготовлены масла, кислоты и различные органическіе составы; въ этомъ видѣ или въ своемъ неразложившемся состояніи частичка воды можетъ войти въ пищу животныхъ, обращаться въ ихъ крови, участвовать въ дѣятельности пониманія, отправляемой ихъ мозгомъ и наконецъ вернуться въ воздухъ посредствомъ выдыханія. Пролитая въ слезѣ, въ минуту отчаянія, она можетъ породить радугоу — эмблему надежды, словомъ, каковъ бы ни былъ пройденный ею путь, каковы бы ни были испытанныя ею измѣненія, какого бы свойства ни была господствовавшая надъ ней сила, ея элементарныя составныя части сохраняются всегда. Вспомните слова Гамлета на могилѣ Офеліи въ разговорѣ съ могильщиками: „Передъ кѣмъ дышать едва ли смѣли, великій Цезарь нынѣ прахъ и имъ замазываютъ щели.“ Самый дерзкій умъ запутается, слѣдя за вѣчнымъ круговоротомъ матерія; выпасть абсолютно нѣтъ никакой возможности ни одному атому изъ того ящика, окруженнаго слоемъ атмосферы, который называется земнымъ ша-

ромъ. Обокрасть природу нельзя, можно только перемѣстить ея части, но самихъ себя люди обворовываютъ съ восхитительнымъ тупоуміемъ: сексіліоны пудовъ человѣческихъ изверженій, которыя, утучнивъ почву, переродились бы въ громадныя массы хлѣба, спускаются, посредствомъ водосточныхъ трубъ, въ рѣки и моря, которыя, какъ извѣстно всякому, даже не бывшему въ семинаріи, не на столько любезны, чтобы возвратитъ разъ принятое въ свое лоно, а люди не на столько еще хитры, чтобы ихъ оттуда вытащить. Одинъ Парижъ, со времени своего существованія, навѣрное, въ видѣ собственныхъ изверженій, выбросилъ въ Океанъ, какъ негодный хламъ, въ сто разъ болѣе миллиардовъ, чѣмъ онъ заплатилъ Германіи, послѣ войны 1870 года. Статистику остается вычислить: сколько теряетъ Европа золота каждый годъ черезъ водосточныя трубы; навѣрное, цифра выйдетъ такая, что поразитъ самое необузданное воображеніе. Другой возмутительный, безчестный поступокъ заключается въ томъ, что человѣкъ каждую терцію живообразно беретъ у природы пищу, воздухъ, ея цѣлебныя, живыя силы, но когда наступаетъ день окончательнаго разсчета т. е. смерть, онъ велитъ самымъ подлымъ образомъ спровадить себя, какъ можно глубже въ землю, онъ старается, какъ можно глубже уйти отъ долговъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его трупъ, вырастаетъ бурьянъ, тогда какъ, поступи онъ разумно, позволивъ сжечь свой трупъ и имъ унавозить землю, онъ произвелъ бы обильный урожай травы или хлѣба. Умершему, т. е. несознающему себя праху рѣшительно все равно, по разнаго рода Зюлейкамъ, Вильгельминамъ, Анжеликамъ и Маргаритами, покоющимся на гробахъ мужей своихъ, или рано отцвѣтшихъ любовниковъ, этотъ прозектъ покажется возмутительнымъ; ихъ здобно сантиментальныя сердца вострепещутъ при одной мысли, что исчезнуть безслѣдно, глубоко поэтическія кладбища, отцѣненные липами, испещренныя незабудками, безслѣдно погибнуть тѣ урны — эмблемы слезъ и тоски, надъ которыми такъ живописно, поэтически склонялись отъ нечего дѣлать милліоны нищихъ духомъ златокудрыхъ головокъ. Увлеченный этой еретическою мыслию, я часто, невольно, задумывался надъ человѣческими тушами изъ касты купцовъ и касты монаховъ, о всемогущіе Боги: Аллахъ, Брама, Шива и быкъ Аппсъ! какія горы прекраснаго жирнаго навоза погибаютъ даромъ! Какіе колоссальныя источники плодородія гибнуть для русской земли, сколько ужаснаго вреда они приносятъ при жизни и никакой пользы послѣ смерти!...

ГЛАВА IV

Что же касается до постнаго зарожденія Спасителя отъ дѣвы, которая его родила, „не спросясь супруга,“ до массы гнили, съѣдаемой молью, и покоящейся среди одуряющихъ опіумовъ, въ кievскихъ катакомбахъ и прочихъ монастыряхъ, эти грязненкiя нелѣпности, подлiя обдирашiя невѣжественнаго народа, падаютъ подъ тяжестью собственной нелѣпности; черезъ нѣсколько столѣтiй чудомъ будетъ то, что въ природѣ существовали люди, вѣрующiе въ чудо; миѣ было бы крайне совѣстно толковать объ этихъ отчаянныхъ глупостяхъ, если бы я не посвящалъ моихъ произведенiй большинству; для этого разноголоваго большинства очень мало, что вы разрушили зданiе, оно желаетъ, чтобы вы взяли роль мусорщика и повымели весь соръ до послѣдней пылинки.

Одна нелѣпность тянетъ за собою цѣлый рядъ нелѣпностей, она прилипчива, имѣетъ силу химическаго сродства; предположить какiя нибудь осмысленныя дѣйствiя въ человѣкѣ уже умершемъ, все равно, что предположить возможность произвольныхъ дѣйствiй въ столѣ, стулѣ, навозной кучѣ; но поголовная глупость пошла еще далѣе: она вѣритъ, что эти скверно набальзамированныя куклы, фокусъ-покусы жаднаго до денегъ духовенства, творятъ чудеса, то есть невозможное; онѣ сами, крайняя безмыслица, вызываютъ еще большую безмыслицу. Та же наивная пошлость просвѣчиваетъ въ обрядѣ святыхъ тайнъ; маленькiй ребенокъ, незабитый благонамѣренными родителями, пойметъ всю жалкую нелѣпность всѣхъ обрядовъ вообще, а этого обряда въ особенности. Передать пону деньги за исповѣдь возможно, но сдать грѣхи — дѣло чрезвычайно мудреное, нужно предположить внутри человѣка особенную шкатулочку, спеціально предназначенную для грѣховъ, или мѣшокъ съ мусоромъ, который можно вытряхнуть передъ попомъ; передать грѣхъ все равно, что передать мысль, развѣ передавая мысль, мы избавляемся отъ нея? но многiе видятъ въ этомъ обрядѣ нравственный смыслъ — раскаянiе, залогъ будущаго исправленiя, въ теорiи это такъ, но на практикѣ совершенно иначе; если и раскаянiе, то къ чему водевильныя прелюди, интимное секретничанье съ попомъ? (которые въ учебныхъ заведенiяхъ, по слабости къ доносу, болѣе сильныя грѣхи воспитанниковъ передаютъ начальству) — предварительное

голодаіе, а потомъ приниманіе гадкаго, французскаго вина съ французскою булькою? почему это чувствуется облегченіе послѣ этой дикой церемоніи? въ неглупомъ человѣкѣ безсмысленныя продѣлки должны возбуждать отвращеніе, какъ издѣваніе надъ здравымъ смысломъ. Но на нѣкоторыхъ это дѣйствуетъ иначе: очистивъ желудокъ недѣльнымъ постомъ, они являютъ къ причастію съ легкимъ и незатрудненнымъ пицевареніемъ, да еще впроголодь, понятно — и булка вкусна и на душѣ ясно, а къ этому ихъ пріятно щекочетъ мысль, что всѣ помоя, т. е. грѣхи слиты въ грязный резервуаръ, именуемый попомъ. Является вопросъ: пріостанавливались ли грѣховныя дѣйствія хоть на одну минуту послѣ этой пресловутой процедуры? Нѣтъ, самый горячій вѣрующій навѣрное сознается самому себѣ, что по выходѣ изъ церкви, они начинали накапливаться вновь и нерѣдко въ возрастающей пропорціи. Чтобы дѣлать мало зла, нужно бытъ отъ природы добрымъ, гуманнымъ и кромѣ этого очень развитымъ человѣкомъ; надо послѣдовательно строго выработать въ себѣ честныя убѣжденія, а это дается долгою, упорною работою мысли; человѣкъ неотвѣтственъ, пока грѣхъ относится къ его личности, малѣйшее же покушеніе на личность другаго, а въ особенности слабую и незащитную, есть грѣхъ и грѣхъ очень тяжелый. Весь смыслъ прогресса заключается въ улучшеніи междучеловѣческихъ отношеній, но не въ одномъ микроскопическомъ меньшинствѣ; государство вкуцѣ и любѣ съ церковью придумали много грѣховъ, которые теперь возбуждаютъ ироническую улыбку; но за то посяганіе на чужую свободу, чужое благосостояніе, обираніе бѣдныхъ труженниковъ стало, но только очень недавно, тяжкимъ преступленіемъ противъ равныхъ себѣ людей. Но объ грѣхѣ, какъ его понимали и понимаютъ люди, можно говорить или очень коротко, или черезъ чуръ пространно, середины тутъ бытъ не можетъ, и такъ какъ подробный разборъ, что такое грѣхъ, не входитъ въ планъ нашей статьи, то мы оставимъ этотъ громоздкій предметъ въ покоѣ. Для комизма приведу нѣсколько примѣровъ изъ несчетнаго количества примѣровъ, которые наблюдательный человѣкъ можетъ подмѣтить самъ: многіе изъ русскихъ гражданъ, купческаго званія, считали тяжелымъ грѣхомъ не посѣтить всенощной и тѣ же русскіе граждане считали поступкомъ въ высшей степени праведнымъ отдубасить въ кровь за неповиновеніе свою супругу и дѣтей и надуть въ пухъ покупателей. Считалось грѣхомъ ѣсть скоромное на страстной недѣлѣ и — начѣмъ мѣнять дѣвокъ на борзыхъ щенковъ, затиранивать голодомъ и побоями тысячи равныхъ себѣ людей; считалось грѣхомъ произнести хулу

противъ неограниченнаго монарха и — ничѣмъ, если тотъ же самый монархъ обираетъ до нитки огромное государство для своихъ шотскихъ прихотей и губить тысячи лучшихъ жизней за то, что они имѣютъ неодинаковыя съ нимъ взгляды на вещи, считая своихъ подданныхъ, равныхъ себѣ людей, пушечнымъ мясомъ и такъ далѣе, до безконечности; бросаю эту дорожку и предоставляю прогуляться по ней читателю въ свободное время, онъ придетъ къ удивительнымъ открытіямъ. Теперь скажу нѣсколько словъ о загробной жизни: три четверти монастырскихъ и церковныхъ богатствъ обязаны своимъ происхожденіемъ этой невинной вѣрѣ. Попы и монахи, захвативъ въ свои руки богатую, крупную жертву, тотчасъ же старались забить и обезсмыслить ее страхомъ, они разрисовывали передъ нею (католическіе попы были на это великіе мастера) картины будущихъ мученій, сковороды, щипцы, лохматые черти, неугасимое пламя, вѣчныя, лютыя пытки выдвигались такъ искусно, что замученная до летаргій жертва отдавалась въ полную власть монахамъ съ тѣмъ, чтобы они избавили грѣшную душу отъ злополучной участи, тогда послѣдователи нищаго Спасителя весьма скромно запускали обѣ руки въ карманы и сундуки грѣшника и обчищали ихъ съ неистижимымъ искусствомъ, обѣщая за эти добровольныя пожертвованія вѣчное блаженство въ загробномъ мірѣ и прощеніе всѣхъ грѣховъ; искусные напускатели страха догадались, что въ ихъ рукахъ таятся страшная, злая сила. Католическая Европа до этихъ поръ игрушка въ рукахъ поповъ по милости этой силы; самая безпощадная эксплуатация массъ и отдѣльныхъ единицъ была совершена съ помощью этой силы. Иезуиты, вооружившись этимъ смертоноснымъ оружіемъ, смѣло входили во дворецъ и скоро муха, носящая царскую корону, билась въ густой паутинѣ, окруженная пауками. Съ научной точки зрѣнія вѣра въ загробную жизнь болѣе, чѣмъ нелѣпа, съ нравственной — она крайне безнравственна: тотъ, кто дѣлаетъ добро въ ожиданіи за него награды и не дѣлаетъ зла, боясь жестокихъ и ужасныхъ наказаній, такой человѣкъ, когда исчезнетъ узда, задушитъ и растерзаетъ васъ; такіе люди свободу превращаютъ въ анархію; если бы міръ состоялъ изъ такихъ людей, онъ превратился бы въ зловонную яму, квинтъ-эссенцію всѣхъ гадостей, въ покойницу русскую канцелярію, гдѣ воршики чиновники получали награды за мнимое неворовство. Мизерней тотъ человѣкъ, который даетъ гривенникъ, надѣясь на рубль блаженствовать, это похоже на ханжей-старушенокъ, который, давая грошъ нищему, который его на одну терцію можетъ спасти отъ голодной смерти, рассыропливались, ожидая

въ небывалой жизни получить за это сторицею, это — отдаване денегъ подъ тысячу процентовъ ; такая добродѣтельная старушка — подлая ростовщица. Истинное добро — потребность развитой природы, оно не ждетъ награды и смѣется надъ небесною расправою ; наградой такимъ людямъ служить ощущение, что дѣйствіе ихъ благородно и чисто ; злое они избѣгаютъ, потому что все нелѣпное, варварски злое производитъ на нихъ отталкивающее впечатлѣніе ; правительственныя, нѣжныя попеченія невыносимо стѣсняють подобныхъ личностей ; всякое стѣсненіе свободы дѣйствуетъ на нихъ, какъ недостатокъ воздуха, тяжесть цѣпей, какъ безобразное издѣваніе надъ ними, мѣсто для нихъ — свободное государство, рабское заѣдаетъ ихъ силы на благое и сводитъ ихъ въ раннюю могилу ; никакая грязь не пристаётъ къ нимъ, причиною этого то, что убѣжденія достаются имъ долгою внутреннею борьбою, страшными утратами и дѣлаются ихъ достояніемъ, какъ кровь, обращающаяся въ ихъ жилахъ.

Отсутствіе нелѣпныхъ вѣрованій не отымаетъ, но увеличиваетъ въ насъ хорошее ; современные идеалы невѣрующихъ неизмѣримо шире идеаловъ прошедшихъ ; религія — костыль, нужные изможенному калѣкъ ; сильный, вѣрующій въ себя человекъ съ презрѣніемъ оттолкнетъ ихъ ; вѣрующіе въ божественный приракъ, въ минуты страданій, тяжелыхъ потерь, мучительной безпомощности, обращаются къ своей воздушной опорѣ, ихъ наввно глупенькая молитва, обращенная къ уголку комнаты, вноситъ въ ихъ душу сладкое забытье, вѣру въ скрытую, всюду разсыпанную помощь ; суровые удары и послѣ молитвы обрушившіеся на ихъ головы, они принимаютъ за испытаніе, за забаву надъ ними всеблагаго Бога. Невѣрующій не купитъ, цѣною незнанія, сладенькаго успокоенія, истина дороже ему убаюкивающихъ софизмовъ, его закаленный въ логикѣ умъ отпатывается отъ идолопоклонства, оно ему противно въ маленькихъ и громадныхъ размѣрахъ. Мы знаемъ ту горькую истину, что безумное счастье, великія блага — счастливыя и непреднамѣренныя случайности ; вѣчнымъ, блестящимъ звѣздамъ, повисшему надъ нами бездонному небу все равно, блаженствуемъ ли мы, упоенные счастьемъ, трепещемъ въ восторгѣ или копошимся, расплюснутые въ пыль ; надъ нами нѣтъ пекущагося о нашемъ благѣ Бога. Дорогое, любимое нами существо умираетъ, въ этомъ печальномъ фактѣ мы видимъ одинъ изъ безчисленныхъ законовъ природы ; развѣ виновата струя холоднаго воздуха за то, что вы подставили ей вашу вспотѣвшую грудь ? развѣ вы рѣшились бы проклинать природу за то, что на вашихъ глазахъ хорошенькій, пахучій цвѣтокъ завялъ безъ дождя,

спаленный солнцемъ? это явленія природы, на которыя жаловаться бессмысленно и крайне бесполезно. Природа перестала быть для насъ злою букою съ тѣхъ поръ, какъ мы отняли у нея *aggrèges pensées* и подмѣтили въ ней слѣпую механичность, безстрастность, строгое подчиненіе законамъ; чѣмъ болѣе мы ее узнаемъ, тѣмъ менѣе мы подвергаемъ ей грубымъ патискамъ; сойдясь съ нею глазъ на глазъ, мы перестаемъ ее бояться, мы подчиняемъ ее себѣ; во многихъ случаяхъ она стала нашею покорною рабою: паръ безплодно улетучивался въ небо, сгнетенный въ тѣсную машинну, онъ двигаетъ локомотивъ съ быстротою вѣтра; онъ несетъ пароходъ по волнамъ океана; тамъ гдѣ мы не умѣемъ справиться съ нею, мы весьма скромно сторонимся; если надъ дорогой виситъ, готовая рухнуть глыба, ее нужно обойти; отъ вреднаго для насъ холода мы обороняемъ теплымъ жилищемъ, теплою одеждою; отъ болѣзней гигиеническими мѣра-ми; въ строгомъ и истинномъ пониманіи природы заключаются громадныя преимущества атеистовъ передъ поборниками самодура Бога; вѣрующіе не глядятъ подъ ноги, а черезъ чуръ умпыльно въ небо, слпшкомъ довѣряютъ ему, вслѣдствіе этого они очень часто спотыкаются съ опасностью сломить себѣ шею, нѣтъ сомнѣнія, — во всемъ виновато коварное небо. Нашъ вѣкъ, не смотря на его глубокой скептицизмъ, сталъ строже къ самому себѣ, требованіи увеличилось; какъ можно менѣе эгоизма, какъ можно болѣе для другихъ, стало горячимъ стремленіемъ лучшихъ современныхъ людей. Въ основѣ всѣхъ гуманыхъ ученій нашего вѣка лежитъ та святая мысль, которая составляла сущность ученія Иисуса и за которую онъ такъ мученически погнѣн на крестѣ: не покупать себѣ счастья цѣною чужаго несчастія. Каждый вѣкъ, каждый часъ жизни снимаетъ по чешуйкѣ съ глазъ человѣка, смягчаетъ какой нибудь лучъ его разума, вызываетъ какую нибудь силу изъ его сердца. Въ былое время барыня, засѣкавшая плетью своихъ крестьянъ, и отдававшая дѣтей въ воспитательный домъ, нѣсколькими пожертвованіями на храмъ Божій могла искупить весь страшный грузъ своихъ грѣховъ и погрузиться въ свою добродѣтель, а передъ смертью ожидать, что ангелы ее съ кроватью, матрасомъ и подушками унесутъ на небо. Современный намъ честный человѣкъ, въ свои послѣднія минуты, не приглашаетъ поповъ и не ожидаетъ визитовъ ангеловъ, а твердо умпраетъ, если желаніе жить, общій всѣхъ удѣлъ, не отравляетъ его. Неужели еще нужно доказывать, что религія, исповѣдуемая большинствомъ, не вяжется съ нравственностью, что она болѣе, чѣмъ бесполезна; каждый изъ вѣрующихъ, бла-

гоговѣнно, укладываетъ ее въ тѣ строго ограниченныя рамки, которыя ему необходимы, чтобы религія не беспокоила и не мѣшала ему. Религія массъ никогда еще не помѣшала какъ обществу, такъ и отдѣльному человѣку творить наипразнообразнѣйшія мерзости.

Многіе увѣрены, что народъ сдерживался и сдерживается религіей; пусть императоры, возложивши все надежды на религію, попробуютъ распустить войска и отдать народу на сохраненіе пушки и ружья и мы тотчасъ же увидимъ силу религія и силу той мысли, что самодержавіе съ его пакостнымъ строемъ вытекло свободно изъ жизни народа; нѣтъ сомнѣнія, что государственные люди на столько практичны, что знаютъ цѣну себѣ и настоящую цѣну религіи! они могутъ произносить совершенно безобоязненно до поры и времени патетическія фразы, охраняемые пушками и солдатами! Развѣ удержала религія французскій народъ отъ революціи 89 года, сентябрьскихъ убійствъ, ужасовъ мести, отъ гильотины, обезглавившей тысячи аристократовъ? развѣ религія остановила ужасы крестьянскихъ войнъ? удержала ли она религіозный русскій народъ отъ необузданной рѣзни Разина и отъ кроваваго возстанія Пугачева? Отъ народовъ перейдемъ къ отдѣльнымъ единицамъ, приведемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ безконечнаго множества историческихъ примѣровъ: римскіе папы служили по шести разъ въ день обѣдни, и въ то же время, съ умиленнымъ и переполненнымъ религіознымъ восторгомъ сердцемъ, подписывали тысячи смертныхъ приговоровъ протестантамъ, поджигали монарховъ къ фанатическимъ изувѣрствамъ, а сами отличались самымъ гнуснѣйшимъ развратомъ, звѣрствомъ и дикимъ невѣжествомъ. Инквизиція держала въ одной рукѣ распятіе, а въ другой лютяя орудія ужасныхъ, фантастическихъ пытокъ; проповѣдывала смиреніе, любовь, терпимость, гремѣла текстами святыхъ апостоловъ и сжигала на медленномъ огнѣ тысячи невинныхъ жертвъ. Филиппъ II былъ глубоко религіозный человѣкъ, но это не помѣшало ему быть кровавымъ и отвратительнымъ палачемъ; митрополиты и архіереи, поклонники Исуса, который въѣхалъ торжественно въ Иерусалимъ на ослицѣ, обжираются лукуловскими обѣдами, ѣздятъ шестерикомъ въ каретахъ съ двумя лакеями на запяткахъ и получаютъ огромныя содержанія, выкраденныя у голоднаго народа. Митрополитъ Филаретъ былъ пропитанъ до мозга костей теологическою мудростью и въ то же время онъ отслужилъ молебень послѣ казни Декабристовъ и всю жизнь одобрялъ рабство, защищалъ текстами святыхъ апостоловъ плети и палки. Іоаннъ Грозный четвертовалъ и запытывалъ

тысячи жертвъ и въ то же время по ночамъ служилъ обѣд-ни и жарко, усердно стучалъ головою о церковныя плиты. Николай Павловичъ заporолъ въ кровь повально большую часть Россіи, задушилъ на десятки лѣтъ прогрессъ государства, повѣсилъ декабристовъ и всю жизнь занимался ссыла-ніемъ лучшихъ людей Россіи въ Сибирь, и въ то же время, онъ былъ релігіозный человѣкъ. Русское кучество обмѣриваетъ, обесчипваетъ, сосетъ кровь изъ бѣднаго рабочаго и бѣднаго крестьянина и тѣ же безсердечныя твари, обирая, молятся съ неимовѣрнымъ усердіемъ, обставляютъ и обвѣщиваютъ себя полноувѣнными образами, посылаютъ накраденныя тысячи на Аѳонскіе монастыри, лѣвою рукою суютъ фальшивую ассигнацію крестьянину за возъ хлѣба, добытаго ужаснымъ трудомъ, а правую широко крестьянъ. Развѣ кто нбудетъ изъ этого отребья сдѣлался лучше оттого, что исповѣдуетъ христіанскую релігію? релігія необыкновенно эластична и чрезвычайно способна принимать тысячи разнообразныхъ формъ, она никому и ничему не мѣшаетъ, всякій съ нею идетъ на сдѣлки и крутитъ ее по своему. Неужели поклоненіе идоламъ, дежуренъе по церквамъ, мерзкія продѣлки поповъ, морочущихъ невѣжественныя массы, могутъ быть названы релігіей? если я публично смѣюсь надъ глупыми и дикими обрядами, поклоненіемъ мнимымъ и переходящимъ святостямъ, неужели это можетъ даже въ царствѣ кретиновъ считаться предосудительнымъ? Но совсѣмъ другое дѣло, если я, закутываясь софизмами, буду доказывать, что слѣдуетъ обирать слабаго и беззащитнаго, что государь отецъ, а во-семьдесятъ милліоновъ людей его паріи, земное назначеніе которыхъ восторженно жертвовать личною свободою, счастіемъ и имуществомъ для его необузданныхъ, грубыхъ прихотей; говорить, что одинъ крошечный человѣкъ, окруженный кучкою паразитовъ, можетъ управлять судьбами восьмидесяти милліоновъ людей; буду открыто признавать эгоистическія, лживыя, грязненскія мысли царя пигмеемъ за непреложныя истины; проповѣдывать, что передъ такимъ пугаломъ слѣдуетъ склоняться въ страхъ съ трясущимися поджилками, то я буду злой преступникъ, который подрывается подъ здравый смыслъ народа и топчетъ человѣчныя принципы любви и равенства. Если я буду говорить, что законъ долженъ карать преступнаго, что въ то время, когда бѣдность печальная, безиріютная копошится въ невѣжествѣ и горѣ, слѣдуетъ воздвигать колоссальныя храмы въ десятки милліоновъ тому, кто презиралъ и ненавидѣлъ богатство и умеръ на крестѣ за свободу и бѣдныхъ, то проповѣдуя такія свирѣпыя мысли, я буду въ разрѣзъ идти съ гуманностью, буду кощунствовать

надъ евангеліемъ и въ грязь топтать проникнутые любовью принципы нашего времени.

ГЛАВА V

„Мысль, мысль, какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе
Грозный небесныхъ бурь несешь ты разрушеніе
Неумолима какъ сама судьба.“

Въ концѣ концовъ поддающаяся на опыты и наблюденія, во многихъ случаяхъ подчиненная намъ природа, вовсе не слаба, а гигантски могущественна, зависимость наша отъ нея огромная; мы ее разлагаемъ, изучаемъ, подчиняемъ себѣ, создаемъ искусственныя преграды въ борьбѣ съ нею, но въ свою очередь никакія наши усилія не помогутъ и мы подчинимся ей.

Природа—бездбрежное, волнующееся море, мы же люди и наши мудренныя государства — волны; оно неустанно въ далекую, таинственную даль укатываетъ свои шумныя волны, но завянуть вѣтры, затихнетъ море и волны исчезнутъ. Настоящее, относительное постоянство формъ есть слѣдствіе физическаго приблизительнаго равновѣсія; постоянство формъ только и мыслимо пока мы его измѣряемъ нашею крошечною историческою жизнею и крошечнымъ уголкомъ, въ которомъ мы живемъ; постоянство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится ежегодный запасъ свѣта, средняя температура, составъ воздуха, расположеніе водъ, океаническія и атмосферическія теченія и еще сотни другихъ подобныхъ явленій. „Шаръ останется неподвижнымъ на горизонтальномъ столѣ, но если немного наклонить столъ, онъ скатится; что бы мы сказали о томъ, кто, рассматривая шаръ въ неподвижномъ состояніи, сталъ бы утверждать, что онъ и не можетъ двигаться?“ Колоссальная физическая природа медленно, безостановочно измѣняясь, измѣняетъ животный міръ и человѣческій муравейникъ, слабый, чтобы бороться съ нею, онъ принимаетъ тѣ формы, которыя возможны въ данный мигъ.

Все существующее—форма; далекое прошлое даетъ намъ печальный урокъ, кипучая жизнь, полная сказочныхъ чудовищъ и колоссальной растительности, медленно отложила въ слои; очень далекое будущее грозитъ медленною смертью цѣлому живущему и прозябающему міру. Нашъ міръ не погибнетъ такъ грандіозно, какъ предсказываетъ апокалипсисъ;

равновѣсіе небесное не нарушится отъ гибели нашей планеты—пылинки въ мірозданіи. Наступитъ то роковое время, когда весь растительный и животный міръ отложится въ слои, чтобы уже никогда не возникнуть къ жизни. Солнце—нашъ всемогущій Богъ, медленное охлажденіе его массы заморозитъ нашу крошечную планетку; сухой холодъ, несущій смерть и мракъ, будетъ тихо, но неотразимо, сползать отъ ледяныхъ полюсовъ къ роскошному югу; залитыя солнцемъ, пестрѣющія благоуханными цвѣтами и дивною растительностью, тропическія страны зачохнутъ и застынутъ, охваченныя вѣчною, холодною ночью; горячія воздушныя экваторіальныя теченія все съ меньшей и меньшей энергіей будутъ, разливая и уравнивая тепло, нестись къ полюсамъ, холодныя же теченія все стремительнѣй будутъ притекать къ югу. Теплый гольфстримъ, разливающий теплоту и жизнь по холоднымъ материкамъ и островамъ все болѣе и болѣе будетъ укорачивать свое теченіе, а холодныя массы воды все бурнѣе будутъ течь къ югу... и нашъ многолюдный, могучій міръ превратится въ мертвую, ни къ чему не годную ледяную глыбу, которая будетъ слѣпо и вѣчно носиться „безъ цѣли и безъ лучей въ пространствѣ вѣчномъ.“ Титанической, гордый родъ людской, съ его чудною всепроникающею дѣятельностью, съ его телескопами, микроскопами, телеграфами, прорѣзающими тучи локомотивами и другими его величайшими душевными атрибутами, исчезнетъ, какъ затухшій огонь, —капля, попавшая въ огромный океанъ,—розовое, утреннее облачко, расплывающееся въ небѣ. Безжалостная природа распорядится съ нами такъ же безцеремонно, какъ съ трупомъ микроскопической блохи; благопріятны для насъ окружающія условія, мы существуемъ; физическія силы даютъ намъ жизнь и тѣ же грубыя, физическія силы безощадно уничтожатъ насъ; природѣ все равно, появятся ли послѣ насъ геніи люди или морскія раковины.

Можетъ быть, нѣкоторые замѣтятъ, что этими мыслями я отнимаю у міра его дивную волшебность и красоту, да, я отнимаю волшебность, но не отнимаю красоты; если картина хороша, то не все ли равно для меня—Богъ ли управляетъ движеніями всего, или природа управляется собственными законами. Передъ моими окнами, когда я пишу эти строки, надъ моремъ тихо всплываетъ луна, бросая длинную, яркую, красновато-золотую полосу, она искрится мплліонами чудныхъ огней; кругомъ темно-синее море, оно усиливаетъ свѣтъ и придаетъ ему еще болѣе красоты и яркости, прозрачный воздухъ черенъ отъ густой своей синевы; вдали показывается пароходъ, вы видите, какъ онъ подползаетъ,

шумя колесами, дымъ, черною волною, движется за нимъ; на немъ мелькають разноцвѣтные огоньки, онъ подвигается все ближе и прорѣзаетъ полосу луны; маячи свѣтятся, дымъ серебрянный клубится надъ нимъ; его могучій корпусъ бросилъ рѣзкую, черную тѣнь на воду, секунда... и все исчезло, какъ фато-моргано; вдали судна, распустивши бѣлые, большіе паруса, кажутся, при блескѣ луны, гигантскими птицами, распахнувшими свои бѣлыя крылья и готовыми улетѣть; волны, чуть слышно, нѣжно быются о песчаные берега; тихо шумятъ мелкіе, морскіе камушки, увлекаемые волнами; нашептываютъ милыя сказки говорливыя волны, поютъ, погружающую въ грезы, колыбельную пѣсню; весенніе цвѣты пахнутъ раздражительно сладко; буду ли я чувствовать уменьшеніе наслажденія въ томъ, что восходъ луны, мелодичный шумъ волкъ, дивный запахъ цвѣтовъ—дѣйствія безсмысленны, неповинны въ своей красотѣ, что природа тутъ дѣйствуетъ механически, на волосъ не думая доставлять мнѣ удовольствія, или угождать мнѣ особеннымъ раздраженіемъ моихъ нервъ? Нѣтъ, знаніе всего этого не уменьшаетъ моей впечатлительности къ хорошему; невѣжа, вѣрующій, въ простотѣ душевной, въ предвѣренность всего, что свершается въ природѣ, не будетъ вовсе наслаждаться всѣмъ этимъ, если его мозгъ и нервы невоспримчивы. Ясно, что никакое изученіе природы не подрываетъ ея красоты и дѣйствія на нервы. Знаніе усиливаетъ наслажденіе; несчастный человѣкъ, холодно смотрящій на все прекрасное, ледянщій своимъ лягушечьимъ прикосновеніемъ всѣ молодые порывы, онъ напоминаетъ слова Гейне, объ одномъ изъ нихъ: „онъ вывѣтрплъ изъ своей жизни солнце, всѣ цвѣты и осталась ему въ жизни одна положительная могила,“ въ ней онъ буквально становится положительнымъ.

Египеть — Александрія. 1869 г.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ

на выдуманную жизнь Іисуса, написанную Ренаномъ

(Сочиненіе аббата Гете)

„Передъ истиной нагой исчезъ и призракъ Бога.“

(Монологи Огарева)

„Только сердцемъ можно видѣть небо; если же вы хотите заставить меня вѣрить въ него, какъ заставляете вѣрить въ существованіе антиподовъ т. е. съ помощью разсказовъ и географическихъ вѣроятностей, то я вовсе не повѣрю ему...“

(Исторія англійской литературы Тена)

Аббатъ Гете, буруемаемый религіозными чувствами, сострипалъ книженку, озаглавленную чрезвычайно комично: „Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, Ренана“ съ желаніемъ въ пухъ и прахъ уничтожить Ренана, автора сей безбожной книги (какъ выражается переводчикъ), въ своемъ болѣе чѣмъ наивномъ предисловіи, онъ объясняетъ свой переводъ книги Гете тѣмъ, что будто бы Ренанъ чрезвычайно увлекателенъ (другими словами очень логиченъ) и легко можетъ увлечь молодежь и неспеціалистовъ закона Божьяго на свою сторону; что онъ съ своимъ переводомъ является какъ противовѣсъ вліянію Ренана. Сердобольный переводчикъ трогательно печется о сохраненіи религіозныхъ вѣрованій; онъ боится матеріалистовъ и нигилистовъ, которыхъ черезъ чуръ много расплодилось въ наше скептическое, проникнутое трезвою логикою, время. Книга почтеннаго аббата Гете—жалкое, бесплодное усиліе удержать, ослабѣвшими, безсильными, дѣтскими рученками, съ каждымъ часомъ, все болѣе и болѣе надвигающіяся, страшныя тяжести; это — послѣдній *tour de force* слабенькаго мозжечка, занавоженнаго нелѣпостью и нелогичностью.

Перешедшій въ православіе Гете и состоящій въ настоящее время попомъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, именуемый отцемъ Владиміромъ, задумалъ трудное и чрезвычайно несоотвѣтствующее своимъ силамъ дѣло; его крохотные софизмики, его дикія, поповскія воззрѣнія популяризируютъ Ренана, изъ области свѣтской онъ проникнетъ въ монастыри; своими опроверженіями онъ ярко освѣщаетъ ту тьму крошечную вѣрованій, которыхъ придерживаются разжирѣшіе отъ ничего недѣланія попы и безголовая, невѣжественная масса.

Постараемся сдѣлать легкой обзоръ потовому труду отца Владиміра: сочиненіе предназначено для публики, не знаю провія ли это, или крайне наивное пониманіе публики? Все сочиненіе написано тяжелымъ, сухимъ, топорнымъ языкомъ; скучно оно до фантастическихъ размѣровъ; когда читаешь его, въ памяти подымаются отвратительныя воспоминанія; съ отчетливою ясностью вспоминаешь тупаго попа, отиѣчающаго ногтемъ страницы изъ катихизиса, насколько эти воспоминанія радужны, можетъ заявить всякій, имѣвшій удовольствіе обучаться въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Попъ Владиміръ съ его пресловутыми опроверженіями дѣйствовалъ бы энергически на страдающихъ упорной бессонницей, если бы рядомъ съ убаюкивающими свойствами не имѣлъ еще такихъ, которыя возбуждаютъ отдѣленіе желчи; слабыя очи отца Владиміра не выносятъ свѣта истины, выплывшей изъ темнаго прошедшаго; онъ потухающими очами глядитъ назадъ, а не впередъ; сочиненіе бывшаго аббата проникнуто не безпристрастнымъ спокойствіемъ, обѣщаннымъ въ предисловіи, а скорѣе забавнымъ бѣшенствомъ. Попъ Владиміръ съ остервенѣніемъ грызетъ панталоны на икрахъ Ренана, онъ прыгаетъ отъ софизма къ софизмику, прыгаетъ до крайняго истощенія умственныхъ силъ и для того, чтобы ничего не доказать, а невиннымъ образомъ подкрѣпить его сужденія; съ ужасающимъ педантизмомъ, онъ перелистываетъ священные побасенки, старается, въ отжившихъ недѣлѣностяхъ, найти таинственный, высокій смыслъ; въ разложившуюся дохлятипу, онъ вдуваетъ, своимъ чахоточнымъ дыханіемъ, жизнь; какъ утопающій тщетно хватается за всякую соломенку; по минутно упрекаетъ Ренана въ недостатокъ учености, его же собственная — ограничивается знаніемъ католическаго катихизиса и философій семинаріи; раздергивая сочиненіе Ренана по клочкамъ, онъ самъ обрывками текстовъ старается доказать свои положенія.

Постараюсь озаглавить все то, что старается доказать doctor angelicus, служащій при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ:

- 1) Иисусъ родился отъ дѣвы Маріи, которая своеобразно зачала его отъ духа святаго ;
- 2) Иисусъ творилъ чудеса ;
- 3) Улетучился послѣ смерти въ безграничное пространство.
- 4) Иисусъ — богочеловѣкъ, видно это ясно изъ того, что Богъ, папаша Иисуса, прокопавши пальцемъ дырку въ небѣ, крикнулъ оттуда всѣмъ людямъ внизъ : „Ты есть сынъ мой возлюбленный, о тебѣ благоволихъ.“
- 5) Рай и адъ существуютъ.

Всѣ приведенные мною пять пунктовъ до того милы и остроумны, что многіе будутъ смотрѣть на нихъ, какъ на желаніе издѣваться надъ книгою отца Владиміра ; но съ грустью сознаю, что тѣни вымысла нѣтъ въ выше приведенныхъ строкахъ, онѣ страшно сжаты, въ сочиненіи же попа Владиміра удивительно разжижены.

Постараюсь подробнѣе распространиться о доказательствахъ, приводимыхъ въ пользу каждаго изъ этихъ пунктовъ ; въ пользу перваго попъ посольства приводитъ слѣдующее : „Пусть же (пишетъ онъ) намъ докажутъ, что Богъ, сотворившій міры, вложившій въ человѣка способность воспроизведенія, не можетъ создать человѣческое тѣло въ утробѣ дѣвы.“ Пребѣдовый чудакъ Богъ отца Владиміра, если онъ выкинулъ такой фокусъ - покусъ ! но сотворивши въ горячахъ такую эксцентрическую глупость, онъ раскаялся въ ней, это видно изъ того, что послѣ этого онъ не повторялъ такой забавной продѣлки ; грустно только то, что Богъ не оказалъ ровно никакой услуги Маріи такимъ оригинальнымъ зачатіемъ ; роды ея были бы гораздо легче, если бы она зачала по всѣмъ правиламъ естественнаго зачатія. Теперь мы полюбопытствуемъ узнать у бывшаго аббатика, на какихъ трезвыхъ данныхъ онъ основываетъ свое баснословное положеніе, неужели онъ, не шутя, не издѣваясь надъ собою, можетъ стараться доказать это ? если онъ умудрится доказать это ясно, мы увѣруемъ, что не Иисусъ — богочеловѣкъ, а онъ самъ.

Второе : „Иисусъ творилъ чудеса,“ воскресилъ протухшаго Лазаря ; отъ его слова мертвые воскрешаются, слѣпые прозрѣваютъ, глухонѣмые отъ рожденія слышать и говорить ; больные и увѣчные исцѣляются ; даже изъ одержимыхъ злымъ духомъ, съ трескомъ и шумомъ, какъ ракеты, вылетаютъ шаловливые бѣсенята. Трудно повѣрить, что отецъ Владиміръ — противникъ Ренана ! теперь и дѣтей не проведешь такими незамысловатыми сказочками ! Плохую услугу оказалъ отецъ Владиміръ Иисусу : изъ его поповскихъ лапъ онъ вы-

пелъ низкимъ шарлатаномъ; всякій повѣрившій этому, долженъ глубоко разочароваться въ Спасителя; трудно предположить, что такой гнусный обманщикъ, фокусникъ, умеръ, истерзанный мученіями, на крестѣ, за великіе принципы! Но все перемалывающее время очистило его личность отъ грязныхъ наслоеній, наложенныхъ усердіемъ вѣрующихъ въ него мистиковъ.

Единственную вещь умѣлъ исцѣлять Спаситель, это: нравственный, мучительный разладъ; его ясное, теплое, правдивое слово многихъ заставляло призадумываться надъ собою; онъ, иногда, умѣлъ давать благодѣтельный толчекъ, выходъ изъ мучительной борьбы съ собою. Пусть отвѣтитъ поэтъ Владиміръ, гдѣ не свершались чудеса? Онѣ свершались для желающихъ ихъ видѣть всюду и всегда, всѣ пророки и великіе преобразователи носятъ ихъ съ собою цѣлыми кучами, это—ихъ позорная свита; начиная съ Буды и кончая Магометомъ, и даже теперь, совѣстно сказать, полиція позволяетъ тухлымъ кукламъ творить доморощенные чудеса. Всякая религія обременена и загрязнена ими, но здравый смыслъ, давно, покончилъ съ выкидышами невѣжества; это—языческіе фокусы, о которыхъ долженъ былъ бы посовѣститься говорить чело­вѣкъ, получившій воспитаніе въ XIX вѣкѣ.

Все противное неизмѣннымъ законамъ природы признано чепухою, могущею тѣшить только погрязшую въ предразсудкахъ массу; неужели нужно серьезно доказывать, что чудо диаметрально противоположно логикѣ, что колоссальная природа, движимая законами, не умѣетъ забавляться игрушками? Неужели отецъ Владиміръ настолько лишенъ намека на здравый смыслъ и самостоятельные выводы, что потому только, что эти жалкія бредни рассказаны Евангелистами, онъ поддерживаетъ ихъ, онѣ служатъ ему незыблемымъ авторитетомъ? эти пошлости простительны апостоламъ: Лукѣ, Матеею, Иоанну, жившимъ 1800 лѣтъ назадъ, а не попу Владиміру, священнику при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ. Потомъ онъ слезно упрекаетъ Ренана за то, что тотъ осмѣлился (дерзновенный вольнодумецъ!) не довѣрять Иоанну святому; переходя подъ конецъ въ болѣе ярый тонъ, онъ заявляетъ о Ренанѣ, что тотъ дошелъ до того,—

„Что сталъ заподозрѣвать добросовѣстность повѣствователя; правда, Г. Ренанъ, вѣрный своему обычаю, не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе столь оскорбительнаго обвиненія, брошеннаго въ лицо писателя, который возлежалъ на персяхъ Иисусовыхъ. Такъ и хочется при видѣ такого неосновательнаго оскорбленія потребовать за него строгаго отчета отъ Г. Ренана!“

Та! та! фа! фа!.. по самой малой мѣрѣ Г. Ренана слѣ-

дуетъ подвергнуть блаженной памяти пыткамъ тайной инквизиціи; какъ онъ осмѣлился, богохульникъ, усомниться въ Іоаннѣ, возлежавшемъ на персахъ Іисусовыхъ!!.. послѣ персей Іисусовыхъ нѣтъ прощенія! пусть вѣчно проклятіе падетъ на голову персіоступника Ренана! Но во всякомъ случаѣ, откровенно говоря, Іоанну удобнѣе и мягче было бы имѣть подъ головой подушку, чѣмъ твердыя перси Іисусовы...

Третье: „Іисусъ улетучился послѣ смерти,“ это такъ любопытно, что по неволѣ спросишь: куда прилетѣлъ улетѣвшій Спаситель? въ какомъ мѣстѣ резиденція Бога? и какимъ образомъ узнать, летѣлъ онъ туда съ остановкою или безъ остановки? останавливался ли онъ на лунѣ, Венерѣ и другихъ планетахъ? записалъ ли онъ названія лучшихъ отелей? отдыхалъ ли онъ на солнцѣ? а если отдыхалъ, то не измѣрилъ ли онъ для любопытства температуру этого свѣтила? Не знаю, кто дальше залетѣлъ: Іисусъ, воскресшій послѣ смерти или попъ Владиміръ, старающійся доказать это? Я посовѣтовалъ бы отцу Владиміру пройти краткій курсъ физики и краткія начала астрономіи; если бы онъ узналъ ихъ въ объемѣ средняго училища, онъ съ ужасомъ взглянулъ бы на свои строки, онъ удавился бы отъ собственного безсмыслія; но къ сожалѣнію отецъ Владиміръ устарѣлъ для физики; кабалистическія ученія святыхъ отцовъ такъ разжижили его мозгъ, что его не сгустятъ никакія естественныя науки.

Четвертое: „Іисусъ богочеловѣкъ“, т. е. божественный гермофродитъ; если это такъ, то и я—богочеловѣкъ, Ренанъ—богочеловѣкъ, пусть попъ Владиміръ докажетъ противное; а кстати пусть побезпокоится разложить это сложное, химическое пятно на его составныя части; пусть ясно, не меля очаровательной ерунды, объяснитъ, что значить это мудреное слово, эта гениальная бессмыслица! но совѣтую попу Владиміру не углубляться въ этотъ страшный лабиринтъ, онъ точно такъ же заблудится и никакая Аріадна не выведетъ его изъ бѣды.

Пятое: „Адъ и рай существуютъ.“ Вѣра въ нихъ такъ гнусна и нелѣпа, что, опровергалъ, трудно не впасть въ насмѣшливо злой тонъ; отцы церкви, вѣря въ это, презабавно противорѣчатъ себѣ, ихъ идеальнѣйшій Богъ превращается въ жесточайшаго, безжалостнаго тирана. Неронъ и Геліогобаль являются нѣжными архангелами въ сравненіи съ нимъ: Неронъ и Геліогобаль, преслѣдуя лютыми казнями и пытками христіанъ, отличались сравнительно съ правосуднымъ и благимъ Богомъ святою мягкостью; за грѣшную жизнь, продолжающуюся нѣсколько десятковъ лѣтъ, попы сулятъ муки

вѣчныя ; великій творецъ ! какъ велика твоя благодѣтельность, велико твое правосудіе, велико твое всепрощеніе !.. Многіе могутъ сказать, что такія варварскія воззрѣнія отошли въ ничѣмъ небрезгающую и все проглатывающую вѣчность, что вѣра въ загробную жизнь уничтожилась съ расширеніемъ естественнаго знанія, что даже попы, говоря о мукахъ вѣчныхъ, вовсе не подразумѣваютъ подъ этимъ тѣ уродливыя воззрѣнія, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается грубое, кровожадное человѣчество, съ огнемъ, мѣчемъ и пытками ; что сковороды, щипцы, крючки, косматые черти отошли въ область гадкихъ, зловѣщихъ сказокъ ; что обыкновенно подразумѣваютъ нравственныя мученія, но не все ли это равно : чѣмъ онѣ понятнѣе и легче физическихъ ? но что бы ни доказывалъ попъ Владиміръ, физическія ли пытки, нравственныя, въ обоихъ случаяхъ трудно удержаться отъ глубочайшаго удивленія. Скучно тратить слова на увѣренія отца Владиміра, что послѣ смерти все живущее дѣлается снова достоинствомъ природы для новыхъ формъ жизни, которыми она замѣняетъ старыя ; что все живущее — физическій матеріалъ, вѣчно перерабатываемый въ лабораторіи природы. Попъ Владиміръ унавозитъ своею особою крохотное мѣстечко на кладбищѣ посольства ; какія метаморфозы потерпитъ онъ, рѣшить трудно ; проявится ли онъ въ формѣ никому ненужнаго бурьяна, или же душистыхъ розъ, въ крылѣ бабочки, панцырѣ землянаго жука, въ глазахъ крота, или, видоизмѣняясь милліоны разъ, онъ будетъ обращаться въ кровеносныхъ сосудахъ отъявленнаго атеиста...

Но прежде, чѣмъ обречь человѣчество на вѣчныя пытки, попу Владиміру нужно было бы пояснѣе объяснить, что такое грѣхъ и на сколько человѣкъ, всасывающій физиологически наклонности отъ родителей, живущій въ массѣ грѣшнаго, испорченнаго до мозга костей человѣчества, виновенъ въ своихъ грѣхахъ ? неужели нужно доказывать, что идея загробной жизни страшно безнравственна, что добродѣтель изъ-за конфетки и изъ боязни розогъ — мизерна, до поразительныхъ размѣровъ ? что чистая гуманность давно отрѣшилась отъ изувѣрской вѣры въ награды и наказанія ? Пусть отецъ Владиміръ побезпокоится отмежевать въ атмосферѣ угодь для посмертнаго, нравственнаго страданія ; пусть укажетъ, подъ какою небесною долгою и широтою будетъ находиться это курьезное мѣстечко ; пусть докажетъ возможность нравственнаго страданія безъ физическихъ органовъ ; приведетъ примѣры чувствительности безъ нервовъ, — зрѣнія безъ глаза, мысли безъ мозга ; словомъ, докажетъ существованіе мучающагося и мыслящаго ничто !..

Когда я пишу эти строки, я взглядываю на небо, усыпанное яркими звѣздами, блестящія искорки дерзко блещутъ въ прозрачной синевѣ глубокаго неба; глядя на нихъ, мнѣ становится и смѣшно, и грустно; безконечное количество исполинскихъ тѣлъ летаетъ въ необъятномъ небѣ, среди нихъ крохотный атомикъ, математическая точка — земля свершаетъ свой опредѣленный законами путь; на этой крохотной, смѣшной планеткѣ живетъ людское племя, неизмѣримо крохотнѣе и забавнѣе самой планеты; но микроскопическіе гномы заносчивы до безпредѣльныхъ размѣровъ, они придумали себѣ колоссальнаго Бога, назвали его творцемъ безконечнаго неба, съ его безчисленными гигантскими мірами, и такого безграничнаго Бога они, не долго думая, упрятали въ свою крохотную скорлупку; навязали ему роль временщика надменнаго и безцеремонно заставили его вмѣшаться во всѣ дрязги и мелочи жизни; сами не сознавая, они размѣняли великій образъ на мѣдные гроши, и въ довершеніе всѣхъ издѣваній надъ нимъ заставили его оплодотворить невинную дѣвственность, чтобы родить въ придачу къ себѣ сына, а къ нему — святаго духа; если каждая планетка предъявить такія же ярые требованія, — боговъ, сыновей, святыхъ духовъ будетъ столько же, сколько и звѣздъ, кружащихся въ небѣ!... И такіе витіи берутся устоять противъ неустойчиво бурнаго потока новыхъ понятій, все большихъ и большихъ успѣховъ естественныхъ наукъ! Жалкіе кроты, если свѣтъ недоступенъ вамъ, то нечего вытѣзывать изъ своихъ темныхъ щелей, надѣясь, что вы его увидите! Отецъ Владиміръ, сосредоточиваясь на темной сторонѣ религіи, упустилъ ея свѣтлую, — гоняясь за тѣнью, онъ потерялъ самый предметъ, отбрасывающій тѣнь; онъ нагло, рѣзко выказалъ всѣ большія мѣста религіи и не сумѣлъ выставить величаво-прекрасныхъ евангельскихъ истинъ; онъ защищается истрепанною фразишкою, что великіе умы и милліоны вѣрили; но чему только не вѣрили эти удивительные милліоны? — въ Брамю, Вишну, Шиву, Кали, Изиду, быка Аписа, Юпитера громовержца, Паладу Аѳину, Афродиту, въ непогрѣшимость папы, въ божественность абсолютнаго монарха, тайную инквизицію, чорта, чортиковъ, вѣдьмъ, — путается умъ въ вычисленіи предметовъ всеобщаго поклоненія, но:

„Свергнуты всѣ боти, всѣ его богини
Марсы, Аполлоны, сбиты съ колесницы,
Рухнули подмостки жалкой небылицы,
И сквозь ихъ лохмотья мысль людей прозрѣла
Бездну безъ границы, бездуу безъ предѣла,
Вѣчное пространство съ тьмою неизмѣнной —
Океанъ бездонный, темный гробъ вселенной!“

Что же касается до великихъ умовъ, вѣрующихъ въ это, и на которыхъ указываетъ попъ Владиміръ, по моему то не были великіе умы, то были великіе попы! Великіе умы прощали чепуху Евангелію за его чистые, глубоко человѣчныя принципы, они дороги всѣмъ, но они выработаны не однимъ Іисусомъ, а цѣлымъ человѣчествомъ, въ тысячи вѣковъ; Іисусъ былъ проповѣдникомъ мыслей, бродившихъ въ мвлліонахъ головъ. Но пусть не забудетъ отецъ Владиміръ, что рядомъ съ великими попами, вѣрующими въ призраки, всегда и всюду были люди, старавшіеся энергическимъ, живымъ, огненнымъ словомъ поколебать вѣру въ призраки, что борьба свѣта съ тьмою началась съ перваго сознавшаго себя общества, а кончится она тогда, когда свѣтъ на всегда поглотитъ тьму, что далеко, страшно далеко и во что отказывается вѣрить умъ...

Крымъ. Алука. 1870 г.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА

„Нѣтъ, нѣтъ то не тучи!
То сами они, то могучіе Боги Эллады,
Объять изумленіемъ чуднымъ, смотрю и
На этотъ воздушный, большой пантеонъ,
На этихъ боговъ исполнновъ,
Безмолвно и страшно свершающихъ по небу путь.

.....
Когда я гляжу въ вышину на васъ, позабытые Боги,
Васъ мертвыя, ночью бродящія тѣни,
Непрочныя словно туманъ, разгоняемый вѣтромъ,
И только я вспомню, какъ пусты и какъ малодушны
Тѣ идолы — Боги, что васъ побѣдили —
Несносные, властные, новые боги,
Подъ маской смиренія, носящіе гнусную злобу,
О, въ эти минуты исполненъ я мрачнаго гнѣва,
Готовъ бы разрушить всѣ капища новыхъ Боговъ
И броситься въ битву за васъ, побѣжденные Боги!“

(*Боги Греции*. Стихотвореніе Генриха Гейне)

Я зашелъ въ театръ; онъ былъ пустъ, въ особенности мало было женщинъ, впрочемъ это было для меня немного понятно — давали прекрасную Елену; чопорно-застѣнчивый женскій полъ боится раздражающихъ сценъ прекрасной Елены; ихъ высокая нравственность тотчасъ же свертывается отъ прикосновенія... Женщины, наполнившія, кой гдѣ, ложи, отличались адскимъ уродствомъ и даже жаждущимъ прикосновенія видомъ.

Занавѣсъ взвилась; толпа угомонилась... Дѣвушки, въ вѣнкахъ, поютъ веселую, любовную пѣсню; огонь тускло горитъ въ жертвенныхъ чашахъ; послѣ пѣсни, онѣ приносятъ жертвы, и исчезаютъ... Двери храма открываются; въ красномъ плацѣ, зеленомъ вѣнкѣ, медленно и торжественно вы-

плываетъ жрецъ, комически забавное, шутовское просвѣчиваетъ въ малѣйшей морщинкѣ его лица; провожающему его, закутанному въ бѣлое, прислужнику, онъ, пришамкаявая, говоритъ: „Цвѣты, цвѣты, очень много цвѣтовъ,“ приостановившись, онъ, съ грустью, добавляетъ: „Черезъ чуръ много цвѣтовъ, фонды Юпитера падаютъ, что ни день все болѣе и болѣе, какъ простыя, бумажныя акціи.“—Кузнецъ вноситъ на сцену желѣзный листъ — то страшный громъ старика Юпитера; кузнецъ трясетъ листъ; роковые раскаты оглушаютъ жреца, онъ умоляетъ остановиться и не злоупотреблять сильными ощущеніями...

Является прекрасная Елена съ разрѣзною туникою, при каждомъ ея поворотѣ, таинственно, виднѣются стройныя ноги; старички-саладоны пустили слюни и, отвратительно вздрагивая, оставили бинокли на появляющіяся и исчезающія, бѣлыя ноги... Рыжая Елена—чувственная красавица; ея разогрѣтому, южнымъ солнцемъ, воображенію снятся мужественныя, прекрасныя формы мужчины; обольстительная супруга Менелая заманчиво сладострастна; отъ нея вѣетъ зноеть, нѣгою; она жадно помышляетъ о запретной яблочкѣ; пастушекъ Парисъ раздражаетъ въ ней чувственные нервы. Весь первый актъ обвѣянъ розовою дымкою, обоняешь запахъ розъ и мицдалныхъ деревьевъ; невольно переносишься воображеніемъ въ апельсинныя и лимонныя рощи, въ тѣнистыя, обсыпанные гирляндами пахучихъ розъ, роскошныя сады, въ комнаты, наполненныя курящимися, прянными ароматами, пылающими свѣтильниками; въ серебрянномъ дыму благовоній сверкають сладострастныя ложи; всюду блещутъ черныя огни глазъ нѣжныхъ красавицъ, съ чуть прикрытымъ тѣломъ, съ призывною нѣгою въ лѣнивыхъ движеніяхъ; языческая, поющая, черезъ чуръ ликующая, до истомы пьющая чашу наслажденій жизнь, съ ясными, синими небесами, съ запахомъ дивныхъ цвѣтовъ, съ шумомъ и звономъ бьющихся фонтановъ, невольно возникаетъ въ воображеніи; прошлая жизнь, облитая сатирюю, осыпанная ѣдкими эпиграммами, мирно и весело проходитъ передъ вами. Раздѣтая до нага, религія, полная неисчерпаемаго шарлатанства, не бѣситъ васъ, она освѣщена и согрѣта смѣхомъ; закулисныя пашни, дешевыя пружинки, замысловатыя уловки плутоватыхъ и вороватыхъ жрецовъ Юпитера, Венеры, Пріапа, выведены на чистую воду, съ неподражаемымъ, тонкимъ, веселымъ остроуміемъ. Жрецъ Калхасъ, пастушекъ Парисъ, прекрасная Елена острятъ, дѣлають забавное меле изъ прошлаго и настоящаго и винагретъ выходитъ превкусный.

Но замоляли веселые, ликующіе звуки, занавѣсъ упала и

мнѣ стало грустно ; темные, исполинскіе призраки умершихъ боговъ, пронеслись въ моей, грустно потрясенной душѣ. Могучіе, позабытые боги! чѣмъ только не забавлялись вы, задыхаясь на небѣ отъ скуки, вы умѣли стращать и любить, безумствовать, мстить и наслаждаться! у вашихъ пышныхъ алтарей, пресмыкаясь въ прахѣ, ползали жрецы въ священ-ныхъ, пышныхъ облаченіяхъ ; передъ вами блистали, не угасая, яркіе огни жертвенниковъ ; въ дыму кадилныхъ тумановъ вы грозно смотрѣли съ своей высоты ; передъ вами сыпали золото, но не дойдя до васъ, оно текло въ бездонно священные карманы жрецовъ, изъ ихъ же кармановъ—въ еще болѣе священные карманы безчисленныхъ гетеръ и наложницъ и васъ, одѣляющихъ щедрою рукою жрецовъ и наложницъ, презрительно, нахально столкнули съ улетающихъ въ небо, нѣдесталовъ, низвергнули въ прахъ, смѣшали съ жалкимъ прахомъ ; много вѣковъ проспали вы пустымъ сномъ и проснулись на подмосткахъ, сверкающаго огнями, театра, въ блестящихъ и остроумныхъ операхъ, на сухихъ страницахъ исторіи ; вы грозили людямъ, а теперь вы ихъ смѣшаете, ваши затихшіе громы не гремятъ ; пылающіе яркимъ огнемъ жертвенники потухли ; вы освѣщены не яркимъ огнемъ жертвенниковъ, а яркимъ блескомъ сатиры, словомъ, взбалмошные, старые боги, вы весело преобразились... Но милые, веселые, старые боги, новые, смѣнчившіе васъ—гадки, злые боги тоже ждуть смѣны ; пора и ихъ отпустить на сладкій и вѣчный покой! Вамъ служили веселые, увитые вѣнками, проказники жрецы, съ эротическими словами любви на полныхъ, чувственныхъ губахъ ; у новыхъ божковъ тоже есть служители, но головы ихъ не обвиты вѣнками изъ пахучихъ розъ, на нихъ, неуклюже, тяготѣютъ полновѣсныя митры, съ тяжелыми украшеніями или еще хуже—дурацкіе колпаки ; вмѣсто развѣвающихся, красивыхъ, легкихъ мантій, на нихъ висятъ тяжелыя, дорогія ризы ; въ угоду вамъ сжигали чудные ароматы, въ угоду новымъ — курятъ дурманомъ ; вамъ, веселые боги, поклонялись въ цвѣтущихъ, зеленыхъ садахъ, подъ сводомъ роскошнаго, ярко лазурнаго неба, при вѣніи тецлага, нѣжнаго вѣтерка, подъ пѣніе и щебетаніе чудныхъ, разноцвѣтныхъ птицъ ; новымъ—поклоняются въ удушливо-смадныхъ, темныхъ храмахъ, въ которые зеленое, мутное небо чуть просвѣчиваетъ сквозь тюремные рѣшетки, а свѣтлое, горячее солнце никогда не заглядываетъ въ эти сырые погреба.

Ваши жрецы—веселые плуты, умѣли, съ внутреннимъ смѣхомъ, корчить серьезныя мины, маска была, иногда, имъ не подъ силу, они не стѣсняя себя и другихъ, часто сбрасывали

ее и являлись забубенными гуляками, жадными до языческих удовольствий; они, ближе всѣхъ стоящіе къ богамъ, умѣли въ нихъ не вѣрять, они играли въ деньги, боги были для нихъ неосязаемые капиталы, дающіе осязаемые проценты. Служители новаго Бога и его многочисленнаго причета жалки, грязны, глушы до подлости, серьезны до идиотизма; они оковали тяжелыми цѣпами и тѣло и душу, вся жизнь ихъ — маска; они лгутъ такъ колоссально, что подъ конецъ вѣрятъ въ ложь, какъ въ истину; дѣти мрака и дикой обрядности, они ловятъ рыбу въ мутной, полной роящимися насѣкомыми, гнилой водѣ, они до тошноты приторны, и что очень грустно — жадіе жрецовъ минувшихъ; Богъ для нихъ — курица, несущаяся золотыми яйцами; играя въ него и угодинокъ, оборачивая этотъ призрачный капиталъ въ своихъ жадныхъ лапахъ, они вѣрятъ въ свою чистоту, они шарлатанятъ безъ горькой, ядовитой насмѣшки надъ собою. Попавшіе на сцену старые боги смѣшатъ насъ до слезъ, нашъ Егова съ своею таинственною троицею будетъ усыплять слушателей. Тамъ ликованіе, звуки тимпановъ, розы, веселье; тутъ самоистязаніе, мракобѣсіе, чудовищная, гнусная ложь!

Во второй сценѣ прекрасная Елена, ложась въ постель, говоритъ жрецу Калкасу, что она жаждетъ блаженныхъ сновидѣній; она засыпаетъ въ полумракѣ, роскошно расплывшись, ея яркопунцовыя губки жадно ждутъ горячихъ поцѣлуевъ; ея нѣжное тѣло, трепетно, жаждетъ прикосновенія. Старикъ жрецъ чмокаетъ засохшими отъ внутренняго жара губами и сладострастно шепчетъ: „Чудная бабеночка, славная канашка!“ онъ не въ силахъ сдержатъ закипающей, старческой похоти и въ припрыжку, à la Петръ Ивановичъ Бобчинскій, приближается къ Еленѣ и чуть не прикасается къ ея нѣжному локтю, на этомъ поразительномъ мѣстѣ онъ получаетъ божественную затрепину и старичка сатира смѣняетъ молодой сатиръ; оставшись одинъ, онъ будитъ красавицу поцѣлуями, красавица увѣряетъ, что это сонъ; Парисъ охотно соглашается быть сномъ. Влюбленная парочка нѣжно поетъ и незамѣтно подвигается къ кровати, къ концу всѣхъ концовъ. Заманчиво сопротивляясь, театральная Елена доводитъ театральнаго Париса до того, что тотъ, забывши все и вся, начинаетъ странно спазматически дышать, глотать слюны и непостижимо скоро и натурально кладетъ ее на постель. Но въ то время, когда уродливыя лица, бывшихъ въ ложѣ дамъ, озарились багровымъ румянцемъ, глаза дико заблестѣли, а массивныя груди бурно заколыхались подъ толстыми костями тѣсныхъ корсетовъ, Менелай, довѣрчивый, рогаый супругъ, вбѣгаетъ въ комнату и горько, и слезно

ореть: „карауль, карауль!“ Увлечшійся, до послѣдней физической возможности, актеръ Парисъ, насилу можетъ отдышаться отъ недоконченной сцены; прекрасная Елена, остановленная, очень рѣзко, на половинѣ пути, приходитъ, очень основательно, въ забавное бѣшенство; комната наполняется карикатурными царьками, являющимися отъ перваго до послѣдняго акта, во всѣ критическія минуты.. Менелай вопить, карикатурные царьки вопятъ, а жрецъ въ красной, развѣвающейся мантии, съ кубкомъ пѣнящагося вина въ рукѣ, съ веселою, похотливою рожею сатпра, тихо, беззвучно хохочетъ.....

1870 г. Одесса.

ПРОСТРАННЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ КАТИХИЗИСЪ

православныя каволическія церкви, разсматриванный и одобренный святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ и изданный для преподаванія въ училищахъ и для употребленія всѣхъ православныхъ христіанъ по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію.

(Изданіе 57-е цѣна 20 к.)

*(Посвящается памяти митрополита Филарета и дѣтямъ
отъ 6 до 8 лѣтъ)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

„Отъ смѣха падаютъ идолы, падаютъ вѣнки и оклады,
чудотворная икона превращается въ почернѣлую, дурно
нарисованную картинку.“

(Герценъ)

„Смѣха боится тотъ, кто ничего не боится на свѣтѣ.“

(Гоголь)

Это длинное оглавленіе принадлежитъ самой пустѣйшей книженкѣ, въ которой нелѣпость и издѣваніе надъ здравымъ смысломъ дошли до послѣднихъ возможныхъ размѣровъ; книженка выдержала 57 изданій! Смѣло обращаюсь къ читателю: существуетъ ли въ Россіи книга, разумная, идеально прекрасная, которая выдержала бы столько изданій? эта мизерная пошлость печаталась 57 разъ, она такъ пришлась по сердцу правительствующему синоду, что ее, не передѣлывая, не измѣняя ея варварскаго смысла и слога издавали 57 разъ. Можетъ быть правительствующій синодъ, составивши подъ нѣжнымъ покровительствомъ земнаго владыки книженку, съ наслажденіемъ простился съ нею, чтобы болѣе уже нигде къ ней не возвращаться?

Душителі и гасители прогресса, какія грубыя бревна разбрасывае вы по дорогѣ, по которой, плетясь, жалкимъ шагомъ подвигаются впередъ люди; какъ вамъ хочется задержать и безъ того не быстрое движеніе! Маленькій мальчикъ, поступаая въ школу, долженъ изучить эту позорную галиматью, а задалбливать безсмыслицу очень и очень трудно и чрезвычайно вредно для мозга; незнаніе же этого предмета можетъ его оставить въ томъ же классѣ; ребенокъ цѣною потери здравой логики можетъ только перейти изъ класса въ классъ. Но перейдемъ къ разбору археологическаго осколка синодской глупости, постараясь разложить это мутное пятно, разобрать книженку, отъ которой мозгъ бѣдныхъ дѣтей покрывается мозолями.

Предварительныя понятія катихизиса заключаются въ томъ, что нѣкій таинственный X вопрошаетъ: „Что такое катихизисъ?“ еще болѣе таинственный, слѣдовательно, и болѣе глупый X отвѣчаетъ: „Катихизисъ есть наставленіе въ православной вѣрѣ христіанской, преподаваемое христіанину для благоугожденію Богу и спасенія души...“

Наивные составители заявляютъ, что эта книженка нужна для благоугожденія Богу; гнусенъ Богъ, если ему можно благоугодить превращеніемъ мальчика съ здравымъ смысломъ въ безтолковаго олуха! въ угоду себѣ онъ отымаеъ у развивающагося созданія лучшее въ немъ — разумъ. На счетъ же спасенія души невольно спросишь: гдѣ обрѣтается душа, требуемая для спасенія? Если мальчикъ сидитъ на ней, то и такую душою нельзя пожертвовать; если же тутъ подразумѣвается здравый смыслъ, то это непостижимо дорого. Цѣна книженки съ ея внутреннимъ содержаніемъ 10 коп., зачѣмъ же вы отступаете отъ рix fixe и требуете, чтобы вамъ въ придачу къ 10 коп. отдали голову ребенка? Тутъ же говорится, что Апостоль Павелъ сказалъ:

„Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. XI.) т. е. увѣренность въ невидимомъ, какъ бы видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ.“

Туманный текстикъ апостола Павла не въ состояніи перевернуть нашъ мозгъ; счастливъ тотъ, кто можетъ вѣрить въ несуществующее счастье, какъ бы въ существующее; въ неосуществимую надежду, какъ въ осуществившуюся. Если не осязая и не видя можно вѣрить во все, что проповѣдуютъ пастыри, то, идя послѣдовательно, можно увѣривать въ то, что когна сѣна издѣвалась надъ гласными судами, стулья и столы танцовали вальсъ, а быкъ, зайдя въ бакалейный магазинъ, спросилъ себѣ фунтъ чаю и фунтъ мыла; чѣмъ же ихъ рассказы правдоподобнѣе этихъ? Развѣ ихъ Иисусъ не

ходилъ по водѣ, какъ по гладко вымощенной мостовой? не накормилъ пятью хлѣбами пяти тысячъ? очень грустно, что Иисусъ, не смотря на всю свою глубокую любовь къ людямъ, никому не завѣщаль этого дивнаго фокусъ-покуса; какую безконечную услугу оказалъ бы онъ голодающему человѣчеству; проливши елей на душу, не слѣдовало ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду желудокъ. Развѣ онъ не превратилъ воду въ вино? такое сочувствіе вину и веселію указываетъ на ошибку пастырей: навѣрное Иисусъ былъ сынъ Бахуса, а не суроваго, трезваго Егвы! Развѣ весь ветхій и новый завѣтъ не начинены чудесами, одно нелѣпѣе другого? Между ними есть такія пресловутыя, что всѣ продѣлки спиритуализма, фокусы Калиостра и Пинетти кажутся только цвѣточками. Снова таинственное лицо вопрошаетъ:

Вопросъ: „Какое различіе между знаніемъ и вѣрою?“

Отвѣтъ: „Знаніе имѣетъ предметомъ видимое и постижимое. Знаніе основывается на опытѣ или изслѣдованіи предмета, а вѣра на довѣрїи къ свидѣтельству истины. Знаніе принадлежитъ собственно уму, хотя можетъ дѣйствовать и на сердце, а вѣра преимущественно принадлежитъ сердцу, хотя начинается въ мысляхъ.“

Великіе труженики, разбирающіе іероглифы, разъясните, въ чемъ дѣло! Знаніе въ умѣ, а маленькій его кусочекъ въ сердцѣ—въ поломъ мускулѣ, служащемъ для обращенія крови; вѣра вся цѣликомъ сидитъ въ сердцѣ и только крохотная ея часть въ здоровомъ смыслѣ. Глубоко справедливо, почтенные старцы, печаянно вы попали на истину! Наука, разсѣивающая мракъ, быстро и широко подвигающаяся впередъ, опирается на дѣйствительность, а дѣйствительность,—желѣзная почва; выходя изъ области видимыхъ фактовъ, она часто впадаетъ въ противорѣчїя и ошибки, но у нея, мощной, здоровой, трезвой, нѣтъ той самовѣренности, какая существуетъ у васъ, жалчайшихъ неучей! она не выдаетъ своихъ предположеній за абсолютныя истины, она предполагаетъ и не мѣшаетъ дѣлать предположенія другимъ, у нея есть слово для неосязаемыхъ вещей, слово это—теорїя. Реальная наука, жаждущая все постигнуть, устойчивая въ изысканїяхъ, крѣпкая въ трудѣ, скромная въ своихъ опредѣленїяхъ, дала людямъ все, начиная съ одежды, комфорта въ жилищахъ, утонченныхъ удобствъ, сохраняющихъ здоровье и кончая громадными, смѣлыми, безчисленными открытїями, отъ которыхъ гордо бьется сердце; вы же что дали, обитатели дорогихъ, громадныхъ монастырей, летучія мыши, притаившіяся во мракѣ соборовъ? гдѣ продукты вашей многовѣковой дѣятельности? Вы сидѣли съ вѣрою въ сердцѣ, здравый смыслъ забытый, пренебреженный вами, оставилъ

вась ; вы жили въ сердцѣ народовъ и высосали оттуда много крови ; вы были паразитами народовъ ; варварское, тормозящее умственную жизнь невѣжество, безумныя жестокости стояли на вашей сторонѣ ! Мечъ, огонь, пытки, только очень недавно перестали быть вашими святыми атрибутами ; узкая, злая нетерпимость — свойство, которое вы сохранили до настоящей минуты. Нравственность, лежащая на днѣ вашего ученія, затерта вами ; высокіе принципы правды и добра принадлежали людямъ науки, вы же, нелѣпными прибаутками, запакостили свѣтлое, евангельское ученіе !... Наука давала человѣчеству свои высокія истины, вы же грабили человѣчество, извиваясь и путаясь въ софизмахъ ; наука смѣло, на показъ цѣлому міру, выставяла тяжкимъ трудомъ добытыя истины ; вы же боялись критики, вы на нее шли крестовыми походами, вы трепетали усѣховъ здраваго смысла, вы преслѣдовали огнемъ и мечемъ свободное слово, оно было неумолимый врагъ вашъ, вы отрещивались отъ него сильнѣе, чѣмъ отъ лахматого чорта. Но что гаже всего — что вы были вѣчными сторожилами деспотовъ, подъ охраною вашихъ крылышекъ имъ спокойно, весело жилось ; вы были грязными моськами тирановъ, вы смастерили катихизисъ, чтобы угодить Богу, а больше высшему начальству, чтобы за-одно съ держащею властью деморализировать сотни тысячъ дѣтскихъ душъ ; вы очень хорошо понимали, что вы можете существовать только при поголовномъ, безобразномъ невѣжествѣ. Ваше святое гниле, при жизни были блюдолизами царей ; земные представители нищаго Спасителя принимали весьма охотно отъ царей громадныя пенсіоны, брильянтовые жезлы и торжественно будущіе святые развѣзжали въ каретахъ шестериками, съ холопами на запяткахъ...

ГЛАВА II

Вопр. „Что разумѣется подъ именемъ божественнаго откровенія?“

Отв. „То что самъ Богъ открылъ человѣкамъ, дабы они могли и спасительно вѣровать и достойно чтить его.“

Пастыри объ этомъ толкуютъ съ непостижимой увѣренностью, — ученій, осязающій, съ глубочайшимъ вниманіемъ вникающій въ предметъ, не заикнется объ немъ сказать съ такою увѣренностью. Пусть самый маленькій изъ воспитанниковъ спроситъ у пастыря : откуда онъ взялъ это ? Тутъ обыкновенно начинаются ссылки на Моисея и на цѣлую кучу

полупомѣшанныхъ пророковъ. Но, почтеннѣйшіе пастыри, пророки были люди, а вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ другимъ, на сколько могутъ безстыдно лгать люди! Пророки — это Хлестаковы, они такъ обольщались видѣніями собственного больного мозга, что вѣрили чистосердечно въ то, что говорили; то было фантастическое время: небо и земля были биткомъ набиты призраками, таинственными сверхъестественностями; но время призраковъ миновало, они расплылись, слово *духи* теперь замѣнилось словомъ *газы*. Еслибы составитель катихизиса началъ рассказывать, что въ то время, когда онъ стряпалъ его, Богъ подднетовывалъ ему его съ неба, его попросили бы не молоть гнуснѣйшей ерунды, если бы онъ, не смотря на кроткія увѣщанія добраго начальства, снова продолжалъ бы утверждать это, его засадили бы въ сумасшедшій домъ, гдѣ на его бритую, глупую голову сверху лилось бы не откровеніе, а ледяная вода. Есть глупости такія безобидныя, сами себя уничтожающія, что удивительно совѣстно опровергать ихъ. Несчастное откровеніе суживаетъ въ микроскопическіе тиски безконечную природу. Неизмѣримое небо съ вращающимися въ немъ мірами-исполинами, интимничаетъ, нашептываетъ на ушко откровеніе полупомѣшанному пророку — математической точкѣ, исчезающему, по своей малости, атому! побойтесь всѣхъ современныхъ и несовременныхъ боговъ, что вы мелите! мозгъ, породившій такую марфалафію, не годенъ даже для уваживанія.

Вопр. „Неужели человекъ не можетъ имѣть познанія о Богѣ безъ особеннаго откровенія Божья?“

Отв. „Въ разсужденіи вѣры въ Бога предшествуетъ помышленіе, что онъ есть; которое помышленіе мы снискиваемъ черезъ сотворенныя вещи, прилежно разсматривая твореніе міра познаемъ, что Богъ премудръ, благодѣтеленъ, всемогущъ, познаемъ также и всѣ невидимыя его свойства. Такимъ образомъ его какъ верховнаго правителя. Поелику всего міра творецъ есть Богъ, а мы составляемъ часть міра, слѣдственно Богъ есть творецъ нашъ, за сѣмъ познаніемъ слѣдуетъ вѣра, а за сею вѣрою поклоненіе...“ *Васил. Вел. посл. (232)*

Не правда ли, слогъ хорошъ? „на мысли, дышанія силой, какъ жемчугъ нисходятъ слова.“ Я нахожу, что русскій языкъ обязанъ своимъ огромнымъ улучшеніемъ митрополиту Филарету, — это величайшій современный стилистъ! Разсматривалъ сотворенное, вовсе не придешь къ тому, что Богъ есть, а еще менѣе къ тому, что онъ благодѣтеленъ, мудръ, всемогущъ, за нимъ водятся грѣшки самаго эксцентрическаго свойства: изъ Бога абсолютнаго совершенства, престранно, вытекъ міръ, полный крайняго несовершенства; плохъ тотъ учитель, работу котораго можетъ раскрыть его ученикъ! зачѣмъ всемогущій Богъ создалъ человекъ и позволилъ ему согрѣ-

шить, а послѣ допустилъ впасть въ бѣдственное состояніе? Отчего его всемогущество не предотвратило такой пакости? Зачѣмъ онъ, всемогущій, создалъ всемогущее зло? въ какихъ твореньяхъ проявляется его мудрость и благодѣтельность? огни безчисленныхъ вулкановъ спалили и уничтожили миллионы людей, а свергающія чудною растительностью долины превратили въ пустыни. Цѣлый міръ тысячи лѣтъ рѣжетъ, копошится изъ за маленькихъ границъ, изъ за ссоръ деспотиковъ; тысячи лѣтъ справляются охоты на людей; на гигантскихъ престолахъ вѣчно торчатъ цари пигмеевъ, помѣсь паразита и пьявки; многолюдная часть человѣчества съ искони вѣковъ бесплодно стонетъ подъ адскимъ гнетомъ, тщетно вопіетъ о хлѣбѣ, гремитъ безсильными проклятіями противъ неба и гибнетъ повально отъ горя, голода, холода, кровавой нужды и невыносимаго труда. Крохотное меньшинство утопаетъ въ гнусной роскоши и животныхъ наслажденіяхъ. Весь міръ, отъ полюса до полюса, опоясанъ болѣзнями, мучительными, ужасными, пожирающими людей массами; въ одномъ мѣстѣ холодъ накинулъ ледяной саванъ на жизнь и растительность, въ другомъ — вертикальные лучи солнца влили въ людей сонную апатію; въ обвитыхъ ліанами сказочныхъ лѣсахъ таятся смертоносныя гадины, колоссальныя чудовища; тучи разносятъ разрушительные ураганы и электричество, слѣпо разящее все, встрѣчающееся на пути. Наслажденіе всегда отравлено; радости, счастье жизни облиты ядомъ; повальная глупость, безобразіе, упрямое невѣжество, мизерная ложь царятъ надъ землею. Протрите хорошенько ваши глаза и очки, дряхлыя дѣти! гдѣ благодѣтельность вашего Бога? гдѣ его всемогущество, его совершенство? Созданія всемогущаго Бога такъ совершенны, что стоятъ ниже критики. Иногда попы, черезъ чуръ притиснутые логикою своихъ противниковъ, произносятъ найглупѣйшую фразу: „человѣку, говорятъ они, дана свободная воля,“ удивительное даваніе небесъ! Напрасно всемогущій и мудрый Богъ далъ человѣку свободную волю на твореніе радостей и зла; прежде, чѣмъ давать ее, ему не мѣшало бы подумать, къ какимъ свѣтлымъ результатамъ приведетъ такое даваніе! Но нѣтъ сомнѣнія, что скоро наука вырветъ изъ рукъ пастырей такъ плохо служащую имъ, какъ доказательство, свободную волю; къ великому огорченію поповъ, свободная воля не выдерживаетъ строгой, научной критики. За познаніемъ, продолжаютъ пастыри, слѣдуетъ вѣра, а за вѣрою поклоненіе. Тупой страхъ и татарское раболѣпіе хоронятся во всѣхъ религіяхъ. Монахамъ, скотски жирѣющимъ, полезна духовная гимнастика, то есть церковныя поклоны, но остальные смертныя съ большею

пользою могутъ придерживаться раціональной гимнастики. Камеръ-лакеевъ много: одни поклоняются солнцу (и эти самые умные), другіе огню, третьи звѣздамъ, четвертые скотамъ, пятые простымъ деревяшкамъ и намалеваннымъ картинкамъ; насколько хватаетъ силъ, мы стремимся къ истинѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ реверансахъ она не нуждается. Природа, управляемая законами, свершаетъ свой круговой путь; проклятія и молитвы, какъ и всякій звукъ, колеблютъ ея матеріальныя частички и только; чуждая лести и осужденія, она покойно движется, руководимая скрытыми въ ней же законами. Самое слово *законъ* парализуетъ слово *молитва*, показывая ненарушаемость и непреложность. Наука раздвинула природу до безпредѣльныхъ размѣровъ, религія сдузила ее до безпредѣльныхъ размѣровъ. Безконечный, всемогущій Богъ превращается въ чиновника тайной полиціи, въ уличнаго городского, всюду подсматривающаго, во все вмѣшивающагося.

Вопр. „Какимъ образомъ божественное откровеніе распространилось между людьми и сохраняется въ истинной церкви?“

Отв. „Двумя способами: посредствомъ священнаго преданія и священнаго писанія. Святой Иринеи пишетъ, не должно у другихъ заимствовать свѣтъ истины, который легко заимствуется изъ церкви, ибо въ нее какъ въ богатую сокровищницу апостола положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нее питье жизни.“

Совершенно справедливо, церковь — богатая сокровищница, но только въ матеріальномъ смыслѣ; не апостолы въ нее положили сокровища, а бѣдные, глухие люди, тяжело зарабатывающіе себѣ кусокъ жалкаго хлѣба, надутые торговцами религіи, они кладутъ въ церковь послѣднюю, трудовую копѣйку; каждый отъ нея можетъ принять питье жизни, предварительно купивши его по очень возвышенной цѣнѣ; церковь иногда угощаетъ гадкимъ, смѣшаннымъ съ водою, французскимъ виномъ, съ французскою булкою, но и за это она взимаетъ пошлины. Что же касается до истины, пусть попы поищутъ ее въ съѣденныхъ молю церковныхъ бібліотекахъ и если они найдутъ, то пусть разжевываютъ ее на здоровье; не даромъ духовные желудки отличаются стальною крѣпостью и способностью переваривать всякую мерзость. Истина, свѣтлая, какъ солнце, чистая, какъ хрусталь шумящихъ, горныхъ источниковъ, таится не въ церковныхъ погребахъ, проросшихъ плѣсенью, она гуляетъ по міру свободная, веселая и прекрасная; какъ солнечный лучъ, иногда западаетъ въ самую грѣшную, беспокойную голову и пролетаетъ мимо пасмурныхъ головъ, въ дурацкихъ клубкахъ; она вырабатывается всѣми людьми, а не маленькою.

жалкою, залежалюю ихъ частицей,—не черезъ шушуканіе съ небомъ, а опытомъ, трудомъ, наблюденіемъ и несдавленнымъ, широкимъ, умственнымъ движеніемъ.

Вопр. „Для чего дано священное писаніе?“

Отв. „Для того, чтобы откровеніе Божье сохранилось болѣе точно и неизмѣнно, въ священномъ писаніи мы читаемъ слова пророковъ и апостоловъ точно такъ же какъ бы мы съ ними жили, ихъ слышали, не смотря на то, священныя книги писаны за нѣсколько вѣковъ и тысячелѣтій до нашего времени.“

Такою живостью похвастаться могутъ и несвященныя книги, прочтите „Илліаду“ Гомера: вереница героевъ и боговъ шумно, весело проходить передъ вами; герои и боги свершаютъ подвиги, обжираются, мучаются, блаженствуютъ, весьма исправно надуваютъ другъ друга и не смотря на всю непрезентабельность ихъ дѣйствій, каждое слово „Илліады“ дышетъ силою и образами.

Вопр. „Что такое ветхій и новый завѣтъ?“

Отв. „Иначе сказать древній союзъ Бога съ человѣкомъ и новый союзъ Бога съ человѣкомъ.“

Вопр. „Въ чемъ состоялъ ветхій завѣтъ?“

Отв. „Въ томъ, что Богъ общалъ человѣкамъ божественнаго искупителя и приготовлялъ ихъ къ принятію его.“

Бѣдное человѣчество! По словамъ пастырей, оно, такое громадное, готовилось тысячи лѣтъ къ принятію Спасителя. Изумительный этикетъ! Тысячи лѣтъ священное преданіе породило галиматю, пророчествовало и послѣ всего этого, отъ бѣдной, хорошенькой, экзальтированной женщины родился Спаситель; онъ горячо любилъ людей, вся его благородная жизнь была посвящена пропагандѣ добра, безконечной любви и самоотверженія; умеръ онъ на крестѣ въ страшныхъ мукахъ за то, что былъ неизмѣримо умнѣе и честнѣе своихъ современниковъ, и такое скромное явленіе человѣчество, къ великому своему безчестию, готовилось принять тысячи лѣтъ!

Вопр. „Что такое чудеса?“

Отв. „Дѣла, которыя не могутъ быть сдѣланы ни силою, ни искусствомъ человѣческимъ, но только всемогущею десницею Бога, напримѣръ, воскрешеніе изъ мертвыхъ.“

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Книженка, проповѣдующая такія штуки выдержала 57 изданій! Совершенно справедливо, длиннородые младенцы! они не могутъ быть сдѣланы человѣкомъ,—кромѣ животнаго, растительнаго и минеральнаго царства мы другихъ не имѣемъ, почему можно предположить, что они и не творились. Въ настоящее время чудесными повѣствованіями тѣшутся убогія старушки, юродивые и богомолки; вѣкъ чудесъ минулъ, въ нашъ скеп-

тическій вѣкъ онѣ кой когда пропрыскиваютъ, но онѣ отданы подъ надзоръ полиціи, цѣна имъ дешевая, механизмъ ихъ удивительно несложенъ; это—тѣни волшебнаго фонаря, пропадающія отъ незначительнаго луча свѣта. 24, 25, 26 страницы посвященію объясненію символа вѣры, на этихъ удивительныхъ страницахъ пастыри стараются доказать, что Богъ вѣчный, всеблагый, вездѣсущій, неизмѣняемый, всевольный, всеблаженный; передъ этимъ же сказано, что Богъ — выше всякаго пониманія, что онъ непостижимъ даже для ангеловъ (на что уже тонкій народъ!) И какими восхитительными аргументами они стараются доказать это: въ пользу вѣчности приводятъ слова Давида, о всевѣдѣніи—слова Иоанна, о премудрости—слова апостола Павла, о вездѣсущности—слова изъ Апокалипсиса, о благодати—слова Иисуса; каждый изъ поименованныхъ субъектовъ кой что пробормоталъ на счетъ какого нибудь изъ этихъ атрибутовъ. Вотъ вамъ незыблемая почва религіи, вотъ ея логическія, полномѣсныя доказательства, въ подтвержденіе фантастической дребедени!

Восемь апостоловъ сдѣлали Богу отмѣтки въ его паспортѣ; на 25 стр. они чистосердечно увѣряютъ, что Богъ единъ и даже приводятъ слова апостола Павла, считая его непоколебимымъ авторитетомъ. На 29 страницѣ одинокій Богъ апостола Павла разлагается на три элемента; сначала его считали простымъ тѣломъ, послѣ нашли, что оно—сложное: онъ состоитъ изъ самаго себя, сына и духа святаго; онъ, говорятъ, по существу, одинъ, но троиченъ въ лицахъ, и въ подкрѣпленіе столь таинственнаго объясненія, приводятъ слова священнаго писанія, чрезвычайно легкія для пониманія: „Отецъ слово, и святой духъ; и сн три едино суть.“

Вопр. „Какъ единъ Богъ есть въ трехъ лицахъ?“

Отв. „Мы не постигаемъ сей внутренней тайны Божества, но вѣруемъ ей по непреложному свидѣтельству слова Божья.“

Совершенно справедливо, постигнуть эту таинственную, бездонную галиматію нѣтъ положительно никакой возможности! Самый прочный, философскій черепъ разобьется въ кусочки о такую преграду; это такая внутренняя тайна, судьба которой вѣчно оставаться во внутренности; но еще труднѣе постигнуть всю безконечную глупость отцевъ церкви, замоловшихся до такихъ пикантныхъ размѣровъ.

„Это таинство святое
Будетъ тѣмъ однимъ понятю,
Кто разсудка тьму и цѣпи
Оставляетъ невозвратно.“

(Гейне)

Вопр. „Что такое ангелы?“

Отв. „Духи безплотные, одаренные умомъ, волею и могуществомъ.“

Вопр. „Что прежде сотворено, видимое или невидимое?“

Отв. „Невидимое прежде видимаго, и ангелы прежде человѣковъ.“

Вопр. Когда сотворена глупость? *Отв.* Не только до человѣка, но и до ангеловъ; но до сотворенія человѣка и ангеловъ она была невидима, съ сотвореніемъ же ихъ стала очень видима и даже осязаема. Текстовъ не приводимъ, потому что священное писаніе (по непонятной для меня скромности) умалчиваетъ объ этомъ.

Вопр. „Всѣ ли ангелы созданы добрыми и благодѣтельными?“

Отв. „Нѣтъ, есть злые ангелы, которыхъ иначе называютъ дьяволомъ.“

Вопр. „Отчего они сотворены злыми?“

Отв. „Они сотворены добрыми, но нарушили долгъ совершеннаго повиновенія (жагдармскаго) Богу и такимъ образомъ отпали отъ него и впади въ самолюбіе, гордость и злобу.“

Не даромъ говорятъ, что дьяволъ большой логикъ и великій скептикъ! Всемогущій Богъ не сумѣлъ справиться съ расколомъ, проявившимся въ небѣ; нашелся смѣльчакъ, который раскритиковалъ его въ пухъ и прахъ и отказался, не смотря на застраиванія, повиноваться ему. За свое отпаденіе отъ Бога самолюбивый царь тьмы ровно ничего не проигралъ: онъ сдѣлался страшнымъ, могущественнымъ соперникомъ Бога и конкурируетъ ему на каждомъ шагу, на нашей планеткѣ онъ отгѣснилъ его совершенно на задній планъ.

Глупость имѣетъ обыкновеніе катиться по наклонной плоскости внизъ: не успѣли мы перевести духъ отъ ангеловъ, какъ уже добрались до лохматыхъ чертей, переходъ не рѣзокъ, умъ, дойдя до такихъ дьявольскихъ выводовъ, долженъ спуститься въ преисподнюю. И такимъ чудовищнымъ нелѣпостямъ учать дѣтей! несчастная участь постигаетъ бѣдныхъ птенцовъ; съ ихъ головами распоряжаются, болѣе чѣмъ безцеремонно, и беспощадно набиваютъ ихъ божественнымъ хламомъ: архангелами, ангелами, единымъ Богомъ о трехъ лицахъ, и это злое издѣваніе надъ здравымъ смысломъ, называется воспитаніемъ! На 31 стр. рассказывается, очень подробно, какъ Богъ творилъ землю; рассказано это съ такою увѣренностью, какъ будто все современное человѣчество, съ нотаріусами и записными книгами, присутствовало и заносило все случившееся въ шнуровыя книги, съ приложеніемъ казенныхъ печатей; рассказывается это такъ механически глупо, приходишь въ ужасъ, неужели эти духовныя молоски чему нибудь учились? вотъ до какого состоянія умственной нищеты можетъ довести пекущееся о благѣ подданныхъ пра-

вительство, созидающее для сильнаго молодаго поколѣнія свои ученыя программы, проникнутыя политическою *aggrégée pensée*!

34 страница посвящена раю, гдѣ ему, попросту, отводится небольшое мѣстечко, между Тигромъ и Ефратомъ, (хорошо то, что не забираются слишкомъ высоко) тутъ же говорится о древѣ жизни, съ котораго Ева сорвала яблочко, и за этотъ, повидимому, невинный поступокъ, ее и Адама, съ которыми Ева раздѣлила яблочко, Богъ выгналъ по шеѣ изъ рая, посоветовавъ имъ для такихъ прогулокъ сысзаять, какъ можно подалѣе, закоулокъ. Говорится о томъ, что Богъ выломалъ ребро у Адама и смастерилъ Еву, зачѣмъ всеблагой Богъ искалѣчилъ такъ, безъ нужды, Адама, катихизистъ знаетъ: „Для того, чтобы весь родъ человѣческой по своему происхожденію былъ одинъ и тотъ же и чтобы потому чело­вѣки были склонны любить и беречь другъ друга.“

Не было бѣ ребра, не было бѣ и любви. Изъ тонкихъ обстоятельствъ иногда выходятъ очень толстыя! На этой же страницѣ говорится, что чело­вѣкъ сотворенъ для того, чтобы онъ познавалъ Бога, любилъ, прославлялъ и за то вѣчно блаженствовалъ... Умирающіе въ горѣ и нуждахъ люди! послушайте пастырей, бросьте занятія, дающія вамъ кусокъ черстваго хлѣба, начните любить боженьку, бейтесь лбомъ почаше у его богатыхъ алтарей и за это вы будете блаженствовать! Не наивны ли вы, не зная такого легкаго средства блаженствовать! Священное писаніе гарантируетъ, что пролетающія птицы будутъ кормить васъ, а если вы умрете отъ голода, то ни одинъ волосъ не спадетъ съ вашей головы, безъ разрѣшенія небснаго начальства.

Вопр. „Что такое промыселъ Божій?“

Отв. „Промыселъ Божій—непрестанное дѣйствіе всемогущества, премудрости и благости Божіей, которыми Богъ сохраняетъ бытіе и силу тварей, направляетъ ко благимъ дѣламъ, всякому добру вспомошествоуетъ, а возникающее черезъ удаление отъ добра зло пересѣкаетъ и исправляетъ, и обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ.“

Является вопросъ: къ какимъ благимъ дѣламъ направляетъ боженька тварей, стрѣляющихъ другъ въ друга и рѣ­жущихъ другъ другу горло, въ бесплодной борьбѣ? къ ка­кимъ благимъ дѣламъ онъ ведетъ сотворенное имъ чело­вѣчество, моря его голодомъ, уродуя его горемъ, непосильнымъ трудомъ и одѣляя благами кой какія единицы? Зачѣмъ онъ вспомошествоуетъ быстрому распространенію подлой, вар­варской ерунды и всякаго рода жи? теологи по этому слу­чаю иногда произносятъ: „что бы ни было, но вы видите, что міръ идетъ постоянно впередъ и наконецъ въ немъ во-

дворится счастье, неужели вы въ этомъ не видите благодать и мудрость провидѣнія? " Нѣтъ сомнѣнія, что люди, направленные на настоящій путь, наконецъ, завоюютъ себѣ счастье! Но неужели теологи въ грошъ не ставятъ сексилліоны погибшихъ, человѣческихъ жизней, въ тщетной погонѣ за счастьемъ? Неужели все человѣчество, отложившееся въ черноземъ, было агнцемъ пасхальнымъ будущихъ счастливыхъ людей? Это болѣе, чѣмъ правосудно! Зачѣмъ совершенный Богъ вспомосуществуетъ безчисленнымъ, острымъ болѣзнямъ пожирать людей? Къ какимъ добрымъ послѣдствіямъ привели эти гнетущія человѣка несчастья? Еще разъ спрашиваю: какимъ образомъ изъ нѣдръ совершенства вышло такое дикое несовершенство—человѣкъ? На 25 стр. богъ былъ непостижимъ для ангеловъ, на 36 они написали его полную біографію, чуть не упомянули, часто ли его слабить, въ которомъ часу онъ ложится и встаетъ и часто ли мѣняетъ бѣлье на кровати. Глупые дѣти! совѣстно опровергать васъ: вы такъ наивно глупы, что унижительно подымать противъ васъ серьезное оружіе, васъ нужно освистывать.

Вопр. „Для чего сынъ Божій сошелъ съ небесъ?“

Отв. „Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія.“

Вопр. „Отчего именно спасти человѣковъ пришелъ на землю сынъ Божій?“

Отв. „Отъ грѣха, проклятія и смерти.“

Колоссальный прыжекъ сдѣлалъ Спаситель съ неба, чтобы спасти людей! катихизисъ говорить, что онъ былъ вѣченъ и воплотился въ утробѣ непорочной дѣвы для того, чтобы спасти насъ отъ грѣха, проклятія и смерти; не понимаю эксцентрическаго Иисуса, охота ему было выкидывать такіе замысловатые фокусы: воплощаться въ чревѣ невинной дѣвушки, а въ концѣ дать себя распять для потѣхи черни! онъ могъ поступить гораздо умнѣе и послѣдовательнѣе: понапрасну, не безпокая и не мучая себя, онъ—всемогущій Богъ—могъ создать человѣчество такимъ прекраснымъ, что оно не нуждалось бы ни въ его мученической смерти, ни въ евангельскихъ истинахъ! очень грустно, что прійдя насъ спасти отъ трехъ такихъ скверныхъ вещей, онъ не спасъ ни отъ одной изъ нихъ, да и не спасъ себя отъ мученическаго вѣнца!

Вопр. „Откуда грѣхъ въ человѣкѣ, когда онъ сотворенъ по образу и подобію Божью, а Богъ грѣшнить не можетъ?“ (повидимому вопросъ не глупый, но разрѣшеніе неизмѣримо умнѣе)

Отв. „Отъ дьявола; творящій грѣхи отъ дьявола есть, яко исперва дьяволъ согрѣшаетъ.“

И дешево и сердито! вотъ таинственный источникъ зла, сфинксъ перестаетъ быть сфинксомъ, а вы, бѣдные философы, бились надъ этимъ вопросомъ, въ мукахъ и слезахъ! озари вашу голову гениальная мысль открыть катихизисъ Филарета, вы тотчасъ бы навсегда успокоились и не мучили бы, понапрасну, себя и бѣдныхъ читателей, глубочайшими философскими разсужденіями! На 26 стр. трехъ-личный,—болѣе чѣмъ двудичный—Богъ былъ отрекомендованъ какъ вездѣсущій, на 41-ой стр. ему отвели очень узенькое пространство; половину всего пространства, самымъ наглымъ образомъ, занялъ колоссальный, вездѣсущій духъ чортъ; на 41 стр. у Бога оказался прескверный сосѣдь, отъ котораго его всеблаженство и всемогущество никакъ не можетъ избавиться: Богъ вездѣ и безконеченъ и чортъ точно также вездѣ и безконеченъ; думаю, что ни одинъ мудрецъ еще не задавалъ такой шарады! а нечестивая физика—рядомъ съ лекціей закона божьяго—учить той научной аксіомѣ, что два тѣла не могутъ занимать одно и то же пространство,—только два ничто могутъ, безпрепятственно, занимать одно и то же пространство. На 26 стр. говорятъ и текстами подкрѣпляютъ, что Богъ духъ вседовольный и всеблаженный; на 41 стр. ему вѣднѣтъ и тѣсно и невесело; мы и не безсмертные боги знаемъ, что ничего нѣтъ хуже—имѣть сквернаго сосѣда; но мы имѣемъ то великое преимущество передъ Богомъ, что мы можемъ удалиться отъ надоѣдливаго сосѣда, ему же некуда; Богъ-духъ и чортъ-духъ слились вмѣстѣ, соединились въ силу химическаго сродства. Я рѣшаюсь предложить пастырямъ созвать соборъ и причислить чорта къ святой троицѣ; можно будетъ произносить это соединеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: Богъ отецъ, Богъ сынъ, Богъ духъ святой, Богъ чортъ, за одно лишнее лицо я увѣренъ, что Богъ не обидится, но даже если бы онъ и обидѣлся, иначе поступить нѣтъ никакой возможности: некуда дѣвать чорта.

Вопр. „Какъ можно распять плоть свою со страстями и похотями?“

Отв. „Воздержаніемъ отъ страстей и похотей, дѣйствіями имъ противными, напр. когда гнѣвъ побуждаетъ насъ злословить врага, то мы, противясь сему желанію и вспоминая какъ Иисусъ молился за враговъ своихъ, молимся и мы за своихъ, то симъ образомъ мы распинаемъ страсти гнѣва.“

Трогательно сказано, но цѣломудренныя пастыри рѣдко распинали и распинаютъ свое сѣмя, большею частью они въ глухихъ переулочкахъ или уединенныхъ кельяхъ развратничаютъ до пресыщенія, и это очень полезно имъ, иначе эти расплывшіеся выкормки лопнули бы отъ избытія жизненныхъ соковъ, и наконецъ, монахи старающіеся сдержатъ себя, впа-

даютъ въ бѣшенныя страсти, становятся Клодами Флорами.*) Разнообразныя галлюцинаціи нашихъ святыхъ угодниковъ происходили отъ сдерживанія чувственности, разстройства желудка; монахъ залертыи въ свою келью, питающійся одною водою, распинаящій свой желудокъ, тѣло, здравый смыслъ, дающій полную свободу воображенію, доходилъ до того, что начиналъ очень ясно видѣть Боговъ, чертей, ангеловъ; но чаще всего, въ оболстительномъ туманѣ, ему являлась страшнѣйшей красоты женщина, нагая, съ сладострастнымъ, нѣжнымъ тѣломъ и жгучимъ огнемъ въ дивныхъ глазахъ; она манила его своими нагими руками, обжигала глазами. За подобными призраками всегда, немедленно, слѣдовала эзекуція: согрѣшившій монахъ отчаянно поролъ себя, стараясь распать неугомонныя похоти. По словамъ катихизиса, если вы хотите плевать и сдерживаете это желаніе, это значитъ—вы распинаете свои слюны. Но никогда не забывайте, добрые отцы церкви, что вы своими мудрыми ученіями страшно распинаете здравый смыслъ ребенка!

Вопр. „Какъ будетъ судить Богъ людей на страшномъ судѣ?“

Отв. „Совѣсть каждаго человѣка откроется передъ всѣми и обнаружатся всѣ дѣла наши, кто сдѣлалъ во всю жизнь на земли но и всѣ сказанныя слова и тайныя желанія и помышленія.“

Картина страшнаго суда въ апокалипсисѣ набросана молніеносными штрихами; мозгъ Іоанна Богослова страдалъ нимфоманіею отъ жгучихъ лучей сирійскаго солнца; мнѣ кажется, что онъ его писалъ или въ бреду бѣлой горячки, или подъ вліяніемъ хашиша. Хашишъ дѣйствуетъ страшно на нервную систему, онъ придаетъ воображенію могущество и быстроту сверхъестественную; воспаленный мозгъ подъ обаяніемъ хашиша дѣлается источникомъ мыслей самыхъ странныхъ, мечтаній волнообразныхъ и чудно очаровательныхъ, онъ даетъ душѣ неизъяснимое блаженство, ключи къ магометову раю, иногда онъ возбуждаетъ веселость необузданную и чудовищную; вслѣдствіе продолжительныхъ пріемовъ образы, возбужденные хашишемъ, становятся страшны и колоссальны, какъ образы апокалипсиса. Я видѣлъ въ Каирѣ арабовъ, уживающихся опіумомъ; при свѣтѣ лампадки лежатъ они, разметавшись на подушкахъ въ кофейняхъ глухихъ мѣстъ Каира; зеленовато блѣдны ихъ лица, спазматически раскрытые глаза, устремленные на тусклый огонекъ лампадки, выражаютъ ужасъ, непереволимый на человѣчскій языкъ. По временамъ они конвульсивно вздрагиваютъ и хрипло сто-

*) Герой романа „Notre dame de Paris“ Виль. Гюго.

нуть... звукъ ложки объ стаканъ, достигая ихъ напряженнаго уха, производитъ странное впечатлѣніе: они видятъ все небо, охваченное пламенемъ и слышатъ страшные громы, перекатывающіеся изъ одного конца необозримаго неба въ другой.

Фантастичность и непроходимая глупость сюжета въ Апокалипсисѣ выкупается суровою красотою чудовищныхъ картинъ; тутъ же — все мелко, пошло и гадко; по призыву трубы ангела, сгнившее и перегнившее, отложившееся въ слои человѣчество должно воскреснуть; разжиженные въ воздухъ атомы, части, переваренныя въ желудкахъ червей, собакъ и тысячи другихъ животныхъ, части, поглощенныя растеніями, отложившіяся въ слои мѣла, глины и чернозема, все, милліонъ разъ измѣнившее свою форму въ лабораторіи природы, будетъ распадаться и снова формироваться въ формы исчезнувшихъ организмовъ; души же — свойства погибшихъ организмовъ, снова воспрянутъ къ жизни, съ возобленіемъ организмовъ, и наступитъ судъ; расортируютъ божественные квартальные праведниковъ отъ грѣшниковъ, однихъ пошлютъ мучиться въ адъ, полный инквизиціонныхъ пытокъ; праведниковъ же расадятъ по чинамъ и погрузятъ въ апатическое, пошлое ничего недѣланіе, въ скучно однообразное созерцаніе такъ мило распорядившагося Бога. Вымыселъ такъ нелѣпъ, что, не унижая себя, нѣтъ силъ опровергать его; есть произведенія ума, стоящія выше критики. Но забавнѣ всего то, что на каждую, сказанную ими пошлость, они имѣютъ запасной, сомнительный текстикъ; если вы имъ замѣтите, что это позорная галиматья, они съ тупоуміемъ Николаевского солдата отвѣтятъ вамъ: „для Бога нѣтъ ничего невозможнаго“; глупость этихъ людей дѣйствительно сверхъестественная, гораздо легче „измѣрить океанъ глубокой, счесть лучи планетъ,“ чѣмъ измѣрить поповскую глупость...

ГЛАВА III

Вопр. „Что такое антихристъ?“

Отв. „Противникъ Христа, который будетъ желать истребить христіанство, но вмѣсто того самъ погибнетъ ужасно.“

Нѣтъ сомнѣнія, что величайшіе противники свободнаго, гуманнаго, христіанскаго ученія — попы; не знаю, погибнутъ ли они ужасно, но губятъ они людей своимъ фантастическимъ ученіемъ ужасно! Глубоко поучителенъ тотъ фактъ, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ рядомъ съ физикою,

химією, анатомією и фізіологією, читаются лекціи объ антихристѣ, событія, совершающіяся въ 1870 году, наложатъ анекдотическую славу на ревнителѣй нашего образованія.

Вопр. „Духъ святой не открылся ли человѣкамъ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ?“

Отв. „Онъ сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ въ пятидесятый день по воскресеніи Христовомъ.“

Бѣдные апостолы! откровеніе было жгучее, если на ихъ головы сходили огненные языки; не мудро, что подъ вліяніемъ обжога они написали жгучую галиматю, а послѣ откровенія должны были лечить себя холодными компрессами! Со святымъ духомъ мы мало знакомы, но, изъ обнаруженнаго имъ наглаго обхожденія съ апостолами, видно, что онъ большой шалунъ.

Вопр. „Чѣмъ удостовѣриться, что благодать Божья пребываетъ въ церкви до нынѣ и будетъ пребывать до скончанія вѣка?“

Отв. „Въ семь удостовѣряютъ насъ слова самого Христа: „созижду церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ее.“

До прочтенія этого текста я всегда удивительно боялся за католическую, католическую и другія церкви, я думалъ, что благодать, сходящая въ церковные кошельки, скоро, вслѣдствіе людскаго коварства, совсѣмъ изсякнетъ, — теперь я совершенно покоенъ: католическая церковь и другія просуществовать вплоть до появленія антихриста.

Вопр. „Есть ли свидѣтельство священнаго писанія о посредствующей молитвѣ святыхъ къ небесамъ?“

Отв. „Святой Евангелистъ Іоаннъ въ откровеніи видѣлъ ангела, которому даны были фиміамы мнози да даетъ молитвамъ святыхъ всѣхъ на алтарь златой сущей передъ престоломъ и изыди дымъ кадильный молитвами святыхъ отъ руки ангела передъ Бога.“ (*Апокалипсисъ* ГІІІ 3. 4.)

Ради Аллаха, объясните, въ чемъ дѣло! что хотѣли разъяснить пастыри, приводя эти обольстительныя строки, написанныя слогомъ Телемахида? въ газовой атмосферѣ летитъ ангелъ съ цѣлымъ косметическимъ магазиномъ духовъ, онъ хочетъ уложить всю эту массу фиміамовъ мнози на златой алтарь, стоящій безъ точки опоры въ безпредѣльномъ небѣ; изъ руки его, какъ изъ печной трубы, начинается идти кадильный дымъ прямо въ носъ Богу; по всей вѣроятности, Богъ чихаетъ.

Вопр. „Какими свидѣтельствами утверждаемъ въ вѣрованіи, что святые по представленіи своемъ чудодѣйствуютъ черезъ нѣкоторыя земныя средства?“

Отв. „Четвертая книга царствъ свидѣтельствуетъ, что отъ прикосновенія къ костямъ пророка Елисея воскресъ мертвый. Апостолъ Павелъ не

только самъ непосредственно свершалъ чудеса, но тоже дѣлали взятые отъ тѣла его головотяжи и убрузцы.“

О, всесильное время! во времена пророка Елисея кости его воскресили мертвеца, въ наше — онѣ прігодились бы для рафинировки сахара; если же его кости оказались бы дѣйствительно хорошими, самое высшее употребленіе сдѣлала бы наука, свинтивъ изъ нихъ скелеть, по которому юношамъ учитель преподавалъ бы анатомію. Было время, когда головотяжи и убрузцы (какъ сладостно билось славянофильское сердце, когда ему попадались такіа тяжеловѣсныя слова, какое прелестное pendant они составили бы къ макроступамъ!) творили чудеса, теперь такое сокровище побросали бы въ навозъ. Пастыри оказываются огромными скептиками, они не признаютъ медицины, стоитъ ли трудиться надъ наукою, когда все можно устроить гораздо проще: на кievской святой гнили слѣдуетъ каждый день мѣнять рубашки, фуфайки, подбитаники, носки, а снятое бѣлье, пропитанное чудодѣйственною силою, разсылать для излеченія по губернскимъ и уѣзднымъ больницамъ! Наступитъ то роковое время, когда иссохшими, многочисленными святыми муміями будутъ поджигать дрова въ печахъ.

Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ :

„Мощи святыхъ аки спасительные источники дарованномъ владыки Христоу иже многоразличныя благодѣянія источаютъ.“

Іоаннъ Дамаскинъ очень неточно выразился, вмѣсто *источаютъ* нужно было написать: испускаютъ и не благодѣянія, а отвратительныя благоуханія. Въ кievскихъ пещерахъ пахнетъ перегнишею кашустою и соломю; не смотря на провѣтриванія и обкуриванія святыхъ праведниковъ, моль завела огромныя гнѣзда въ ихъ сырыхъ гробницахъ, она жретъ ихъ высохшія ткани; но, кромѣ моли, время—величайшій врагъ ихъ: болѣе половины Европы уже не вѣритъ въ ихъ существованіе, считая ихъ черезъ чуръ грубымъ и подлымъ шарлатанствомъ. Корыстная ложь, талцаяся во мракѣ катакомбъ, не вынесетъ разливающегося всюду свѣта истины, она разлетится, какъ дымъ, отъ соприкосновенія съ свѣжей струей воздуха; муміи герметически закупорены, но время выставитъ ихъ на всенародныя очи.

Вопр. „Какое важное преимущество имѣетъ католическая церковь?“

Отв. „Ей собственно принадлежатъ (католическая упорно утверждаетъ что ей) высокія обѣтованныя слова: „что врата адовы не одолѣютъ ее.“

Изумительное преимущество передъ другими церквями!
Но вы забыли, что тогда только это преимущество обнару-

жится, когда врата адавы одолѣють остальные церкви, а ваши нѣтъ, но такъ какъ никакія ворота не идутъ осаждать васъ, то какая церковь тупѣе и грязнѣе, сказать трудно; грустныя пророчества шевелятся въ умѣ моемъ, Иисусъ не солгалъ, врата адавы не одолѣють васъ, несуществующее — самый базопасный противникъ, но васъ смѣшаетъ съ грязью здравый смыслъ, которому вы всю вашу жизнь, неутомимо, подставляли ногу. „Все перемалываетъ время, какъ шелуха, слетаетъ ложь и какъ твердыя зерна остаются недвижныя истины.“ Ваше существованіе сопряжено съ самою бѣдною степенью умственной жизни, вы можете существовать, только закутываясь мракомъ; но человѣчество не стоитъ, оно ползетъ, хоть туго, по черепашьимъ, но все впередъ, а не назадъ, вы будете брошены, какъ бессмысленный грузъ, нестерпимо затрудняющій движеніе впередъ... На 74 стр. проводится слѣдующая интересная мысль :

„Каколическая церковь не можетъ погрѣшать и заблуждаться и изрекать ложь вмѣсто истины, ибо духъ святой всегда дѣйствуетъ черезъ вѣрно служащихъ отцовъ церкви.“ (*Послан. Восточ. Патр. о правосл. вѣрѣ.*)

Незаблуждающіеся, поддерживающіе постоянную корреспонденцію со святымъ духомъ, вѣрно-служащіе отцы церкви въ подтвержденіе ерунды ссылались на мелющихъ ерунду пророковъ и апостоловъ, но, увлекаясь на этомъ скользкомъ пути, они дошли до того, что довольствуются, за немѣнимъ лучшимъ, восточнымъ патріархомъ; эти жалкія строки припахиваютъ сженымъ человѣчьимъ мясомъ, дымомъ инквизиціонныхъ костровъ, лютыми издѣваніями надъ человѣкомъ; изъ этой черной лужи вытекла абсолютная непогрѣшимость; абсолютныя извергія цари и папы хоронятся въ этихъ гнуснѣйшихъ воззрѣніяхъ! Устарѣлая, упрямая ложь стремится силою отвоевать свое существованіе; человѣчество страшною цѣною купило разочарованіе въ абсолютной непогрѣшимости.

Вопр. „Что есть крещеніе?“

Отв. „Крещеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій христіанинъ при троекратномъ погруженіи тѣла въ воду съ призваніемъ Бога отца и сына и святаго духа умираетъ для жизни плотской грѣховной и возрождается отъ духа святаго.“

Интересный процессъ: вѣчную, духовную жизнь можно купить, позволивъ обмокнуть себя въ холодную воду. Дешево и сердито! но грустно то, что въ холодную воду трижды окунаютъ новорожденныхъ младенцевъ и при этомъ попь бормочетъ, какъ пнеія на трпножникѣ; мы знаемъ, что купать дѣтей очень полезно (въ особенности во время прорѣ-

званія зубовъ), но только въ извѣстной температурѣ воды, не менѣе 26 гр. по Реомюру, а отъ холодной воды онъ буквально можетъ умереть для жизни плотской; что же касается до воскресенія его въ мірѣ духовномъ, то это очень и очень плохое утѣшеніе! Купая ребенка, никто не шепчетъ галиматы, не обставляетъ ванночку восковыми свѣчами... На этой же страницѣ говорится, что Іисусъ самъ принялъ крещеніе отъ Іоанна, но до этого намъ нѣтъ никакого дѣла, это дѣло его личнаго вкуса, а о вкусахъ не спорять.

Вопр. „Что значить въ особенности помазаніе чела?“

Отв. „Освященіе ума или мыслей.“

Попы, помажьте, какъ можно гуще, другъ другу лбы для освѣщенія темноты вашихъ головъ! всѣ вислоухіе нашей земли, подставьте ваши мѣдныя лбы пошамъ, не поумнѣете ли вы?

Вопр. „Помазаніе персей?“

Отв. „Освященіе сердца и желаній.“

Пусть пастыри не мажутъ персей, отъ нихъ еще довольно далеко до желаній, если ужъ мазать, то пусть помажутъ самыя желанія!

Вопр. „Что есть причащеніе?“

Отв. „Причащеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующіе подъ видомъ хлѣба и вина вкушаютъ само тѣло и крови Христовой.“

Совершенно справедливо — во время причащенія причащающійся ѣстъ булку съ краснымъ виномъ, но трудно предположить, чтобы ктонибудь, ѣвши булку съ краснымъ виномъ, воображалъ, что онъ пьетъ кровь несчастнаго Іисуса и жретъ его тѣло, всякаго вырвало бы отъ такихъ канибальскихъ мыслей, кому жъ пріятно людоедничать?

Вопр. „Какой долженъ быть хлѣбъ для таинства?“ (вопросъ глубоко практическій)

Отв. „Такой, какого требуетъ само имя хлѣба и святость таинства и примѣръ Іисуса Христа и апостоловъ, т. е. квасной, чистой и пшеничный.“

Конечно, лучше „квасной по примѣру Іисуса Христа и апостоловъ,“ но отчего же любители квасного, чистаго, пшеничнаго хлѣба, пастыри, вы не сослались на когонибудь изъ пророковъ или патріарховъ, неужели никто изъ нихъ ничего не сказалъ про квасной хлѣбъ? ужъ не начинаете ли вы либеральничать?

Вопр. „Что значить пасти церковь?“

Отв. „Наставлять людей въ вѣрѣ, благочестіи и добрыхъ дѣлахъ.“

Нѣтъ, я съ вами не согласенъ, отцы церкви! пасите лучше злоправныхъ свиней, умныхъ, благонамѣренныхъ телятъ, кроткихъ ягнятъ, оставьте людей въ покоѣ!

Вопр. „Что есть бракъ?“

Отв. „Бракъ есть таинство, въ которомъ при свободномъ передѣ церковью и священникомъ общаніи женихомъ и невѣстою взаимной супружеской вѣрности благословляетъ ихъ супружескій союзъ, во образъ духовнаго союза Христа съ церковью и испрашивается имъ благодать единушій къ благословенному рожденію и воспитанію дѣтей.“

Да, это наивное таинство несетъ съ собою тяжелыя цѣпи! я не говорю о людяхъ мыслящихъ, тѣхъ не связываетъ то, что попъ, какъ деревенская сивилла, пробормочеть надъ ними часъ дикую чертовщину, ихъ не связываетъ золотое колечко и невинныя прибауточки, связь ихъ между собою крѣпка внутреннею, горячею любовью, общими потребностями — симпатіями; тѣ, охладясь другъ къ другу (что случается чрезвычайно рѣдко) не стануть подогрѣвать себя, заѣдать свою жизнь хроническимъ самоубійствомъ; для тѣхъ не существуетъ обрядовъ. Но тяжкія цѣпи наложила церковь на женщину полуобразованнаго круга; большинство людей грубо, нелѣпо и придерживается тысячи предразсудковъ, женщина изъ среды такихъ людей — глубоко страдательное существо: она не должна любить другого и не смѣетъ разлюбить мужа. Прекрасное, дающее счастье, возвышающее душу чувство любви превращается въ преступленіе: она должна быть счастлива во чтобы то ни стало съ мужемъ, если же нѣтъ, бѣдная должна влечить тяжкій, незаслуженный крестъ всю жизнь и съ разбитою, уничтоженною жизнью сойти въ пустую могилу. Мужъ — крѣпостной жены, а чаще всего жена — крѣпостная мужа; церковь любитъ благословлять тиранію и рабство. Многіе скажутъ, что съ уничтоженіемъ брака найдутся люди, способные увлечь и бросить молоденькую дѣвушку, воспользовавшись ея красотою и молодостью, что бракъ — обезпеченіе бѣдной дѣвушки; взгляды глубже, вы подмѣтите другое: развѣ не можетъ мужъ, не любящій своей жены, дѣвушки безъ состоянія, морить ее голодомъ, лишеніями всѣхъ удовольствій, грубою ревностью, преслѣдовать ее всѣми изсасывающими, законами дозволенными, средствами? развѣ такихъ примѣровъ мало въ нашихъ деревенскихъ вертепахъ? неужели это лучше, чѣмъ если бы онъ ее совсѣмъ бросилъ? Долгъ и честные принципы вырабатываются не пустыми обрядами, не цѣпами и бессмысленными стѣсненіями! Теперь возьмите другое: дѣвушка по горячей любви выходитъ замужъ, вноситъ въ жизнь любимаго человека и тепло, и свѣтъ; но въ силу простой случайности

является человѣкъ, который сторонами ли характера, умомъ, —привязываетъ къ себѣ женщину, та противится вновь возникающему, сильному чувству, но энергическая кровь, сильная впечатлительность и тысячи другихъ условій, въ которыхъ не виновата женщина, пересиливаютъ чувство къ мужу; тихое счастье улетучивается изъ жизни; холодно становится супругѣ и супругу; не обманывая мужа, она сознается ему въ любви къ другому, если въ немъ есть искра человѣчности и истинной гуманности, онъ, поборовши въ себѣ все невыносимо тяжелое, пробудившееся въ немъ при потерѣ дорогаго счастья, съ любовью уступитъ ее человѣку, могущему ей дать больше счастья, чѣмъ самъ онъ; но тутъ то и обнаруживаются всѣ болѣзненные симптомы негоднаго, связывающаго прочно непрочное, обряда; китайскія стѣны, воздвигнутыя духовенствомъ, особенно ярко рисуются; общество, воспитанное въ путяхъ всевозможныхъ обрядовъ, начинаетъ въ нее бросать комами грязи, оно изыскиваетъ іезуитскіе способы уколоть, затронуть ее, дерзко оскорбить; вы можете сказать, что женщина должна стать выше этого мизернаго, подлагаго общества; нѣтъ! презрѣніе къ обществу не сдѣлаетъ невыносимыхъ уколовъ совершенно нечувствительными; какъ бы я ни презиралъ человѣка, обида не теряетъ совершенно своего болѣзненнаго, раздражающаго свойства! словомъ, бракъ людей порядочныхъ не имѣетъ силы связать, но за то негоднымъ и извергамъ онъ даетъ привиллегію на тиранію. Церковь передаетъ со всѣми законными формальностями женщину въ крѣпостную зависимость ея главѣ, мужу.

Вопр. „Какъ осмѣлиться назвать Бога отцомъ?“

Отв. „По вѣрѣ въ Иисуса Христа и по благодати возрожденія.“

Вопросъ и отвѣтъ такъ забавны, что многіе, позабывшіе катихизисъ, подумаютъ, что я сочиняю вопросы и отвѣты самъ, посылаю недоувѣряющаго въ первый книжный магазинъ, пусть онъ броситъ гривенникъ и приобрететъ изданное 57 разъ сокровище и, раскрывши его сѣрныя, воняющія плѣсенью страницы, проверитъ списанные мною тексты... Непростительная дерзость назвать Бога папашей! я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что Богъ былъ страшно взбѣшенъ за подобную фамильярность; ругаясь и безчинствуя, онъ поклялся въ присутствіи цѣлаго неба, что испепелитъ правительствующій синодъ; послѣднія его слова, обращенныя къ ангеламъ, были слѣдующія: „Повторяю вамъ, господа, еще разъ, что я ихъ прохвостовъ уноню туда, куда Макаръ телятъ гоняетъ!“

На 132 стр. начинается подробный разборъ заповѣдей со всевозможными варьяціями и текстами, собственными пре-

словутыми выводами ; но на второй заповѣди невольно оставиваешься, противъ нея грѣшны болѣе всего поны, тамъ осуждается идолопоклонство, этотъ бессмысленный грѣхъ тяготѣеть надъ ними болѣе, чѣмъ надъ всѣми остальными людьми ; преслѣдуется чревоугодіе и пьянство, этими чудными качествами поразительнымъ образомъ страдаютъ поны : тысячи анекдотовъ, народныхъ остротъ и пословицъ намекаютъ на это грубо и ясно ; она осуждаетъ корыстолюбіе и ни въ комъ оно не проявляется такъ гадко рѣзко, какъ у духовенства : служба и поклоняясь призраку, они обираютъ народъ отвратительнымъ шарлатанствомъ, а за взятые деньги напшиговываютъ головы негоднымъ мусоромъ ; собранныя деньги идутъ въ сундуки или на украшеніе дурно нарисованныхъ картинокъ, капиталъ укладывается на пошлую внѣшность, не принося никому пользы.

Вопр. „Кто же заступитъ для насъ мѣсто родителей ?“

Отв. „Государь и отечество (очень нѣжные родители), потому что государство есть великое семейство, въ которомъ государь-отецъ и подданные его дѣти.“

Да, государство — великое семейство, въ которомъ члены семейства преапетитно пожираютъ другъ друга, а папаша государства по своей нѣжности къ дѣтямъ похожъ на Сатурна. Вотъ къ какимъ архихолопскимъ выводамъ пришли пастыри ! не даромъ катихизисъ издавался на казенный счетъ 57 разъ ! Поклоненіе, приниженіе личности, вотъ стимулы катихизиса ! лизать и пресмыкаться учить высоколиберальный, въ угоду властямъ состряпанный катихизисъ ! На этой же страницѣ почитаніе и извиваніе расплзается отъ царя къ святымъ пастырямъ, отъ святыхъ пастырей къ благодѣтелямъ, отъ благодѣтелей къ старшимъ возрастомъ ; ползаніе и вылизываніе свѣтится въ каждой строчкѣ ; въ пользу этого мандаринскаго взгляда приводятся нѣсколько текстовъ и слова спасителя : „воздайте Кесарю кесарево, а Богу божье.“ Жалкіе олухи ! вы, увлекаясь темною стороною религіи, упустили ея свѣтлую ; Иисусъ не былъ лакеемъ власти, съ его устъ отъ рожденія и до смерти не сорвалось слово униженія передъ сильными міра ; онъ былъ другъ слабымъ и врагъ сильнымъ, его ученіе діаметрально противоположно вашему ; родился онъ нищимъ и умеръ нищимъ ; ученіе его дышало великою терпимостью, горячею любовью ко всѣмъ угнетеннымъ и обойденнымъ жизнью, самоотверженіемъ безграничнымъ ; онъ не признавалъ царей-тирановъ и собственности ; первые были для него послѣдними, послѣдніе первыми. Иден эти жили во многихъ головахъ и религіозныхъ обществахъ,

но онъ были по душѣ не многимъ, онъ взялся ихъ съ безстрашіемъ великаго человѣка провести въ жизнь, но погибъ, какъ опасный, рано пришедшій реформаторъ; ничего не щадящая сила злобы и невѣжества задушила его; эта проклятая стихійная сила живетъ и дышетъ до этихъ поръ, она отстрѣливается пушками отъ правды, она защищаетъ ложь шттыками, тюрьмами, застѣнками, кандалами! Эту дотягивающую свой вѣкъ гнусную, дикую силу, катихизисъ называетъ нашимъ отцомъ, нашимъ благодѣтелемъ! но придетъ день, „когда поднявшіяся на небо облака изъ слезъ милліоновъ несчастныхъ прольются на землю всемірнымъ потокомъ, и тогда ужасъ и раскаяніе наполнятъ пустыя сердца безчеловѣчныхъ притѣснителей, и они въ свою очередь станутъ звать о томъ самомъ состраданіи, голосу котораго никогда не хотѣли внимать.“ Къ Іисусу подошли фарисеи, шпіоны деспотовъ, съ желаніемъ выпытать отъ него отрицаніе налоговъ въ пользу деспотовъ, они спросили: „слѣдуетъ ли платить Кесарю?“ Іисусъ мгновенно понялъ подлый смыслъ вопроса и обезоружилъ ихъ двусмысленностью: „Кесарю воздайте кесарево, Богу божье.“ Но скажите, истязующіе правду, попы, много ли бы получилъ Кесарь, если бы ему дали только то, что ему принадлежить по праву? чтобы сдѣлать ему подарокъ, надо предварительно было содрать съ него шкуру, которая была и есть единственная неоспоримая собственность всѣхъ монарховъ земного шара!

Вопр. „Какъ говоритъ священное писаніе о подчиненіи служителей господамъ?“

Отв. „Рабы повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.“

Вотъ вамъ гуманно плантаторскіе принципы катихизиса! вотъ чему учить желающая спасти душу книженка! Апостолы плетей и рабства! правительство и царь — угнетатели, близкіе вамъ, опередили васъ, они послушались непогрѣшимаго катихизиса и освободили рабовъ; вы текстами подкрѣпляете гнеть, горячее рабство, палки и плети съ тройными наконечниками, и въ эти ужасъ наводящіи строки вы всовываете прекрасную личность Спасителя! Жалкое, отсталое отрѣбье человѣчества! уважите, въ какомъ мѣстѣ евангелія онъ проповѣдывалъ подобныя мысли, если вы докажете это, вы смѣшаете его съ вонючею грязью!

Въ объясненіи шестой заповѣди безсмысліе и идиотизмъ доходятъ до геркулесовскихъ столбовъ, не вѣришь собственнымъ глазамъ:

Вопр. „Всякое ли отнятіе жизни есть закономерно преступное дѣйствіе?“

Отв. „Не есть незаконное убійство, когда отнимают жизнь по обязанности: 1) когда преступника наказываютъ смертью по правосудію, и 2) когда убиваютъ непріятеля на войнѣ за цари и отечество.“

Вотъ синодская сокровищница, вотъ заражающая небо, протухлая, помойная яма, изъ которой суждено дѣтямъ черпать свѣтлыя и широкія истины! За страницу передъ этимъ грязная, затхлая книженка оправдывала, пѣла гимны зловѣщному рабству, а теперь она дошла до того, что проводитъ ту прекрасную мысль, что война изъ за владыкъ—гуртовое убійство, гдѣ человѣкъ человѣка душитъ, рѣжетъ, гдѣ онъ нисходитъ на степень кровожадной твари — святое дѣло; кровавая, канибальская оргія названа благодѣтельнымъ поступкомъ; тяжкое, уголовное преступленіе, за которое въ мирное время ссылаютъ въ Сибирь на каторгу, во время войны превращается въ дѣйствіе гуманное и чистое, за которое на нашихъ военныхъ головорѣзовъ надѣваютъ погремущи. И вы, жалкіе блюдолизы, берегесь разсѣчь гордіевъ узелъ—разъяснить, что такое грѣхъ! ваши каменные черепа треснутъ отъ надрыва прежде, чѣмъ вы сзумѣте объяснить это. Да, господа пастыри, вы умѣете убивать и физически и духовно, вы сочинили аскетизмъ, и эта заѣдающая жизнь мысль многихъ здоровыхъ людей довела до призрачнаго истощенія и смерти, но это — физическое убійство, умственное же — вы свершаете, являясь проповѣдниками религіознаго принципа, о поклоненіи властямъ, неогрѣшимости церкви и властителей, оправдывая войну, застѣнки и кнутъ; такими кроткими, глубоко человѣчными ученіями вы жестокимъ образомъ подавляете молодой, развивающійся мозгъ, душиите его въ зародышѣ. Последняя страница катихизиса гармонически замыкается слѣдующею тирадою:

„Той же рабъ видѣвши волю господина и не уготовавъ, не сотворивъ по волѣ его биевъ будетъ много.“

Вотъ вамъ послѣднее, мудрое, прощальное слово катихизиса! Говоря о Богѣ и Христѣ, они пріѣхали безъ малѣйшихъ скачковъ, послѣдовательно, къ плетямъ и батогамъ; кнутъ и крестъ, вотъ святыя атрибуты каюолическаго духовенства! и этою аномаліею они хотѣли спасти умъ учащагося, выработать въ мальчикѣ понятіе о добрѣ и правдѣ!

Съ тяжелымъ чувствомъ я приступилъ къ разбору катихизиса; серьезно его обличать было бы черезъ чуръ странно: весь онъ налицканъ такою безграничною, подлою чепухою, что единственное оружіе, которое можно было поднять противъ него, не унижая себя, это смѣхъ, но не тотъ свѣтлый смѣхъ,

который освѣщаетъ лицо и разгоняетъ на немъ морщины, а тотъ больной, злой смѣхъ, рвущійся отъ негодованія и от-
вращенія и который судорожно искривляетъ лицо ; надо было
ясно и понятно для пятилѣтняго ребенка разъяснить всю
тѣму его содержанія. Правительство и общество тогда только
обратятъ вниманіе, когда насмѣшка до малѣйшаго атома
раскроетъ чепуху. Баснословно дико то, что это кабалисти-
ческое ученіе обязательно воспитаннику, онъ на него затра-
чиваетъ молодую память и трудъ ; само ученіе такъ гнусно,
что мальчикъ невольно развращается нравственно и умствен-
но, можетъ быть это — самая пламенная мечта синода и
правительства ! прочтя его одинъ разъ, чувствуешь давленіе
кошмара, какая же ужасная участь постигаетъ тѣхъ, которые
обязаны его выдолбить!...

Каиръ. — 1869 г.

Докторъ. Есть истины, волнующія и терзающія общество.

— Да, милый докторъ, истина — революціонеръ.

Докторъ. Согласитесь, наконецъ, что есть истины, способныя пугать.

— Да, какъ и всегда, свѣтъ пугаетъ воровъ.

Докторъ. Есть истины, которыя отвратительно слушать.

— Да, когда онѣ мѣшаютъ опьяненію или возбуждаютъ угрызение совѣсти.

Докторъ. Есть и такія истины, которыя опасны для ихъ проповѣдниковъ.

— Да, когда у нихъ сердце раба или лакея.

(ЛАВУЛЕ)

„Истины самыя простыя тѣ, до которыхъ человѣкъ доходитъ поздне.“

„La liberté est un arbre fort et jeune, et plus on taillera ses rameaux, plus on lui donnera de force pour l'avenir.“

(La bible dans l'Inde, JACCOLLOT.)

Новый міръ переросъ Васъ, не вѣрять въ ваши права и скоро не будетъ вѣрять въ силу...

Заспанные, отяжелѣвшіе, они не умѣютъ никогда во время проснуться, они тогда придутъ въ себя, когда бѣда разразится надъ головой, то есть когда не только поздно понимать, уступать, но поздно спасаться...

(ГЕРЦЕНЪ)

Дѣло Нечаева

Другу ***

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты миѣ прямые.

* * *

Отчего подь ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

* * *

Кто виной? иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно...

* * *

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею
Да отвѣтъ ли это? полно.

(*Книга тысячъ Г. Гейне*)

Vérité ! vérité ! depuis dix mille ans infini
me répond : désir ! désir ! ô sibylle désolée,
ô muette pythie, brise donc ta tête
aux rochers de ton antre, et mêle ton sang
fumant de rage à l'écume de la mer ;
car tu crois avoir possédé le Verbe
tout puissant et depuis dix mille ans
tu le cherches en vain.

(*Lelia. G. SAND.*)

Дѣло Нечаева, печатаемое во всѣхъ газетахъ, лихорадочно прочитывалось молодою и ветхою публикою; старички-рутинеры ужасались, пожимали плечами, коварно и продол-

жительно перешептывались; молодые люди горько улыбались, ждали съ нетерпѣніемъ развязки. Судебная палата, въ первый разъ, гласно, съ адвокатами, разбирала политическое преступленіе. Мы далеки отъ предположенія, что правительство изъ любви къ прогрессу рѣшилось дозволить политическій заговоръ разоблачить передъ обществомъ, лучшая половина котораго тайно, но глубоко, всегда сочувствовала всѣмъ политическимъ преступленіямъ. Правительство знало, кому поручало дѣло, и не боялось за его исходъ, оно знало все заранѣе, исключивъ изъ суда присяжныхъ, съ ихъ неожиданными приговорами. Много мучительныхъ процессовъ вызвало чтеніе процесса, многіе спрашивали себя: какъ отличится наша обвинительная власть, что скажутъ въ защиту наши адвокаты, приобрѣтшіе такую громадную популярность не только въ столицахъ, но и глухихъ провинціяхъ? Процессъ Павленкова приготовилъ насъ къ той горькой мысли, что обвинительная власть приложитъ непомѣрное стараніе, чтобы подлизаться къ тому щедрому, хищному владыкѣ, который за собачье вылизываніе и мусульманское раболѣпіе не жалѣетъ крестиковъ, звѣздочекъ, кругленькихъ пенсіончиковъ, временныхъ вознагражденій; мы еще не забыли г. Тизенгаузена, доблестнаго, непорочнаго мужа, царскаго архикамердинера! его преуспѣваніе на монаршей службѣ мы еще долго не забудемъ! Мы никакъ не умудримся забыть г-на сенатора Ковалевскаго — попугалъ кассационнаго департамента! Эти отвратительные призраки назойливо преслѣдуютъ наше воображеніе; умудренные опытомъ, мы многое предчувствовали и не даромъ! Г. прокуроръ не обманулъ нашихъ надеждъ, но и кромѣ прокурора, многое оказалось не лишеннымъ интереса, какъ напр.: что подсудимые два года съ мѣсяцами уже успѣли просидѣть въ Петропавловской крѣпости, что они, предварительно, были допрошены третьимъ его императорскаго величества отдѣленіемъ, тѣмъ лилейно нѣжнымъ третьимъ отдѣленіемъ, которое сѣкло женщинъ, свило веревки для повѣшенія декабристовъ, допрашивало тайное общество, выданное, замученнымъ пытками, Каракозовымъ и затиранило, вслѣдствіе подозрѣнія, тысячи невинныхъ молодыхъ людей. Время скоро разоблачитъ, на омерзеніе цѣлой Европы, кровопрлитную драму, которую разыграло наше правительство съ тайнымъ обществомъ, въ которомъ участвовалъ Каракозовъ; свирѣпый вѣшатель поляковъ — Муравьевъ былъ приглашенъ либеральнымъ монархомъ для разслѣдованія дѣла; кровавая оргія, справленная имъ надъ осужденными, носила названіе суда! несчетное количество молодыхъ людей, по всей Россіи, было отдано на

сожраіе полиціи; лучшіе журналы запрещены и страшное, неслыханное число было запытано и замучено въ крѣпостяхъ и на каторгѣ; страшные рассказы еще живы въ нашей памяти; ненависть и презрѣніе безъ границъ противъ государя и правительства заталось съ того времени у огромнаго большинства людей; кровь горячо идетъ по жиламъ при одной мысли, сколько мощныхъ, великихъ силъ погребено безслѣдно въ сибѣгахъ Сибири и мракѣ крѣпостей! ихъ въ тихомолку запытали жандармскіе патріоты; но не успѣли мы еще передохнуть послѣ повальнаго пзбіенія молодежи, какъ правительство, еще покрытое теплою кровью прежнихъ жертвъ, снова начало, съ прежнею звѣрскою энергіей, тиранить молодежь! Петропавловская крѣпость и третье отдѣленіе вкупѣ и любѣ сдѣлали то, что подсудимые явились на судъ съ растерзанною грудью, параличемъ слуха, постарѣвши на десяти лѣтъ; у этихъ несчастнѣйшихъ изъ несчастныхъ разбойнически отняли здоровье, лучшіе, цвѣтущіе года молодой жизни, у нихъ отняли то, что не могли имъ дать соединенныя силы цѣлаго міра; но все это — съ государственной точки зрѣнія — пустячки, о которыхъ утомительно говорить, пустячками считается даже то невинно пдплическое обстоятельство, что нѣсколько подсудимыхъ оправдано, слѣдовательно, они блаженствовали въ крѣпости совершенно невинные для потѣхи кроткаго, чадолюбиваго монарха! но довольно!.... довольно!...

Перейдемъ къ предметамъ болѣе дѣльнымъ, — къ самому дѣлу Нечаева, которое такъ подробно разобрала судебная палата. Изъ напечатанныхъ прокламацій и революціонерныхъ правилъ мы узнаемъ, что г. Нечаевъ задумалъ испровергнуть существующій въ Россіи безпорядокъ дѣлъ; средства, которыя онъ имѣлъ для этого, удивительно микроскопичны, но онъ, какъ видно изъ отвѣта подсудимыхъ, слѣпо вѣрилъ, что не смотря на ничтожность данныхъ, при личной энергіи и съ помощью недовольнаго, близкаго къ возстанію народа, можно будетъ сдѣлать великій переворотъ.

Не смотря на наше слабое знаніе 80 милліоновъ, составляющихъ русское государство, мы увѣрены, что Нечаевъ глубоко ошибался, думая, что народъ возбужденъ и близокъ къ поголовному возстанію; подмѣтить это глухое броженіе свше не только Нечаевскихъ силъ, но и человѣческихъ силъ вообще. Нечаевъ прошелъ Россію изъ одного конца въ другой, но этотъ путь — математическая линія въ сравненіи съ 353,468 кв. миль, составляющихъ пространство Россіи. Во Франціи, въ концѣ XVIII вѣка, можно было предчувствовать революцію по страшному количеству дѣятелей, которые

какъ изъ земли выросли въ это грозное время, неслыханное въ исторіи сочувствіе общества къ этимъ огненнымъ пророкамъ свободы; страшное возбужденіе во всѣхъ классахъ общества въ Парижѣ, ощутительно для грубыхъ нервовъ, показывало, что исторія готовится кризисъ; атмосфера полна была тѣхъ паровъ, вслѣдъ за которыми колеблется земля и проглатываетъ цѣлые города и сотни тысячъ человѣческихъ жизней. Ни Петербургъ, ни Москва не обнаруживаютъ даже легкихъ намековъ броженія, чреватаго грозными революціями; въ Петербургѣ могучее броженіе охватило только одну долину, подъ ярмомъ владычествомъ Трепова.

Если бы Нечаевъ былъ лучше знакомъ съ русскою исторіею, онъ узналъ бы изъ нея, что безконечно, невыносимо терпѣливъ русскій народъ, онъ безропотно, до пдотизма, свесъ на себѣ рѣзущее ярмо: царствованіе Павла I, Николая I. Понятно, что освободивши народъ, пошатнувъ въ его головѣ принципы царской и помѣщичьей непогрѣшимости, расширивъ его потребности, нужно быть страшно осторожнымъ и останавливаться на пути реформъ — дѣло чрезвычайно опасное. Исторія намъ подсказываетъ страшныя вещи: всѣ чудовищныя ужасы происходили тамъ, гдѣ тупое правительство, спустивши плотины, раскаявалось и старалось слабѣнкими рученками задержать бѣшенное теченіе, оно уносило жалкихъ пдотовъ и выбрасывало ихъ потомъ избитыхъ, окровавленныхъ, исковерканныхъ бурнымъ теченіемъ. Нечаевъ рассчитывалъ, съ помощью кружковъ, направить взбунтовавшіяся силы народа; въ своихъ и чужихъ прокламаціяхъ онъ обрекаетъ смерти все гнетущее, начиная съ благолѣпнаго монарха, — котораго онъ приберегалъ pour la bonne bouche, для мучительной и страшной казни въ глазахъ народа — его министровъ, третье отдѣленіе и кончая аристократіей, дворянствомъ, купечествомъ; всѣ несочувствующіе радикальному перевороту должны были быть безпощадно уничтожены. Читая процессъ, трудно войти въ экзальтированное, болѣзненное положеніе Нечаева и подсудимыхъ; трудно допустить, что онъ вѣрилъ, что онъ — крохотный атомикъ, могъ бы направить поднявшіяся миллионныя массы, среди которыхъ Нечаевы тонуть, какъ капля, попавшая въ разъяренный океанъ! Неужели ему не пришло въ голову, что герои народныхъ революцій неслышно растутъ въ самомъ сердцѣ народа, что никто изъ насъ не угадаетъ: какія размѣры примутъ эти предводители массъ, въ чемъ будутъ состоять желанія народа и на чемъ остановится онъ?

Давать народу программы дѣйствій, во время перевертывающихъ все вверхъ дномъ революцій — романтическая, дѣт-

ская наивность : революція—крайнее возбужденіе, если трудно угадать какое направленіе примуть массы, во время нормального движенія, то какая же безумная прихоть угадать, какъ будутъ дѣйствовать возбужденные до бѣшенства милліоны людей! Пусть Нечаевъ для опыта попробуетъ угадать въ какую сторону побѣжить и на что наткнется человекъ въ бѣлой горячкѣ. Знай онъ народъ, онъ прежде всего сомнѣвался бы, находится ли его жизнь въ большей или меньшей опасности, чѣмъ тѣхъ изверговъ, обрызганныхъ народною кровью, которыхъ онъ приговорилъ къ жестокой казни! Народъ, во время революцій, часто щадитъ своихъ палачей и рветъ на куски великихъ фанатиковъ свободы, готовыхъ за нее отдать по каплѣ свою кровь, это горько, очень горько, но это такъ. Въ прокламаціяхъ и правилахъ нѣтъ намека на то, какой бы міръ воцарился на мѣсто разрушеннаго, перерѣзаннаго, стараго міра. Нечаевъ, черезъ чуръ наивно сваливаетъ дѣло созиданія на голову несчастнаго, неподготовленнаго народа; рабство и невѣжество не создадутъ разумнаго соціального строя, для этого нужна умственная и нравственная подготовка, упорная и горячая пропаганда среди народа. Растоптать власть, смѣшать ея кровь съ грязью, еще не значитъ ее вполне, навсегда уничтожить; онъ хотѣлъ съ своими микроскопическими силенками однимъ ударомъ разрушить, вѣвшіеся въ 80 милл. предразсудки, безобразныя отношенія, невѣжество и чудовищную ложь; онъ забылъ, что такіе могущественные фокусъ-покусы существуютъ только на страницахъ библіи, гдѣ по повелѣнію деспота Егвы хаосъ и мракъ мгновенно превратились въ свѣтъ.

На бумагѣ перерѣзать людей не трудно, быть тираномъ только въ проэктахъ не такъ мерзко, какъ быть имъ въ дѣйствительности; всякій мыслящій человекъ вѣритъ всею душою, что если правительство остановится на пути реформъ, то революціи неизбежны, но ихъ сфабрикують не Нечаевы, а та грозная сила недовольныхъ, проснувшихся отъ летаргіи массъ, гдѣ Нечаевы имѣютъ значеніе ноля съ минусомъ.

Нечаевъ, пропагандируя свѣтлыя убѣжденія, могъ бы принести большую пользу народу, но это было бы слишкомъ мало для поднятія его къ возстанію. Тайныя общества, въ главѣ которыхъ стоятъ Каракозовы и Нечаевы, показываютъ, что есть уголки въ Россіи, гдѣ бродитъ неспокойная, жаждающая радикальныхъ реформъ сила, она можетъ развиться, разпустить свои корни, если царь и правительство не перестанутъ быть кровавымъ палачемъ, стихійною силою, которая

безсмысленно разить все на пути и правое и виноватое. Обнаруженное тайное общество интересно съ психической стороны: оно ясно показываетъ, на сколько успѣло вырости и очеловѣчиться общество, оно напомнило царю и правительству, что пора безнаказанности прошла, и замучивать молодежь по каторгамъ и казематамъ удивительно опасно.— Если царь, съ непостижимымъ тупоуміемъ, будетъ опираться на такую нѣжно идеальную личность, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ и на такое современно гуманное учрежденіе, какъ третье отдѣленіе—Каракозовы неизбѣжны, они будутъ появляться какъ фатумы въ древнихъ трагедіяхъ. Наше время и безъ революцій умудрится добиться до многого. Во времена Юлія Цезаря, когда личность императора была обвѣяна мнѣнскою божественностью, а большинство вѣрило, что разгнѣванное божество пошлетъ сонмы ангеловъ, съ пылающими мѣчами мести, въ защиту своего помазанника, тогда въ то невозвратимое, старое, злое время вѣка рожали Брутовъ и Кассіевъ, но и ихъ преслѣдовалъ императорскій призракъ; наше время разоблачило императорскій мнѣ: темная божественность на вѣки испарилась и остался одинъ жалкенькій трупъ, полный червей и вони; теперь слово императоръ получило роковое, для носящихъ этотъ титулъ, значеніе.

Теперь царская корона равносильна клейму каторжника. Такія личности какъ Березовскій, Каракозовъ показываютъ, что цари, поставивши себя внѣ закона, внѣ отвѣтственности, не съумѣли и не съумѣютъ себя оградить отъ убійць, отъ мстителей, которые, рискуя жизнью, мстятъ за униженныя человѣческія права, за царскія преступленія; этотъ безгласный судъ страшнѣе гласнаго, этотъ судъ неизбѣженъ и онъ наставитъ царей на путь истины. Цари очаровательно наивны, они не могутъ разжевать ту полынь, что если имъ можно, безпощадно звѣрски карать мнимыя преступленія, то, въ свою очередь, не нужно свершать дѣйствительныхъ, тяжкихъ преступленій, чтобы не подвергнуться той же расправѣ—какъ аукнется такъ и откликнется. Такіе суды надъ дарами, отъ которыхъ ихъ не уберезетъ цѣлая армія изъ полицій, только тогда перестанутъ быть логичными, когда цари докажутъ, что они непогрѣшимы, докажутъ, что они не люди, въ качествѣ же простыхъ смертныхъ, они должны жестоко побавиться, если за ними водятся безчисленные грѣхи; давши свободу народу, нужно широко и быстро идти впередъ, если царь и правительство остановятся, революціи и мелкія кровавыя реакціи неизбѣжны; мы не возьмемъ на себя смѣлости опредѣлить точно годъ революціи, какъ это

сдѣлалъ Нечаевъ, но мы вѣримъ, что она явится и поразить своею неожиданностью; пусть правительство перестанетъ дѣтски вѣрить въ пушки, Сибирь, Петропавловскую крѣпость, въ разфранченную гвардію; въ тяжкія минуты за деньги купленная любовь обнаружится; мнимо вѣрная, царская стража перейдетъ на сторону замученныхъ страдальцевъ, своихъ кровныхъ братьевъ, они сердечно не связаны съ фантастическими дворцами, безумными, животными оргіями, они кровнѣе связаны съ жалкими хатами, занесенными снѣжными мятелями и тѣмъ несчастнымъ, нагимъ людомъ, который, стеная, копошится въ грязи и навозѣ этихъ хатъ; матери, отцы, братья, сестры, все родное по духу и плоти охраняющимъ войскамъ, въ жалкихъ хатахъ, а не въ роскошныхъ дворцахъ; грядущее покажетъ, что они слѣбуютъ, не смотря на обезличивающую солдатчину и нескончаемую деморализацію ихъ, отличить правду отъ лжи; истины свободы и общаго блага чрезвычайно просты и ослѣпительно ясны, тутъ не нужно созидать геніальныхъ софизмовъ, какъ въ уголовномъ правѣ.

II.

Большая часть публики, слѣдящая за процессомъ, была поражена прокламаціями и правилами; мы не выписываемъ прокламацій, потому что въ правлахъ всѣ они приведены къ одному знаменателю; правила — продуктъ долгаго, упорнаго, невыносимаго ожесточенія, они наслаивались вѣками, въ холодномъ мракѣ крѣпостей, подъ лязганіе цѣпей. Нѣтъ ни одной націи, которая не выронила бы въ эти правила или слезы отчаянія, или безумнаго, желчнаго гнѣва; отъ нихъ пахнетъ гнилымъ холодомъ римской башни св. Ангела, тлѣномъ венеціанскихъ тюремъ австрійскаго владычества, ямами русскихъ и австрійскихъ крѣпостей. Я ихъ выписываю, чтобы показать, что слезы и кровь невинныхъ не пропадаютъ безслѣдно, что почва, орошенная такою жидкостью, рано или поздно, произведетъ чудовищную Немезиду, которая вверхъ дномъ перевернетъ міръ и заплатитъ долгъ сторицею.

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

1) Революционеръ — человѣкъ обреченный, у него нѣтъ своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени, все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью — революціей.

2) Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ, а на дѣлѣ разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами и приличіями, общепринятыми условіями и нравственностью этого міра, онъ для него врагъ безошадный, и если бы онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

3) Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предавая ея будущимъ поколѣніямъ, онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія! для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химию, медицину; для этого изучаетъ денно и ношно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій общественнаго, настоящаго строя... цѣль же одна: наискорѣйшее разрушеніе этого поганнаго строя.

4) Онъ презираетъ общественное мнѣніе, онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ инѣшнюю общественную нравственность; нравственность для него все то, что способствуетъ торжеству революціи, безнравственно и преступно все, что мѣшаетъ ей.

5) Революціонеръ — человѣкъ обреченный, безошаденъ для государства и вообще для всего сословно образованнаго общества, онъ и отъ нихъ не долженъ знать пощады, между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая борьба за жизнь и смерть, онъ долженъ пручать себя выдерживать пытки.

6) Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ, всѣ изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть въ немъ задавлены единою, холодною страстью революціонернаго дѣла; для него существуетъ одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе — успѣхъ революціи; денно и ношно у него должна быть одна мысль, одна цѣль — безошадное разрушеніе, стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

7) Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность, увлеченіе, она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе; революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ расчетомъ, всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

8) Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ; мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ тому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

9) О солидарности и говорить нечего, въ ней вся сила революціонернаго дѣла. Товарищи революціонеры стоятъ на одинаковой степени революціонернаго пониманія и страсти должны всѣ крупныя дѣла по возможности обсуждать вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана, каждый долженъ рассчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

10) У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ втораго и третьяго разряда, то есть не совсѣмъ посвященныхъ,

на нихъ онъ долженъ смотрѣть какъ на часть общаго революціонернаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе, онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу, на себя онъ смотритъ какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціонернаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ, безъ согласія всего товарищества, вполне посвященныхъ, распоряжаться не можетъ.

11) Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ соображаться не съ какими нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціонернаго дѣла, потому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ съ одной стороны, а съ другой — трату революціонерныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе и на которую сторону перетянуть, такъ и долженъ рѣшить.

Отношеніе революціонера къ обществу.

12) Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе какъ единодушнo.

13) Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый образованный міръ, и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее и скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего нибудь жалъ въ этомъ мірѣ, если онъ можетъ остановиться передъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру. Всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если въ немъ есть родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если онѣ могутъ остановить его руку.

14) Съ цѣлію безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и часто даже долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть; революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ высшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, литературный, въ третье отдѣленіе и даже въ зимній дворецъ.

15) Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1) категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть; да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ по порядку ихъ относительной зловерности для успѣха революціонернаго дѣла, такъ чтобы предъидущіе номера убрались прежде послѣдующихъ.

16) При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышереченнаго порядка должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемою имъ въ товариществѣ или въ народѣ; это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть отчасти и полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта, должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціонернаго дѣла; и такъ прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонерной организаціи, а также внезапная, насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство, лишивъ его умныхъ и энергическихъ дѣятелей, потрясти его силу.

17) Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даютъ только временно жизнь, чтобы они, рядомъ звѣрскихъ поступковъ, довели народъ до неотвратимаго бунта.

18) Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высоко поставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силою; надо ихъ эксплуатировать всевозможными манерами, путями, оу-

тать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами; ихъ власть, богатство, вліяніе и сила дѣлаются такимъ образомъ нестоимому сокровищницею и сильною помощію для разныхъ предпріятій.

19) Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными отгѣнками, съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, между тѣмъ прибирая ихъ въ руки, овладѣвъ всѣми ихъ тайнами, скомпromеттировать ихъ до нельзя, такъ чтобы вернуть былъ для нихъ невозможенъ и ихъ руками мутить государство.

20) Пятая категорія: доктринеры, конспираторы - революціонеры, всѣ праздноглаголющіе въ кружкахъ и на бумагахъ; ихъ надо безпрестанно только и тянуть впередъ въ практичныя, головоломныя заявленія, результатовъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

21) Шестая категорія — женщины, которыхъ нужно раздѣлить на три главныхъ разряда: однѣ — пустыя, безсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться какъ третьей и четвертой категоріей мужчинъ; другія — горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго, безстрашнаго, фактическаго, революціонернаго пониманія; наконецъ, женщины совсѣмъ наши, т. е. вполне посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу, мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоценнѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношенія товарищества къ народу.

22) У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастья народа, то есть чернорабочаго люда, но убѣжденіе въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно только путемъ всеокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобцѣнью тѣхъ бѣдъ и золъ, которыя должны вывести наконецъ народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

23) Подъ революціей товарищество разумѣетъ не регламентированное, по западному классическому образцу, движеніе, которое всегда останавливается передъ собственностью и передъ традиціей общественнаго порядка въ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы и замѣщенія ея другою, и старались создать такъ называемое революціонерное государство. Спасительной для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи, порядки и классы въ Россіи.

24) Товарищество поэтому не намѣрено навязывать какую бы то ни было организацію сверху, будущая организація, безъ сомнѣнія, вырабатывается изъ народнаго движенія и жизни, но это дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло — безпощадное разрушеніе.

25) Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы, не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ; противъ дворянства, чиновничества, гильдейскаго міра, противъ кулака мірѣда. Соединимся съ лихимъ, разбойничьимъ міромъ, съ этимъ единственнымъ и истиннымъ революціонеромъ въ Россіи.

26) Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всеокрушающую силу, вотъ вся наша организація, конспирація и задача.

Составители этого катихизиса не люди дѣла, а величайшіе въ мірѣ романтики и идеалисты; иезуитскій катихизисъ, столкнувшись съ дѣйствительностью, превращается въ мистическій бредъ, въ напрасно испорченный лоскутъ бумаги; я разберу всю благородную основу этихъ правилъ и всю ихъ крайнюю непрактичность. Тайныя общества съ такими разрушительными замашками — грустное явленіе, они не удавались и не удадутся; такіе колоссальныя проэекты заканчивались тѣмъ, что тайное общество, не успѣвши собраться въ крошечную кучку, уже ловилось какимъ нибудь малюсенькимъ иніончикомъ; единодушія никогда не бывало въ этихъ кружкахъ. Требованія тайнаго общества такъ суровы, такъ громадны, что выдержать ихъ могутъ, не надорвавшись, только колоссальныя личности въ родѣ г. Рахметова, обыкновеннымъ — это не подь силу; съ расширеніемъ тайнаго общества увеличивалась разногласица, обнаруживались неодинаковыя стремленія, всѣ человѣческія слабости: (съ революціонерной точки зрѣнія) любовь, дружба, жалость, великодушіе, недостатокъ энергіи, отчаяніе, апатія, робость, неспособность разстаться съ средствами къ жизни выплывали наружу; стремленіе къ индивидуальности превращаетъ подобныя тайныя общества въ карточные домики, способные рухнуть отъ слабенькаго полицейскаго дуновенія. Чтобы убивать всѣхъ злыхъ людей, эксплуатировать на разные лады аристократовъ, дворянство, купечество, выпытывать изъ нихъ всѣ ихъ тайны, нужно создать партію могущественнѣе той, которой хотятъ пользоваться и которую хотятъ уничтожить. Неужели тайное общество можетъ набрать въ свою среду миллионы людей и быть увѣреннымъ, что никто изъ цѣлага миллиона не нарушитъ суровыхъ, неумолимыхъ условій и не выдастъ на голову все тайное общество? Нужно, чтобы партія революціонеровъ владѣла волшебною палочкою, по мановеніи которой аристократы начали бы съ восторгомъ выворачивать свои карманы передъ карманщиками-революціонерами, начали бы имъ навязывать свои грязненькія и чистенькія тайны; я глубоко увѣренъ, что гг. аристократы скорѣе повернутъ карманы гг. революціонерамъ: они великіе практики по этой части. Отъ прикосновенія этой дивной палочки всѣ конспираторы, доктринеры, либералы, всѣ праздноглаголющіе бросились бы въ головоломныя предпріятія, въ самый водоворотъ революціи, рискуя жизнью, средствами, жертвуя родственными и семейными чувствами; бездушныя, пустыя женщины обрѣли бы мгновенно небывалыя души, повысыпали бы изъ себя всѣ сальненькія тайны, послѣ чего стали бы сундуками, переполненными ассигнаціями для гг. революціонеровъ; жен-

щины умныя, горячія, но не революціонерки, тотчасъ же бы превратились въ ярыхъ революціонерокъ, побросали бы своихъ мужей, отцовъ, матерей, дѣтей, родныхъ, а свою жизнь и состояніе принесли бы въ дань революціонерному дѣлу; безъ волшебной палочки свершить это очень и очень трудно. Революціонеръ въ духѣ этихъ правилъ — іезуитъ общаго блага, тутъ то же ожесточеніе, та же нетерпимость, кроваво-жадная жестокость, ярый фанатизмъ, та же основная формула, что цѣль оправдываетъ средства, съ тою разницею, что іезуиты стремились къ застою и мраку, тутъ же, — съ помощію деспотической тираніи, къ свѣту; для насъ, людей, не насладившихся каторгою, не вкусившихъ комфорта петропавловской крѣпости, такое ожесточеніе кажется дикимъ. Въ каждой строкѣ правилъ сквозитъ деспотизмъ, посяганіе на свободу личности въ духѣ абсолютнаго монархизма, претензіи на непогрѣшимость, которая черезъ чуръ дорого обошлась несчастному человѣчеству; революціонерный катихизисъ волшебю превращаетъ людей въ гайки, винты, рычаги, котлы революціонерной машины; они не берутъ въ расчетъ, что человѣкъ можетъ служить общему дѣлу въ тысячѣ различныхъ видовъ и чѣмъ болѣе онъ руководствуется свободно вытекающимъ изъ него внутреннимъ убѣжденіемъ, тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Правила съ царскою развязностью обрекають смерти сотни тысячъ людей, тѣхъ людей, которые такъ же виноваты, что они рабы, консерваторы, какъ и крапива, которая рядомъ выросла съ розами. Въ правилахъ упоеніе разрушеніемъ доходитъ до фантастическихъ размѣровъ: они не разбирають, что тысячи людей, ими приговоренныхъ, родились отъ рабовъ и выросли средь рабства; что ихъ цари и правительства деморализировали съ изумительнымъ постоянствомъ цѣлые вѣка; что они завербовали ихъ прочно, поставивши ихъ жизнь, счастье въ зависимость отъ себя; что пожертвовать своею жизнью, средствами, семействомъ для служенія свободѣ, нужно быть необыкновеннымъ человѣкомъ; тогда какъ масса вся поголовно состоитъ изъ людской мелочи, которая не въ состояніи противиться силѣ жизни. Правила повелѣвають людямъ выпшвырнуть изъ себя, какъ хламъ негодный, чувство горячей любви, юношескаго увлеченія, жалости, великодушія; они проповѣдуютъ революціонерный аскетизмъ; босоногіе капуцины вѣрили, что истязуя тѣло, они очистятъ духъ, но исковеркавши тѣло, они исковеркали и духъ, продуктъ этого тѣла. Для меня дики и непонятны мѣры, продиктованныя революціонерною тираніей, которая старается оправдать лужи человѣческой крови благими цѣлями; къ счастью людей правила не владѣють чудо-

дѣйственнымъ свойствомъ : превращать людей въ кровожадныхъ скотовъ ! буквально вѣрныхъ этимъ правиламъ людей весьма немного, такіе Мараты революціи — болѣзненное, исключительное явленіе ; такіе люди должны страдать невыносимою мукою душевной дисгармоніи между долгомъ, предписаннымъ правилами и добрыми инстинктами своей природы. Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ слѣпо вѣрили въ возможность въ нѣсколько мѣсяцевъ истребить гильотиною весь гнилой, ветхій міръ до основанія ; король погибъ на плахѣ, но новый извергъ взошелъ по кровавымъ ступенямъ на тронъ ; вмѣсто отбѣченныхъ головъ, какъ у лернейской гидры, выросли новыя, болѣе страшныя, съ печатью мести и вражды ; такая ошибка прощительна колоссальнымъ героямъ 93 года, которые явились въ безумное, ужасное время, когда народъ въ первый разъ мстилъ за тысячелѣтнее издѣваніе надъ собой ; мы поняли ошибку прошлаго, взвѣсили результаты кровавой борьбы ; наше время должно выдумать что нибудь помягче тайной инквизиціи, вареоломеевской ночи ; мелкія, кровавыя реакціи, моментальные взрывы не обезпечиваютъ большинства, они показываютъ не силу, а безсиліе ; во время такихъ реакцій народъ похожъ на человѣка, который, не зная, что ему дѣлать, съ отчаянія кусается и дерется. Если народъ дѣйствуетъ не глубоко сознательно, если онъ съ удовольствіемъ выдерживаетъ на своей мощной спинѣ разнаго рода эквилибристовъ, его благосостояніе принадлежитъ далекому будущему ; я увѣренъ, что путемъ кровавой борьбы — не такъ скоро, какъ многіе думаютъ — люди завоюютъ себѣ миръ и счастье ; ожесточеніе будетъ расти, неумѣние всего взвѣсить и предвидѣть будетъ обнаруживаться на каждомъ шагу, а свѣтлое, непонятое будущее отодвигаться въ темную даль. Только путемъ пропаганды свѣтлыхъ убѣжденій въ самомъ обширномъ и гибкомъ значеніи этого слова можно добиться всего ; нужно всѣми силами, тайно и открыто развивать большинство, подымать его нравственный и умственный уровень, пользуясь стачками, конгрессами, собраніями, выборами ; нужно, не щадя силъ и жизни, проводить въ народныя массы разумныя, честныя убѣжденія ; горячимъ, ѣдкимъ словомъ мнѣн превращать въ жалкихъ, ненужныхъ марионетокъ ; съ либеральныхъ шарлатановъ нужно сдернуть маскирующее ихъ покрывало и выставить ихъ во всей мерзкой, отталкивающей наготѣ. Нашъ критическій вѣкъ, разрушивъ на животныхъ инстинктахъ основанное государство, создалъ новое государство, въ программу котораго не входятъ неограниченно ворующіе, неограниченно давящіе монархи, поѣданіе одного государства другимъ, цензуры, тюрьмы, каторги,

религіозныя и политическія преслѣдованія ; это новое царство не фантастическій міръ, а строго реальный ; онъ основанъ на личной пользѣ, основная формула этого строя : всякій для другихъ и въ то же время всякій невольно для себя ; экономическій вопросъ сталъ роковымъ, безотлагательнымъ вопросомъ настоящаго ; требованія наслажденія и довольства за трудъ стало насущною потребностью не однихъ развитыхъ единицъ, но и создавшихъ въ себѣ человѣка массъ ; къ этому государственному строю стремится все разумное, все способное честно и смѣло взглянуть на дѣйствительность, отбросивъ съ отвращеніемъ и презрѣніемъ кучи софизмовъ, выработанныхъ сытымъ человѣчествомъ. Новые люди не падаютъ своихъ силъ для осуществленія новаго міра ; они, не блѣднѣя, глядятъ въ черное будущее, которое въ слѣпомъ ужасѣ грозитъ имъ терновыми вѣтвями, снѣгами Сибири, дырами крѣпостей, ненавистью того общества, которое такъ безопасно покоится, такъ безумно наслаждается, торгуя человѣчьимъ мясомъ, кровавыми, перерезывающими слезами. Призрачно не то государство, гдѣ торжествуетъ свобода, величайшая справедливость въ раздѣлѣ труда, благъ и наслажденій ; но чудовищно призраченъ тотъ міръ, гдѣ подавлены всѣ естественныя, человѣческія права, гдѣ необузданно жадно пьетъ чашу наслажденій микроскопическое и недостойное наслажденія меньшинство, а миллионныя массы, давшія имъ жизнь, счастье, богатство, облизаваютъ свои запекшіяся, пересохшія, окровавленные губы. Новый государственный строй, глухо рвущійся изъ отживающаго, дряхлаго строя, наполнить здоровую и обильною пищею тѣ миллионы желудковъ, которые тысячи лѣтъ оставались ненаполненными ; за трудъ онъ заплатитъ довольствомъ и наслажденіемъ, которыя въ старомъ мірѣ были обѣщаны попами въ какомъ-то беспочвенномъ, никѣмъ не изслѣдованномъ мірѣ ; государственные законы въ немъ сойдутъ на минимумъ и будутъ охранять не хищниковъ и воровъ, а слабого отъ эксплуатаціи сильнаго, простака отъ ловкаго мошенника ; наука и искусства, разрабатываемыя не миллионною долею человѣчества, а крупною его частью, прольютъ свои богатства на все чѣловѣчество ; женщина перестанетъ быть аппаратомъ для одной только чувственности, она выйдетъ изъ подъ опеки браковъ и изъ подъ звѣрскаго гнета мужчинъ, тысячи лѣтъ придавленные, производительно замиравшія, мощныя силы ея вырвутся наружу и обогатятъ міръ ; религію поповъ, залившую землю кровью, борьбою сектъ, тайною инквизиціею, варварскою нетерпимостью, обокравшую чловѣчество для того, чтобы капиталы, добытые изъ его пота, преобразить въ ни къ чему

негодные храмы и монастыри, чтобы осыпать сокровищами картинки, изображающія фантастическіе сюжеты; которая, вмѣсто того, чтобы дать просторъ здоровой критикѣ, развила въ челоѳечествѣ гнусную способность пассивно вѣрить въ ерунду, не смѣя ее анализировать и наполнила мозги челоѳечества болѣзненными галлюцинаціями, затормозивъ его на тысячи лѣтъ; эту религію хаоса и муки замѣнить религію разума и величайшей справедливости для всѣхъ людей, безъ исключенія, раскрывающая полный просторъ критическому разуму и всѣмъ святымъ стремленіямъ ко благу всего челоѳечества. Этотъ государственный строй воплощается въ федеративной демократической республикѣ, гдѣ подъ фирмою одного государства будутъ жить и мощно, самостоятельно развиваться сотни государствъ, сообразуясь только съ физическими условіями, ихъ окружающими и собственными стремленіями къ большей и большей свободѣ и обоюдной пользѣ. Мысль, умѣющая глубоко понять идею величайшей справедливости, свободы и блага — страшная сила, она грознѣе небесныхъ бурь несетъ въ міръ разрушеніе; сила слова породила христіанство, охватившее полміра; свободные, гуманные принципы нашего вѣка могли же родить Прудона, Фурье, Овена, Луи Блана и тысячи людей, готовыхъ пожертвовать всѣмъ для осуществленія своихъ стремленій. Радикальные идеи вращаются во всей ихъ глубинѣ и ширинѣ пока среди единицъ, нужно сдѣлать ихъ достояніемъ массъ. Но относясь критически къ разрушительнымъ стремленіямъ этихъ правилъ, доказывая ихъ непримѣнимость, я еще разъ повторяю, что основа ихъ велика и свята; истина, какъ свѣтлый родникъ, бьетъ на самомъ днѣ этого ожесточеннаго ученія; въ основѣ ихъ лежитъ та недвижная, стоящая первая на очереди истина, что всѣмъ одинаково нужно трудиться, ѣсть питательную пищу, одинаково дышать свѣжимъ воздухомъ въ здоровыхъ и удобныхъ жилищахъ и наслаждаться всѣми благами; передъ этою незыблемою, какъ міръ, аксіомою цѣлыя горы философскихъ трактатовъ и утонченныхъ софизмовъ о правѣ разлетаются, какъ пухъ, отъ дыханія урагана; сквозь ожесточеніе этихъ правилъ проглядываетъ мысль, что государство — заговоръ меньшинства противъ большинства, въ этомъ логически мыслящій челоѳекъ сомнѣваться ни на одну минуту не можетъ; деспотическое государство, нѣтъ сомнѣнія, болѣе, чѣмъ другое, держится на дикомъ насліи, подкупѣ; оно можетъ существовать до поры, до времени, оберегаемое пушками и подкупными, умственно и нравственно извращенными солдатами. Государство пережило себя, является два вопроса: чѣмъ можетъ оправдать свое существова-

ніе не только худшее, но и самое лучшее современное государство? чѣмъ можетъ защитить себя отъ неминуемой гибели? На первый вопросъ представители государства могутъ отвѣтить: „Все наше великое право на существованіе заключается въ томъ, что насъ пока еще всѣхъ не передушили.“ На второй вопросъ они ничего не могутъ отвѣтить; если они вздумаютъ заикнуться о таинственныхъ человѣческихъ правахъ, всеохраняющемъ законѣ, о справедливости ко всѣмъ людямъ, о служеніи народу, о возможности спасти его, то мертвые расхохочутся.

III.

„Задумали подорвать Кесаря,
Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.“

Является вопросъ: можно ли изречь карательный приговоръ надъ осужденными по дѣлу Нечаева, которые перерѣзали государство только на бумагѣ, которые участвовали въ убійствѣ Иванова, вынужденные чувствомъ крайняго самохраненія, мыслью, что дѣло общаго блага можетъ рухнуть, если ихъ выдастъ Ивановъ, все преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они читали прокламаціи и составляли крошечные кружки, совершенно безопасные для цѣлаго государства? на это положительно можно отвѣчать: нѣтъ! они погибли невинно, какъ тысячи политическихъ жертвъ, замученныхъ до нихъ! они не виноваты, какъ не виновата моль, которая завелась въ мѣхѣ, висящемъ въ сырости; виноваты не Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ, а виноваты, страшно виноваты тѣ зловѣщія, давящія силы, эксплуатирующія все живое! Правительство душитъ честныхъ людей, загораживаетъ имъ пути къ честной дѣятельности, поневолѣ, они конвульсивно начинаютъ отстаивать свое существованіе! чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе отпоръ; требовать логики и гуманности отъ человѣка умирающаго съ голоду, мудрено! сытый, онъ не раздавитъ мухи, голодный, онъ высосетъ изъ роднаго брата кровь и смѣясь сожретъ его мясо. Правительство само завариваетъ жгучую, ядовитую микстуру и корчить кисленькія гримасы, когда приходится ее выпить. Тамъ, гдѣ мирный протестъ насилію и злу заканчивается ссылкой, безъ суда, на каторжную работу, тамъ Каракозовы, Нечаевы становятся болѣе, чѣмъ понятны; то, что кажется уродливымъ

въ государствахъ свободныхъ, то является совершенно нормальнымъ въ государствахъ рабскихъ. Многие изъ наивныхъ могутъ замѣтить, что подобныя тайныя общества, удавшись, могутъ потрясти общество, что если допустить безнаказанность подобныхъ дѣйствій, общество и отдѣльная личность не обезпечены; я уже доказывалъ, что удался они не могутъ; перевороты, потрясающіе, но въ то же время и обновляющіе общество, возникаютъ не изъ Нечаевыхъ, а изъ уродливо сложившейся жизни; вы ихъ не предотвратите, какъ бы ни были варварски жестоки ваши преслѣдованія; преслѣдованія никогда никого не застрачивали и не застрапаютъ, но всегда возбуждали и возбуждаютъ еще болѣе сильное ожесточеніе. Идеи—огонь, чѣмъ глуше и невидимѣе горитъ онъ, тѣмъ онъ страшнѣе; неужели нужно доказывать, что и при теперешнемъ государственномъ порядкѣ, ни общество, ни отдѣльная личность не обезпечены; обезпечены хищные звѣри: царская фамилія, генералы, жандармы, подлые фискалы, кровожадное третье отдѣленіе, свора мосекъ, продавшихъ свой человѣческій образъ за золотую игрушку и миллионы пуль, все же, носящее человѣческій образъ, безобразно не обезпечено; безукоризненно честная дѣятельность у насъ мнѣ, честный человѣкъ у насъ Блонденъ, ходящій въ мѣшкѣ по канату надъ стосаженою пропастью, наша честность секретная, замаскированная, обнаружитъ ее вполнѣ значить попасть въ черныя щели петропавловской крѣпости, или сдѣлать мопіонъ въ 12 тысячъ верстъ, въ кандалахъ, безъ платья, при 40 градусномъ морозѣ въ Сибирь, по той вытоптанной миллионами жертвъ широкой дорогѣ, смоченной кровью и пропитанной до центра земли горючими слезами, которая получила мрачную кличку въ народѣ: „проторенная цѣпямъ.“ Влѣдныя, страшныя тѣни погибшихъ потребуютъ къ суду виновныхъ и ужасный то будетъ день! Судъ апокалипсиса будетъ нѣжною ласкою возлюбленной въ сравненіи съ нимъ.

Неужели можно заикнуться, не свершая тяжкаго преступленія, что обезпечена народная масса, т. е. другими словами самая суть государства, то чудовищное большинство, на которое чудеса цивилизаціи, даже нечаянно, не выронили ни одной живительной капли, та истощенная, жаждущая почва, которую безжалостно топчетъ слѣпой абсолютизмъ, изъ которой вытянуты всѣ жизненные силы? Народъ задыхается въ безвыходности, его грабятъ всѣ, съ него, съ чувствомъ высочайшей законности, сдираютъ послѣдніе клочья кожи; его страдальческій потъ непостижимо быстро превращается въ сказочные дворцы и языческую роскошь; онъ видитъ надъ

собою право, но только лютое право, право сильного, словомъ, блаженствуетъ, жуируетъ вся та гниль и мерзость, которая не имѣетъ права на жизнь и наслажденіе, и копошится въ грязи раздавленное все святое, великое. Государство балансируетъ на головѣ, ему необходимо стать на ноги, иначе оно рискуетъ задохнуться отъ апоплексіи. Такой извращенный порядокъ въ себѣ самомъ несетъ зародышъ неминуемой гибели, онъ рухнетъ отъ собственнаго чудовищнаго безмыслія. Подсудимые хотѣли свергнуть не существующій порядокъ дѣлъ, а беспорядокъ дѣлъ; съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ взглянуть на ихъ мнимое преступленіе; ихъ ожесточеніе — продуктъ царскаго самодурства, не говоря уже о томъ, что стремленія ихъ были чисты и прекрасны; въ свободномъ государствѣ, гдѣ существуетъ свобода пропаганды, право сходокъ и ассоціаціи, такіе люди были бы глубоко прекрасными и полезными дѣятелями, всякій изъ нихъ съ отвращеніемъ взглянулъ бы на жестокости, наполняющія правила; сатанинскія потребности разрушенія невысказаны тамъ, гдѣ есть выходъ болѣе мирный и разумный, онѣ выработываются насиліемъ и произволомъ.

IV.

Тайное общество, составленное Нечаевымъ, сколокъ съ заговора Бабефа съ тою разницею, что у того было много сообщниковъ, у Нечаева же ихъ очень мало. Это споръ о правахъ. Масса голодающая, обездоленная, униженная, обойденная на пиру жизни, требуетъ законныхъ и естественныхъ правъ своихъ. Этотъ споръ принимаетъ безумно ужасный характеръ въ государствахъ деспотическихъ и мирный въ государствахъ свободныхъ. Въ Англіи громадная организація рабочихъ, не стѣсненная правительствомъ, ведетъ тихую, но непоколебимую борьбу на жизнь и смерть съ фабрикантами, они входятъ въ свои права медленно, но съ неотразимою силою законовъ природы; эти Муціи Сцеволы рабочаго міра ведутъ борьбу съ такимъ непостижимымъ смиреніемъ, мужествомъ и безконечнымъ терпѣніемъ, что вызываютъ невольный восторгъ; все глубже и глубже уясняя себѣ сущность своего положенія и всѣ средства къ выходу изъ него, они добьются общаго избирательнаго права и заставятъ правительство вмѣшаться въ дѣло трудящагося народа и помочь ему своимъ кредитомъ въ созданіи тѣхъ безчисленныхъ, производительныхъ, рабочихъ ассоціацій и деревенскихъ общинъ,

въ которыхъ рабочій міръ пользовался бы всѣми продуктами своего труда, а не терзался пытками Тантала, видя, какъ плоды, созданные имъ, улетучиваются въ бездонные карманы эксплуататоровъ; все болѣе и болѣе увеличивая свое благосостояніе, онъ укорачивалъ бы часы физическаго труда, и увеличивалъ часы умственнаго; эти могущественныя ассоціаціи, сплотившись въ одну исполненскую силу, раздавятъ самонадѣянную, крошечную кучку все себѣ захватившихъ барышниковъ; единица стучается передъ массою, перестанетъ ее истязать и коверкать; эта величайшая, несниваемая міру революція свершится, не проливъ ни одной капли крови, безъ пожаровъ, дикихъ воллей толпы голодной, стоновъ, убійствъ, скрежета зубоваго; она побѣдитъ неестественный строй одною силою святой идеи, созрѣвшей въ большинствѣ, и тогда, незамѣтно, тихо, вымрутъ лиліи, которыя не занимались никакой работою и, не смотря на это, были одѣты, какъ Соломонъ, во всемъ блескѣ своей роскоши; завянутъ лирическіе восторги. Народъ, удовлетворенный во всѣхъ своихъ потребностяхъ, безъ злобы и шума разрушитъ уцѣлѣвшіе остатки деспотической гнили; онъ ужасною цѣною крови и слезъ узналъ ей цѣну, онъ знаетъ, что она сначала была въ союзѣ съ дворянами, землевладѣльцами, потомъ съ буржуазіей и въ вѣчномъ, послѣдовательномъ заговорѣ противъ него. Новыя формы будутъ непоколебимы, старыя возвратъ будутъ невозможны: трупъ не оживитъ никакая сила; эта реакція будетъ глубоко обдуманная, она выработается во время долгой, послѣдовательной борьбы и не обрывками массъ, а цѣлою массою, тутъ пріобрѣтется общность понятій, желѣзное убѣжденіе въ полной негодности стараго; нѣтъ той силы въ мірѣ, которая устояла бы противъ такой сплотившейся, неизмѣримой силы, передъ нею все, безпрекословно, склонится; протестъ и новыя посяганія возбуждать не злостъ, а смѣхъ Титана надъ усиліями гнома. Совсѣмъ другое свершается тамъ, гдѣ подавлено народное образованіе, гдѣ живую мысль охраняютъ евнухи, гдѣ печатаются объѣдки и огрызки мысли, гдѣ буржуазія, въ союзѣ съ императорскою властью, опутала паутиною всѣ выходы къ спасенію: тамъ завоеваніе правъ свершается судорожнымъ путемъ. Полюбуйтесь коммуну Парижа, пылающими дворцами, картинными галереями, кровью залатыми улицами, все обречено огню и смерти, ничему нѣтъ пощады; эстетическія игрушки, мраморныя статуи красоты развѣяны прахомъ, забыты розы, праздныя, соловьиныя невѣсты; опьяненному справедливою местью народу не дороги тѣ бездѣлушки цивилизаціи, которыя созданы изъ его мяса и пота; подавленный во всѣхъ своихъ мирныхъ

порывахъ восемнадцатилѣтней тираніей, онъ не можетъ вести правильной борьбы, онъ ее ведетъ съ безумнымъ, конвульсивнымъ ожесточеніемъ, и эти ужасы, обезиливающие націю и не улучшающіе быстро общаго благосостоянія, будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока полная свобода водворится во Франціи.

V.

„У него жъ все орелъ на знамени,
Духъ святой явился въ видѣ голубя,
А орелъ ивица кровожадная.“

Рѣчи подсудимыхъ, которыя я не выписываю, думаю, что каждый грамотный человѣкъ читалъ ихъ и глубоко запомнилъ ихъ, показываютъ ясно, что осужденные участвовали въ тайномъ обществѣ, вынужденные царскимъ произволомъ; переберите всѣ рѣчи, и чѣмъ глубже вы взгляните въ ихъ внутренній смыслъ, тѣмъ болѣе вы замѣтите всюду разлитый желчный, скорбный протестъ, неспособность помириться съ мерзостью и подлостью жизни. Что заставило Успенскаго броситься, съ закружившеюся головою, въ тайное общество? на это одинъ отвѣтъ: полная безвыходность; онъ рассказываетъ, съ твердостью и искренностью, что неправда, безобразіе людскихъ отношеній и произволь, ссылающій, безъ суда, лучшихъ и способнѣйшихъ молодыхъ людей на каторгу, возбуждали въ немъ ожесточеніе, страшную желчь и заставили его участвовать въ тайномъ обществѣ; онъ указываетъ на то, что на его глазахъ сослали сто пятьдесятъ человѣкъ невинныхъ, и въ ихъ числѣ была его родная сестра, слабый, беззащитный ребенокъ; онъ ярко выдвигаетъ передъ публикою тѣ черныя средневѣковыя злодѣяства, которыя не спались публикѣ въ горячечныхъ сновидѣніяхъ; публика, въ первый разъ, въ залѣ судебной палаты услышала тѣ рвущіе за душу стоны, увидѣла тѣ горячія, кровавыя слезы, которыя беззвучно тонули въ тишинѣ далекой, страшной Сибири. Нестерпимое впечатлѣніе производитъ безвыходность этихъ несчастныхъ; что дѣлать имъ въ той странѣ, гдѣ остаться серьезно честнымъ, полезнымъ человѣкомъ равносильно смерти въ протухлой лужѣ, или Сибири; гдѣ слово радикаль — синонимъ слову воръ и разбойникъ? Неужели администраторы такъ младенчески наивны, что воображаютъ, что человѣкъ можетъ безъ протеста отдать свое тѣло и душу на растер-

заніе? такая ідіотская кротость показала бы въ человѣкѣ не живое существо, а каменную глыбу.

Дементьева въ своей рѣчи глубоко сознательно выговариваетъ потребности многихъ женщинъ; либеральные судьи ожесточенно допрашиваютъ ее и осуждаютъ за то, что она требуетъ слѣдующихъ, ужасныхъ беззаконій: чтобы вѣчнымъ паріямъ, русскимъ женщинамъ, дали возможность трудиться, чтобы ихъ допустили въ университеты, чтобы ихъ не покинула полиція и высшая администрація за то, что онѣ хотятъ вырваться изъ душнаго невѣжества, за то, что онѣ предпочитаютъ увлеченіе наукою и современными, великими вопросами увлеченію гвардейскими и армейскими офицерами, миленькими штабными, попойками у Излера и танцклассами у Марцинкевича; ее съ инквизиторскою злобою караютъ за то, что она, рискуя состояніемъ и чуть не жизнью, хотѣла оправдать передъ обществомъ студентовъ, добывающихся, съ непостыжимымъ терпѣніемъ, крайне необходимыхъ реформъ: права сходокъ и права распорядиться собственною кассою, и которыхъ обоврала и опакостила наша, пользующаяся уваженіемъ жандармовъ и фискаловъ, литературная мерзость... Колоссально либерально то правительство, подъ сѣнію котораго все это считается тяжкимъ преступленіемъ!..

Я не привожу содержанія остальныхъ рѣчей, всѣ онѣ — обвинительные акты современнаго порядка вещей, въ нихъ тѣ же мотивы, та же скорбь и то же справедливое негодованіе! Невольно возникаютъ тяжелые вопросы: неужели судьи, машины въ рукахъ безощаднаго, звѣрскаго закона, не поняли всю святость того дѣла, за которое эти несчастные пожертвовали своими молодыми силами, будущими упованіями? они заблуждались, думая, что имъ въ одинъ мигъ удастся свершить великое дѣло вѣковъ — переродить и обновить старый, злой міръ, но это святѣя заблужденія сердца, карать которыя болѣе, чѣмъ преступно; пусть вспомнятъ, что они стремились завоевывать не ордена, отличія, богатства, славу, они стремились завоевать существованіе народа и свое существованіе, защитить бѣдную, отовсюду притѣсенную народную и свою частную жизнь; мѣры ихъ были непрактичны, но эзальтированное и исключительное положеніе, въ которомъ они находились, совершенно извиняетъ ихъ. Участіе въ убійствѣ Иванова становится не преступленіемъ, когда узнаешь, что они всею душою вѣрили, что гибель одного спасетъ миллионы терпящихъ нужду; бывши свидѣтелями убійства, они были такъ далеки отъ него, такъ мало ему сочувствовали, что оно совершенно теряетъ преступный характеръ; кровожадности въ нихъ не заподо-

зрить самый злѣйшій врагъ ихъ. Маленькая, но великая своей свободою Швейцарія давно практически разрѣшила вопросъ, что такое политическое убійство: Вильгельмъ Телль убилъ Геслера и въ честь убійцы, удачно убившаго тирана, (потому что за этимъ послѣдовало народное освобожденіе) народный судъ воздвигъ памятникъ, который оказался тверже Наполеонова столба; голова убійцы окружена сіяніемъ, покрыта лавровымъ вѣнкомъ, старикъ и ребенокъ благоговѣно произносятъ его прекрасное имя; путешественники, даже изъ русскихъ, очищенные, царскіе холопы, безтрепетно, не кипятясь, взираютъ на памятникъ, воздвигнутый судомъ народнымъ. Не убей на повалъ Телль Геслера, Геслеръ холодно сгноилъ бы его въ крѣпостномъ подземельи, будущіе Геслеры, медленно пытая на мелкомъ огнѣ цѣлое государство, убивая и заѣдая каждый день тысячи жизней, съ чувствомъ высокой правоты, предали бы имя Вильгельма Телля проклятію, царскія шавки объ немъ визжали бы, какъ о черномъ убійцѣ; совѣтую читателю поглубже вдуматься, на досугѣ, въ этотъ незамысловатый, жизненный фактъ. Сдѣлаю еще ссылку на сочиненіе „О свободѣ“ Джона Стюарта Милля, вотъ что говоритъ онъ о тиранубійствѣ: „вопросъ этотъ былъ постоянно предметомъ изслѣдованія моралистовъ; что убійство частнымъ человѣкомъ преступника, который, ставъ выше законовъ, тѣмъ самымъ поставилъ себя внѣ возможности быть наказаннымъ законами,—такое убійство было признано всеми народами и многими лучшими и мудрѣйшими людьми не за преступленіе, но за выраженіе самой экзальтированной добродѣтели.“ Пусть читатель продолжитъ эту мысль до конца, можетъ быть, это заставитъ его на многое въ сей жизни взглянуть совершенно другими глазами, если только мой читатель не изъ свѣтобоязненныхъ. Неужели скорбныя рѣчи подсудимыхъ не повернули все вверхъ дномъ въ головахъ судей, если въ нихъ тлѣветъ хоть искра чело-вѣческой души? Неужели скрытая въ радикальныхъ стремленій подсудимыхъ логика не потревожила тѣхъ экзальтированныхъ уголковъ въ головахъ судей, гдѣ хранятся софизмы о правѣ? Не думаю, чтобы публика не разобрала, что подсудимые имѣли неизмѣримо болѣе права судить тѣ дикія силы, по милости которыхъ въ конвульсивныхъ страданіяхъ гибнетъ все живое, чѣмъ дикія силы ихъ. Неужели не облилось кровью сердце у каждаго порядочнаго человѣка при услышаніи звѣрскаго, канибальскаго приговора надъ осужденными? Этотъ приговоръ напоминаетъ время Нерона и Геліогобала, когда христіанъ за ихъ радикальное, святое ученіе выбрасывали на растерзаніе голоднымъ тиграмъ и лвамъ.

Чтобы это сравненіе показалось блѣднымъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ чудовищною дѣйствительностью, я напоминою читателю, что Успенскаго приговорили на 15-лѣтнюю каторжную работу, а Прыжова на 12 лѣтъ въ крѣпости, а потомъ, послѣ этого, на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Этотъ приговоръ произнесенъ въ 1871 году, онъ одобренъ и закрѣпленъ всемплоствѣйшимъ, добродѣтельнымъ монархомъ, который глубоко пунктуально исповѣдуетъ христіанскую религію и усердно поклоняется Иисусу, тому безумному чудаку (съ государственной точки зрѣнія), который, истекая кровью, изнывая отъ мукъ, молился на крестѣ за враговъ своихъ; если бы религіозный монархъ велѣлъ бы живыхъ Успенскаго и Прыжова сжарить, а послѣ аппетитно скушалъ бы ихъ съ своимъ семействомъ и свитою, его поступокъ былъ бы идеально нѣжнымъ, фантастически прекраснымъ въ сравненіи съ этимъ приговоромъ. И не окаменѣли мозги у тѣхъ людодѣдовъ, составителей уголовного кодекса, которые прибавили къ 15 лѣтней каторгѣ вѣчное поселеніе! Неужели этимъ навивнымъ мерзавцамъ не пришла въ голову та аксіома, что если бы подсудимые владѣли силою Самсона, то и тогда они превратились бы въ извѣденный трупъ, послѣ такого коротенькаго заключенія? Страшна судьба несчастныхъ, молодыхъ людей! ихъ, надломленныхъ допрашиваніемъ въ третьемъ отдѣленіи и двухъ годовымъ заключеніемъ въ крѣпости, слабыхъ физически, громадно впечатлительныхъ къ малѣйшему оскорбленію, обрекли на 15-тилѣтнія плети, палки, полупудовые кандалы и работу до растяженія жилъ, при 40° холодъ въ Сибири. Судьямъ не пришло въ голову, что, изрекая этотъ приговоръ, они разыгрываютъ ужасную роль дикаго Ирокеза, они толчутъ ногами убитаго, плюютъ въ лицо мертвому! Почтенные читатели, если вы будете читать тѣ страшныя книжки, гдѣ разсказывается о томъ, какъ на удаленныхъ отъ цивилизаціи, неприступныхъ островахъ Тихаго океана злобныя, отвратительныя чудовища, носящія человѣческой образъ, поймавъ путешественника, обухомъ разбиваютъ ему голову, а послѣ жрутъ, съ адскимъ хохотомъ, его мозгъ и мясо, запивая его теплою кровью, то будьте послѣдовательны, не ужасайтесь, не ахайте, это сладенькія сантиментальности въ сравненіи съ дѣйствительностью, которая у васъ вертится передъ глазами и передъ которой вы ползаете и пресмыкаетесь до истощенія нравственныхъ силъ, до паралича мозга; привыкайте обобщать ваши мысли и проникать поглубже въ предметы, ставшіе черезъ чуръ обыденными, но черезъ это не теряющіе ни одного атома своего зловѣщаго значенія. Людодѣдство процвѣтаетъ не на од-

нихъ неприступныхъ, дикихъ островахъ Тихаго океана, оно замаскированное, но черезъ это еще болѣе кровожадное, ожесточенное, утопченное, пикантное, пышно процвѣтаетъ въ нашемъ цивилизованномъ русскомъ государствѣ. Но пусть не забудетъ правительство, что каторги, казематы, кандалы, пытки, не задушатъ живаго протеста; безчеловѣчныя мѣры создадутъ болѣе страшные и вѣрнѣе направленные заговоры: муки создаютъ героевъ; социализмъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—очищенное отъ чудесъ, темной божественности, загробныхъ наградъ, лжи и грязи, христіанство; эту новую религію не заточутъ и не задушатъ никакія силы, ея зачатки не могли задушить языческіе цезари, „есть заклинаніе, которое спльнѣе ружей и золота, есть слова, вызывающія мертвыхъ изъ гробовъ и посылающія живыхъ на смерть, слова, превращающія барликовъ въ великановъ и низвергающія великановъ въ прахъ.“

VI.

Рѣчи защитниковъ, Урусова, Спасовича, и Арсеньева, по-святъ крайне возможный въ Россіи, честный характеръ; они дошли до той математической линіи, перейдя которую на волось, они рисковали вмѣсто защитниковъ попасть въ число подсудимыхъ; нужно удивляться адвокатской способности этихъ господъ балансировать на тонкомъ, какъ остріе меча, мостикѣ, перекинутомъ черезъ клокочущій адъ, о которомъ говорится въ коранѣ, и не упасть въ бездну. Такое удивительное самообладаніе пріобрѣтается долгою практикою. Многіе изъ честно мыслящихъ людей послѣ приговора надъ подсудимыми пронически спрашивали: какое значеніе имѣли рѣчи адвокатовъ для подсудимыхъ? онѣ ни на волось не отвратили отъ нихъ ужасной участи, на одинъ атомъ не смягчили чудовищнаго приговора надъ ними; въ гнусной, кровожадной комедійкѣ, носившей громкое названіе гласнаго суда, все было заранѣе опредѣлено высшею властью, убійцами изъ подъ угла; не даромъ были исключены присяжные! за лицецпріятныхъ судей правительство не боялось: оно знало, что данный имъ ножъ, они, отъ излишняго усердія, еще болѣе отточутъ, но за присяжныхъ оно могло очень бояться, среди холоповъ могли совершенно неожиданно сыскаться люди, которыхъ мудрено было бы застращать!... Рѣчи адвокатовъ, странно и грустно выговорить, не имѣли ровно никакого значенія для подсудимыхъ и огромное нравственное, воспи-

тательное значеніе для публики; горячія, свободныя рѣчи облетѣли всю Россію. Идеи любви, всепрощенія, протестъ противъ дикаго произвола, жестокаго закона судей, рѣзко, бурно, сильно были высказаны и не въ запрещенныхъ статьяхъ, а съ разрѣшенія правительства, во всеулышаніе, въ публичномъ мѣстѣ. Много зловѣщихъ тайнъ, о которыхъ только догадывалась непосвященная публика, выплыло наружу при полномъ освѣщеніи; не только все честное, воспріимчивое, молодое, лихорадочно содрогнулось при чтеніи этихъ рѣчей, но даже и въ чугуныхъ черепахахъ забродили странныя, враждебныя японскому императору мысли. Рѣчи адвокатовъ имѣютъ громадное значеніе, какъ запрещенныя зажигательныя статьи, пущенныя правительствомъ въ обращеніе въ публику.

Рѣчь Урусова носить теплый, сердечный характеръ; онъ былъ поставленъ въ качествѣ защитника въ критическое положеніе. Какъ передовому, честному человѣку, ему нужно было говорить на прямикъ, но онъ сознавалъ ясно, что высказываніе на прямикъ приведетъ прямо въ Петропавловскую крѣпость; пожертвовать своею полезною жизнью тамъ, гдѣ такое пожертвованіе никому не принесло бы пользы и гдѣ такой героическій поступокъ кануль бы въ бездонный омутъ, въ которомъ погребено много великихъ думъ и великихъ дѣлъ, было бы въ высшей степени не практично, отрѣшиться же отъ истины онъ не рѣшился. Въ рѣчи Урусова вы подмѣчаете полное оправданіе Успенскаго, но эта свѣтлая основная мысль замаскирована діалектическими тонкостями; Урусовъ съ желчью указываетъ на гнусныя, злодѣйскія аресты, которымъ были подвергнуты 150 человѣкъ и въ томъ числѣ невинный ребенокъ Надежда Успенская; онъ указываетъ г. прокурору, какимъ образомъ скромный, тихій, склонный къ мирнымъ реформамъ Успенскій, волнуемый болѣзненною желчью и негодованіемъ, переходитъ послѣ этихъ возмутительныхъ арестовъ на сторону Нечаева; онъ ясно намекаетъ, приводя цитаты изъ Гизо, что политическое преступленіе — мнѣе, что самое благое дѣло въ какомъ нибудь государствѣ считается тяжкимъ преступленіемъ; онъ ссылается на германскій кодексъ и, сравнивая наказанія за одинаковый поступокъ, очень рельефно выказываетъ все варварство и звѣрство нашихъ законовъ; онъ очень ясно кладетъ гранцу между заговоромъ и тайнымъ обществомъ; защищая Успенскаго, какъ участника въ убійствѣ Иванова, онъ проводитъ ту мысль, что тайное общество въ борьбѣ противъ государства вооружается его прерогативами, что убійство одного лица, производящее отвратительное впечатлѣніе съ нрав-

ственной точки зрѣнія, съ государственной точки зрѣнія не болѣе, какъ вычеркиваніе статистической единицы, если она оказывается вредною; продолженіе этой мысли ведетъ къ слѣдующему скромному выводу: если вы, гг. судьи, не разрывали на куски царя за то, что онъ изъ подлой трусости ссылалъ на каторгу тысячи невинныхъ людей и изъ личной прихоти посылалъ войска на бойню, то имѣете ли вы право убійство Иванова, совершенное въ виду спасенія большинства, считать преступленіемъ? Я не стану останавливаться на внѣшнихъ красотахъ рѣчи Урусова, на его тонкихъ сарказмахъ, обращенныхъ на личность будущаго полнаго генерала прокурора Половцева; разбирая его рѣчь, приходишь къ тому умозаключенію, что Урусовъ свершилъ все возможное и не обманулъ тѣхъ надеждъ, которыя возложило на него наше передовое общество.

Рѣчь Спасовича, защищающая Кузнецова, могла произвести эффектъ только на тѣхъ господъ, которые увлекаются блестящею внѣшностью, разбирательство было бы дѣломъ утомительнымъ; это красивенькая бездѣлушка, изящная, не лишняя по временамъ очень глубокихъ мыслей беллетрическая статья, но отнюдь не серьезная, пламенная защита; въ этой рѣчи Спасовичъ мило балагуритъ, съ необыкновенною развязностью дѣлится съ публикою своими взглядами на дѣло; онъ критически относится къ правиламъ, старается à propos охарактеризовать личность Нечаева, онъ забываетъ, что это дѣло очень трудное: Нечаева не беретъ обоюдоострый мечъ анализа, онъ возродившійся Рахметовъ, то есть мечущійся по Россіи революціонерный принципъ; за революціонерными ширмами такъ глубоко скрывается его индивидуальность, каждый его поступокъ такъ вѣренъ буквально революціонерному катихизису, что Спасовичъ напрасно теряетъ время въ догадкахъ. Далѣе Спасовичъ даетъ родительское и весьма доброе и умное наставленіе о томъ, какъ слѣдовало Нечаеву поступить съ Ивановымъ, онъ втискиваетъ въ защитительную рѣчь много интересныхъ подробностей, забористыхъ мыслей и фразъ, критически разбираетъ стихотвореніе „Студенту,“ приписываемое Огареву, весьма небрежно относится къ его литературной дѣятельности, весьма снисходительно причисляетъ его къ поэтамъ средней руки, показывая этимъ ясно, что онъ крайне поверхностный дилетантъ литературы, и заставляетъ сильно заподозрить, что онъ или не читалъ такихъ произведеній, какъ „Разсказъ этапнаго офицера,“ „Ночь,“ Съ того берега,“ „Марія Магдалина“ и десятки другихъ произведеній, принадлежащихъ Огареву, или же не имѣетъ ровно никакого критическаго чутья. Кузнецовъ

на волосъ не выигралъ отъ того, что одинъ изъ первыхъ адвокатовъ защищалъ его; защита же Ткачева и Томиловой носитъ менѣе эффектный, но болѣе серьезный характеръ; въ этихъ рѣчахъ вы слышите смѣлаго, энергическаго, честнаго защитника, мощныя, глубокія, благородныя мысли рвутся со дна взволнованной души. Говорятъ, что на публику оставили сильное впечатлѣніе слова Спасовича, обращенныя къ камнямъ, засѣдающимъ въ видѣ судьевъ; потрясающимъ душу голосомъ онъ произнесъ: „Пощадите эти молодыя, свѣжія силы!“ Но эти слова исчезли, какъ звукъ въ пустынѣ, пощада свѣжихъ, юныхъ силъ выразилась въ двадцатилѣтней каторгѣ. Спасовичъ разбиваетъ прокурора по пунктамъ; читая рѣчь, чрезвычайно живо представляешь себѣ переконфуженную мордочку г. прокурора, этого поганенькаго, москoобразнаго лакея, который съ ехидною злобою старается изъ мухи сдѣлать слона, чтобы получить денежки или крестикъ за облизываніе высшей власти; желаніе подслужиться въ этомъ гражданнѣ русской имперіи было такъ необузданно, что онъ готовъ былъ съ охотою пожертвовать для этого жизнью всѣхъ подсудимыхъ; этотъ тайный инквизиторъ, говоря о выстрѣлѣ Каракозова, выражается такимъ японски мусульманскимъ языкомъ: „послѣ покушенія на священнѣйшую особу нашего императора, на жизнь столь священную для дѣлага государства.“ Эта мизерная молоска, воспитанная въ духѣ филаретовскаго катихизиса и исторіи Кайданова, не взяла въ расчетъ, что за этимъ дѣломъ слѣдила вся читающая Европа и что его фанатически угодливья, іезуитскія, жестокія обвиненія подсудимыхъ наложить на всю его будущую дѣятельность черное пятно, что русская публика догадается, какое гаденское аггіеге pensée копошилось въ его жестяномъ черепѣ; впрочемъ, для такихъ субъектовъ мнѣнія честныхъ людей неизмѣримо менѣе имѣютъ значенія крошечнаго ордена, которымъ перетянуты ихъ шеи. Прокуроръ—царскій парій, неизлечимый вѣрноподданный, его кровь и мозгъ пропитались вакхическимъ лакействомъ; люди этой категоріи въ качествѣ судей представляютъ изъ себя копію съ палачей третьяго отдѣленія, говорить объ нихъ долго — вредно: они возбуждаютъ черезъ-чуръ болѣзненное отдѣленіе желчи.

Рѣчь Арсеньева болѣе всѣхъ носитъ характеръ защиты; его рѣчь не блеститъ цвѣтами радуги, въ ней мало розъ и шипящихъ змѣй, но за то очень много дѣла; его рѣчь, не смотря на глубочайшій анализъ мелочей, производитъ потрясающее впечатлѣніе: онъ заглядываетъ въ самую глубь души Прыжова; онъ обаятельно горячо и въ высшей степени по-

слѣдовательно разоблачаетъ всю его жизнь, всю его прекрасную дѣятельность и наконецъ болѣзненный исходъ его жизни; личность Прыжова глубоко врѣзывается въ мозгъ, онъ очерченъ художественно вѣрно. Очерчивая Прыжова до мельчайшихъ подробностей, г. Арсеньевъ производитъ мучительно гнетущее душу впечатлѣніе, невыносимо жаль становится этой личности, вышедшей изъ нашего бѣднаго народа; этотъ мученикъ шелъ всю жизнь тяжкимъ путемъ, его путь не освѣщало горячее, ласковое солнышко; надъ его несчастной головой всю его жизнь носились безразсвѣтныя сумерки и чѣмъ далѣе шелъ онъ, тѣмъ темнѣе становилось у него на душѣ и темнѣе вокругъ. Этотъ тернистый путь вѣчнаго не по душѣ труда; вѣчной нужды и вѣчной безвыходности, превратилъ несчетное число сильныхъ и свѣтлыхъ личностей въ трупъ; пройти этотъ путь подобно Прыжову и сохранить въ себѣ молодость, впечатлительность, вѣру въ свѣтлое грядущее, доходящую до самоотверженія любовь къ народу, надо быть не обыденнымъ человѣкомъ, а титаномъ, котораго вполне оцѣнить только будущее. Рѣчь Арсеньева заканчивается вылившеюся изъ сердечной глубины фразою: „Господа судьи, какъ бы ни былъ снисходителенъ вашъ приговоръ, онъ будетъ стоять выше дѣйствительной вины Прыжова.“ Когда я прочитывалъ эти знаменательныя строки, что-то суровое, страшное поднялось въ моей душѣ, мнѣ съ отчетливою ясностью вспомнились послѣднія слова Прыжова: „Господа, я знаю, что я послѣдній разъ въ моей жизни говорю въ присутствіи общества; я любилъ глубоко народъ и готовъ былъ для него пожертвовать своею жизнью, насъ разсудить будущее, можетъ быть оно пойметъ тѣ роковыя обстоятельства, которыя непонятны теперь; въ послѣдній разъ, господа судьи, я вамъ вспомню грустныя слова Гете: „гибли жертвы не бычи и не телячи, а гибли, страшно сказать, жертвы все человѣчи.“ Мы повторимъ за г. Прыжовымъ, что не только страшно сказать, но и подумать, что гибли и гибнутъ жертвы все человѣчи. Время — великій міровой критикъ; оно все оцѣнитъ, все пойметъ, все вспомнитъ, за все заплатитъ сторицею; оно оцѣнитъ Прыжова и подсудимыхъ, оцѣнитъ судей, правительство и глубоко оцѣнитъ добродѣтельнаго, Комисаровымъ спасеннаго, императора!

Нечаевъ

„Самсонъ порабощенный, ослѣпленный
Есть и у насъ въ странѣ. Онъ силъ лишенъ
И цѣпь на немъ. Но горе! если онъ
Подниметъ руки въ скорби изступленной,
И пошатнетъ, кляня свой тяжкій плѣнь,
Столбы и основанья вашихъ стѣнъ —
И безобразной грудой рухнуть своды...“

I.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ, что Нечаевъ вытребованъ русскимъ правительствомъ изъ Швейцаріи, и его, закованнаго съ ногъ до головы въ цѣпи, провезли въ Петербургъ, и что скоро онъ будетъ судимъ въ Московскомъ окружномъ судѣ. Какимъ путемъ было опровергнуто его политическое преступленіе — публикѣ не извѣстно; какимъ образомъ, неслыханно дерзко, было нарушено международное право — такъ же неизвѣстно; въ нашемъ либеральномъ отечествѣ всѣ возмутительныя, разбойничьи низости облечены покровомъ тайны и тишины; трудно сказать, кто сдернетъ этотъ покровъ: революціи ли протянетъ кровавую десницу и презрительно сдернетъ покрывало, безопадно раздавивъ злыхъ паразитовъ, притаившихся въ его складкахъ; или правительство, вынужденное непобѣдимую силою времени, само разоблачить себя, обнаживъ заразительную, протухшую гангрену, которую анатомическій ножъ, холодно и спокойно, долженъ будетъ вырѣзать съ корнями, для спасенія огромнаго царства.

8 Января окружной судъ разбиралъ Нечаевское дѣло;

носились разнообразныя слухи: одни говорили, что Нечаевъ задыхался отъ гнѣва и желчи, не признавая суда надъ собою, другіе—что онъ дрожалъ отъ страха, произносилъ мелодраматическіе монологи, чуть не паясничалъ. Одно удивительно странно, что публика видѣла что-то унижительное въ томъ, что Нечаевъ поблѣднѣлъ при выслушаніи приговора на 20-лѣтнюю каторгу. Если бы сама публика обладала мужествомъ и терпѣніемъ Муція Сцеволы, и тогда это показалось бы до чрезвычайности дикимъ! По этимъ отрывочнымъ мнѣніямъ можно было бы заподозрить публику въ самомъ жестокомъ звѣрствѣ, на самомъ дѣлѣ это показываетъ наивную, безсердечную глупость, полное неумѣніе войти въ ужасное положеніе подсудимаго; ей кажется пустячками приговоръ на предсмертную, мучительную агонію, которая должна будетъ длиться 20 лѣтъ! такой приговоръ долженъ омертвить самаго безстрашнаго, отчаянно мужественнаго человѣка; въ Нечаевѣ, что почти невѣроятнo, онъ возбудилъ холодную злость. Дѣло, напечатанное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ,“ безъ различныхъ прикрасъ со стороны достойнаго редактора, разсѣяло пошлыя сплетни; Нечаевъ остался тою же желѣзною личностью, тѣмъ же фанатикомъ, иезуитомъ свободы, какимъ онъ вырисовывается въ показаніяхъ подсудимыхъ и въ особенности у Успенскаго; если бы онъ надѣялся на спасеніе, онъ съ злымъ, внутреннимъ смѣхомъ старался бы вывернуться изъ бѣды; задуманное дѣло составляло для него жизнь, мнѣнія судей и публики, какъ бы они враждебны ни были—временными и ничтожными неприятностями. Насильно взятый изъ Швейцаріи, онъ почувствовалъ ясно, что спасенія нѣтъ и не зачѣмъ скрывать желчную ненависть къ существующему порядку; выданный противъ всѣхъ правъ, онъ совершенно справедливо не призналъ суда надъ собою, слѣдовательно, онъ очень послѣдовательно отказался отъ защитниковъ и отвѣтовъ; малѣйшій отвѣтъ на вопросъ противурѣчилъ бы смыслу того убѣжденія, что судъ надъ нимъ—незаконное, вопіющее дѣло; онъ остался самимъ собою до послѣдней минуты. На первый вопросъ предсѣдателя: онъ ли Сергѣй Генадьевичъ Нечаевъ? онъ громко отвѣчалъ:

„Прежде чѣмъ отвѣчать, я заявляю, что права суда надо мною за русскимъ судомъ не признаю, подсудимымъ себя не считаю. Если суду угодно знать причины, почему не считаю, то я сочту своимъ долгомъ объяснить эти причины.

Предсѣдатель. — Подождите объяснять (горько соленыя пилюли нашъ вѣрнопопуданической желудокъ не переносятъ), вы преданы судебною палатою (и высшимъ ареопагомъ— не для суда, а для растерзанія и сожранія) суду московскаго окружнаго суда; окружной судъ на основаніи 549-й ст.

Устава Уголовнаго судопроизводства (изъ помойной ямы всегда можно, по мѣрѣ надобности, вытащить подходящую статью) не имѣть права входить въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности этого дѣла и обязанъ исполнить указъ московской судебной палаты. Если же вы считаете распоряженіе судебной палаты о преданіи васъ суду окружнаго суда неправильнымъ, то можете обжаловать это распоряженіе (взвинить искъ) въ кассационной жалобѣ сенату. Затѣмъ я (выпогрозилъ изъ себя всю мою предсѣдательскую, бездонную мудрость) считаю этотъ вопросъ рѣшеннымъ (также и тебѣ, мой добрый другъ, совѣтую считать его рѣшеннымъ), предлагаю вамъ къ нему не возвращаться.

Но не смотря на всю несокрушимость доводовъ, коварный подсудимый ихъ въ грошъ не ставитъ и снова продолжаетъ:

Нечаевъ (сильно возвысивъ голосъ, надорванный пытками): Г. предсѣдатель! я эмигрантъ, подданнымъ русскаго императора быть пересталъ, формальности нашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія (по приказанію предсѣдателя, который уже началъ обнаруживать при словѣ императоръ первыя желудочныя схватки на предсѣдательскомъ креслѣ, его уводятъ, онъ еще громче продолжаетъ), я признавалъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе (дверь затворяется).

На второй вопросъ предсѣдателя, желаетъ ли онъ воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей (онъ имѣлъ дерзость громкимъ голосомъ отвѣчать):

Всѣ формальности русскаго судопроизводства не имѣютъ для меня ровно никакого значенія (удушаемый предчувствіями предсѣдатель слышитъ поведѣть вывести подсудимаго изъ залы, въ дверяхъ онъ кричитъ). Рабомъ вашего проклятаго деспота я быть пересталъ, да здравствуетъ земскій соборъ! (предсѣдателя снова схватываетъ, прокуроръ чувствуетъ ясно приближеніе перваго серьезнаго припадка, грозящаго судейскому креслу*).

Послѣ гнусной рѣчи прокурора, проникнутой клеветою, предсѣдатель снова спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ чего нибудь сказать въ свое оправданіе, *Нечаевъ* громко отвѣчалъ:

Я считаю унизительнымъ для моего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій, повторяю то, что сказалъ графу Левашеву: правительство можетъ у меня отнять жизнь, но честь останется при мнѣ.

Послѣ произнесенія чудовищнаго приговора на 20 лѣтнюю каторгу, на вопросъ предсѣдателя: „доволенъ ли онъ судомъ?“

Нечаевъ ангельски нѣжно отвѣчалъ палачамъ — инквизиторамъ: „Это Шемакинъ судъ.“ Это все равно, если бы не-

*) Это не салыная острота, а радужная дѣйствительность. Хорошіе знакомые предсѣдателя и прокурора передавали мнѣ, что они (мужи доблестные) сами сознавались, что они трепетали за послѣдствія желудочныхъ, нестерпимыхъ схватокъ, которыя происходили отъ патріотическаго волненія при святотатственныхъ словахъ противъ владыки.

виннаго человѣка, растянувъ на сковородѣ, начали поджаривать въ маслѣ, по временамъ вытягивая изъ него жилы и отрѣзывая со всѣхъ сторонъ тоненькіе куски поджареннаго мяса и при этомъ его, учтиво, всякій разъ спрашивали бы: доволенъ ли ты, братъ мой, что мы кушаемъ твое мясо съ превеликимъ апетитомъ?

Выходя изъ залы, на вѣки прощаясь съ судомъ и обществомъ, онъ громко произнесъ:

Да здравствуетъ земскій соборъ! долой деспотизмъ!

Почтеннѣйшій читатель, если тебѣ эта фраза покажется слишкомъ напыщенной, не слѣши приговоромъ; много восторженныхъ фразъ, наводящихъ улыбку, щемили сердца палачей, когда ихъ произносили въ дыму и пламени костровъ; эта фраза напыщенной покажется тому, кто носится по улицамъ въ лондо на десятитысячныхъ рысакахъ, обдавая вонючею грязью оборванныхъ, трясущихся отъ голода и холода, бѣдняговъ,—тому, кто, умильно улыбаясь и поддакивая старикамъ и молодежи, въ тихомолку давить и очень давить народъ,—тому, кто въ роскошныхъ квартирахъ, за стаканомъ замороженнаго шампанскаго, съ гаванской сигарой во рту, для вящаго варенія испорченнаго желудка, либеральничаетъ, оглядываясь по сторонамъ, о благѣ народа; но не кажется она смѣшна тому, у кого она вырвалась со дна души, передъ погребеніемъ заживо, какъ послѣдняя свѣтлая надежда и какъ послѣднее суровое проклятiе. Эта фраза потрясая въ устахъ Нечаева, который приговоренъ на пожизненное сгниваніе въ Сибири; его политическое заблужденіе наказано 20 годами каторги, гдѣ люди изнываютъ въ безпредѣльныхъ пыткахъ, подъ ударами батоновъ, растягивая себѣ жилы въ кровавомъ трудѣ, при 40° морозѣ, отъ котораго мерзнетъ дыханіе, протирая изможденное, высохшее тѣло заржавыми, полупудовыми кандалами; но кромѣ этого, мы догадываемся, что онъ много перенесъ отъ взятія его въ Швейцарію до появленія его на судѣ; объ этихъ адскихъ, нравственныхъ пыткахъ черезъ чуръ ясно намекаютъ слова Нечаева, послѣ приведенныхъ предсѣдателемъ императорскихъ, патетически пошленькихъ, низко живыхъ фразешекъ: „да торжествуетъ въ судахъ правда, да торжествуетъ милость!“ Нечаевъ заткнулъ медоточивыя уста предсѣдателя сальною, вонючею тряпкою—онъ прервалъ его словами: „А меня билъ жандармскій офицеръ!“ Къ сожалѣнію, Нечаевъ не сказалъ имени этого отвратительнаго жандармскаго патриота. Вотъ какимъ униженіямъ, и безконечно свирѣпымъ жестокостямъ подвергаютъ политическихъ подсудимыхъ при

конфиденциальных допросах! Но довольно об этих ужасах, мы ими сыты по горло! Правительство вытягивает жилы у политических преступников, зубами рвет их мясо, съ неуголимою жаждою высасывает из них послѣднія капли крови; а само, чтобы поддержать выгодный только для себя государственный строй, замаривает миллионы людей голодомъ, холодомъ, невѣжествомъ, обирает народъ до костей непосильными налогами, безжалостно наказывает за малѣйшее отступленіе отъ варварскихъ, въ угоду и ограду себѣ, сфабрикованныхъ законовъ, и за все это царь — глава заговора противъ государства, убійца, покрытый кровью безчисленныхъ жертвъ, со всѣмъ своимъ безчисленнымъ ищадіемъ, наслаждается до пресыщенія несчетными миллионами, оргіями поганизма, холопскимъ облизываніемъ его особы. Но довольно раскапывать дворцовую, отхожую яму, гдѣ посмѣшаны до послѣднихъ предѣловъ всѣ понятія о чести и справедливости, перейдемъ къ обвинительнымъ рѣчамъ прокурора и предсѣдателя. Обвинительная власть, представительница судейской правды и милости, была очень не тонко предупреждена, что если Нечаеву будетъ дано малѣйшее снисхожденіе, то предсѣдатель и прокуроръ улетучатся въ горніи обители: но предупрежденія были напрасны, высшая власть не сумѣла измѣрить всего знойно необузданнаго патриотизма прокурора и предсѣдателя; они проявили въ своихъ рѣчахъ такіа канibalскіе инстинкты, что, мнѣ кажется, неожиданно превзошли ожиданія высшаго начальства. Прокуроръ съ необыкновеннымъ паэосомъ исковеркалъ все дѣло на жандармскій ладъ, его рѣчь расплзлась по двумъ громаднымъ страницамъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ онъ въ ней бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы съзвать и безъ того крошечныя, заказныя, казенныя рамочки; общими фразисками, страшно противурѣча показанію подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу, онъ старается доказать, что Нечаевъ убилъ Иванова, рискуя собственною жизнью и четырехъ товарищей, руководясь антипатією; въ одномъ мѣстѣ онъ даже чуть не приписываетъ подсудимымъ желаніе ограбить Иванова, но спохватясь, что такое обвиненіе превзошло всѣ ожиданія высшаго начальства, онъ замямливаетъ столь полное правды обвиненіе! и сваливаетъ его на ничтожную ссору съ Ивановымъ; вся сущность дѣла, съ грубо подъяческою находчивосью, замята и заговорена. Рѣчи предсѣдателя проникнуты такимъ неслышаннымъ въ судахъ тупоуміемъ и враньемъ, что стоятъ выше критики. Я приписываю все это адскому состоянію его желудка и штановъ; его смѣлая, свободная мысль, никакъ не могла умудриться перепрыгнуть черезъ полицейскую палку! осо-

бенно рѣзко выдаются только два его опроверженія нечестивскихъ словъ, онѣ такъ восхитительно глупы, что я ихъ выписываю, какъ нѣчто чрезвычайное, вполне достойное перейти въ область скандаловъ и анекдотовъ, онѣ говорить :

„Если Нечаевъ считалъ себя преступникомъ политическимъ, то ничто не мѣшало ему въ то время, когда свершилось это событіе, остаться въ Россіи и такимъ образомъ судиться въ томъ, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, долженъ быть судимъ.“

Второе опроверженіе слѣдующее :

„Всякое самостоятельное государство судить лицъ, свершившихъ въ немъ извѣстное преступленіе, если бы они даже были иностранцы.

Напрасно Нечаевъ не остался въ Россіи, свершивъ убійство! Изъ словъ предсѣдателя ясно видно, что въ Россіи лелѣютъ, во дворцѣ пригрѣваютъ политическихъ преступниковъ. Нечаеву стоило только доказать, что онъ политическій преступникъ и его тотчасъ же бы сдѣлали гофмейстеромъ двора, или — въ знакъ глубокаго благоговѣнія — начальникомъ третьяго отдѣленія. Но фраза, что каждое самостоятельное государство судить, даже иностранцевъ, своимъ судомъ, ясно показываетъ, что или предсѣдатель изъ любви къ шутовству корчилъ изъ себя, очень удачно, кретина, или же предсѣдатель московскаго окружнаго суда гордо на своихъ плечахъ носить, въ компаніи съ г. прокуроромъ, не голову, а кадучку съ царскимъ пометомъ. Совершенно справедливо, судья мудрый и правдивый, Соломонъ окружнаго московскаго суда! Иностранцы судятся по законамъ того государства, гдѣ они свершили преступленіе, но я не вижу тутъ никакой, самой даже отдаленной связи съ Нечаевымъ: его вытащили сплю изъ Швейцаріи, его судила не Швейцарія, въ которую онъ эмигрировалъ и которая не признаетъ политическихъ преступленій, а Россію, насильно привезшая его къ себѣ, нарушившая международное право!

Гг. присяжные, согрѣтые вѣжно журчащимъ краснорѣчіемъ прокурора и подогрѣтые увѣщаніями жандармовъ и полиціи, рѣшили, что онъ виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія. Выводъ очень сложный изъ этой несложной фразы: штыки тантала въ продолженіи 20 лѣтъ, а послѣ вѣчное поселеніе въ Сибири! Это отвратительное, умышленное, заранѣе состряпанное искаженіе правды, гнусная клевета на человѣка беззащитнаго, носили названіе гласнаго суда! Въ Имперіи нѣтъ ничего неприкосновеннаго, она играетъ во все, и въ судъ, и земство, и выборы, и очень безцеремонно играетъ... тасуетъ людьми, ихъ священными правами, какъ деревянными шашками. Это былъ не гласный судъ, а гласный днев-

ой разбой, при нѣмой публикѣ; 20 лѣтняя каторга необыкновенно гармонируетъ съ словами монарха: „да торжествуетъ правда въ судахъ, да торжествуетъ милость!“ Приговоръ переполненъ справедливостью и милостью!

II.

Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалю сятаго.

Трудно сомнѣваться, что Нечаевъ—политическій преступникъ, человѣкъ идеи, для котораго свобода и народное благо составляютъ сущность жизни; если это такъ, то его страданія за святую идею ужаснѣе въ миллионы разъ распятія! Шпіонъ, дорого обошедшійся русскому правительству, посланный за нимъ въ Швейцарію, тихо вползъ въ его душу; онъ опуталъ его съ ловкостью полицейской ищейки и не выпустилъ до тѣхъ норъ, пока его, закованнаго съ ногъ до головы въ цѣпи, не отправили съ тѣмъ же самымъ шпіономъ, разыгравшимъ очень удачно роль радикала и эмигранта, въ Петербургъ; путь позора былъ страшно длиненъ отъ Женевы до Петербурга. Въ Петербургѣ, при допросѣ, его подвергли лютымъ пыткамъ; находясь въ Москвѣ, въ заключеніи, онъ вспоминалъ объ нихъ и задыхался, осыпая бѣшенными проклятіями своихъ тиранующихъ во мракѣ палачей; изъ его показанія, въ окружномъ судѣ, видно, что его билъ жандармскій офицеръ; только мерзавецъ не пойметъ, что оплеуха жандармскаго патріота ужаснѣе жаренія на медленномъ огнѣ и выматыванія жилъ! Униженіе за униженіемъ, мука за мукою щедро сыпались на его беззащитную, несчастную голову; на судѣ онъ долженъ былъ, не смѣя произнести слова, выслушать, въ обвинительныхъ рѣчахъ прокурора и предсѣдателя, беспощадную клевету на себя; передъ громаднымъ собраніемъ людей, его обвинили какъ чернаго убійцу, изъ ненависти удавившаго человѣка; даже слово политическое, тайное общество, не было упомянуто прокуроромъ! Опозореннаго, раздавленнаго, его холодно, съ чувствомъ правоты, приговорили къ 20 лѣтней каторгѣ и вѣчному поселенію въ Сибири; его провезли по всему городу на черныхъ погребальныхъ дрогахъ, похожихъ на висѣлицу; связаннаго, съ доской на груди, на которой были написаны крупными буквами слова: „за убійство,“ надъ нимъ прочли приговоръ на московской голгоѣ.

Послѣ прочтенія приговора, въ публикѣ распространился слухъ : что вмѣсто Сибири, его, чтобы скорѣе замучить, отправятъ въ Алексѣевскій равелинъ ; тамъ, въ круглой, черной дырѣ, его, кипящаго избыткомъ жизни, заморятъ голодомъ, холодомъ и утонченными муками ; лишенный свѣта, малѣйшей защиты, окруженный холодными извергами, осыпаемый униженіями, побоями, онъ быстро сгоритъ отъ чахотки или въ огнѣ нервной горячки. Онъ тихо замретъ во мракѣ своей норы, какъ огонекъ, блудящій въ болотѣ, вынося, пока будутъ силы, ужасныя муки ; онъ будетъ ясно сознавать — и печально страшно будетъ это сознание — что для него нѣтъ спасенія, что его проклятія бесплодны ; что жалобныя, раздирающіе стоны, горячія мольбы о состраданіи не пролетятъ сквозь саженныя, гранитныя стѣны ; а горячія слезы уйдутъ въ камни, насквозь пропитанные слезами и кровью прежнихъ безчисленныхъ жертвъ ; подъ конецъ, онъ пойметъ — и ужасно будетъ это пониманіе ! — что его, самодовольно, сгноитъ въ тюремномъ колодцѣ та безошадная, свирѣпая, дикая сила, которая безтрепетно засосала тысячи жертвъ и для которой еще не наступила пора полного отомщенія. Но, можетъ быть, его предсмертныя муки озаритъ слабая надежда, что послѣ долгихъ лѣтъ, когда безслѣдно разложится его спущенный въ яму трупъ, по всей Россіи, какъ торжественный звонъ колокольный, раздастся звукъ порванныхъ цѣпей и затерзанный, несчастный народъ воспрянетъ изъ хаоса и муки къ новой, великой, богатой, чудно свѣтлой жизни ; можетъ быть, сгорая отъ нечеловѣческихъ мукъ, въ давящемъ бреду бѣлой горячки, передъ нимъ бурно пронесутся свободные сны !... Можетъ быть передъ тѣмъ, какъ разбить, съ отчаянія безграничнаго, свою страдальческую голову о гранитныя стѣны, онъ будетъ утѣшать себя, что кровавыя слезы не текутъ даромъ, что великими страданіями, наконецъ, завоеется общая свобода и общее счастье, и наступитъ тотъ день, которымъ грезили мученики свободы, когда народъ взвѣситъ свое страданіе и великое страданіе за него страдавшихъ и окружить ихъ головы позднимъ сіяніемъ ; что наконецъ прійдетъ тотъ желанный часъ, когда вѣчное, народное проклятіе прогремитъ надъ головою изверговъ !... но это все только можетъ быть !... Дорогою цѣною царь и правительство покупаютъ себѣ сладкій покой, они неустанно сѣютъ и сѣютъ сѣмя, и можетъ быть они доживутъ до ужаснаго дня жатвы !...

Привалъ арестантовъ

(Картина Якоби)

„Вотъ оно страданіе истинное, страшное, безъ котурнъ, безъ ходуль, безъ драпировки, безъ фразъ.“

(Бѣлинскій)

...„И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова „я братъ твой“ и закрывалъ себя рукой бѣдный, молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья.“

Реальная живопись, отбросившая въ сторону мадоннъ съ сверхъестественнымъ выраженіемъ на челѣ, умирающаго Спасителя съ точно такимъ же выраженіемъ, и прочіе въ бозѣ почившіе, замысловатые сюжеты, начинаетъ вливать новую, свѣжую струю въ жизнь; она становится великимъ орудіемъ пропаганды свободныхъ идей; она начинаетъ говорить горячо уму и сердцу, и въ тихомолку, вкрадчиво, подсказывать самыя зловѣщія, буйныя мысли; художники, выступившіе на этотъ путь, становятся не жалкими, безплодными, изолированными отъ дѣйствительной жизни мечтателями, переливателями изъ пустого въ порожнее, лакеями роскоши и тунеядства, а дѣйствительно полезными, сильными дѣятелями. Въ Москвѣ въ 1872 году была выставлена на выставкѣ картинъ, на Дмигровкѣ, замѣчательная по мысли и исполненію картина Якоби: „Привалъ арестантовъ“; она рѣзко бросалась въ глаза среди наименѣйшихъ и однообразнѣйшихъ морскихъ пейзажиковъ съ разбитыми суднами и спасительными лодками генерала живописи—Айвазовскаго,—картинъ, съ превеликимъ стараніемъ изображающихъ Ерусалимъ въ лиловомъ, ночномъ туманѣ и затѣмъ весенніе, осенніе, ночные и дневные пере-

ливы, зеленѣющія долины, золотистыя нивы, лѣса съ лужами стоячей воды и протоптанными тропинками. Картина Якоби изображаетъ мрачный сюжетъ: арестанты, гонимые на ка-торгу, расположились приваломъ; они лежатъ и сидятъ (къ счастью ихъ) на заледенѣлой грязи; жены арестантовъ съ зелеными, пзмощденными голодомъ, холодомъ и страданіями лицами, съѣжившись какъ-то уродливо, прячутся въ дырявыя рубища, прижимая къ себѣ дѣтей; видно, что эти дѣти начали болѣзненно тянуться въ ростъ отъ чудовищнаго, непосильнаго горя и суровой нужды; ихъ широко раскрытые глаза, окруженные тѣнями, глядятъ дико, съ выраженіемъ боли и испуга; много на ихъ долю перепало холода, голода, побоевъ и мало тепла, хлѣба и нѣжной ласки! Одинъ арестантъ, огромный, рыжій, стянулъ съ себя на холодѣ сапогъ и съ гримасой нестерпимой боли разматриваетъ на ногѣ глубокую, гноящуюся, кровавую рану, натертую полупудовыми кандалами. Но весь фокусъ картины сосредоточивается на человѣкѣ, лежащемъ на дрогахъ; неуклюжія колеса этого орудія пытки завязли по ступицу въ застывающую грязь. На дрогахъ лежитъ среднихъ лѣтъ мужчина, въ потасканной солдатской шинелишкѣ, онъ умираетъ. Умирающій не сродни группѣ арестантовъ, онъ слишкомъ тонокъ, слишкомъ нѣженъ, слишкомъ физически слабъ и богатъ нервною силою, слишкомъ бѣлы его руки; не вынесъ онъ нечеловѣческихъ пытокъ и погибаетъ на дорогѣ, счастливый тѣмъ, что ему не придется болѣе переносить пытокъ; это человѣкъ не изъ народа, но безконечно любящій его, умирающій за него — политическій заговорщикъ. На его огромномъ, умномъ лбѣ лежитъ ясная печать близкой смерти, онъ бѣлъ и ясенъ, какъ у мертвеца; его спазматически раскрытые, померкшіе глаза, лишены всякаго выраженія, ужасны; такое полное отсутствіе выраженія поглощаетъ въ себѣ самыя страшнѣйшія выраженія всевозможныхъ лютыхъ мукъ; этотъ застывшій взглядъ застывающаго мученика устремленъ на небо; мутныя, свинцовыя тучи обложили весь горизонтъ, повисли надъ землею, какъ крышка надъ гробомъ. Рѣзко выдѣляясь на небѣ, стая свободныхъ, бѣлыхъ лебедей несется изъ сумрачнаго, ледянаго сѣвера къ теплomu, солнечному югу; они летятъ на встрѣчу арестантамъ; видно, шумень и быстръ ихъ полетъ. Офицеръ, провожающій конвой, рябой, красный, съ симпатическимъ выраженіемъ палача Петропавловской крѣпости, пресерьезно отправляетъ около умирающаго обязанность отсутствующаго врача; съ выраженіемъ необыкновенной тупости онъ щупаетъ его затихающій пульсъ. Ноги умирающаго покрыты грязною рогожею, на ней блеститъ

иней отъ мороза; изъ подъ рогожи торчатъ огромные сапоги, новыя, не по ногамъ, съ новыми кандалами, болѣе тяжелыми, чѣмъ тѣло умирающаго; это послѣднее христіански милосердное, задушевно-нѣжное вниманіе русскаго правительства къ политическому преступнику! ихъ стащутъ съ него только тогда, когда уже они совершенно перестанутъ беспокоить его; одна рука застывающаго человѣка, тонкая, мертвенно бѣлая, упала, обезсиленная, съ дрогъ; на одномъ пальцѣ блеситъ кольцо съ изумрудомъ — можетъ быть, это память отъ неперенесшей разлуки, умершей въ ужасныхъ страданіяхъ, покинутаго жены — кольцо стаскиваетъ съ пальца неуклюжій арестантъ, съ косматою головою медвѣдя; притаившись подъ дрогами, онъ съ большимъ участіемъ слѣдитъ за послѣдними проявленіями жизни... свиснутая рука не обнаруживаетъ движенія, она повисла, какъ плеть...

Такая картина въ неумершей душѣ пробудитъ много тяжелыхъ, скорбныхъ, опасныхъ мыслей; отъ нея очень покорбитъ сентиментальнаго болтуна - либеральчика, который дальше своего носа ничего не умѣлъ разглядѣть, а подавно прочувствовать! Пусть читатель не забываетъ, что художникъ приподнялъ только на волосъ то покрывало, за которымъ таится та жизнь ужаса, до которой не подыметъ самое знойное, романтическое воображеніе. Художники еще не касались до ликующей народной жизни и прочпыхъ веселенькихъ и свѣтленькихъ атрибутовъ нашей цивилизаціи! Такіе улыбающіеся сюжеты изъ нашего домашняго государственнаго быта нужно было бы выставлять на всемірныхъ выставкахъ, пусть бы полюбовался міръ на наше житье-бытье свободное, развеселое, на реформы широкія, либеральныя!... Пора художникамъ перестать тѣшить худосочныхъ романтиковъ, умяслять ихъ сладко - прѣсныя души! пора имъ плюнуть на то опившееся, обожравшееся, умственно обрюзгшее, привилегированное меньшинство, которое требуетъ отъ искусства изящества, чистенькой красоты, примиренія съ жизнью! значеніе передовыхъ людей: не примирять непримиримое!

Могутъ ли быть честными людьми генералы ?

На этотъ нескромный вопросъ я отвѣчу съ сокрушеннымъ сердцемъ : нѣтъ ! и тысячу разъ нѣтъ ! Они могли бы быть честными тамъ, гдѣ честность и прямота считались бы драгоценными качествами ; неужели нужно говорить, что у насъ это черезъ чуръ гибельныя качества ? они могли бы быть честны тамъ, гдѣ они преклоняли бы гордую голову передъ однимъ гуманнымъ и разумнымъ закономъ, а не передъ тысячью пидоловъ и передъ самымъ страшнымъ изъ нихъ — произволомъ. Генеральскій чинъ — сокровище, таящееся въ глубокомъ, узкомъ и мрачномъ подземельи ; желающій достать сокровище, долженъ, извиваясь въ тысячу погибелей, проползти извилистые ходы, ведущіе къ нему. Чтобы сдѣлаться генераломъ, нужно быть бараномъ передъ начальникомъ и вепремъ, рыкающимъ передъ подчиненнымъ ; нужно сто разъ мѣнять шкуру, прежде чѣмъ эта излинявшая, негодная шкура облачится въ красные панталоны, нечеловѣчскій сюртукъ съ шутовскими эполетами ; и сотни разъ продать и перепродать свою, сдѣлавшуюся отъ частыхъ переходовъ изъ рукъ въ руки негодною ни для какого употребленія, голову, чтобы вздѣть на нее съ гордостью каску съ разноцвѣтнымъ тюрбаномъ. Стадо такихъ шалуновъ очень напоминаетъ вигвамъ краснокожихъ съ разноцвѣтными перьями на головѣ.

Въ маленькомъ чинѣ будущій генералъ долженъ лисить, ежиться, принижаться, тѣснить солдатъ ; онъ не смѣетъ думать питать дерзновенныхъ, свободныхъ мыслей, если онъ зайкнется объ нихъ, его раздавятъ, какъ крохотнаго, землянаго червячка ; повышаясь въ чинахъ, онъ долженъ сохранять во всей святой неприкосновенности — иначе ему не быть генераломъ — прежній молчащій, ползущій, передъ всѣми приносящійся, молчалинскій типъ ; жизнь его должна быть

бѣднѣе жизни паразитной инфузоріи ; стремясь къ обѣтованному генеральскому чину и сопряженному съ нимъ кругленькому пенсіону, къ жирнымъ, внушающимъ страхъ городовымъ и отставнымъ подъячимъ, эполетамъ, онъ долженъ глубоко и безпощадно зарыть въ себѣ, какъ хламъ негодный, свое человѣческое достоинство, молодость, энергію, юныя мечты, надежды, горячіе, свободные сны, все расширяющее и обновляющее душу, словомъ, все, что ставитъ человѣка выше послѣдняго животнаго ; всякій призракъ собственныхъ убѣжденій долженъ испариться изъ него, иначе не быть ему генераломъ ! Каждый самый крошечный шагъ впередъ на генеральскомъ пути сопряженъ съ утратою на вѣки честнаго принципа. Генералы — шашки въ рукахъ гнетущаго правительства ; достигая этого чина, они становятся мрачными дѣятелями, палачами осужденнаго на смерть государства ; они вступаютъ въ злую ассоціацію русскихъ правителей. Государь и правительство случайно и незаконно, путемъ насилія, завладѣвши милліонами, дикими, ни на чемъ не основанными преимуществами, баснословными правами, должны или сказать грустное *addio* сказочнымъ, безчисленнымъ дворцамъ, разнообразнымъ до безпредѣльныхъ размѣровъ физическимъ удовольствіямъ, страсти повелѣвать, угнетать, ломать, душить, или должны іезуитскими способами опутать тяжелою, темною паутиною все государство ; система набрасыванія паутины вся цѣликомъ основана на обширномъ подкупѣ и на свирѣпомъ подавленіи свободной мысли ; ненормальное, болѣзненное явленіе, они должны себя поддерживать возбуждающими ядами ; не возбуждая сами по себѣ любви, они ее должны насильно выдавливать подкупомъ. Генералы голубые, лиловые, пѣгіе, красные, коричневые, министры, сенаторы, губернаторы, тайные и явные, дѣйствительные и недѣйствительные статскіе совѣтники, инквизиторы третьяго отдѣленія, крупные чиновники, получая отъ государя громадныя пенсіоны, должны невольнымъ образомъ втянуться въ помойную яму, все пожирающую, все эксплуатирующую ассоціацію ; заливши имъ глотки золотомъ, давши имъ матеріальныя блага въ видѣ огромныхъ квартиръ, роскошныхъ обѣдовъ, онъ замѣнъ у нихъ беретъ мозгъ и распоряжается съ этимъ эластическимъ матеріаломъ, какъ съ движимою собственностью ; продавшіе мозгъ граждане, столбы отечества, распространяютъ съ бурнымъ патріотизмомъ деморализацію по всѣмъ направленіямъ обширнаго царства. Генералы назначаются въ директора, они гасители, душители ; они радѣютъ о воспитаніи, имъ отдается каждый годъ на избіеніе десятки тысячъ дѣтей ; они обязаны добиться, чтобы ни

одинъ лучъ не запаль въ юную, воспримчивую душу; они должны состряпать изъ ихъ жалкихъ прихвостней, годныхъ только для вылизыванія. Подъ ихъ надзоромъ наука и честь съеживаются до безобразныхъ размѣровъ, но за то лакейство, обезличиваніе, гнусная подлость въ необходимыхъ размѣрахъ тщательна и неусыпно поддерживаются. Учитель, не согласившійся тотчасъ же окунуться съ головою въ ретрадную яму, выбрасывается изъ нея, какъ существо, недостойное вкусить амброзіи. Тяжелая рука произвола налегла всею грубою тяжестью на университетское образованіе, и надъ нимъ тяготѣютъ тайные и явные шпионы и палачи! Ученія программы, пройдя черезъ официально хитцыя лапы хранителей престола, дѣлаются негоднымъ, заневаживающимъ мозгъ мусоромъ; образованіе плодитъ гусеницъ, жрущихъ въ народѣ его живыя силы, подавляющихъ въ немъ трезвые порывы. Населеніе Россіи, незнающее грамоты, болѣе подаетъ надежды на порабощеніе деспотизма, чѣмъ большинство эксъ-холоповъ, кончившихъ курсъ по нашимъ учебнымъ заведеніямъ: у него мозгъ не заговоренъ рабскими софизмами. Всѣ реформы нашихъ правителей обольстительны на первый, поверхностный взглядъ, это — шоколадикъ съ сладенькими бискупитами, но не вкусный, здоровый обѣдъ, способный поддержать жизнь; реформы носятъ крайне узкій, эгоистическій характеръ, ни одна реформа не соприкасается съ деспотами, не подрывается подъ ихъ безплодное и роскошное существованіе. Суды похожи на суды только тогда, когда дѣло касается общества (и то благо, и то добро!); дохните на высшую власть, и ваше дыханіе будетъ судиться судомъ таинственнымъ, импровизированнымъ, остервенѣлый ареопагъ замучаетъ васъ втихомолку въ дыркахъ петропавловской крѣпости! Государь и сопряженное съ нимъ правительство не дадутъ никогда добровольно свободной прессы; ихъ эгоизмъ скорѣе будетъ душить всю умственную жизнь государства, чѣмъ разрѣшить ее! свободное слово мгновенно подорветъ ихъ злое, нелѣпое существованіе, они могутъ существовать на развалинахъ государства, на его извѣденномъ труиѣ; они мысля, какъ си-вуху, отдали на откупъ генераламъ! Цензоры за деньги, выграбленные изъ дыряваго кармана страждущаго народа, душатъ мысль, преслѣдуютъ ее на тысячу ладовъ, мертвятъ ее въ зародышѣ; они пропускаютъ только то, что въ состояніи затормозить массы: они знаютъ, что стиснутая мысль, освободившись, яростно набросится на главныхъ виновниковъ зла; критическому ножу подвергнется сначала то, что болѣе рѣжетъ глаза; первый, страшный ударъ, нѣтъ сомнѣній, обрушится на царя и приближенную ему сволочь. Одни ры-

цари полиціи и отставные канцеляристы, чтецы „Московских Вѣдомостей,“ могутъ утверждать, что свободу, полную свободу, выговорять уста деспота, вѣчно замкнутыя для этого слова. Свобода, это царская могила, она подыметъся, вынужденная силою гнета, грозная и страшная, изъ глубины доведеннаго до отчаянія народа; заря свободы будетъ кровавая, она наведетъ трепетъ на міръ; она — неизбѣжный исходъ, подготовленный тиранами, они готовятъ черезъ края льющуюся чашу яда для своихъ дѣтей. Мерзкія улитки! они увѣряютъ умственно ими развращенную массу, что свободу дать рано, что ее нужно давать послѣдовательно и медленно, — іезуитское отвиливаніе пахнетъ кровью и чиновничьимъ плутовствомъ — стараясь надувать другихъ, они надуваютъ въ концѣ концовъ самихъ себя. Неестественное, безобразное ярмо они накидываютъ на шею неподготовленнаго народа и вовсе не считаютъ это неестественнымъ, ужаснымъ дѣломъ; свободу же, понятную всѣмъ, принадлежащую всѣмъ по праву, святую, желанную, не хотятъ дать! къ ней готовятъ эксплуатаціей, стѣсненіями, тюрьмами, пытками, цѣпями, Сибирью, всѣми кривдами и неправдами! Совершенно справедливо: пичкая народъ такою разнообразно восхитительною пищею, вы его доведете до такого пресыщенія ею, что, вспомяная объ ней, его будетъ рвать кровью. Вглядитесь поглубже въ исторію Россіи съ водвореніемъ Романовыхъ, и вы увидите, что національный типъ мельчаетъ, цезаризмъ усиливается; цѣною погибающаго народа расплывается и укрѣпляется власть, царское брюхо все болѣе и болѣе растетъ, все болѣе и болѣе становится ненасытнымъ, народное же — совсѣмъ подвело. Петръ I считалъ каждую копейку, истраченную на себя и прихлебателей, Александръ II не считалъ миллионъ, ушлывающихъ въ карманы балетчицъ; эксплуатація растетъ, ширится и подвигаетъ государство къ ужасной развязкѣ.

Во время Екатерины II свободный кликъ пронесся по югу Россіи, слова: „земля и вольница“ подняли цѣлыя сонмища проснувагося отъ страшныхъ грезъ народа; оскорбленныя человѣческія права выразились въ русскомъ Маратѣ — Пугачевѣ. Къ призраку Петра III придрался раздавленный народъ, онъ попробовалъ съ себя стряхнуть не въ моготу рѣжущій горло собачій ошейникъ. Призракъ, зовущій къ мщенію, требующій безчисленныхъ жертвъ, перепугалъ до смертельнаго испуга плантаторовъ и деспотиковъ; священныя троны дрогнули и испуганная власть съежилась, какъ бабочка на булавочкѣ. Демократъ-Пугачевъ распорядился бы съ землею и людьми бесконечно лучше, чѣмъ либерально-мудрая

Екатерина — „qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense“ — и раздаривающая сотни тысячъ людей своимъ ненасытнымъ любовникамъ за тщетное удовлетвореніе своего ненасытнаго тѣла! При Пугачевѣ былъ бы сытъ и воленъ народъ, при Екатеринѣ онъ жадно ѣлъ листья, жолуди и перегнившую солому въ то время, когда Потемкинъ и Зубовы на цѣлыя милліоны обворовывали государственное казначейство; онъ не ѣздилъ бы по Россіи въ сопровожденіи фантастическаго, страшно дорогаго штата, передъ нимъ не выросли бы волшебныя декораціи пидиллической, ликующей, поющей сельской жизни; его не встрѣчали бы одѣтые на казенный счетъ старцы въ атласныхъ кафтанахъ съ выученымъ счастьемъ на лицѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ отвратительно злой поддѣлки подъ счастье не стоналъ бы народъ, задавленный мелкими феодалами - помѣщиками, не крихтѣлъ бы онъ подъ ударами плетей, нищеты и невѣжества!

Самозванецъ, грубый неучъ, казакъ - Пугачевъ обѣщаль народу и далъ ему во время своего краткаго владычества вольность, землю, безпренятственное пользованіе лѣсами, водами и лугами. Императрица, съ помощью тайнаго убійства своего мужа взошедшая на престолъ, закрѣпила своею щедрюю, правосудною, самодержавною десницею плети, пытки, кровавадное рабство, безграничныя права тирановъ - помѣщиковъ. Пугачевъ силою святыхъ, великихъ словъ: „вольница и земля,“ которыя составляли и составляютъ сущность всѣхъ народныхъ мечтаній, поднялъ народъ по всей Россіи, какъ магическимъ жезломъ; безчисленныя войска выросли у него сказочно изъ земли и безпорядочныя, вооруженныя дрекольями толпы разбивали на голову орловъ Екатерины. Законная императрица силою штыковъ и пушекъ снова уложила народъ въ тотъ тѣсный, свинцовый гробъ, который получила въ наслѣдство отъ самодержавія. Человѣкъ, чуть было въ XVIII в., ранѣе французской революціи, не освободившій весь русскій народъ и водворившій среди него экономическій строй, которымъ теперь грезитъ все передовое въ Европѣ, былъ искалѣченъ пытками, четвертованъ на площади; имя суроваго самозванца было предано проклятію и недавно только начало выясняться во всей грандіозной величинѣ при помощи тщательныхъ и безпристрастныхъ историческихъ разслѣдованій; за произнесеніе только имени страшнаго человѣка черезъ много лѣтъ послѣ его казни заповороваи безжалостно плетями, рѣзали уши, руки и ссылали въ Сибирь. Екатерина, чуть было совсемъ нераздавившая русскій народъ, сковавшая его новыми, еще болѣе тяжелыми цѣпами, прославлена была,

даже при жизни, по всему міру мудрою, великою императрицею, спасительницею своего отечества; та же самая спасительница отечества въ свободное отъ государственныхъ попеченій время весьма весело и остроумно переписывалась съ Вольтеромъ, назначила пенсіонъ Дидро, пописывала колкія статейки противъ взяточниковъ, хихикала надъ глупыми русскими женщинами; страдая нимфоманією, поучала ихъ высокої нравственности; говорила вскользь о благонравіи, благолѣпіи, о свободѣ слова, и за то же бѣдное свободное слово съ великимъ царственнымъ достоинствомъ сослала въ Сибирь небольщенаго жалкою виѣшностью Радищева.....

. . . . .

Римъ.— 1873 г.

Размышленіе по поводу казни Стюарта I

„Вотъ уже три часа какъ мы толкуемъ о королѣ. Республиканцы ли мы? Нѣтъ, мы рабы!“

(Слова Кутона во время процесса надъ Людовикомъ XVI.)

Желчное чувство пробуждается въ душѣ, когда читаешь процессъ Карла Стюарта I и казнь надъ нимъ.

Большая часть историковъ впадаетъ въ разсыропливаніе, въ поэтическое холопство; съ какими мельчайшими подробностями, отеческою любовью, женственною нѣжностью они описываютъ страданіе короля, его кроткія слова, его трогательное прощаніе съ своими малютками; съ какою суровою холодностью относятся къ могучему Кромвелю. Подобострастіе этихъ слезливыхъ и замѣчательно дряблыхъ историковъ походитъ на лизаніе той палки, которая ихъ безжалостно и нестерпимо больно и бесконечно долго била; полюбуйтеся описаніемъ: Карлъ сидитъ въ тюрьмѣ, укрѣпляется въ вѣрѣ, превращается въ пошлаго ханжу изъ жестокаго тирана; цѣлые дни хныкаетъ; ему позволяютъ видѣться съ дѣтьми, онъ жарко лобзаетъ птенцовъ, даетъ мудрые совѣты имъ; и все это такъ трогательно, что послѣ Кромвель будто бы замѣчаетъ, что лучше и жалостнѣе сцены онъ не видалъ всю свою жизнь — повидимому, онъ не былъ знакомъ ни съ одною деревенскою хижиною веселой, старой Англіи — далѣе злосчастный Стюартъ по ночамъ слышитъ стукъ молотовъ и топоровъ, усердно работающихъ надъ эшафотомъ, но это не мѣшаетъ ему сладко дрыхнуть. Во время его шествія на казнь ему плюютъ въ глаза, но онъ, вспоминая Спасителя (очень грустно, что онъ его никогда не вспоминалъ на тронѣ

во время своей тираномани!), съ кротостью переносятъ это, одинъ изъ толпы молится за него, за что солдатъ ударяетъ по головѣ молящагося, упрекая его въ подлость холопствѣ; король кротко замѣчаетъ, что наказаніе строго за поступокъ. Его историки сравниваютъ съ Спасителемъ (очень много общаго у необузданнаго деспота съ великимъ провозвѣстникомъ любви и равенства!). Шествіе на плаху свершаетъ король въ роскошной одеждѣ (что очень напоминаетъ полунагаго Спасителя, изнемогающаго подъ тяжестью собственнаго креста!), онъ говоритъ приближеннымъ, что отъ вѣнца тлѣннаго онъ переходитъ къ вѣнцу нетлѣнному, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печалей (другими словами—ни королей, ни эшафотовъ); эту отрепанную руладу напѣвали милліонъ разъ взводимые на эшафотъ; преоригинальное путешествіе затѣвалъ король! небо, готовящееся воспринять его въ свое бездонное лоно, преравнодушно смотрѣло на его гибель, оно объ немъ такъ же много безпокоилось, какъ и о мошкахъ, гибнущихъ послѣ дождя! Голову отрубилъ замаскированный палачъ и показалъ ее народу со словами: „это голова измѣнника,“ это былъ послѣдній куплетъ маленькаго историческаго водевилъчика. Многие историки указываютъ какъ на знаменательный фактъ, что народъ безмолвствовалъ; это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, это показало бы только то, что безмолвствующій народъ еще долго не будетъ свободенъ, что его забитое воображеніе боится призраковъ, что надъ жалкой головой короля еще не совсѣмъ исчезъ ореолъ. Указываютъ на то, что во время приговора надъ королемъ при чтеніи фразы: что это свершается по волѣ народа, нѣкая леди Ферфаксъ закричала, что не было и десятой части народа въ этомъ желаніи; но этого сентиментальнаго вздора не было: народъ самъ горячо жаждалъ смерти короли. Онъ не могъ слышать стука топоровъ надъ эшафотомъ, потому что былъ переведенъ въ Сенджемскій дворецъ, далеко отстоящій отъ мѣста плахи. Но углубляясь въ рассказы о казненномъ монархѣ, историки не стараются поглубже разяснить: какимъ образомъ казненный Стюартъ довелъ терпѣливый, всепрощающій народъ до такого исхода? они очень вскользь упоминаютъ о его ужасныхъ преслѣдованіяхъ народной религіи, надувательствахъ, его безчеловѣчной тираніи, мотовствѣ, холодномъ презрѣніи къ волѣ и нуждамъ народа. Чтобы познаться съ безконечнымъ, святымъ терпѣніемъ народа, надо только пролистать исторію; чѣмъ болѣе вы ее узнаете, тѣмъ все болѣе и болѣе становится невѣроятнымъ его христіанское смиреніе, терпѣніе; но предѣлы есть во всемъ, даже и въ народномъ терпѣніи!...

II.

„Пугаетъ кровавыми снами
Исторіи прошлой страница.
(Барбье)“

Теперь я постараюсь набросать суровую, грозную картину, она освѣщена заревомъ пылающихъ, инквизиціонныхъ костровъ; въ началѣ статьи мы видѣли гибель царя отъ руки народа — но къ сожалѣнію, исторія насчитываетъ удивительно микроскопическое число царей, погибнувшихъ отъ руки народа — гибли они немучительною смертію и всегда за собственные, тяжкіе грѣхи или еще большіе грѣхи своихъ отцовъ; судъ народа надъ царемъ имѣлъ оправданіе въ ужасахъ, которые вытерпивалъ народъ отъ царя. Теперь полюбуйтесь гибелью народа отъ руки царя: не слезами, а кровью должны плакать историки, вспоминая лютыя издѣванія надъ людьми! самыя ужасныя издѣванія начинались послѣ того, когда народъ, раскрывши объятія, со слезами и криками радости, принималъ монарха. Вспомните инквизицію, въ одной только Испаніи, въ одно царствованіе Филиппа II, она погубила 72,000 человекъ по страшнымъ подваламъ Торквемады, въ подземельяхъ, среди пытокъ и въ пламени костровъ.

Жертвы сжигались живыми, на медленномъ огнѣ; когда тѣло тлѣло въ огнѣ, когда страдальцы задыхались въ дыму собственныхъ костровъ, изъ роскошной ложи глядѣлъ король и любовался пытками; на казнь несчастныхъ провожали попы, съ крестами, хоругвями. Вспомните всю несмѣтную массу войнъ, которыя начинали короли, движимые интрижками, ненавистью одинъ къ другому; народъ во всѣхъ подобныхъ перепалкахъ былъ *chaig à canon*. Но когда, въ рѣдкихъ случаяхъ, народъ умолялъ щадить его жизнь и средства, на него высылались мрачные злодѣи; они являлись, какъ чума, въ недовольную страну; зажигались костры, воздвигались эшафоты, пускались въ ходъ страшныя орудія пытки; если же городъ не сдавался, предчувствуя страшный конецъ, его осаждали, не жалѣя людей и средствъ; но когда послѣ борьбы входили въ него, то рѣзали дѣтей, насилывали женщинъ, а послѣ, ради невинной забавы, ихъ груди и животы прока-

лывали штыками; городъ затапливали кровью и ограбывали до тла; оторванные члены, выпотрошенные внутренности, разбитые черепа, съ вывалившимся мозгомъ, были вѣчными эпилогами нескончаемыхъ драмъ. Малѣйшій протестъ народа противъ царя, который душилъ, давилъ, грабилъ, поддерживалъ для своихъ финансовыхъ затѣй мразъ и невѣжество въ народѣ, который издѣвался надъ его правомъ, имуществомъ, всѣмъ дорогимъ и близкимъ ему, назывался крамолою. Кровожадность и ненасытность этой хищной породы была фантастически - изумительна! умирали изверги, напутствуемые поповскими благословеніями, окруженные сотнями докторовъ, плачущими придворными; умершихъ насильственною смертію, можно перечесть по пальцамъ. Людовикъ XVI погибъ мгновенно подъ ножомъ гильотины, а Даміенъ, черкнувшій ножомъ Людовика XV, умиралъ часъ; ему жгли руку на сѣрномъ огнѣ, а послѣ щипцами начали вырывать мясо, а во внутрь ранъ заливали разтопленный свинецъ; на немъ, какъ щетина на дикобразѣ, поднялись волосы и онъ, задыхаясь въ конвульсивномъ хохотѣ, кричалъ: „еще, еще!“ Испустилъ онъ духъ только тогда, когда у него, растянутого въ разныя стороны лошадыми, начали отрываться ноги; взошелъ онъ на эшафотъ черноволосымъ атлетомъ, голова, показанная толпѣ, была сѣдая и изрѣзанная старческими морщинами. Вспомните казнь одной протестантки: члены ея молола машина, а передъ глазами у нея держали ее груднаго ребенка, къ груди прилила скорбь и молоко, оно закапало съ обнаженной, пылающей отъ чудовищныхъ мукъ груди, а ребенокъ жадно тянулся къ материнскому молоку. Не думайте, что эти казни были рѣдки, отнюдь нѣтъ, въ нихъ играли короли, это были водевильчики; но рядомъ съ водевильчиками были и драмы: вспомните герцога Альбу, какой широкой, кровавой слѣдъ онъ оставилъ за собою во Фландріи; прочтите исторію этого дикаго, страшнаго времени, и я ручаюсь вамъ, что если вы холоднѣе полярнаго льда, изъ вашихъ глазъ брызнутъ слезы и отъ ужаса сожметса сердце. Припомните походъ на Альбигойцевъ, гдѣ югъ Франціи былъ превращенъ въ пустыню, гдѣ была замучена, задушена, искверкана лучшая раса людей въ цѣлой Европѣ, передовая по своему развитію, самая богатая по промышленности и за то только, что это населеніе осмѣлилось усомниться въ неприкосновенной святости римскаго духовенства и свободно толковать библію! А Карлъ IX, давшій сигналъ на рѣзню, которая покрыла чернымъ покрываломъ это смутное время; когда душили протестантовъ, а наемные убійцы рѣзали Колиньи, когда подъ звонъ колоколовъ спрավлялась кровавая

свадьба, король кричалъ: „tuez, tuez!“ А русская исторія, съ ея геологобалами, съ ея Павломъ, незабвеннымъ Николаемъ!... Но лучше прекратимъ этотъ гнетущій душу пере-чень бѣшеннѣхъ остервенѣній и бѣшеннѣхъ низостей; кто хочетъ быть по горло сытъ ужасами, пусть глубоко изучитъ исторію, отъ нея несетъ кровью, дымомъ костровъ, вся она — лютое издѣваніе единицы надъ массами, апогеоза насилія; тьма вѣтхозавѣтной ночи витаетъ надъ нею до XVIII вѣка, тутъ тьму начинаютъ прорѣзывать лучи слабаго свѣта.

И у историковъ хватаетъ смѣлости и совѣсти рыдать надъ казнью царька, надъ крошечнымъ фактикомъ, исчезающимъ передъ милліонами жертвъ, и удивляться ужасамъ революціи! Историки совершенно забываютъ, что революціи не причины, а слѣдствія, логическій, послѣдовательный исходъ дикаго безобразничанья надъ человѣкомъ; ее испытываютъ сотни лѣтъ изъ народа, ее пламенно жаждутъ; первые революціонеры — неограниченные монархи и короли. Попираніе правъ свободы, состоянія, необходимо должны были привести къ революціи; чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе отпоръ. Революціи, не смотря на массы жертвъ, внушаютъ радостное чувство: чувствуешь, что народъ расправляетъ, спуганные гнилыми тряпками, гигантскіе члены; свѣтенная сила взрываетъ гранитныя скалы; пагая черезъ трупы, народъ идетъ къ свѣту, жертвъ много, но за то, на короткое время, мысль приходитъ въ бурное броженіе; много животрепещущихъ, великихъ вопросовъ встаютъ передъ народомъ, требуя рѣшенія; идеи движутъ массами, страшно быстро ими всасываются, задавленныя грубою силою, онѣ уходятъ внутрь народовъ, горятъ подъ пепломъ, но до первой искры...

Издѣваніе царей и духовенства привелъ къ тому, что народъ, опьяненный мстью, растопталъ своихъ палачей, онѣ были негуманенъ, но и его палачи не отличались особенною гуманностью! Могу васъ увѣрить, сердобольные историки, что если вы внимательно взгляните въ исторію, то увидите, что революціи, приводящія васъ въ трепетъ, далеко не такъ ужасны, какъ дѣйствія абсолютныхъ монарховъ и непогрѣшимыхъ папъ; если вы постараетесь собрать въ кучу всю массу зла, сдѣланную царями, папами и духовенствомъ, то передъ нею революціонерный терроръ покажется временемъ, въ которомъ на землѣ царилъ ангелъ, съ оливковыми вѣтвями мира и съ небесною благодатью на челѣ; васъ вводитъ въ ошибку то, что первая французская революція, за одинъ разъ, подвела итоги прошедшему, тогда, какъ прошедшее свершало зло съ паузами, разбросанно, но за то эти мучительныя операціи продолжались вѣка. Помните, что прогрессъ,

о которомъ вы распинаетесь, возможенъ только при полномъ расширеніи правъ массъ и ограниченіи права жалкихъ единицъ; неограниченный монархъ, опирающійся на привилегированныя сословія и широкій прогрессъ — двѣ крайнія противоположности.

Можетъ быть все эти аханія, благоговѣйныя позы передъ эшафотами, на которыхъ сложили головы тираны, происходятъ отъ непривычки къ такому явленію? Къ воплямъ народнымъ, его безумнымъ страданіямъ, казнямъ, бойнямъ, мы черезъ чуръ привыкли; они намъ не рѣжутъ глазъ, не даютъ мозгъ; мы на нихъ смотримъ черезъ чуръ повседневно; время установило спокойный, сухой, почти филистерскій взглядъ на подобные ужасы.

Но многіе мнѣ укажутъ, что я въ моей статьѣ грѣшу противъ новаго, философскаго взгляда на исторію, который никого не обвиняетъ, никого не хвалитъ, а только безпристрастно звѣщиваетъ событія; я нахожу, что подобный философскій взглядъ имѣетъ въ себѣ тотъ капитальный недостатокъ, что онъ чрезвычайно усыпляетъ.

III.

„О, великій дуракъ останется вамъ всегда покорнымъ; всегда будетъ развлекать вашихъ дворянчиковъ своими великанскими шуточками..... Каждый день въ угоду вамъ показывать старые фокусы, балансировать на носу невыносимыя тяжести и заставлять сотни тысячъ солдатъ толтать ему брюхо... Но не бойтесь ли вы, что когда нибудь его утомить эти тяжести, что онъ сброситъ съ себя вашихъ солдатъ или, расшутившись не въ мѣру, придавятъ ваши собственные головы мизинцемъ такъ, что мозгъ брызнетъ до самыхъ звѣздъ?..... Нѣтъ, не бойтесь, я только шучу...“

(Генрихъ Гейне)

Отчего Россія въ глазахъ Европы такъ безнадежна? отчего лучшіе умы, мечтая о всеобщемъ народномъ братствѣ, исключаютъ ее изъ общаго братства? Привилегированному, умственно развращенному меньшинству, покоющемуся въ летаргій, только и грезится власть; у него есть таинственный сфинксъ, черезъ который государство еще долго не расправитъ своихъ исполнскихъ членовъ, сфинксъ этотъ — царь; пусть вспомнятъ о сценахъ, происходившихъ въ Москвѣ по-

слѣ 4 Апрѣля, выстрѣла Каракозова, какою мутною волною вылилось татарское раболѣніе! Пусть вспомнятъ, какъ московское купечество опивалось, обжиралось по поводу этого ничтожнаго случая, какъ эти халуи — царскіе пуделя, издѣвались надъ бѣдными студентами за то, что они не участвовали въ лакейскихъ порывахъ. А адреса, посланные отъ городовъ, напичканные до рвоты вѣрнопопданническими подливаніями, божескими поклоненіями монарху! Театры, въ которыхъ все представленіе заключалось въ томъ, что толпа актеровъ во всю глотку воила: „Боже царя храни,“ а публика жалкая, несчастная крѣпостная, стояла во фронтѣ; такого вѣрнопопданническаго пятна не смоятъ цѣлые океаны! Такое злостное идолопоклонство уравнивало публику съ дикарями острововъ Фиджи; а распѣваніе того же патриотическаго гимна у себя по домамъ! гдѣ многія, любезно вѣрныи царю семейства, состояція изъ любезно шаловливыхъ ливретокъ, собирались въ кружокъ и благоговѣнно затягивали хоромъ: „Боже царя храни,“ эту переложенную на русскіе нравы Марсельезу. Много, удивительно много фантастически причудливыхъ вакханалій, кваснаго патриотизма, были разграны по всѣмъ уголкамъ Россіи; нѣкоторые подвиги классическаго холопства и кретинизма были до того ужасны, что походятъ на сказку.

Когда Муравьевъ въ застѣнкахъ пыталъ Каракозова и сотни молодыхъ людей, многія почтенныя личности, изъ партіи либеральчиковъ, опьяненные оргіями патриотизма, шептали: „О Муравьевъ съумѣетъ допросить!“ пусть вспомнятъ либеральчики эти страшныя слова и пусть отравятъ они ихъ послѣдній часъ! такія слова ужасны не только въ устахъ христіанина XIX вѣка, но и въ устахъ средневѣковаго палача; какъ дѣтски наивенъ, въ сравненіи съ этими словами крикъ толпы іудейской: „распи, распи его!“ И они проносили ихъ въ то время, когда сотни лучшихъ, молодыхъ людей томилась, обливаясь жгучими слезами, въ черныхъ, залесневѣлыхъ дырахъ крѣпостей, одинокіе, беззащитные, осыпаемые униженіями и побоями! когда у сотенъ изъ нихъ были въ перспективѣ десятилѣтніе, полупудовые кандалы и пытки тапала въ ледяной Сибири! когда многіе изъ нихъ, пожираемые огнемъ горячки, въ бреду, метались на полу крѣпостныхъ щелей, а тысячи семействъ въ Россіи рыдали до надрыва груди, не зная гдѣ искать своихъ потерянныхъ, несчастныхъ дѣтей! когда многіе изъ нихъ отдавали послѣдній, трудовой грошъ жандармамъ, чтобы издали полюбоваться стѣнами Петропавловской крѣпости, которая оказалась черезъ чуръ тѣсна для осужденныхъ! Пусть толпы жертвъ

молодыхъ, блѣдныхъ, замученныхъ, изнуренныхъ, рвущіе сердца образы, рыдающихъ, осиротѣвшихъ матерей, предста- нуть, болѣзненно ярко, въ предсмертныхъ грезахъ либераль- чиковъ и пусть отравятъ они ихъ послѣдній часъ!...

Смѣшно и дико выговорить, что въ 1865 году выстрѣлъ въ царя навелъ ужасъ даже на либеральчиковъ; на этотъ поступокъ взглянули какъ на святотатство, о terrors! о terrors! Въ Европѣ, со- времени первой французской революціи, личность императора стала столь священной въ глазахъ на- рода, что эту личность нужно, во время самыхъ невинныхъ прогулокъ, охранять громадною сѣтью шпионовъ и полицей- скихъ. До выстрѣла Каракозова необузданное холопство, под- куривая самодѣльнымъ фиміамчикомъ, вопило, что только поляки могутъ имѣть злой умыселъ на царя, что это слово, въ силу какихъ-то бездонно- таинственныхъ данныхъ, сви- щенно для русской націи; выстрѣлъ Каракозова и связан- ное съ нимъ тайное общество разсѣяли иллюзію; но патриоты не унялись, они возопили: „Каракозовъ дѣйствительно рус- скій, но только сумасшедшій,“ правительство, желая подкрѣ- пить эту мысль въ обществѣ, сначала запытало сумасшедша- го, а потомъ повѣсило сумасшедшаго.

А даваемая въ провинціяхъ драма „Иванъ Сусанинъ,“ гдѣ Сусанинъ весьма торжественно объявляетъ, что онъ скорѣе околѣетъ, какъ подлая шавка, чѣмъ позволитъ убить царя; въ драмѣ являются благоденствующіе поселане, обо- жающіе царя и добрыхъ помѣщиковъ, — поляки, ненавидящіе царя и помѣщиковъ, но за это ихъ, цѣлую сотню, можетъ избить одна добрая поселанка, обуреваемая патриотическими чувствами. Въ послѣднемъ дѣйствіи драмы изображенъ ко- стромскій лѣсъ (гдѣ съ искони вѣковъ водились царскіе спа- сители), съ падающимъ снѣгомъ, по большей части, приго- товаемымъ изъ полицейскихъ книгъ, въ которыхъ записывали безпаспортныхъ бродягъ и заповронныхъ розгами. Чепуха растетъ съ каждою терціею и дорастаетъ до апогея въ концѣ пьесы, гдѣ Сусанинъ умираетъ, поддерживаемый крестьянами и мелетъ напдлиниѣйшіе монологи, черезъ чуръ благозвучные даже въ устахъ какого нибудь современнаго поэта — Бого- явленскаго; онъ видитъ разверстое небо, Бога съ такою же бородою, какъ у него, — ангеловъ, похожихъ на жандармовъ и ясно видитъ какъ вся эта безпардонная компанія протя- гиваетъ къ нему съ неба руки и какъ послѣ его имя начи- наетъ разгуливать изъ потомства въ потомство. Но дикая болтовня закончивается тѣмъ, что Сусанинъ начинаетъ же- стоко и непозволительно долго дригать ногами и къ вели- кому удовольствію державшихъ его массивное тѣло посе-

лянь, умираетъ за домъ Романовыхъ. Бѣдный Сусанинъ не предчувствовалъ, что этотъ славный домъ Романовыхъ совершенно прервется и начнется славный домъ, безфамильныхъ чухонцевъ изъ деревни Котлы. А духи á la Комисаровъ, и пожалованіе сего достойнаго мужа въ дворянское званіе, лукуловскіе обѣды во дворцѣ, гдѣ несчастный Комисаровъ чуть было не задохся въ душныхъ объятіяхъ генераловъ - патриотовъ (за огромное жалованіе). Спаситель отечества потѣлъ, падалъ безчисленное число разъ въ обморокъ, не смотря на свои костромскіе нервы, и чуть не умеръ отъ поноса на одномъ изъ этихъ обѣдовъ, желудокъ и сердце невынесли высокой государственной сферы. Дворянство и купечество, очень скуповатые на жертвы въ пользу бѣдныхъ студентовъ, больницы и школы, широко разщедрились, собравъ большую сумму для Комисарова. И вся эта грязная масса балаганныхъ сценъ разыгралась черезъ то, что человѣкъ совершенно нечаянно помѣшалъ выстрѣлу, сдѣлалъ то, за что нигдѣ въ мірѣ не даютъ подачекъ, въ такомъ случаѣ, всѣмъ честнымъ людямъ слѣдуетъ назначить громадный пенсіонъ за то, что они не воры и не подлецы, но къ сожалѣнію у насъ наоборотъ: честные задыхаются въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, а прихвостни, блюдолизы, продавшіе свободу, честь, человѣческія стремленія, годные для царской подстилки, дышатъ полною грудью въ благорастворенныхъ воздухахъ.

Россія теперь нюхаетъ Комисарова, преображеннаго въ дешевые духи, но она скоро узритъ кофточки, подпштаники, носки á la Комисаровъ. Анекдотическая случайность: вошли въ моду красныя рубашки á la Гарибальди и духи á la Комисаровъ! Какое злое стеченіе именъ: Гарибальди и Комисаровъ! во Франціи Орсини, въ Россіи Комисаровъ! Всѣ эти убогенькія, подленькія сцены напоминаютъ наше недавнее прошлое, гдѣ, по случаю отъѣзда помѣщика, немилосердно бичевавшаго своихъ крестьянъ, собирались забитые мужички и пригорюнившись голосили: „Да, на кого же ты насъ сердешный оставишь, на кого покинешь?“ Всѣ эти сцены жалки, но онѣ возбуждаютъ злое чувство: чувствуешь, что произволъ пока еще крѣпокъ; этими дикими выходками, позорящими человѣческое достоинство, общество дало знать царю, что гнусное настоящее и гнуснѣйшее прошлое ему по вкусу, что оно съ удовольствіемъ останется преданной царской лягавой, если этого только пожелаетъ царь - батюшка. Но лучъ надежды на спасеніе свѣтится въ томъ, что въ позорныхъ оваціяхъ не участвовалъ народъ деревень, онъ почесалъ затылокъ и пропустилъ апатично сквозь уши новость, которая такъ взбудоражила касту дворянъ и касту купече-

ства. Только такіе великіе историки, какъ Смарагдовъ и Устряловъ могутъ сладко лепетать, что самодержавіе вытекаетъ свободно изъ исторической жизни русскаго народа, а не навязано ему на его гибель силою штыховъ и пушекъ. Прислушайтесь къ народнымъ былинамъ, легендамъ, пѣснямъ и вы нигдѣ не услышите именъ великихъ царей-опекуновъ челоѣчества; у націй есть свои благодѣтели, она идетъ въ разрѣзъ съ историками; люди заклеянные историками названіями кровавыхъ чудовищъ, для народа — святые угодничи, герои, мученики: вспомните Разина, Пугачева, героевъ гайдамачины; години мрака для него — години свѣта; нѣтъ сомнѣнія, что народъ правъ: въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ и ненавидитъ всѣ привилегированныя сословія. Въ прошломъ вѣкѣ особенно сильно царилъ въ народныхъ умахъ мысль, что въ судный день, когда народъ будетъ по своему расправляться съ извергами, сосущими изъ него живые соки, онъ будетъ ихъ разбирать по рукамъ и да хранить того всемогущіе Боги, у кого онѣ окажутся бѣлыми! Владѣтели этихъ лилейныхъ ручекъ, въ силу закона возмездія, будутъ безжалостно звѣрски уничтожены; пугачевщина привела эту зловѣщую мысль въ исполненіе: обезумѣвшія отъ страданія народныя массы страшно отомстили бѣлоручкамъ, они съ дикимъ хохотомъ, при свѣтѣ пожаровъ, жгли ихъ на мелкомъ огнѣ; помѣщиковъ вѣшали за дѣтородные члены, сдирали съ нихъ живыхъ кожу, а послѣ сопли; начинали порохомъ животы беременныхъ женщинъ и поджигали; бросали копыями въ самый жаркій огонь ихъ невинныхъ дѣтей, жестоко приговаривая: „гори, гори, проклятое отродье.“ Мы забыли ужасы и снова забыли народъ, но время идетъ; онъ снова напомнитъ о себѣ, но теперь къ этому народу пристанетъ все образованное, молодое, сильное; у Пугачева одинъ Швановичъ былъ изъ благородныхъ, писавшій ему бумаги на иностранныхъ языкахъ, у новаго Пугачева имъ не будетъ числа; Пугачевъ остановился передъ готовыми сдатьсея столпами, онъ испугался призрака царскаго и опустилъ поднятую руку; новый Пугачевъ будетъ знать, куда направить всю силу народнаго гнѣва и ни на терцію не задумается передъ дворцомъ. Народъ искренно вѣрилъ, навѣрное и теперь вѣритъ—потому что его матеріальное положеніе не много улучшилось—что для того, чтобы пройти на томъ свѣтѣ огненную гору, надо набрать цѣлый мѣхъ панской, еврейской, польской крови, съ примѣсью царской, поливая гору этимъ драгоценнымъ снадобьемъ, онъ могъ, не обжегшись, попасть прямехонько въ рай. Чудовищная гроза, прошумѣвшая надъ нами въ XVIII вѣкѣ, прошумитъ и въ XIX.

У народа, затерзаннаго царями, есть дума мощная и злая, она ноцуетъ съ нимъ въ жалкой, дымной хатѣ, летаетъ надъ нимъ, когда, тяжело склонясь на соху, онъ пахнетъ въ жаркій, душный день сухую, тощую землю; провожаетъ она пилигримовъ въ далекій Іерусалимъ и возвращается съ ними обратно; эту думу роковую, полную кровавыхъ послѣдствій, не подмѣтятъ сонмища шпионовъ третьяго отдѣленія, ни батальоны солдатъ, разставленные по деревнямъ, ни жандармскіе полковники, ни попы; эту народную грезу не уничтожатъ никакія адскія машины, вы ее выгоните въ дверь, а она войдетъ въ окошко. Забитость, невѣжество ненадежны, они умѣютъ выкидывать чудовищные фокусы и очень неожиданно, вспомните страшные историческіе примѣры; невѣжество и умственное рабство въ миллионъ разъ опаснѣе свободы и образованія; исторія никому и ничего не прощаетъ...

БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ

„Что, Мефистофель мой, завистникъ закосиблѣи?
Отинилъ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья;
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всеильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить — отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть къ тому, что рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь...“

(*Монологи Огарева.*)

I.

Многіе толкуютъ, разбираютъ, окунаются по самую маковку въ современные событія, изнемогаютъ отъ восторга, любуются на либеральныя нововведенія послѣдовательнаго правительства; сотнями выходятъ статьи, прамехонько направленные въ макушки мировыхъ судей, мировыхъ посредниковъ; о предметахъ же серьезныхъ, со смертію Писарева, говорятъ слишкомъ невнятно, слишкомъ рѣдко, черезъ чуръ соображаясь съ цензурою. О воспитаніи толкуютъ много, но рѣшился ли кто намекнуть, что его нужно измѣнить очень рѣзко и совершенно выкинуть нѣкоторые предметы, предо-

ставивъ имъ заниматься только тѣмъ, которые сами пожелають этого? Начнемъ съ самаго нелѣпаго и вреднаго предмета — Закона Божьяго: этимъ предметомъ пастыри больше чѣмъ классическими языками притупляютъ и обезсмысливаютъ воспитанниковъ и воспитанницъ; рядомъ съ лекціею естественныхъ наукъ, гдѣ даже въ институтахъ учитель говоритъ о невозможности существованія матеріи безъ силы, о законахъ природы, и рядомъ, доброму священнику шестнадцатилѣтняя дѣвица, покрытая угрями отъ ранняго закипанія чувственности, повѣствуетъ съ младенческою наивностью о Евѣ, коварно соблазненной яблочкомъ, о строптивомъ змѣискусителѣ всего рода человѣческаго, о прогнаніи по шеѣ изъ рая Адама и Евы, прикрывающихъ себѣ лопухомъ потерянную невинность (кулачную расправу свершаетъ держиморда небснаго царства — архангелъ Гавріиль), о Пентефрихѣ — злой женщинѣ, погубившей цѣломудреннаго Іосифа. Потомъ рассказываетъ пошъ о ковчегѣ, плавающимъ по водамъ затопленнаго міра, о Ильѣ пророкѣ, безъ паспорта и прогнанный укатившемъ на небо, о брани Бога съ Израильтянами, которымъ въ пустынѣ сильно захотѣлось мяса, о страшномъ любителѣ еврейскаго мяса — мѣдномъ змѣ. Никто изъ русскихъ не заподозритъ анекдотичности въ этихъ фразахъ; но многіе могутъ замѣтить, что это свершается въ глухихъ, удаленныхъ отъ свѣта провинціяхъ, безмозглыми, грубыми понами; но пусть не забываютъ, что населеніе преобладаетъ въ провинціяхъ, а не въ столицахъ; наконецъ, почему же эту безобразную морфолафію суждено выслушивать несчастнымъ провинціальнымъ дѣтямъ? это — будущіе общественные дѣятели. Наконецъ, когда встрѣчающіеся въ столицахъ попы начинаютъ философствовать объ этомъ предметѣ, дѣло выходитъ еще хуже, въ результатѣ получается такой сумбуръ, что волосы на головѣ поднимаются. Полюбуйтесь катихизисомъ Филарета — мудростью мудростей! содержаніе его пелѣпѣ (если это только возможно) самого ветхаго завѣта; священникъ на лекціи катихизиса высчитываетъ по пальцамъ недостижимые для ангеловъ атрибуты Бога; о Іисусѣ пастырь говоритъ, какъ о царскомъ холодѣ, который только тѣмъ и занимался, что подслуживался къ высшей власти, что все ученіе этого великаго революціонера состояло въ хлопотахъ и нѣжныхъ заботахъ о монархахъ, въ почтительномъ вниманіи имъ и въ кроткомъ, идилическомъ довольствѣ всѣмъ окружающимъ; казнь онъ былъ за частыя ссоры съ сребролюбивыми жидами; что онъ гнусно шарлатанилъ, т. е. выгонялъ сонмище бѣсенятъ изъ чрева, одержимыхъ злымъ духомъ, воскрепалъ вонючихъ мертвецовъ, а послѣ смерти

улетѣлъ черезъ океанъ азота и кислорода, куда? неизвѣстно! И ни разу никто изъ нихъ не рискнулъ намекнуть о настоящемъ смыслѣ его ученія; было бы странно пресмыкающейся шавкѣ-попу рассказывать о свободѣ, равенствѣ, уничтоженіи государей, уничтоженіи собственности, полноправности народа, словомъ, объ идеяхъ, составляющихъ сущность ученія Спасителя! Наконецъ, зазнайся попъ до такой высокой степени, ему законопатили бы ротъ и во мракѣ ночи отправили бы въ тѣ блаженныя страны, куда Макарь телятъ гоняеть... Мало того, что преподаваніе этого предмета притупляетъ ребенка, но кромѣ этого оно развиваетъ въ немъ бессмысленную нелогичность; онъ съ дѣтства приучается къ тупому поддакиванію всякой нелѣпости; онъ дѣлается автоматомъ, самъ не замѣчая этого; малѣйшій же протестъ противъ хаоса религиозныхъ софизмовъ можетъ погубить его; постепенно онъ опошляется до того, что начинаетъ равнодушно смотрѣть на издѣваніе надъ его мозгомъ, онъ начинаетъ считать это правомъ, онъ и такъ въ каждомъ предметѣ, кромѣ закона Божьяго, видитъ сухость, нелѣпость, нелогичность. Воспитаніе еще въ школѣ уничтожаетъ въ ребенкѣ драгоценное качество: протестъ противъ всего дикаго, неразумнаго; онъ готовится и наконецъ дѣлается тою жалкою овцою, которую такъ любятъ и цѣнятъ государь и правительство; на такихъ ручныхъ стадахъ незыблемо покоится престолъ русскій. Послѣ же выхода воспитанникъ тотчасъ же забываетъ и катихизисъ и ветхій завѣтъ; сдѣлайте вопросъ изъ закона Божія первому попавшемуся воспитаннику — исключая поповъ и семинаристовъ — окончившему только что курсъ, и, какъ дважды два, онъ не помнитъ ни одного слова изъ пройденнаго; но забывая пройденное, онъ все таки не въ состояніи отрѣшиться отъ хаоса, который засѣлъ въ его головѣ; здоровую логику онъ въ большинствѣ случаевъ теряетъ на всю жизнь. Университетъ отрѣшаетъ отъ этой нелѣпницы только очень немногихъ. Поражаетъ своею странностью и наивностью доводъ: „помилюйте (говорятъ они), вы хотите уничтожить народную религію, вы знаете любовь народа къ предразсудкамъ, вы знаете, что у народа отнять религію — это пробудить въ немъ всѣ недобрые инстинкты, онъ теперь только и сдерживается раемъ, адомъ.“ Начнемъ съ того, что получающее воспитаніе въ заведеніяхъ составляютъ песчинку въ народной массѣ, которая на голову забита невѣжествомъ и предразсудками, потому что на нихъ только можетъ покоиться незыблемо священный престолъ русскій. Народу одинаково извѣстны научныя открытія физики, химіи, физиологіи, какъ и тексты катихизиса; но правительство весьма основа-

тельно догадывается, что вся масса молодежи, не затерзанная воспитаніемъ, можетъ тихо распространять трезвыя убѣжденія въ народѣ; оно боится, что изъ сильныхъ артерій оны перейдутъ незамѣтно въ волосныя сосуды. Народное же образованіе, о которомъ такъ вдохновенно витѣйствуютъ просвѣтители — безобразно лживая фраза: чистка царскихъ ватерклозетовъ дороже обходится, чѣмъ народное образованіе въ 84 милліонномъ государствѣ. Если народное образованіе когда нибудь широко распространится въ Россіи, оно будетъ полезно только тогда, когда надъ нимъ не будетъ тяготѣть опекающее правительство, а надъ книгами, посвященными народному чтенію — инквизиціонныя законы о печати. Образованіе только тогда быстро двинется, когда будетъ данъ полный просторъ всякой свѣжей реформѣ, когда воспитаніемъ займется само общество, не справляясь съ императорскимъ вкусомъ, когда можно будетъ проводить мысли, какъ бы онѣ ни казались крайне либеральными для царскихъ камердинеровъ; безъ этого воспитаніе будетъ давать только чины и большое жалованіе. Плоды стѣсненнаго воспитанія уже давно обнаружили въ Россіи: изъ всей массы кончившихъ курсъ только меньшинство сохраняетъ человѣческій образъ до могилы, остальная же масса тотчасъ же, безъ особенной борьбы, ступевывается съ гуртомъ лакеевъ, которые „гремя цѣпями, согнувши спину,“ ползаютъ у трона царя.

Многіе воображаютъ русскій народъ религіознымъ. Какая призрачная фраза! Если религія — собраніе чудовищныхъ нелѣпостей и предразсудковъ, то всѣ народы очень религіозны. Покорность судьбѣ, терпѣніе безграничное — отвратительныя стороны свѣтлаго евангельскаго ученія, это восхитительныя качества, если онѣ встрѣчаются у барановъ, по той простой причинѣ, что стричь строитиваго барана весьма неудобно доброду пастуху, въ людяхъ же это гибельныя качества!...

У русскаго народа Богъ — становой, который на каждомъ шагу ему накомтитъ, а иногда въ рѣдкость посылаетъ благополучіе въ видѣ урожая пшеницы или ржи на истощенной помѣщичьей землѣ. А тамъ, гдѣ-то вдаль онъ воображаетъ колоссальнаго чорта, очень чисто облизаннаго и благовиднаго, окруженнаго гаденькими, подленькими, кровожадными чертенятами съ хвостиками, которыми они очень забавно и неумолимо лавируютъ для утѣхи большаго чорта; самъ чортъ и чортики большіе лакомки до человѣчьяго мяса, имъ каждый день великолѣпно зажариваютъ и подаютъ за столъ лучшихъ, честныхъ грѣшниковъ; также онъ вѣрится въ вѣдѣмъ съ длинными, влачащимися по землѣ волосами, которыя верхомъ, на метлѣ, улетаютъ черезъ трубы для ноч-

ныхъ скитаній ; но къ сожалѣнію, такихъ роскошныхъ лазеекъ для вѣдьмъ не существуетъ : въ большинствѣ русскихъ хатъ дымъ проходитъ черезъ хату, наполнивъ благоухающій воздухъ новыми благоуханіями и выходитъ въ дверь. Въ рай онъ плохо вѣрить, ему трудно такъ напречь свою фантазію, чтобы вообразить себѣ радости и наслажденія, о которыхъ онъ не имѣетъ ровно никакого понятія ; въ адъ онъ вѣрить : вся его жизнь — мрачный адъ, нѣтъ недостатка въ огнѣ неугасимомъ, въ чертяхъ. Страшная, непокрытая его бѣдность нагло гладитъ и въ разбитомъ двухвершковомъ, заледенѣломъ окнѣ, и въ лучинѣ, въ грязи жалкихъ, смрадныхъ хатъ, жалкой, пустой пищѣ ; звучитъ она въ его безконечно тоскливыхъ, рвущихъ душу пѣсняхъ ; кому обязанъ народъ всѣмъ этимъ, не трудно догадаться и ребенку, но наступить судъ!... Будущее Россіи — темная туча, несущаяся съ ураганомъ и полная страшныхъ молній. Не довѣряйтесь покорности народа! во время Людовика XVI онъ казался такимъ забитымъ, что многіе мудрые администраторы думали, что существующій порядокъ переживетъ вѣчныя звѣзды, не у многихъ чутъе слышало всюду разжиженное, не въ мѣру скопившееся электричество. Народъ день и ночь занятый мускульной работой, потому кровавымъ добывающій себѣ кусокъ черстваго, пополамъ съ мякиною хлѣба и не имѣющій тѣни понятія о наслажденіяхъ въ жизни, глухо и тупо проходитъ свою жизнь; за него наслаждается крохотное, ограбившее его меньшинство, на досугѣ оно выдумываетъ наслажденіе за наслажденіемъ и выдумываетъ такъ, что и фантазія начинаетъ пзнемогать и не удовлетворяетъ ненасытнымъ желаніямъ ; а идущій тернистою тропею народъ думаетъ и додумывается, какое бы ему наслажденіе придумать для себя ; и выдумаетъ онъ не оперы съ ложами въ 300 рублей, не подаваніе голыхъ, увитыхъ розами камелій на серебряныхъ блюдахъ, не дворцы въ аль-амбрскомъ вкусѣ, онъ придумаетъ месть и съ неслыханнымъ, чудовищнымъ опьяненіемъ насладится ею ; какъ злой сонъ, исчезнете вы съ дворцами, виллами, оргіями. Вы ему не даете свободы, воздуха, хлѣба, онъ возьметъ ихъ у васъ силою ; а теперь ему некогда заниматься катихизисомъ и философствовать о всеблагомъ Богѣ, который благъ только для васъ однихъ ; если вы подъ страхомъ смерти запретите законъ Божій, онъ не замѣтитъ этого ; могу васъ увѣрить, что онъ гораздо болѣе всеблагаго Бога боится исправниковъ и ружей солдатъ.

II.

„Пусть истребляетъ время
Дѣла героевъ...
Пускай оно монархіи сметааетъ
Съ лица земли, одну во слѣдъ другой.“
(Сардананалъ Байрона.)

Перейдемъ къ исторіи: преподаваніе ея заключается въ томъ, что воспитанники насилуютъ свой мозгъ надъ изученіемъ такихъ мѣстъ въ исторіи, которыя стѣять, чтобы ихъ съ отвращеніемъ забыли. Въ русскихъ источникахъ вы видите необузданный деспотизмъ царей и, что гаже всего, подмѣчаете желаніе историка оправдать грязное, злое самодурство, желаніе доказать, что животное варварство имѣетъ оправданіе въ окружающей жизни, что и въ прочихъ государствахъ продѣлывались тѣ же фокусы и мучительныя операціи надъ народомъ. Вы изучаете подробно фізіономію каждаго монарха, цвѣтъ его многочисленныхъ штановъ и исподняго платья, вѣтъ гадости, сальности и подлости двора; народъ же неслышенъ, онъ — царевна, покоющаяся въ волшебномъ снѣ, въ волшебномъ замкѣ; вы не видите ни его внутренней жизни, ни обычаевъ, ни задушевныхъ вѣрованій, ни характеристики властей, ни ихъ обращенія съ нимъ; вы не видите его постепеннаго возвышенія рядомъ съ паденіемъ, его участія въ той массѣ событій, которыя такъ тщательно описаны; дѣло идетъ безъ церемоній, легче: хотѣлъ царь сработать историческое великое событіе, дунулъ, плюнулъ и по щучьему велѣнію все уже готово. О всеобщей исторіи и говорить нечего! Всѣ мощные, благородные порывы, стремительныя реакціи въ народѣ заклеимены названіями: „терроръ и анархія“, „жажда крови и смуть“ (какъ будто есть много охотниковъ до крови!) и знаменитымъ по своей подлости и глупости изреченіемъ: „недовольство малымъ“; правоучительнѣе всего то, что эта ягривал фраза провозносится въ замѣчательно роскошныхъ салонахъ тѣми старенькими шалунами, которые получаютъ или отъ правительства пенсіончики въ 10-ки тысячь, или тѣ же суммы съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, разбросанныхъ по огромному пространству російскаго государства. Но многіе могутъ замѣтить: „развѣ нѣтъ великихъ историковъ — Гервинуса, Шлоссера, Дрепера,

Карлейля, Мишле, Бокля и проч.," но этими источниками наслаждаются немногіе, лучшіе источники не переведены, а если переведены, то испещрены точками, болѣе таинственными, чѣмъ іероглифы на вавилонскихъ развалинахъ. Смѣлсе преподаваніе исторіи пока ограничивается Шульгинымъ и грандіозно либеральнымъ Устряловымъ; встрѣчаются исключенія, но онѣ пропрыскиваютъ такъ рѣдко, что о нихъ не стоитъ говорить...

III.

„Дьяволамъ рай, ангеламъ адъ!
(Скорбь вавилонская. Гейне.)

.....
.....
..... Пусть полюбуется бдительное правительство на каторгу, она носитъ ужасный характеръ! Блюстители правосудія еще не очеловѣчились настолько, чтобы признать ту истину: „что виноватыхъ нѣтъ,“ преступникъ — больной членъ большого общества; извращенная общественная жизнь, упорная, наслѣдственная передача дурныхъ сторонъ характера выработываютъ преступленіе; оно готовится тысячами очень трудно уловимыхъ, мелочныхъ причинъ, въ которыхъ свершившій преступленіе играетъ совершенно пассивную роль; уже не говоря о томъ, что громадное число преступниковъ — прямо больные люди, нуждающіеся въ хорошемъ врачѣ - психіатрѣ. Чѣмъ ненормальнѣе сложилась общественная жизнь, тѣмъ болѣе она рождаетъ преступленій: „le coupable n'est pas celui, qui fait le rēchē, mais celui, qui tait l'ombre.“ Если мы люди, а не дикіе звѣри — за неимѣніемъ возможности быстро измѣнить сферу, выработывающую преступленіе — мы должны удалить преступника, предоставивъ ему крайне возможную свободу, пріучая его къ труду и всѣми мягкими средствами стараясь перевоспитать его; что же дѣлаетъ правосудіе? оно чудовищно издѣвается надъ преступникомъ, инквизиторски истязуетъ его; постоянныя, фантастическія жестокости приведѣтъ къ тому, что воры превращаются въ убійцъ, мелкіе мошенники — въ крупныхъ. Каторга несчастныхъ и безъ того испорченныхъ людей развращаетъ до такой степени, что оттуда они выходятъ кровожадными звѣрями, съ волчьими билетами. И это происходитъ теперь, когда люди до изнеможенія сильъ, до

надрыва толкуютъ, вопять о нравственнѣйшихъ поступкахъ, да о гуманнѣйшихъ дѣйствіяхъ! Большая часть преступниковъ отправляется на каторгу безъ тщательнаго разслѣдованія. безъ глубокаго вниканія въ тѣ безчисленныя причины, которыя руководили преступника; до настоящей минуты мы не имѣемъ хорошихъ экспертовъ-врачей, нужныхъ для освидѣтельствованія преступника. Поверхностное, казенное вниканіе въ жизнь подсудимаго началось такъ недавно, а каторга существуетъ вѣка; милліоны жертвъ погибли, замученныя въ страшной Сибири, и эти милліоны жизней имѣли тѣ же права на жизнь, какъ и члены высокопоставленнаго правительства! На какомъ основаніи люди разрѣшили себѣ свершать ужасныя преступленія надъ свершившими преступленіе, называя это воздаяніе сторицею—правосудіемъ? Это—вопросы болѣе глубокіе, чѣмъ тѣ, которые встрѣчаются въ Филаретовскомъ катихизисѣ; но тутъ я говорю о жестокости къ жертвамъ уродливо сложившейся жизни, но пусть не забудетъ царь и правительство (какъ это не забудетъ исторія) издѣванія надъ студентами и молодежью, которые отправлялись на каторгу за то только, что сочувствовали честнымъ убѣжденіямъ, а иные даже за то, что имѣли запрещенныя сочиненія; мало того, что имъ не давали мыслить, ихъ еще ссылали за это! Этого чернаго пятна не сможутъ никакія очистительныя жертвы; неужели царь считалъ ихъ преступниками? если они преступники, потому что высказывали свободныя убѣжденія, которыя въ лучшихъ государствахъ Европы получили право гражданства, то какіе же колоссальныя преступники царь и правительство, которые преслѣдуютъ все свободное, душатъ въ народѣ его живыя силы, пакостятъ ему на милліоны ладовъ и за это проглатываютъ милліоны, добываемые изъ крови пытаемаго ими народа!!.. А ссылка господь, проповѣдующихъ коммунистическія идеи, только проповѣдующихъ, но не отымающихъ имущества!.. Какую же чудовищную кару нужно для васъ изобрѣсть, царь и правительство?.. въ какую преисподнюю прикажете васъ швырнуть за то, что вы въ свою пользу конфискуете чужія имущества и ограбливаете для своихъ бездонныхъ прихотей до нитки 84 милліонное государство?

Вы сходны съ коммунистами въ одной только чертѣ: вы не признаете чужой собственности, въ остальномъ — вы чудовищно расходитесь; коммунисты не признаютъ собственности, добытой слезами и кровью ближняго; неправильно присвоенныя земныя блага они хотятъ раздѣлить между всеми людьми; они проповѣдываютъ равенство состояній; они выговариваютъ себѣ не роскошь, не грязныя оргіи, не колос-

сальные, необитаемые, безчисленные дворцы, а только теплый, сухой уголь да обезпеченный кусок хлѣба; вы же стаскиваете у государства все, что можно взять животною силою! вы неслыханнымъ образомъ присвоиваете себѣ чужое и за вашъ своеобразный коммунизмъ вы сидите во дворцахъ, а глава коммунизма на тронѣ! Исчадія ваши, еще въ пеленкахъ увѣшанные тѣми знаками отличій, которыми обвѣшиваются въ бояхъ посѣдѣлыхъ генераловъ, получаютъ такіе пенсіоны, имѣютъ такіе колоссальные удѣлы, которые были бы достаточны, чтобы прокормить, обогрѣть и воспитать милліоны трясущихся отъ холода, голода дѣтей! Родня царя и онъ самъ проживаютъ столько, что можно было бы на эти деньги выстроить тысячи университетовъ и набить рты до пресыщенія милліонамъ терпящихъ нужду. И всѣ эти деньги проживаются на устройство дворцовъ въ квадратную милю, для камерлакеевъ и эксконюховъ, на фонтаны, парки, сказочные балы, обѣды, путешествія по Европѣ и Россіи. И въ то время, когда вы, убійцы и воры, безумно наслаждаетесь, честные, прекрасные люди задыхаются въ норахъ Сибири и крѣпостныхъ подземельяхъ, истерзанные, изувѣченные! Вы ихъ клеймите названіями преступниковъ, а будущее окружить ихъ головы сіяніемъ, имена ихъ будутъ произноситься съ благоговѣніемъ; вашъ же часъ пробѣтъ, имена ваши и вашего проклятаго помета будутъ произноситься съ омерзеніемъ и проклятіями! Самые страшные воры и разбойники, на которыхъ обрушивается вся тяжесть вашихъ безчеловѣческихъ законовъ — праведники въ сравненіи съ вами, извергами, сосущими жизнь изъ всего живаго! Страшно становится за васъ, когда ближе приглядишься къ тому порядку вещей, который васъ поддерживаетъ.

IV.

Гадкое, дикое время переживаетъ литература; всюду громко раздаются рабскіе голоса; мизерная робость, сдержанность сквозить всюду; всѣ мрачно толкуютъ о смутномъ времени, о томъ, что въ послѣднее время черезъ чуръ разлиберальничались, что пора, очень пора успокоиться: „пошала ли малая дѣточка и довольно, надо почивать, а то устала и завтра головенка будетъ болѣть“; всюду начинается пропрыскивать взглядики, что мы и такъ наслаждаемся безграничною свободою, и исканіе большей свободы — дерзкое, заносчивое вольнодумство; недовольство казенно-полицейской

свободой приведетъ къ анархїи ; если существуетъ пакостное правительство, то оно имѣеть разумныя основанія на существованіе ; существуютъ жестокости, горячечный произволъ, нелѣпости, ужасающія несправедливости, то они имѣють на это плодородную почву ; что необразованной массѣ дать широкое государственное устройство, это значитъ въ конецъ деморализировать ее, только собачій ошейникъ и плеть могутъ спасти народъ и привести его къ полной свободѣ, а ужасы же рано или поздно сами собою неожиданно исчезнутъ. Они восклицаютъ : „Неспокойные, но въ то же время милые и любезные народы, ради всего святаго успокойтесь ! Чѣмъ человекъ менѣе желаетъ нищи и свободы, чѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ онъ подставляетъ свою шкуру для сдиранія своему папашѣ — императору, тѣмъ онъ счастливѣе ; попробуйте идти другою, страшною дорогою и польются широкія рѣки крови, воздвигнутся безчисленные эшафоты, наступитъ глубоко огорчающее насъ царство террора ; этотъ терроръ шагъ за шагомъ приведетъ васъ къ страшной гибели, легко можетъ быть, вы даже сдѣлаетесь отцеубійцами, т. е. оторвете какою нибудь ужасающею машиною голову монарху — отцу вашему, а послѣ головы всему его прекрасному, честному семейству. Только въ очень постепенныхъ, презентованныхъ высшимъ начальствомъ улучшеніяхъ и есть счастье ; конечно, ваше развитіе будетъ продолжаться сотни тысячъ лѣтъ, но за то безъ малѣйшихъ волненій, а это чего нибудь да стоитъ !“

Жалкіе, забытые, забытые, несчастные люди ! Несправедливость, преслѣдованіе въ васъ всего живаго, вѣчная колодка на вашихъ ногахъ, обращеніе съ вами взрослыми, какъ съ утробными младенцамъ, вамъ сдѣлають въ миллионы разъ болѣе вреда, чѣмъ все перевертывающія вверхъ дномъ революціи. Помните, что терпя все, что вы терпите, вы скоро и неизбѣжно прійдете къ роковой развязкѣ ; роковые удары посыпятся на ваши головы тогда, когда ваши желанія будутъ поголовно задавлены, а не тогда, когда имъ данъ будетъ полный просторъ. Ребенокъ, ни разу недохнувшій свѣжимъ воздухомъ, жадно начнетъ впивать его : ни вредъ, ни самая смерть не остановятъ сильнаго порыва ; закованному въ цѣпяхъ, свобода кажется райскимъ сновидѣніемъ. Революціи, дышавшія злодѣйствами, происходили въ то время, когда масса стряхивала съ своихъ плечъ невыносимыя лохмотья ; сбрасываніе было такъ стремительно, что съ лохмотьями они отрывали отъ себя мясо съ кровью. Гдѣ существуютъ небесно-лазурные жаңдармы, легіоны шпіоновъ и безграмотныхъ доносчиковъ третьяго отдѣленія, сенаторы, инкви-

зиторы, кретины - пош, воры - чиновники, генералы - патриоты — во время войны, когда солдаты ѣли хлѣбъ съ червями, наживающіе себѣ милліоны — моськи благоговѣно облизывающія царскія подметки, цари - воры и тираны, населяющіе Сибирь политическими преступниками и превращающіе для народа все государство въ Сибирь? Гдѣ все это расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ въ государствахъ свободныхъ или опочивающихъ подъ сѣнію монархизма? Наша представительная литература раскушываетъ соловьиные язычки, ушивается сладкимъ букетомъ нѣжныхъ винъ, любитъ каплею росы на днѣ раскрытаго, благоуханнаго цвѣтка; вся кипучая общественная дѣятельность вертится на замысловатой, никому непонятной, исключая семействъ авторовъ, полемикѣ, да на рѣшеніи колоссальныхъ вопросовъ: „восторженный ли характеръ у героини Тургеневскаго романа „Наканунъ,“ мраченъ и грандіозенъ ли характеръ у героя, похожъ ли на человѣка или на чорта Волоховъ — косматый герой „Обрыва,“ продуктъ косматой фантазіи господина бывшаго цензора и современнаго либерала — Гончарова; а если кто нибудь, нарушивъ литературныя приличія, начинаетъ заявлять неудобольствіе, о!... тогда начинаютъ щедро сыпаться сурово-обвинительные акты, доносы; къ нему дерзновенному патетически взываютъ: „Вы непослѣдовательны, молодой человѣкъ, вы черезъ чуръ многого и сразу хотите, вы революціонеръ! вы кончите скоро... (подразумѣвается нѣчто поразительно мрачное) если у васъ есть умъ, развѣ не на что направить его? каждый день выходятъ романы чрезвычайно любопытные, захватывающіе до дна современность; копошущіеся въ цвѣточникахъ, медовыхъ чашечкахъ поэты-лирики, по прежнему, чрикаютъ о блѣдной лунѣ, розахъ, соловьяхъ, перелетныхъ ласточкахъ, мелкихъ пташечкахъ; они воспѣваютъ, съ прежнимъ вдохновеннымъ пыломъ, вспаханныя страданіями сердца, осенніе, весенніе, ночные и дневные перелавы; по прежнему, сладострастно волнуясь, лепечуть о ночныхъ, душевныхъ, жгучихъ объятіяхъ, упоятельныхъ, мятежныхъ персяхъ, ароматическихъ сѣдалищахъ; дубы, березы, ракиты, золотистыя нивы не перестаютъ призывать ихъ въ свое лоно и усыпляютъ своимъ мелодическимъ шопотомъ. Психея, Афродита, Аполлонъ, Киприда, амурь и грація столь же любезно, какъ и прежде, слезаютъ съ лучезарнаго Олимпа въ Щигры и Новухоперскъ, чтобы вызволить поэта, въ случаѣ отчаяннаго недостатка рѣмъ. Выходятъ кучами популярныя, естественныя сочиненія, гдѣ на каждой страницѣ изъ уваженія къ народной религіи, провозносятся фразы: „Десница Творца,“ „дѣлесообразность,“ „разумное управленіе вселенной,“ „видны

пальцы, ногти и штаны творящаго Бога,“ „ступня Бога,“ „переходъ изъ небытїа въ бытїе и обратно : изъ бытїа въ небытїе.“ — Въ газетахъ печатаются сцены, происходящія въ квартирахъ мпровыхъ судей весьма юмористическія ; извѣстїа о томъ, что въ провинціальныхъ школахъ, частенко попариваютъ розочками злонравныхъ малютокъ ; узнаете, что провинціальные школы не составляютъ прїятнаго исключенїа : розочками исправно сѣкутъ и по щекамъ бьютъ и въ столицахъ, но между столичными эзекуторами и кормителями оплеухами, на недосыгаемой высотѣ рѣзко высятся : Леонтьевъ и Катковъ—современные Гречъ и Булгаринъ, содержатели классическаго лицея. Пощечины они считаютъ острою, ароматическою приправою, *saucе à l'anglaise* къ классическому образованію, это глубоко классическое занятїе не смущаетъ ихъ древнеклассическихъ душъ ; узнаете, что такой-то окружной судъ и земское собранїе зазнались и опрометчиво перешли предѣлы жандармской свободы, подаренной благодѣльнымъ монархомъ. Печатаются путешествїа монарха съ такими цвѣтистыми, вылившимися со dna патріотической души замѣчанїями : „когда императоръ вѣхалъ въ городъ Кїевъ, солнце, упрямо скрывавшееся за тучами, вдругъ неожиданно вышло и съ наслажденїемъ озарило ликующїй народъ, умиленно взирающїй на своего монарха ; жители Кїева были сильно обрадованы, замѣти слѣды полноты на лицѣ императора-освободителя ; на многихъ глазахъ видѣлись слезы, какъ бы безмолвно молящїя Творца о ниспосланїи всѣхъ благъ на главу его помазанника.“ Полнота на лицѣ освободителя была одутлостью отъ жестокаго и продолжительнаго пьянства. Колоссальнымъ шрифтомъ публикуются поздравленїа вѣрноподанныхъ съ тѣмъ, что, къ великой радости государства, отъ одного изъ заводчиковъ многоплодной и безчисленной царской семьи, родилась тля, которой немедленно требуется отпустить, изъ удѣлѣннаго жизненнаго сока подданныхъ нѣсколько сотъ тысячъ ежегоднаго содержанїа ; передъ тѣмъ какъ свершить эту операцію, попы во всѣхъ церквяхъ курятъ еиміамомъ и возсылаютъ къ щедрымъ небесамъ благодарственныя молебны. Печатаются благоутробные рескрипты, всемилостивѣйшія пожалованїа и разнообразныя благоволенїа ; въ нѣкоторыхъ же газетахъ, какъ напр. въ „Голосѣ,“ свободный духъ вырастаетъ до титаническихъ размѣровъ, фельетонистъ, скорчившись, какъ козявочка на булавочкѣ, заявляетъ, что дескать очень было бы желательно, чтобы увеличили свободу печатнаго слова для восхваленїа дѣйствїй правительственныхыхъ и для возможности послынье выругать пишущихъ недозволенныхъ сочиненїа, кощунственно направленныхъ про-

тивъ кроткаго и мирнаго либерализма монарха... если же вамъ этого мало, давайте поспоримте о Пушкинѣ.*

V.

Если бы литература, вмѣсто того, чтобы услаждать себя и другихъ пикантными сладостями и утонченными ароматами, неотступно начала бы преслѣдовать правительство требованіями, которыя таились бы и въ серьезныхъ статьяхъ и романахъ, и въ невинныхъ комедіяхъ, и повѣстяхъ; если бы этотъ голосъ былъ постояненъ, неутомимъ, — то думаю, что правительство, не смотря на всю его бездонную глупость, узкость и подлый консерватизмъ, вынуждено было бы наконецъ понять тѣ мысли, которыя по своей простотѣ и ясности могутъ быть понятны новорожденному младенцу. Первое требованіе, самое невинное, должно состоять въ слѣдующемъ: пусть оно сложитъ безобразную, средневѣковую ферулу съ печатнаго слова. Неужели нужно доказывать, что смерть или по крайней мѣрѣ отставка драконовъ, стерегущихъ печатное слово, чудодѣйственнымъ образомъ подѣйствуетъ на рабскіе, занавоженные умышки? — что это единственное радикальное средство противъ ужасающихъ неправдъ, повсемѣстныхъ угнетѣній, бѣшеннаго, слѣпаго произвола, тайно сыслаго на муки бѣдную молодежь? Скажите, что освободивъ крестьянъ отъ податнаго состоянія, государю и правительству остается освободить нашъ разумъ отъ податнаго состоянія, наши силы стораютъ въ глухой, тайной борьбѣ; прижатіе нашей мысли неизмѣримо опаснѣе полной ея свободы; пусть не забудутъ вѣками добытую истину, что люди никогда не простятъ безчеловѣчныхъ издѣваній надъ собою; давя нашъ мозгъ, они добьются молчанія, но молчаніе это будетъ зловѣщее, оно перешло и будетъ переходить въ тайную пропаганду и тайныя общества; они сами заставляютъ глубоко ненавидѣть себя! Величайшія революціонерныя движенія вытекали изъ величайшаго подавленія человѣческихъ правъ. Развить и воспитать ребенка очень трудно, братья же воспитывать на свой ладъ 83 мил. массу людей — безумная дерзость!

Развитіе возможно только тогда, когда Россія будетъ предоставлена самой себѣ; окруженная инквизиторами и убогими старухами-няньками, она долго, очень долго не распра-

вить своихъ мощныхъ членовъ ; все хорошее будетъ внѣшнее, внутри же будетъ и вѣтхо и гнило. Америка, Англія, Швейцарія быстро развиваются, не смотря на всѣ промахи самоуправленія ; сравните ихъ прогрессъ съ нашимъ черепащимъ движеніемъ, и это слабое движеніе обнаружилось вслѣдствіе ослабленія тяжкихъ цѣпей, въ которыя было заковано громадное государство. Законамъ о печати мы обязаны тѣмъ, что большинство не умѣетъ послѣдовательно связать двухъ мыслей ; всюду тупая недоговоренность, гнусная ложь ; мы допустить себѣ не можемъ, что всякую мысль надо высказывать до конца, мы обрываемся въ началѣ пути и наивно вѣруемъ, что мы великіе либералы ; всюду, что ни слово, то противорѣчіе ; терзаютъ за самую наивную мысль, а сами валяются у ногъ Спасителя, который гремѣлъ анафемою противъ троновъ, собственности и умеръ въ ужасныхъ мукахъ за широкія, свободныя убѣжденія, за бѣдный угнетенный народъ. Развѣ было бы возможно, чтобы человѣкъ, у котораго есть атомъ незаросшаго плѣсенью человѣческаго мозга, могъ допустить, что мысль можно стѣснять ? мысль, которая не должна надъ собою видѣть призрака стѣсненія ! Изъ всѣхъ варварствъ, самое лютое — порабощеніе разума ; развѣ не расплылись бы чудеса, сверхъестественныя глупости и всякаго рода бредни, если бы можно было на наготу разсказать въ чемъ дѣло ? Нынче узнаютъ двое истину, черезъ годъ тысячи. „Зло свойственное запрещенію выразить мысль въ томъ и состоитъ, что этимъ обкрадываютъ человѣчество, будущія поколѣнія такъ же, какъ и настоящія, тѣхъ, которые не согласны съ мнѣніемъ болѣе, чѣмъ тѣхъ, которые поддерживаютъ его. Если запрещенное мнѣніе справедливо, люди лишились возможности замѣнить ложь истиной, если оно несправедливо, они утратили (что всегда составляетъ великое благо) возможность яснѣе понять и живѣе прочувствовать истину, возможность, которую дало бы столкновеніе истины съ ложью.“ Всѣ революціонерные *mauvais pas* происходили отъ подавленія мысли ; скованная мысль не могла выработать вполне истинныхъ и безпристрастныхъ убѣжденій. Стѣсненіе нашего слова напоминаетъ шлемъ, который употребляла въ Венеціи священная инквизиція при допросахъ невинныхъ ; онъ былъ полонъ гвоздей и завинчивался по волѣ палачей ; усердные служители кроткаго христіанства, поборники всеобщей любви и терпимости, завинчивали его иногда такъ, что гвозди начинали раскалывать черепъ.

VI.

„Не ужасаютъ ли васъ морой эти рабскія фигуры, пресмыкающіяся у вашихъ ногъ съ подлостью героической, а что если они хитрятъ? Этого несносный кривляка такъ идиотски консервативный, такъ рабски покорный, не переодѣтъ ли это Брутъ? Не снятся ли вамъ по ночамъ сны, предостерегающіе васъ противъ малѣйшихъ, ничтожнѣйшихъ червяковъ, извивающихся у вашихъ ногъ днемъ?“

(Генрихъ Гейне)

Мы только тогда двинемся впередъ, когда пропоемъ похоронную пѣсню малѣйшему насилію и произволу, и, какъ ни плохи будутъ наши первыя начинанія—начинающій учиться, всегда начинаетъ съ ошибокъ — но онѣ во всякомъ случаѣ будутъ неизмѣримо лучше, чѣмъ благодѣтельныя учрежденія, вышедшія изъ подъ монаршаго, опекающаго надзора. Рано или поздно у правительства вырвутъ, одинъ за другимъ, неправильно присвоенные атрибуты; наше время у Бога отняло громы и другіе замысловатые фокусъ-покусы, но дожидаться этого времени, очень неблагоприятно: когда масса принимается за это занятіе сама, тутъ можно ожидать переходъ за предѣлы скромности и церемонности, тутъ сильно пахнетъ тою невинною, красною жидкостью, которая всегда разливалась морями, при разговорахъ кроткаго народа съ кроткимъ правительствомъ. Прошло то незабвенное для монарховъ время, гдѣ они, упившись до безумія собственною тираніею, говорили: „l'état c'est moi.“ Нашъ скептическій вѣкъ перетасовалъ шахматы, роли переменились: прежде была ничто масса, теперь — ничто цари. Царь и поддерживающее его правительство — форма, но форма воняющая могиллою; теперь выдвинулись другія формы государственнаго строя и ихъ могучая сила подавила старую, отвратительную гниль; кумиръ сталъ простымъ деревяннымъ чурбаномъ, годнымъ на дрова. Умно то правительство, которое не дожидаетъ той свѣтлой минуты, когда его заживо заруютъ въ землю, которое во время

умѣетъ уловить моментъ, когда пора быстро отодвигаться и ступевываться, и это ступевываніе иногда очень и очень практично.

За нѣсколько лѣтъ до казни изящно-красивой Маріи Антуанеты и ея узколобаго супруга—Людовика XVI, народъ имъ кричалъ „вивать“; они, какъ бабочки, весело порхали въ роскошныхъ версальскихъ садахъ, упиваясь запахомъ розъ, подъ шумъ фонтановъ и льстиво сладкихъ рѣчей, при обольстительномъ, мечтательномъ свѣтѣ луны. Но багрово-черная туча быстро ползла и заволокла мечтательный свѣтъ; свергнули страшныя молніи, запылали поэтическіе замки, опустѣли разрушенныя дворцы; а за нѣсколько минутъ все невинно порхало, бѣшено рѣзвилось, безумно наслаждалось; немногіе — по общему мнѣнію безумцы — предугадывали грозу...

Только при заревѣ пылающихъ дворцовъ и замковъ, начали смутно догадываться въ чемъ дѣло...

Одесса.— 1868 г.

Процессъ Павленкова

(Напечатанный во второй книгѣ Писарева)

„Братья, пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный, ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой...

Мы стоимъ, не слыша зова
И ликуя зѣрски зодь
Тризу мысли, тризу слова
Править произволь.“

I.

Многіе напряженно слѣдили за процессомъ Павленкова. съ нетерпѣніемъ ожидали выхода II части Писарева, задержанной этимъ процессомъ; наконецъ, она появилась съ напечатаннымъ въ ней удивительнѣйшимъ процессомъ: Павленкова; до выхода, многіе грустно спрашивали: „чѣмъ кончится лютое, дикое издѣваніе надъ несчастнымъ Павленковымъ? Неужели не побѣдятъ свѣжіе люди, разсыпанные по нашей длиннѣйшей и широчайшей Россіи?“

Судъ надъ Павленковымъ начинается рѣчью предсѣдателя, до того безсвязной и ничтожной, что о ней не стоитъ упоминать; за нимъ выступилъ господинъ прокуроръ Тизенгаузенъ; съ фельдфебельскимъ туоуміемъ и безцеремонностью онъ начинаетъ тасовать статьи Писарева; ему велѣно ви-

дѣтъ, онъ желаетъ видѣть и наконецъ, онъ уже очень ясно видитъ въ статьѣ „Русскій Донкихотъ“ издѣваніе надъ народной религіей (народъ такъ усердно слѣдитъ за современной литературой!), а въ статьѣ „Бѣдная русская мысль,“ — издѣваніе надъ Петромъ и монархическою властью; приводитъ дерзновенныя слова Писарева: „что если бы Шакловитый убилъ Петра, то этимъ особеннаго вреда не сдѣлалъ бы Россіи.“ Іезуитская софистика кончается тѣмъ, что во всемъ этомъ прокуроръ видитъ нарушеніе благопристойности; онъ считаетъ необходимымъ запретить эти статьи, а самаго Павленкова присудить къ штрафу; въ концѣ концовъ, онъ выговариваетъ слѣдующую, поучительную для юристовъ тираду: „Свобода печатнаго слова, какъ и всякая иная законно и разумно понимаемая свобода, должна прежде всего основываться на уваженіи свободы другихъ, на уваженіи чужаго мнѣнія, убѣжденія и вѣрованія (какъ бы они подлы, грязны и нелѣпы ни были), на твердомъ сознаніи лежащей на каждомъ обязанности не говорить и не дѣлать ничего, что могло оскорбить бы другого“; этими словами всѣ уста вѣрноподанныхъ запечатываются пятью казенными печатями. Слова прокурора не только оскорбляютъ мои чувства, но возбуждаютъ тошноту и самое невыносимое отвращеніе; слова Писарева тоже оскорбляютъ прокурора... Натанъ мудрый, Тизенгаузенъ! О разрѣши мнѣ жизни загадку!... Рѣчи этой позавидовалъ бы самый благовоспитанный католическій іезуитъ. Навивный сподвижникъ полицейской свободы! Вы не только не уважаете мнѣній Писарева, но вы такъ послѣдовательны, что его, редактора, присуждаете къ штрафамъ и арестамъ! Въ какое свѣтлое пространство испарилась ваши взгляды о уваженіи чужихъ мнѣній, чужой свободы? Нѣтъ, царскій послушникъ! вы должны навсегда отказаться отъ разумной рѣчи; защищая то, что вы защищаете, логичнымъ быть нельзя, какъ не печально это, но вы внутри души сами сознаете, что это аксіома.

Что бы быть благопристойнымъ, нужно было бы провести ту правдивую мысль: что если бы Шакловитый убилъ Петра, тѣма вѣтхозавѣтной ночи витала бы надъ Россіей и яркое солнце засвѣтило бы надъ нею только тогда, когда на престолъ усѣлся бы Николай I, — монархъ лучезарный и незабвенный!

Защитительная рѣчь Павленкова растираетъ прокурора-Тизенгаузена въ гризи; рѣчь его жива, согрѣта душевнымъ жаромъ и необычайною силою убѣжденія; она сверкаетъ, какъ молніями, сарказмами, но не смотря на всю горечь и соль, она нѣжна, какъ отвѣтъ г. прокурору.

II.

„Тризну мысли, тризну слова
Править произволь.“

Бѣдный Писаревъ! въ то время, когда черви, тихо ползая въ твоемъ мозгу, жрутъ его, надъ продуктами твоего мозга работаютъ другіе черви, гораздо прожорливѣе подземныхъ. Воришки честныхъ мыслей! вы чувствуете, что почва, казавшаяся крѣпкою, неожиданно поползла изъ подъ вашихъ ногъ; новое желѣзное племя вызвало васъ на смертельную борьбу, и въ концѣ концовъ вы будете неперемѣнно побѣждены.

Статья Писарева оскорбляетъ благопристойность (мандринское слово); неблагопристойно, проводя научную мысль, сказать, что Шакловитый, убивъ Петра, не погубилъ бы этимъ націи! Неблагопристойность заключается въ томъ, что Писаревъ потревожилъ полтора ста лѣтъ уже сгнившаго монарха изъ дома Романовыхъ! прикосновеніе къ трупу Петра оскорбляетъ вѣрноподданническія чувства, чувства возвышено благородныя, сладко камердинскія! Прокурорская свобода должна уважать чужія мнѣнія, вѣрованія (логика святыхъ настырей). Было время, когда процвѣтала инквизиція, крѣпостное палачество, возставать противъ нихъ было очень неблагопристойно; развѣ застѣнки, шпіонство, замучиваніе молодыхъ людей за свободную мысль по крѣпостямъ и безобразныя, чудовищныя аномаліи не имѣютъ своихъ поклонниковъ, своихъ защитниковъ? Литература должна разсуждать „о благодати провидѣнія, о слезѣ преподобнаго Елеозара, о скитахъ на аѳонскихъ горахъ, о монархахъ — кроткихъ блюстителяхъ тишины и великаго преусииванія подданныхъ, о соленыхъ огурцахъ, рыжикахъ въ сметанѣ, пирогахъ съ налимьими печенками,“ переходъ же за предѣлы широчайшихъ границъ есть дерзкое попираніе чужой свободы, кощунство надъ чужими вѣрованіями!

Прокуроръ говоритъ о свободѣ слова такъ, какъ будто съ его устъ это слово въ первый разъ вспорхнуло на нашей планетѣ; Америка, Англія, Швейцарія, Бельгія, допустивши свободное слово, забыли его оговорить эластическою благо-

пристойностью, они не догадывались, что въ этой области свершить великое открытіе г. Тизенгаузенъ. Теперь откройте намъ, г. прокуроръ! считаете ли вы нарушеніемъ благопристойности, нарушеніемъ чужой, разумно понимаемой свободы то, что государь и правительство преслѣдуютъ каторгами, цѣпями, тюрьмами, крѣпостями, штрафами и арестами всякую живую мысль, правдивое слово? или въ Россіи нѣтъ слова безъ двоякаго значенія? дикій сумасшедшій произволь — благопристойность, намекъ на мысль человѣческую — нарушение благопристойности. Вскользь упоминается въ статьѣ, что Павленковъ является въ судъ изъ крѣпости, такъ вотъ куда приводитъ прокурорская благопристойность и разумно понимаемая, чужая свобода!..

III.

Отщелканный Павленковымъ и рѣшеніемъ судебной палаты въ пользу Павленкова, прокуроръ посылаетъ доносъ въ высшіе клозеты нашего государства; съ особенною, рабскою ядовитостію онъ ударяетъ на словахъ, что Писаревъ ни во что ставитъ убійство монарха, онъ намекаетъ на 4 Апрѣля — онъ знаетъ, какъ поддѣлаться къ высшей власти, онъ знаетъ ея ахиллесову пятку — все простятъ вамъ, даже посяганіе на царя небеснаго, но не простятъ вамъ тѣни прикосновенія ко дворцамъ, къ вооруженнымъ милліоны царямъ земнымъ, къ ореолу, носящемуся надъ ничтожной, пустой, пьяной головой.

Не дочитавъ процесса, и чувствовалъ, что честное рѣшеніе судебной палаты будетъ отвергнуто, „бѣдную русскую мысль“ не выдадутъ читающей публикѣ, никакая сила логики, сила здраваго смысла не уломаютъ произвола; аргусы зорко стерегутъ свое достояніе и — монарха. Бѣдныя головы! они хотятъ тушить искру, а сами раздуваютъ пожаръ! Мысль о Шапловитомъ проскользнула въ умъ читателя, ее бы не замѣтили: будь Писаревъ идоломъ развитой, читающей публики, и тогда нѣтъ возможности запомнить каждое слово, а въ особенности такъ мало значущее! теперь же эти слова прогремѣли всюду, прокуроръ на всю Россію прокричалъ ихъ. Они хотѣли уничтожить Писарева, но вышло совсѣмъ другое, — они энергично хлопотали въ его пользу, черезъ нихъ эти статьи приобрѣтутъ еще большую популярность; воръ —

плохой счетчикъ, они стараются схоронить „бѣдную русскую мысль“ и въ то же время печатаютъ во II части сочиненій Писарева процессъ Павленкова, который злобѣщнымъ образомъ знакомитъ со статьею Писарева, и съ Тизенгаузеномъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что репутцiя Тизенгаузена въ глазахъ лучшей, развитой публики будетъ твердо упрочена!...

Въ одномъ мѣстѣ процесса, страница 21-ая, Павленковъ говоритъ : „Писаревъ настойчиво утверждаетъ, что въ сущности правители, какъ отдѣльныя единицы, не могутъ принести народу ни вреда, ни пользы ; то и другое будетъ слишкомъ скоро переходяще“ ; съ своей стороны онъ добавляетъ, что такъ можно смотрѣть съ громаднаго отдаленiя. Онъ правъ, для этого нужно подняться на ту общую, философскую точку зрѣнiя, гдѣ человекъ освобождается отъ всѣхъ земныхъ оковъ и влiянiй и возвышается на столько, что разомъ обозрѣваетъ весь мiръ ; съ этой высоты можно увидѣть, что народы идутъ очень медленно, но съ неотразимою силою впередъ, завоеывая себѣ свободу и счастье ; зигзаги, повороты назадъ съ этой страшной высоты не видны ; кажется, что народы не копошатся въ крови и грязи, а стройно движутся впередъ. Смотря же на вещи ближе, мы невольно поражаемся тѣмъ зломъ, которое свершаютъ безпрепятственно единицы ; сотня тысячъ солдатъ, въ конецъ деморализованная царемъ, вооруженная пушками, можетъ надолго задержатъ нормальное теченiе народной жизни ; пушки и ружья могутъ въ раздробъ тушить народныя вспишки ; имѣя на заднемъ фонѣ пушку, единица можетъ ободрать до питки 80 миллионное царство для его же гибели. Много, страшно много вреда можетъ сдѣлать единица массамъ ; Флеровскiй очень правильно сказалъ : „самый лютый звѣрь можетъ сожрать только нѣсколькихъ слабыхъ животныхъ, тогда какъ Шахъ-Надиръ однимъ мановенiемъ бровей можетъ залить кровью дѣльныя богатия провинцiи, смѣшать съ пылью сотни тысячъ человѣческихъ жизней.“ Нѣтъ сомнѣнiя, что тутъ есть предѣлы, наступаютъ ужасные дни расчета и тираны расплачиваются за свои грѣхи и грѣхи отцовъ. Мы не должны negliжировать единицами, самые злѣйшiе удары должны сыпаться на ихъ головы, иначе жизнь цѣлыхъ сильныхъ поколѣнiй будетъ заѣдена даромъ ; вспомните нашего Николая Надировича I, шаха незабвеннаго.

Напечатанный процессъ Павленкова варомъ обваритъ нашихъ вседовольныхъ патрiотиковъ - либеральчиковъ, они въ послѣднее время черезъ чуръ наивно любовались реформами правительства, нахально поповскi кадили абсолютному монархизму ; ошпаренные, они подождутъ свои вымокшiя крылья...

Эта статья была написана въ 1870 году, въ 1872 году свершились дѣянія, напоминающія Батыевы времена: нѣсколько сочиненій были сожжены, новая инквизиція, вызванная къ жизни Александромъ II, справляетъ ауто-да-фе. Филиппъ II Испанскій въ 1572 году жегъ еретиковъ и полупомѣшанныхъ старухъ, черезъ триста лѣтъ (какъ колоссальны шаги прогресса!), въ 1872 году Александръ II Россійскій жжетъ величественно-божественныя сочиненія Лассала и грозитъ тою же роковою, мучительною смертью всѣмъ сочиненіямъ умныхъ людей. Да царствуетъ Александръ II и да царитъ литературное ауто-да-фе!

Но пусть не забудетъ Александръ II всежигатель — существуетъ аксіома: что идеи въ огнѣ не горятъ; если бы императоры временъ реформаціи прониклись этою мыслію, миллионы человѣческихъ жизней были бы спасены, они наслаждались бы жизнью не въ дыму собственныхъ костровъ, а у себя по домамъ. Идеи сами — огонь, который ни мечъ не рубитъ, ни вода не гаситъ; идеи можно на время придавить, но уничтожить ихъ всеобѣдное распространеніе не удалось еще ни одному изъ монарховъ — величайшимъ искусникамъ по этой части. Волосные каналы, по которымъ расходитсѣ огонь идей, иногда во время гоненій становятся невидимыми даже для изощренныхъ прокесскихъ очей миллионныхъ жапдармовъ, шпионовъ и полицейскихъ; вспомните, какъ гонимое христіанство ушло подъ землю въ римскія катакомбы; чѣмъ невидимѣе горитъ этотъ огонь, тѣмъ страшнѣе и жгучѣе; это пламя чистаго водорода, пламя это такъ сильно, что въ немъ расплавится царская корона такъ же быстро, какъ въ обыкновенномъ огнѣ — олово.....

ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ НЕ ВОИНЪ

(Романъ Шпиллгагена)

„Одинъ въ полѣ не воинъ“ — лучший романъ Шпиллгагена ни въ одномъ изъ своихъ романовъ онъ не подымается на ту высоту мысли, какъ въ своемъ героѣ Лео; горячая пропаганда свободныхъ идей дышетъ въ каждой строчкѣ этого романа; глубоко вѣрно очерченъ имъ безхарактерный, водянистый романтикъ-король, стадо придворныхъ аристократовъ, жизненные силы которыхъ выливаются въ утонченныхъ интригахъ и которые разнообразяютъ жизнь шампанскимъ, пивомъ среди бѣснующихся развратницъ. Онъ очень ловко сдернулъ маску съ нищихъ духомъ либеральчиковъ, которые умильно чирикаютъ свободныя фразы, никогда не договаривая ихъ до конца. Романъ необыкновенно богатъ частностями, но я не стану останавливаться на нихъ, я пожалѣю тебя, читатель: тебя и твоихъ предковъ жестоко мучила критика, глагольствуя безъ конца о художественныхъ красотахъ и дополняя все это громадными выписками; я не великій сердцевѣдецъ и никакъ не могу рѣшиться указывать на тончайшія противорѣчія въ характерахъ, которыми биткомъ набиты романы; всякій читающій измѣряетъ ихъ жизненную правдивость, руководствуясь своимъ личнымъ опытомъ и наблюдениями, а если кто не можетъ самостоятельно рѣшить этихъ вопросовъ, то жалѣть и кипятиться объ этомъ нечего: для такихъ личностей всѣ жидкія разглагольствованія имѣютъ значеніе ожесточенной стрѣльбы по воздуху. На десятиахъ страницъ всхлипывая, трепеща, изнывая, сгорая, выгорая, волнуясь, ослабѣвая, щедро сыпя восклицательными и вопросительными знаками, рассуждать о чрезвычайныхъ, непостижимыхъ, дивныхъ мѣстахъ романа, необыкновенныхъ выдержкахъ харак-

тера, драматическихъ положенiяхъ, неуловимыхъ, только сердцемъ и чутьемъ понимаемыхъ психическихъ тонкостяхъ — занятiе крайне бесплодное и столько же утомительное для критика, какъ и для читателя. Романъ очень неудобная, продолговатая, сложная форма для высказыванiя идей; дающихъ обилiе мыслей романовъ чрезвычайно мало, въ большинствѣ случаевъ они крадутъ много времени и сравнительно съ затратою времени даютъ мало. Ясно, что дѣло критика не повторять разъ уже прочитанныя мѣста, а освѣщать ихъ, выясняя ихъ вольную и невольную мысль, ихъ роковую связь съ жизнью; чѣмъ глубже захватываетъ романъ болѣзненное явленiе жизни, тѣмъ интереснѣе онъ становится для критика. Перечнемъ очень художественныхъ мѣстъ я не принесу пользы читателю, но я принесу ему пользу, когда, выйдя изъ рамокъ романа, продолжу и доведу до конца мысль автора: если подмѣчу всѣ притаившiяся въ глубинѣ романа черты, разъясняющiя извѣстное, печальное жизненное явленiе. Назначенiе честнаго и умнаго писателя не обольщать насъ пѣниемъ и музыкаю сферъ, а разоблачать передъ нами, скрывая повязки, гнойныя язвы нашего большаго вѣка; намъ нужна изнанка нашей мнимо цивилизованной жизни. Я очень часто встрѣчалъ людей, способныхъ глубоко оцѣнить художественныя красоты, и не смотря на все разнообразiе моихъ жизненныхъ встрѣчъ, я, къ сожалѣнiю, встрѣтилъ черезъ чуръ мало послѣдовательно и безстрашно мыслящихъ людей.

Герой романа — Лео Гутманъ, сынъ больнаго, нервнаго, ничѣмъ недовольнаго деревенскаго учителя, въ ранней молодости былъ отданъ своимъ покровителемъ барономъ Тухгеймомъ на воспитанiе пастору Урбану; нечаянно онъ встрѣчается тамъ съ приходскимъ учителемъ, революционеромъ — Туски; эта встрѣча направляетъ мощныя силы очень способнаго юноши къ великой дѣли; это былъ толчекъ, измѣнившiй всю жизнь Лео. Туски воспитывалъ лихорадочно впечатлительнаго юношу въ тишинѣ мрачнаго, дремучаго лѣса, подъ гулъ водопадовъ, среди голыхъ, обожженныхъ солнцемъ пустынь, гдѣ каждый камень страшно говорилъ о томъ прошломъ, когда крестьяне съ ревомъ и дикимъ хохотомъ жгли замки феодаловъ и умирали героями въ борьбѣ за человѣческiя права; онъ не щадялъ его натянутыхъ, какъ струны, нервовъ, и западали глубоко мысли въ мозгъ юноши; кровавые призраки жгли и терзали его въ безмолвii безсонныхъ ночей. Пасторъ Урбанъ, его другой официальный воспитатель, двуличный негодай, холодный эгоистъ, воспитывалъ его въ очень затхлыхъ комнатахъ и внушалъ ему смрадныя мы-

ели; онъ вкрадчиво говорилъ: „Законъ господства сильнаго и умнаго надъ слабымъ и глупымъ predeterminedъ свыше (замѣчательно человѣчно predetermined!) и будетъ поддѣрживаться всѣми надежнѣйшими и вѣрнѣйшими средствами, которыми располагаютъ мудрые люди всѣхъ временъ.“ Эта духовная нища слишкомъ припахивала теплою, еще несвернувшюся человѣческою кровью, и Лео съ ужасомъ отвернулся отъ сладко-лепечущаго изверга и все горячѣе призывался къ Тускѣ. Сестра барона Тухгейма, увидѣвши Туски, испуганно говоритъ: „это человѣкъ изъ камня“; она не опябалась: у этого человѣка окаменѣвало сердце, когда онъ видѣлъ передъ собою арестократа, и это твердое, какъ гранитъ, сердце, не дрогнувшее при заревѣ возбужденныхъ имъ пожаровъ, таяло, какъ воскъ, отъ огня, соприкасаясь съ несчастнымъ народомъ! Лео прозрѣлъ подъ обаяніемъ его живой, страстной, любящей рѣчи; онъ иначе взглянулъ на окружающій его міръ. „Онъ повстрѣчалъ старика, задыхающагося подъ большою вязанкою дровъ; сквозь окна хижины онъ увидѣлъ вѣтшнюю обстановку бѣдняковъ и все это была нищета, уродливая нищета. Здѣсь за прялкою онъ разглядѣлъ при свѣтѣ тусклаго огарка бѣдную вдову, которая прежде ему встрѣчалась въ церкви, а теперь морщинистыми руками тянущую изъ прядева нитку; тамъ многочисленное семейство, размѣстясь вокругъ стола, ѣло скудный ужинъ, состоящій изъ хлѣба и соли; въ третьей хижинѣ мужъ перебранивался съ женою, а двое полунагихъ дѣтенышей кричали изъ всей мочи при этой семейной неурядицѣ.“ Мучительно сжималось у Лео сердце, все глубже и глубже задумываясь, онъ шепталъ: „Вѣдь это тоже люди, а всѣ они не въ примѣръ несчастнѣе тебя, что же ты жалуешься на свою долю, развѣ ты одинъ рожденъ для нужды и страданья?“²⁴ Послѣ смерти отца онъ переходитъ жить къ дядѣ — Фрицу Гутману; пытливо и мрачно глядѣвшій мальчикъ не сходится съ товарищами; растетъ онъ вмѣстѣ съ оригинальной, пылкой дѣвочкой — Сильвіей; они вѣчно ссорятся и не замѣчаютъ поразительнаго сходства своихъ характеровъ. Очень умная, огненная, красивая дѣвочка — Сильвія возбуждаетъ въ немъ скорѣе чувство ненависти, чѣмъ любви. Въ Тухгеймѣ вспыхиваютъ волненія, возбужденныя Тускою, начинаются пожары; Лео, замѣшанный въ эту исторію, принужденъ съ Туски бѣжать за границу; черезъ много лѣтъ онъ возвращается на родину мощнымъ бойцомъ за человѣческія права; онъ поднялся высоко надъ человѣческимъ муравейникомъ; онъ пріѣхалъ въ столицу съ жаждою плодотворной дѣятельности; онъ распроштался съ Туски и хочетъ реализи-

ровать свои радикальныя идеи на родимой почвѣ. Въ обществѣ у своего прежняго покровителя, барона Тухгейма, онъ встрѣчается съ взрослой Сильвией, которая изнемогаетъ въ чадной атмосферѣ столичнаго, аристократическаго общества; ей рѣжутъ глаза мошки, кружащіяся въ солнечной пыли; ей надоѣдаютъ до рвоты однообразная общественная трескотня, заученныя, перетертая, сладенькія фразиски, пикантныя манеры и каламбурцы, бездонная, всеобщая пустота и будничность интересовъ; среди этихъ несложныхъ марionетокъ, заведенныхъ органичквъ, она встрѣчаетъ Лео и поражается происшедшею въ немъ переменою; она чутьемъ слышитъ въ немъ изъ рамокъ вышедшаго человѣка; она жадно прислушивается къ его энергической, свободной, величавой рѣчи; начинаетъ слѣдить съ возрастающимъ вниманіемъ за его бѣшенною борьбою съ возставшимъ противъ него обществомъ и... начинаетъ горячо любить его и его идеи. Открытая борьба съ обществомъ и дворцомъ кончается тѣмъ, что Лео попадаетъ въ тюрьму. Сильвія, узнавъ объ его арестѣ, рѣшается на отчаянное средство: во дворецѣ живетъ ея родная тетка — Сара, любовница умершаго министра и воспитательница короля, которая убѣждала изъ родимой деревушки, порвавъ сношенія съ родными, и пустилась искать счастья въ столицѣ; счастье завело ее во дворецъ. Падая все глубже и глубже, она изъ воспитательницы короля дѣлается его сводницей; она раздобываетъ для него красивыя женскія тѣла, и это лакомое, нѣжное мясо спускается по очень дорогой цѣнѣ. Сильвія, не подозрѣвая истины, идетъ къ теткѣ и застаётъ у ней короля; дряблый селадонишка король поддается на ея горячія просьбы объ освобожденіи Лео. Для любимаго человѣка и для осуществленія его великой идеи она жертвуетъ всѣмъ: она бросаетъ отца, живетъ въ омутѣ дворцовой жизни; черезъ нее Лео изъ тюрьмы попадаетъ во дворецъ; король, пораженный его страшною энергіей, умомъ, самоотверженнымъ служеніемъ идеѣ, поддается его вліянію. Лео начинаетъ быстро подыматься, онъ дѣлается другомъ короля; новый маркизь Поза надѣется свершить радикальную реформу королевскою силою, но чѣмъ шире становятся планы, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ себя одинокимъ. Онъ начинаетъ вѣрить, что его единичной силы достаточно для борьбы съ громадною массою людей, благосостояніе и эпикурейская жизнь которыхъ поддерживается ветхимъ строемъ; онъ не слушаетъ мрачныхъ предостереженій Сильвіи и безтрепетно взираетъ на съ каждымъ часомъ все густѣющіе ряды его враговъ; сытая часть государства начинаетъ очень основательно въ немъ видѣть страшнаго противника и удесяте-

раеть и безъ того сложныя интриги. Этотъ скользкій путь ведетъ его къ страшнымъ жертвамъ ; онъ непоколебимо идетъ къ осуществленію своей идеи, онъ дышетъ и живетъ ею, она заставляетъ его забыть о личныхъ чувствахъ, о сильныхъ потребностяхъ личнаго счастья, ему некогда мечтать объ немъ ; онъ подавленъ громадностью замысловъ и говоритъ, что слово счастье выдуманно дураками ; онъ на яву и во снѣ мечтаетъ о томъ, чтобы воздвигнуть колоссальный храмъ и послѣ съ наслажденіемъ погибнуть. Запутываясь все болѣе и болѣе, онъ рѣшается отвернуться отъ безконечно любящей его Сильвіи и становится женихомъ ледяной глыбы—Иозефы, ничтожной аристократки, дочери приближеннаго короля, генерала Тухгейма, чтобы, породнившись съ чистокровными аристократами, сильнѣе окрѣпнуть въ своей позиціи и сдѣлать ихъ орудіями своей идеи. Сильвія съ ужасомъ видитъ, что ея пророкъ мараетъ святую идею отвратительными средствами ; она не можетъ ему простить неразборчивости средствъ, потому что видитъ зорче его всю бесплодность этихъ усилій ; она предчувствуетъ его неминуемое паденіе и ясно сознаетъ, что подъ нимъ уплываетъ почва ; она не можетъ ему простить страшнаго лишемѣрія съ нею ; за ея великія жертвы, за жизнь, растрченную для него, онъ отплатилъ ей тѣмъ, что даже не открылъ ей своихъ замысловъ ; она глубоко вѣрила въ его нравственную чистоту и отвергла его, когда увидѣла его женихомъ мраморной куклы — Иозефы, мертвецомъ для нея и идеи ; разбитая, уничтоженная, она идетъ къ покинутому ею отцу и находитъ его остывшій трупъ подъ бѣлою простынею. Несчастливая, прекрасная дѣвушка, не испытавшая счастья взаимной любви, разбитая, съ угасшими надеждами, пустымъ, безразсвѣтнымъ будущимъ, рѣшается въ минуту безвыходности на самоубійство... черезъ нѣсколько часовъ ея трупъ вытаскиваетъ изъ воды Лео, вскорѣ и самъ онъ, кругомъ запутанный дворцовыми интригами, погибаетъ на дуэли.

Лео хотѣлъ съ помощью короля и окружающей его окаменѣлой рутины перевернуть весь общественный строй съ головы на ноги ; онъ забылъ, что король, ставшій во главѣ его движенія, переставалъ быть королемъ, онъ становился по общественнымъ понятіямъ крамольникомъ, т. е. вождемъ народа. Король и вождь народный—два діаметрально противоположныя понятія, взаимно другъ друга парализующія. Король на тронѣ мыслимъ до той минуты, пока онъ врагъ народа и ярый представитель ассоціаціи грабителей и кровожадныхъ варваровъ, которая считаетъ народъ, составляющій государство, пушечнымъ мясомъ ; разъ король или царь

выйдутъ изъ этихъ тысячелѣтними очерченныхъ рамокъ, его такъ же задунать, замучаютъ, какъ и всякаго агитатора, вышедшаго изъ народа. Глубокая ошибка Лео—что онъ началъ сверху, когда ему было нужно начать снизу; онъ съ желѣзной почвы перескочилъ на гнилую ниточку, протянутую въ воздухъ и началъ бѣшено балансировать на ней, и очень естественно сломалъ себѣ шею. Въ массахъ скрыты неисчерпаемыя залежи силы; величайшія реформы созрѣвали въ ея нѣдрахъ, а не чудесно творились королями. Всю свою чудовищную энергію Лео долженъ былъ затратить на разработку грубыхъ, самородныхъ, колоссальныхъ, народныхъ силъ; результаты этой работы незамѣтны только для очень близорукихъ, они тихо, незамѣтно зрѣютъ, и черезъ чуръ замѣтно разрѣшаются въ событіяхъ.

Лео, проникнувъ во дворецъ, затѣялъ страшную игру, онъ удвоивалъ, утроивалъ, несмѣтной горой наваливалъ куши и слѣпо вѣруя, что цѣль окупить средства, поставилъ на карту свою честь. Туски, революціонеръ до мозга костей, въ своей послѣдней съ нимъ встрѣчѣ, говорить ему: „сбрось съ себя чужую одежду, въ которую ты нарядился для того, чтобы, пробравшись въ лагерь нашихъ враговъ, всюду распространить убійства и опустошенія, покажи себя въ своемъ настоящемъ видѣ; люди подобные тебѣ выходятъ изъ заблужденій болѣе сильными, чѣмъ печальнѣе были заблужденія.“ Лео ринулся съ своей идеей во дворецъ и погибъ, запутанный его золотыми цѣпями. Существовалъ ли въ цѣломъ мірѣ дворецъ, начиная съ дворцовъ Фараоновъ, Калифовъ и кончая современнымъ дворцомъ, въ которомъ могла бы пустить корни широкая идея народнаго блага, за которую Лео готовъ былъ отдать по каплѣ свою кровь? Зачѣмъ онъ съ такою рѣшительностью окунулся въ этотъ омутъ грязи и разврата? Его засосала эта вязкая смрадная яма; онъ хотѣлъ построить пирамиду изъ грязи, онъ хотѣлъ свои святые идеи провести въ жизнь, опираясь на кучи гнусныхъ сводницъ, мелкихъ, злыхъ интригановъ, воровъ, убійцъ изъ подъ угла, холоповъ и извивающихся гадинъ. Этотъ снаружи выполированный вертень уступалъ ему, сознавая свое безсиліе, шагъ за шагомъ; и съ каждымъ его шагомъ къ королю у хранителей трона росла и росла злоба; они, притаившись во мракѣ, оттачивали свои зубы и когти, и какъ стая голодныхъ звѣрей щелкали зубами, дожидая добычи; жертва не устояла сбоку дряблага романтика-короля, и они сожрали ее. Пусть мнѣ укажетъ исторія цѣлаго міра, за десять тысячъ лѣтъ, гдѣ тотъ фантастическій царь, который бы съ презрѣніемъ отшвырнулъ отъ себя, какъ хламъ мισηурный, кровавые мил-

ліоны, выпитанные изъ народа? презрительно отпихнулъ ногою ползающихъ и ллжущихъ его гадинъ? котораго бы нестерпимо тошнило отъ фиглярнаго лакейства и платоническаго раболѣпія? который не сгнаивалъ по крѣпостнымъ подваламъ честныхъ людей, а опираясь на нихъ, какъ на гранитную твердыню, до послѣдняго дыханія жизни боролся, не щадя жизненныхъ силъ, съ врагами всеобщаго блага? Пусть мнѣ укажетъ даже исторія легендъ на царя ангела - хранителя хижинъ, а не дворцовъ?... Сомнительная легенда говорить, что 1872 года назадъ былъ человѣкъ съ великими стремленіями ко всеобщему благу, по надпись гласящая, что онъ царь іудейскій, была прибита надъ его головою, когда самъ онъ въ терновомъ вѣнцѣ, пригвожденный ко кресту, умираетъ, истерзанный, оплеванный и осмѣянный.

Москва. — 1872 г.

Геркулесовскій подвигъ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

по части обузданія ста злобравныхъ русскихъ женщинъ въ г. Цюрихѣ

(Марта 1873 г.)

„Слався мудрый нашъ властитель
Слався царь освободитель!“

I.

Русскія студентки въ Цюрихѣ. — Приводимъ текстъ, напечатанный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ правительственнаго сообщенія, о коемъ вчера насъ извѣстилъ телеграфъ.

„Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ Цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограничено, но въ послѣднѣе два года начало быстро возрастать и въ настоящее время въ Цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства стали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія; одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонерной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи въ средѣ

русской молодежи обоего пола; образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ отѣнковъ: „славянское, социальное-демократическое общество,“ „центральный, революціонерный, славянскій комитетъ,“ „славянская и русская секціи Интернаціональнаго общества“ открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ немало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонерный характеръ: „Пугачевскій бунтъ,“ „французская революція 70 года,“— вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ даже такихъ, которыя не понимаютъ по немѣцки и довольствуются изустными переводами своихъ подружекъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыхъ, неопытныхъ головы и даетъ имъ фальшивое направленіе.

„Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки поддаются подъ влияніе жоваковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивного брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго иѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ наидо того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и превръщенію честныхъ людей.

„Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвращаются когда нибудь въ Россію, будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: „какое поколѣніе могутъ возрасти такія женщины?“

„Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную русской молодежи; оно знаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ засыянціи отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

„Правительство всегда съ сочувствіемъ относилось къ потребностямъ высшаго образованія для женщинъ, являющимся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной ево императорскаго величества канцеляріи, учрежденные, особые, педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университета въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской Медико-хирургической Академіи учрежденъ въ видѣ опыта на четыре года особый курсъ для приготовленія ученицъ акушеровъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются сообщенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего въ настоящее время высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ по мѣрѣ изысканія средствъ и въ другихъ университетскихъ городахъ.

Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность приобрести научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускаютъ женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ однихъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніемъ, ничего не имѣющимъ съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями, всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствомъ и увлекаютъ молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губя ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два, три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго распадѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

„Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и Политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 74 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое либо русское учебное заведеніе.

„Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого либо означеннымъ ограниченіямъ.“

Съ боязливою осторожностью ботаника, котораго, найдя драгоцѣнное и рѣдкое растеніе, боится уронить съ него малѣйшую пылинку, которую онъ послѣ тщательно разсмотритъ въ микроскопъ, для обогащенія науки, я принимаюсь за разборъ дивныхъ строкъ, вышненихъ жирнымъ правительственнымъ мозгомъ; и боюсь упустить малѣйшую черточку въ рукописи, каждое слово которой будетъ сіять потомству кроткимъ блескомъ; но невыразимо странно, что эти величественно глубокомысленныя, грандіозно свободныя мысли напечатаны на скверной газетной бумагѣ; имъ гораздо болѣе шло бы начертанными на папирусѣ, пальмовыхъ листьяхъ, на Египетскихъ обелискахъ; отъ нихъ пахнетъ царскими муніями, несетъ тѣломъ, спростью евскихъ катакомбъ. Прочитывая мудрыя строки, невольно уносишься воображеніемъ въ исторію легендъ, въ то богатое благими дѣяніями время, когда избивались египетскіе младенцы, распинались на крестахъ плѣнныя.

Опекающее насъ правительство высказываетъ ту мысль,

что за послѣдніе два года число студентокъ въ цюрихскомъ университетѣ стало быстро увеличиваться; оно не хотеть понять, что это явленіе—черезъ чуръ обыкновенное въ цѣломъ мірѣ; начиная съ газа, желѣзныхъ дорогъ и кончая общимъ образованіемъ, которыя вначалѣ распространялись съ страшною медленностью, всюду встрѣчая рутинный отпоръ, а посаѣ съ неимоверною, наверстывающей быстротою. Испуганно все созерцая изъ своего мрачнаго далека, получая пусмы гнусныхъ сплетенъ отъ желающихъ блеснуть кипучею дѣятельностью шпионовъ, правительство узрѣло въ жаждѣ знанія жажду революціонерныхъ бурь; тайныя агитаціи, коммунисты, красные революціонеры заестрѣли передъ его глазами, до головокруженія; монарху, спившемуся до чертиковъ, начали мерещиться пистолетныя дула, страшныя, тайныя общества; нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія распоряженія превратятъ грезы въ очень злую дѣйствительность. Съ милымъ, допотопнымъ невѣжествомъ оно говоритъ о томъ, что въ русской библіотекѣ въ Цюрихѣ читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонерный характеръ: „Пугачевскій бунтъ“ „Революція 70 года. „Русскому правительству много было бы пріятнѣе, если бы въ Цюрихѣ читались лекціи: о „Божественномъ царскомъ помазаніи,“ о „преподобномъ Фотіи,“ „Краеугольномъ камнѣ вѣры,“ „Слезѣ благодутробнаго Елеозара,“ о Иванѣ Сусанинѣ, Комиссаровѣ, о пустынно-жительскомъ житіѣ аеонскаго монаха Сисой Псовича; если такъ, то правительству слѣдуетъ вычеркнуть изъ программъ всѣхъ учебныхъ заведеній русскую исторію и всеобщую исторію: какъ русская исторія обильна самозванцами, такъ и исторія Европы полна кровавыхъ и мирныхъ революцій, которыя по очереди или разомъ, съ небольшими затишьями, разыгрывались и разыгрываются во всѣхъ государствахъ Европы; безъ этого паденія ветхихъ формъ и возниканія новыхъ немыслима Исторія. Можетъ быть русское правительство считаетъ, что исторія государства Россійскаго вся исчерпывается царствованіемъ Павла Петровича, Николая Павловича и пр., не много остается русскому монарху, чтобы превратиться въ полнаго византійскаго владыку!

Далѣе, русское правительство своимъ духовнымъ, ясновидящимъ окомъ прозрѣло такіе жизненные факты, которые подсмотреть простымъ, матеріальнымъ окомъ, не представляется никакой возможности; правительство ударилося въ спиритуализмъ.

„Другія увлекаются коммунистическими ученіями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ

нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ; недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ знали до того, что специально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ и презрѣнію честныхъ людей.“

Отъ этихъ строкъ удивительно воняетъ Катковымъ и Леонтьевымъ. Вѣчно душа и угнетая свободу, вѣчно твори одну безобразную низость за другою, правительство еще никогда не становило себя въ такое позорное, шутовское положеніе, какъ въ этихъ обвиненіяхъ; трудно подавить желчный смѣхъ и лихорадочную злобу, принимаясь за разборъ этой возмутительной до рвоты ерунды. Откуда знаетъ эта жалкая свора кретиновъ, стоящихъ во главѣ нашего государства, что дѣвушки, увлекаясь коммунистическими идеями свободной любви, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ? Отчего „Правительственный Вѣстникъ“ не выставилъ имена тѣхъ наемныхъ фискаловъ, которые тайкомъ, для избѣжанія побоевъ, шлялись по квартирамъ, подслушивая, вывѣдывая бабьи сплетни? Если забвеніе замысловатыхъ, основныхъ началъ нравственности и цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ свершается не публично, а тайно, по домамъ, то кто смѣетъ вопить въ газетахъ о предполагаемыхъ фактахъ, какъ о дѣйствительныхъ? Вся эта масса уродливо глупыхъ обвиненій обрушена на головы беззащитныхъ личностей; подлыя враки вполне пользуются правомъ дикой, животной силы. Пусть правительство умудрится счесть публичные дома въ своихъ цѣломудренныхъ столицахъ, пусть полюбуется въ замочную скважину на закулисную сторону браковъ, благословленныхъ православною церковью; да кстати, не забудетъ попристальнѣе взглядѣться въ свою дворцовую нравственность, въ свое царственное цѣломудріе, и я заранѣе увѣрю высоко нравственное русское правительство, что оно подъ кровомъ благочинія, тишины и обрядности увидитъ такія бездны низости, притворства, тайнаго скотскаго разврата, забвенія всѣхъ человѣческихъ правъ, такую массу свирѣпыхъ, холодныхъ убійствъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ, что у него долженъ будетъ отгнать языкъ, читающій мораль!

Покрытая сифлистическими, гноящимися язвами и гангренами, густо набѣленная и раскрашенная публичная тварь трещитъ напыщенными монологами о цѣломудрії, свирѣпо караетъ невинный порывъ молодости, это болѣе, чѣмъ возмутительное зрѣлище! Изъ какихъ благородныхъ и досто-

вѣрныхъ источниковъ правительство узнало о недовольствѣ мирныхъ гражданъ и квартирныхъ хозяекъ русскими студентками? Отчего правительство не обнародовало имена тѣхъ скромныхъ, но великихъ психіатровъ, которые такъ быстро постигли всѣ прелести квартирныхъ хозяекъ города Цюриха, что пришли къ умосаключенію, что недовольство ихъ можетъ служить обвиненіемъ противъ русскихъ женщинъ? Правительство усвоило заманку Каткова и Леонтьева, которые, облюбливая бѣшенною слюною, огаживая своимъ мерзкимъ прикосновеніемъ политическихъ эмигрантовъ и найдя все это недостаточнымъ, тотчасъ же обвиняли ихъ, что они не платятъ за квартиру долговъ и что ихъ отовсюду выгоняютъ; понятно, что такія рыцарски благородныя обвиненія въ газетахъ прикрываются инкогнитомъ; большею частью литераторы, занимающіеся этимъ ремесломъ, живутъ на казенный счетъ и на огромномъ разстояніи отъ обвиняемыхъ, по той весьма основательной причинѣ, что вблизи такихъ субъектовъ бьютъ хлыстомъ по физиономіямъ. Откуда узнало всевѣдущее правительство о томъ, что нѣкоторыя дѣвушки изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая занимается вытравливаніемъ зародыша? Развѣ цюрихскія студентки, предающіяся столь богопротивнымъ занятіямъ, предлагали свои услуги царскому, многоплодному семейству? Если нѣтъ, то до какой бездонной подлости можетъ дойти наглая, газетная клевета, если ее выговариваютъ злые пидюты — всю жизнь грубою, неумѣлою рукой, безъ знанія, вытравливающіе зародыши свободы и образованія! Правительству не мѣшаетъ запретить химію: она изучаетъ яды; можетъ быть, студенты, занимаясь ею, выдумываютъ тотъ неуловимый для глазъ и грубаго изслѣдованія ядъ, отъ котораго въ одну прекрасную ночь, какъ клопы и тараканы, перемрутъ члены царской семьи и столбы правительственные. Правительство боится остановиться на вопросѣ: какое поколѣніе могутъ вырастить такія женщины? Только одному русскому правительству трудно угадать, какое поколѣніе вырастятъ образованныя, честныя, гуманныя и свободныя женщины; но еще легче видѣть, что возростили тѣ съ искони вѣковъ замученныя и задавленные паріи, которыя умѣли только одѣваться и раздѣваться, жрать и рожать. У правительства не коснѣетъ языкъ произнести о томъ, что оно съ сочувствіемъ относилось къ высшему образованію; оно упоминаетъ о жалкихъ курсахъ въ Москвѣ, гдѣ чортъ знаетъ, какъ читаютъ, придерживаясь классическаго образца, нѣсколько предметовъ въ объемѣ средняго училища, заранѣ помѣченные для этого профессора; оно заявляетъ съ уморительнымъ тупоуміемъ,

что у насъ есть такія высшія школы, изъ которыхъ дѣвушки выходятъ акушерками; учебныя заведенія, сплюснутыя въ казенныхъ и поповскихъ лапахъ, со всѣхъ сторонъ огаженныя и общипанныя, оно противопоставляетъ цюрихскому университету, гдѣ наука и ея ученіе свободны безъ границъ, гдѣ рядомъ съ нею свободно вращаются въ средѣ молодежи широчайшія идеи, выработанныя передовымъ человѣчествомъ и гдѣ ими бываютъ недовольны только однѣ квартирныя хозяйки, думая, что идеи эти подрываютъ меблированные комнаты. Вся эта чудовищная масса юродства, газетной клеветы заканчивается разбойническими словами:

„Правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя къ январю будущаго 74 года будутъ продолжать слушать лекціи въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависятъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое либо русское учебное заведеніе.“

Эти слова доблестно замыкаютъ все предъидущее; въ переводѣ они означаютъ: „намъ надоѣло утомительное, черепашее движеніе впередъ; мы находимъ, что гораздо веселѣе, практичнѣе и легче пятиться назадъ и чѣмъ быстрее, тѣмъ пріятнѣе; мы надорвали нашъ чудный мозгъ, придумывая реформы такъ, чтобы въ концѣ сдумѣть ихъ парализовать однимъ незначительнымъ, но поразительно сильнымъ: „но“ и проч. Мы дали микроскопическія права женщинѣ, надѣясь, что мы будемъ имѣть дѣло съ куаферскими вывѣсками, но къ великому нашему отеческому сожалѣнію, нѣкоторыя, неспокойныя, преждевременно и непозволительно разившіяся личности, жадно воспользовались краткимъ освобожденіемъ. Намъ хочется спать и видѣть только блаженныя, радужныя сновидѣнія; свобода, даваемая подданнымъ, возбуждаетъ безпокойныя, гадкіе и даже страшные сны; дорожа сладостнымъ оцѣпенѣніемъ, мы посѣщивши тамъ, гдѣ есть еще наша сила, употребить всѣ зависяція отъ насъ мѣры; мы знаемъ, что цюрихскія студентки большей частью бѣдныя дѣвушки, которыя тяжкимъ трудомъ, накопивъ скудные деньги, уѣзжаютъ трудиться въ иностранныя университеты съ тѣмъ, чтобы впоследствии быть полезными на родинѣ и для того, чтобы хотя нѣсколько обезпечить себѣ независимое положеніе; мы догадались, что отнятіе у нихъ насущнаго хлѣба и ожиданіе безконечныхъ преслѣдованій полиціи на ихъ прелестной родинѣ можетъ на нихъ слегка подѣйствовать. Тѣхъ, которыя, не понявъ задней мысли реформы, осмѣлились воспользоваться

образованіемъ, мы накажемъ тѣмъ, что многимъ изъ нихъ, перешедшимъ на третій и четвертый курсъ, придется вернуться назадъ или имѣть въ перспективѣ за умственный трудъ голодную смерть, а пожалуй и казематы; деньги ими такъ трудно накопленныя и безсонныя ночи труда пропадутъ даромъ. Этотъ холодный, варварскій грабежъ съ высокоправственной, государственной точки зрѣнія, необходимъ для обузданія ста непокорныхъ дѣвицъ. Чтобы выйти чистенькими изъ ретирадной ямы, мы оклеветали ихъ въ газетахъ передъ всѣмъ обществомъ; въ силу высокихъ основныхъ началъ нравственности, мы имѣемъ полное право оплевать и очернить нашихъ вѣрноподданныхъ и они не смѣютъ шикнуть въ свою защиту. Урокъ этотъ послужитъ намъ и имъ въ пользу; если мы впредь дадимъ какія нибудь права женщинѣ, то смѣемъ это сдѣлать такъ искусно и остроумно, что ими онѣ ни на секунду не воспользуются.“

И у самыхъ законныхъ убійцъ есть своя философія.

II.

„Народъ

Есть почва добрая, въ ней скрыто много силы
Въ ней сѣмя истины бесплодно не умретъ,
Лишь былъ бы сѣятель. Той силѣ нѣтъ могилы.“
(Кіая Баръе.)

Намъ остается еще оцѣнить одну правительственную фразу, особенно заслуживающую объясненія: „политическая агитація увлекаетъ молодых, неопытныхъ головы и даетъ имъ фальшивое направленіе; сходки и борьба партій довершаютъ остальное и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, бесплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь.“ Очень трудно честной молодежи увлекаться такой дѣйствительностью, какъ застѣнки, Петропавловская крѣпость, третье отдѣленіе, обирание народа и необузданный произволъ! Очень и очень желали бы мы, чтобы русское правительство считало нашу пропаганду бесплоднымъ, искусственнымъ волненіемъ; если бы это было такъ—мы безопасно оставались бы у себя на родинѣ, намъ не пришлось бы бѣжать за границу, для высказыванія задушевныхъ убѣжденій! Если пропаганда — стрѣльба по воздуху, то это невинное занятіе даже поощряется въ самыхъ злѣйшихъ, деспотическихъ государствахъ. Нѣтъ, Сибирь, полная затерзанныхъ

мучениковъ, Петропавловская крѣпость, набитая свободною молодежью, бѣшенныя неистовства полиціи по всей ширинѣ и длинѣ Россіи, въ преслѣдованіи всякой крошечной, либеральной идейки, іезуитскія, свѣтскія и духовныя цензуры, ауто-да-фе изъ книгъ Лассали, громадное число эмигрантовъ говорятъ противное! Слѣпой ужасъ шаткости своего фальшиваго, искусственнаго положенія сквозить въ каждомъ вашемъ дѣйствіи, прячется за каждую вашу запретительную статью; вы чувствуете, что ваши часы сочтены; вы не можете болѣе существовать безъ пѣшекъ — солдатъ, пушекъ и скроенной по вашему образцу полиціи; вы инстинктивно сознаете, что свободное ученіе рушитъ ваши самыя искуснѣйшія и крѣпчайшія заставы, что нѣтъ той силы, которая могла бы съ нимъ бороться, нѣтъ тѣхъ глазъ, которые могли бы уловить его распространеніе; истина, не смотря на всю необузданность вашихъ гоненій, съ всепобѣдною силою завоевываетъ пространство. Самые безпощадные ваши враги, подъ личиною смиренія и консерватизма, стоятъ около васъ, отъ нихъ вы скоро начнете задыхаться въ просторныхъ дворцахъ.

Наше ученіе не—ваше, вы не знакомы съ истинной, и никогда не поймете ея страстнаго, чарующаго обаянія. Замучивая втихомолку несчастныхъ, молодыхъ людей, вы не разъ встрѣчали героическую твердость убѣжденныхъ, не разъ видѣли, какъ затерзанные, молодые люди предпочитали смерть, пудовыя кандалы, страшную каторгу измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ! Не разъ въ вашихъ грезахъ вамъ видѣлись блѣдныя лица, глядящія на васъ съ ужасомъ и презрѣніемъ! Недалеко то будущее, когда брошенное тайною пропагандою сѣмя отродится пышною жатвою; кипучая работа сильныхъ поколѣній не пропадаетъ даромъ. Если существуетъ въ мірѣ прогрессъ, вы неминуемо погибнете, а страшныя для васъ идеи восторжествуютъ. Цѣною неустанной пропаганды въ массахъ выработаются тѣ широкія понятія, которыя на вѣки подрѣжутъ ваше, несомнѣстимое съ здравымъ смысломъ, дикое, подлое существованіе. Наступитъ тотъ часъ, когда искусственное, бесплодное волненіе станетъ для васъ страшною дѣйствительностью, и ужасный будетъ для васъ тотъ часъ!..

Практическіе и Непрактическіе люди

I.

... „Неужели боги, эти небесные англичане, равнодушно созерцают это изъ своего лазурнаго шатра, или какъ мы ненавидимъ обевьяну за то, что она болѣе всѣхъ похожа на насъ и оскорбляетъ нашу гордость, такъ и боги ненавидятъ людей, созданныхъ по ихъ подобію ; поэтому, чѣмъ человѣкъ выше, божественнѣе, тѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ его боги всякаго рода невзгодами и наконецъ губятъ, тогда какъ маленькихъ скотоподобныхъ милосердно щадятъ...“

Названіе честный человѣкъ до нашего времени еще не утѣряло относительнаго значенія, оно профанируется невыносимо часто ; большія и малыя общества, разнокалиберные кружки варьируютъ на слово честь съ замысловатымъ, комическимъ разнообразіемъ. Не стану впадать въ нескончаемыя опредѣленія честнаго, свѣтскаго человѣка, честнаго купца, честнаго администратора, политическаго дѣятеля ; кто гонится за вселенскимъ юморомъ, тотъ можетъ вдоволь наостриться, вдавшись для потѣхи публики — которая любить отъ души хотять сама надъ собою—въ психологію каждаго изъ этихъ представителей корпорацій. Въ послѣднее время беллетристика силилась изобразить честнаго человѣка, но эта тема оказалась очень головоломною ; при столкновеніяхъ героя съ

извѣстными жизненными явленіями, выплывала, приплюснутая свѣтскими и духовными цензурами, головка самого автора; честь, прихрамывая, спотыкаясь, въ концѣ концовъ превращалась въ безчестіе; авторъ начиналъ кроить ее, растягивать, урѣзывать и совершенно неожиданно проваливался на серединѣ романа. Жизнь послѣдняго времени стала богаче честными людьми; рядомъ съ безчисленною мелюзгою, она дала, скупая на такіе подарки, прекрасныхъ личностей; они разбросаны всюду по Европѣ — глухимъ деревенскимъ хлѣвамъ русскаго государства, а болѣе всего, нѣтъ сомнѣнія, въ Сибири; они рѣдки, они — соль земли; путь ихъ тернистый и мрачный, но сами они ярче солнечнаго сіянія. Они много страдаютъ въ жизни за тотъ ужасный недостатокъ, что они слишкомъ честны и хороши, а мы слишкомъ подлы и гадки; они напоминаютъ тотъ колоссальный образъ, о которомъ пророчествовали вдохновенные іудейскіе пророки, они писали: „воспрянетъ онъ какъ тростинка слабая, какъ отпрыскъ земли жаждущій; покрытый безчестіемъ, покинутый людьми, онъ станетъ для всѣхъ предметомъ отвращенія, будетъ поруганъ и униженъ, язвимъ онъ будетъ за грѣхи наши и за беззаконія наши и, не смотря на муки, онъ не отвернетъ устъ своихъ; какъ агнецъ онъ допуститъ вести себя на закланіе, могила его будетъ считаться могилою злодѣя, а смерть — смертью беззаконника.“ Предсказанія, что очень рѣдко бываетъ, сбылись: явился честный человѣкъ, но оплеванный, истерзанный, опозоренный, онъ истекъ кровью на крестѣ. Иисусы нашего времени умираютъ менѣе эффектно, болѣе конфиденціально; ихъ распинаютъ и высасываютъ изъ нихъ жизнь въ продолженіи долгихъ, очень долгихъ лѣтъ; они угасаютъ тихо, въ нихъ поддерживаютъ жизнь, какъ тлѣющій огонекъ поддерживали весталки, чтобы продлить ужасныя муки; ихъ святое, безконечное страданіе не многимъ извѣстно; они окружены не Евангелистами, благоговѣнно лоящими каждый звукъ ихъ, а тюремщиками и безсловесными палачами; исторія ихъ иногда долетаетъ до слуха публики; испуганно она прочитываетъ страшныя, кровавыя, скорбныя страницы и долго послѣ косится по сторонамъ, какъ будто за угломъ притаился убійца. Жизнь даетъ этимъ избранникамъ муки, а смерть — многимъ изъ нихъ — забвеніе, это потрясающій фактъ!... но черезъ это они намъ еще дороже. Постараюсь набросать слабый абрисъ этого типа: рождаются они по большей части очень сильными физически, чувствительность ихъ въ юношескомъ возрастѣ невѣроятная, восприимчивость болѣзненная; жертвуютъ они собою на каждомъ шагѣ, безъ усилія, скромно, чуть незастѣнчиво; учатся

они плохо, подлое безобразіаніе надъ свѣжимъ мозгомъ, которое на языкѣ педагоговъ называется воспитаніемъ, для нихъ невыносимо, судить ихъ мы не можемъ: отвращеніе ихъ неизмѣримо сильнѣе нашего, слѣдовательно, побѣдитъ его въ столько же разъ труднѣе. Ихъ глубоко занимаетъ окружающая ихъ жизнь; блѣдныя, они сидятъ задумавшись надъ ея дикими несообразностями, которыя скользятъ мимо насъ незамѣченныя; мозгъ ихъ тонко наблюдаетъ и жарко перерабатываетъ тѣ факты жизни, которые мы привыкли, въ наивности душевной, считать обыденными, для насъ они обыкновенны, для нихъ необыкновенны; отъ безустаннаго напряженія мозга, они заболѣваютъ нервными горячками и, нѣтъ сомнѣнія, часто умираютъ.

Различныя заведенія на пути подобныхъ личностей — подводные камни; не разбившись объ одно остріе, они распариваютъ себѣ грудь о другое; пропсходить этотъ фактъ отъ черезъ - чуръ неравномѣрнаго распредѣленія подлости: на долю однихъ ея выпало неизмѣримо много, на долю другихъ — почти ничего, столкновение это очень опасно для послѣднихъ. Многіе изъ нихъ погибаютъ, сгорая огнемъ бесплоднымъ, но за то съ какою мощною силою развиваются они, попавъ на свою почву! Университетъ, честныя книги, случайныя встрѣчи даютъ направленіе ихъ колоссальнымъ силамъ; выступивъ на свѣтлый путь, они не сворачиваютъ съ него до послѣдняго дыханія жизни; они глубоко, мощно думаютъ и за ихъ трудъ имъ дается великое прозрѣніе, слѣпота исчезаетъ и они начинаютъ понимать до боли ясно все окружающее; они одолѣваютъ загадочное ученіе — умѣть отличать ложь отъ истины. Ложь, богатую противорѣчіями, они разыщутъ вездѣ, подъ царской и поповской мантией, чиновничьимъ и военнымъ мундиромъ, подъ фракомъ; истина ихъ не похожа на ту вертлявую, надутую ложь, силающуюся казаться истиной, которую мы тискаемъ, безъ разбора, въ узенькія, крошечныя клѣточки съ безчисленными перегородочками, около которой мы кружимся, играя въ жмурки; ихъ взгляды, не смотря на необыкновенную простоту, престранно дѣйствуютъ на нашъ развитой мозгъ, они жгутъ, кусаютъ. Люди такого закала — „сердца изъ золота и стали,“ стоятъ одинокими, они ничего не хотятъ, ни славы, ни отличія, ни денегъ, ни могущества, имъ дороже жизни осуществленіе благихъ стремленій; осуществивъ онѣ, они безъ боли ступаютъ, надѣвуть какія угодно вериги. Они отрицаютъ то, передъ чѣмъ большинство низко извивается, и въ то же время признаютъ то, что отрицаемо почти всѣми, они нѣжно, безъ натяжки, самоотверженно любятъ людей; не стоитъ и гово-

рять—такъ это ясно—что они блѣднѣютъ отъ ужаса и омерзения при словѣ царь. Они презираютъ касты, не признаютъ собственности съ отвращеніемъ смотря на карающій уголовный законъ, не признаютъ религіи поповъ и сверхъестественныхъ глупостей. Они не похожи на современныхъ христіанъ, но — на первыхъ христіанскихъ апостоловъ, слышавшихъ ученіе Іисуса изъ его собственныхъ устъ. Людямъ, которымъ спится покойно, живетъ весело въ свиномъ хлѣбѣ, для которыхъ нѣтъ ничего высокаго въ мірѣ, подобные люди покажутся утопистами, чуть не сумасшедшими; люди съ добрымъ сердцемъ и яснымъ умомъ относятся къ нимъ съ глубокимъ благоговѣніемъ: это наши святые; призрчны не они, но міръ, который считаетъ правду и справедливость призраками, а гнусную ложь—дѣйствительностью; сумасшедшіе не они, а тотъ притонъ воровъ, злодѣевъ и мошенниковъ, гдѣ они заклеены сумасшедшими. Мелка и жалка та жизнь, среди которой они являются рѣдко; они идутъ на проломъ, не умѣютъ ни сзуться, ни умалиться; въ нихъ горитъ неугасимымъ огнемъ безграничная любовь ко всемъ людямъ; убѣжденія ихъ непоколебимы, потому что не лживы; эти крестоносцы борются за свои принципы съ невѣдомою намъ, непонятною для насъ страстностью; смерть для нихъ—торжество; имъ нѣтъ дѣла, что ихъ мало, а зла слишкомъ много; нѣсколько часовъ великой, незапятнанной жизни дороже имъ сотенъ лѣтъ копошащагося въ цвѣточной пыли насѣкомаго; ихъ дѣятельность, не смотря на краткость, громадно благотворна. Фанатическая любовь къ истинѣ, страшное напряженіе нервныхъ силъ отъ ожиданія близкаго мученическаго вѣнца придаютъ имъ сказочное очарованіе; каждое ихъ слово глубоко волнуетъ душу; снашіе тревожно и навсегда просыпаются отъ ихъ прикосновенія; они вливаютъ огненную энергію въ упавшихъ духомъ и беззащитныхъ, возбуждаютъ мощныя надежды въ несчастныхъ. Что встрѣчаютъ эти вѣстники свѣта въ жизни и какъ кончаютъ они, это не безвѣстно малому ребенку. Я закончу мой первый типъ честнаго человѣка грустными, надгробными стихами, посвященными одному изъ нихъ :

„Природа мать! когда бь такихъ людей
Ты иногда не посылала бь міру
Заглохла бь нива жизни“...

II.

„Не плачь надъ ними мученица мать!
Но говори имъ съ молодости ранней—
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣе,
Прекраснѣе терноваго вѣнца...“

Есть и другой типъ честнаго человѣка, болѣе скромный, болѣе часто встрѣчающійся. Темпераменты этихъ людей спокойнѣе, въ ихъ крови менѣе остроты, зноя; они менѣе пропагандисты, у нихъ болѣе сдержанности. Университетъ, книги, случайныя встрѣчи пробуждаютъ въ нихъ великія природныя силы; жажда дѣла у нихъ громадная, но они умѣютъ выжидать, уступать; укорачиваніе прекрасныхъ порывовъ имъ достается не дешево, ихъ физическая природа истощается отъ натуги, даже въ молодости они становятся очень раздражительными и ядовитыми въ рѣчахъ; ложъ жизни ихъ возмущаетъ до дна души, въ пониманіи ее они не уступаютъ первому типу; изъ всевозможныхъ дѣятельностей они выбираютъ только такую, гдѣ менѣе всего имъ приходится сталкиваться съ деспотическою властью; канцелярія и военной службы, гдѣ требуютъ отъ человѣка, въ силу высочайшихъ, административныхъ капризовъ, чтобы онъ сдѣлался или воровъ, или убійцею, они не выносятъ; уступчивость ихъ такъ далеко не простирается; если они дѣлаютъ уступку, то только тогда, когда имѣютъ впереди выигрышъ дѣла. Всюду сталкиваясь съ людьми, они на все молодое, свѣжее имѣютъ огромное вліяніе; они невольно заражаютъ своимъ кипучимъ, возвышеннымъ жаромъ, умѣютъ натолкнуть на выходъ тѣхъ несчастныхъ, которые, чтобы вырваться изъ омута жизни, нуждаются въ толчкѣ. Они не способны унизиться ни передъ какою властью; посяганіе на ихъ личность, легкое какъ дуновеніе, тяжеле для нихъ свинцовыхъ горъ; они мужественны и безстрашны какъ древніе пророки — если имъ не удастся вѣчно зануздываніе себя — и они столкнутся въ застѣнкахъ третьяго отдѣленія, глазъ на глазъ съ палачами. Масштабъ для измѣренія всѣхъ жизненныхъ явленій у нихъ колоссальный; они не боятся истины, какую бы горечью она

ни отзывалась, какихъ бы жертвъ отъ человѣка ни требовала; они не выносятъ свѣтобоязненнаго либерализма, который скорючивается отъ палки полицейскаго; они съ жалостью смотрятъ на тѣхъ либеральчиковъ, которыми кипитъ жизнь и которыхъ развитіе мысли до конца приводитъ въ малодушное смущеніе: — у нихъ хватаетъ духа вызвать нагую истину, но когда она явится передъ ними въ терновомъ вѣнцѣ, окровавленная, они униженно молятъ о пощадѣ, трясаясь отъ ужаса. Поддѣть ихъ половинными мѣрами, крошечными реформишками, на которыя такъ радостно ловится большинство, невозможно; ихъ вѣчно жаждущую, радикальную натуру напоить нѣсколькими подслащенными каплями очень трудно; они умираютъ недовольные, какъ бы много въ жизни они ни свершили; нѣкоторыхъ изъ нихъ спасаетъ теплая вѣра въ близкое, свѣтлое грядущее, безъ этой вѣры они задыхаются въ гнѣвѣ и желчи, если предупредительное правительство не успеетъ такъ комфортабельно устроить ихъ жизнь, чтобы они задохнулись въ казаметѣ или въ промерзлой щели на каторгѣ. Страдаютъ они много, кончаютъ плохо, если не успеваютъ бѣжать изъ отечества или умереть въ молодости отъ коверканія организма, въ виду неуступчивости общему мнѣнію, а въ виду большого блага. Такие люди попадая на литературное поприще, бѣжавъ за границу, гдѣ свободное слово снимаетъ съ человѣка оковы, даетъ просторъ честнымъ думамъ, попадая въ эту ясную, крѣпкую атмосферу, они входятъ въ апогею своего могущества; каждое слово ихъ статей дышетъ внутреннимъ, сердечнымъ огнемъ, какъ цвѣтистой чешуей ядовитой змѣи, переливаетъ сарказмами; истину они высказываютъ безтрепетно, поразительно просто и ясно. Долго они не выживаютъ: лихорадочная дѣятельность, борьба за мысль, огромная воспримчивость въ одинаковой степени прекраснаго и дурнаго сводятъ ихъ въ раннюю могилу; они сгораютъ отъ внутренняго огня, какъ горящій уголь въ чистомъ кислородѣ; слѣдъ ихъ въ литературѣ и жизни широкій и ясный; ихъ слова оставляютъ жало въ душѣ, они—неуловимы только для близорукихъ глазъ—расширяютъ умственный горизонтъ массъ, подталкиваютъ на горячую борьбу; подъ ихъ побѣдное знамя становится все молодое и сильное. Борьба за истину отъ увеличения ея поклонниковъ становится успешнѣе, ряды густѣютъ и сплачиваются въ ту страшную, безграничную силу, которая рванѣе, чѣмъ ожидаютъ, завоеуетъ дряблый, дрянной, грязный, на изнанку сшитый языческій міръ. Для недогадливыхъ читателей я долженъ сказать, что я выбралъ рѣзкихъ представителей въ каждомъ изъ этихъ очерковъ.

III.

Практичностью называется способность примѣняться къ существующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу; если существующій порядокъ хорошъ, то есть удобенъ для всѣхъ, тогда практичность — великое достоинство; если же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дожинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дряблыхъ или плутоватыхъ; эти люди или молча покоряются обстоятельствамъ, „судьбѣ“, или ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Люди замѣчательные въ такія эпохи или бывають восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотою умственнаго міра; между тѣмъ золотая посредственность, люди мелко плавающіе, съ удивленіемъ и неприязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ....

Вы хвалите то, что вамъ по плечу, а по плечу вамъ то, что кажется мизерно утопістамъ, то есть людямъ смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣлѣе. Если бы вы жили во времена Галилея, вы были бы въ числѣ его судей; въ наше — вы ограничитесь тѣмъ, что назовете С.-Симона сумасшедшимъ.“
(Писаревъ)

Я закончу мою статью типомъ практическаго человѣка, какъ это слово понимаетъ общество; типомъ популярнымъ, всюду царящимъ; современный намъ міръ — ихъ міръ. Практической человѣкъ — вседовольный, всеблаженный, вездѣсущій; онъ одаренъ тѣми же качествами, которыя приписаны Богу въ Филаретовскомъ катехизисѣ. Практическіе люди утопають въ навозныхъ эмпирияхъ; трудно перечестъ ихъ щедро вознаграждаемыя добродѣтели: — уступчивость японца, распарывающаго себѣ брюхо по волѣ начальника, изумительная эластичность совѣсти и мягкая уживчивость со всякимъ временнообразовавшимся взглядикомъ, платоническая любовь къ высшему начальству, безкорыстное и корыстное извиваніе передъ нимъ, мусульманское раболѣпіе передъ именемъ императора, подчиненіе всѣмъ условіямъ жизни, не глядя на условія, никогда не посягая на нихъ и проч., и проч. Они пользуются вполне минутою, служатъ минутѣ и забываются

вполнѣ черезъ минуту. На нихъ, какъ манна небесная, сплются: звѣзды, чины, кресты, временныя вознагражденія, пожизненные пенсіоны; эти ржавыя гайки въ надтреснутомъ государственномъ механизмѣ занимаютъ высшія общественныя мѣста. Они сами себѣ улыбаются, и имъ улыбаются жизнь и люди; имъ съ глубокою симпатіею жмутъ руки, имъ кланяются, ихъ благодарятъ; имъ въ ихъ собственныхъ святилищахъ подкуриваютъ дешевенькими оймямчиками; имъ даже приписываютъ полезность; они чудные администраторы, ученые профессора, рѣдкіе хозяева - помѣщики, почтенные земскіе служители, дѣльные чиновники, благонамѣренные литераторы. Они душатъ, тѣснятъ, тормозятъ, каждый по мѣрѣ силъ и большею частью безсознательно; они даже любвеобильны, но только всѣ ихъ чувства цѣликомъ изливаются на ихъ почтенныя семейства. Непрактическіе люди любятъ людей, практическіе—своихъ дѣтей; они пьютъ медъ, непрактическіе люди—отраву; защищаютъ они себя и современный имъ строй съ необыкновеннымъ чувствомъ собственного достоинства, самодовольно и чрезвычайно своеобразно; взгляды ихъ отличаются гранитною неподвижностью и долговѣчностью: тысячи лѣтъ назадъ, слово въ слово такъ защищались ихъ практическіе предки; тысячи лѣтъ протекли для нихъ даромъ, не прибавивъ и не убавивъ ни одного доказательства, не изощривъ ихъ логики. Самыя выдающіяся слова и фразы ихъ доказательства: „историческая опытность,“ „мирное развитіе подданныхъ подъ сѣнію государства,“ „нужно дать привыкнуть,“ „сразу ничего нельзя,“ „одни вы ничего не сдѣлаете,“ „вспомните страшныя историческіе примѣры,“ „все это прекрасныя утоші,“ „терроръ,“ „свирѣпая чернь,“ „гибель изящныхъ искусствъ,“ „революція,“ „анархія,“ „порядокъ и благосостояніе,“ „развитіе промышленности.“ Потрудитесь развить эти краткія, отрывочныя фразы, обставьте ихъ красивыми словами и вы увидите, что это то бѣляче колесо, въ которомъ вертится всѣ доказательства практичскихъ людей, вся ихъ мудрая опытность.

Удивительнѣйшій фокусъ - покусъ, чудную игру природы представляеть изъ себя практической человѣкъ!

„...Боги ненавидятъ людей, созданныхъ по ихъ подобію, поэтому чѣмъ человѣкъ выше, божественнѣе, тѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ его Боги всякаго рода невзгодами и наконецъ губятъ, тогда какъ маленькихъ, скотоподобныхъ милосердно щадятъ!...“

Замѣтка о Гоголѣ

Я не берусь разбирать Гоголя: Бѣлинскій такъ исчерпалъ его красоты, такъ глубоко вѣрно понялъ сущность его таланта, словомъ такъ разносторонне и много сказалъ о немъ, что мнѣ остается „болезненно умолкнуть“; но я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ люди съ умомъ и талантомъ часто впадаютъ въ такія неизмѣримыя преисподни ограниченности и узкости, что невольно становишься въ туникъ; я разберу нѣсколько страницъ изъ мертвыхъ душъ, полныхъ дикаго лиризма и бѣшеннаго патріотизма. Гоголь любитъся страшнымъ просторомъ Россіи, грозно обхваченный могучимъ пространствомъ, онъ восклицаетъ: „Что пророчить необъятный просторъ, здѣсь ли въ тебѣ не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца! здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройдтись ему!“

Все что такъ увлекаетъ Гоголя, въ силу логики, должно производить горкія, мрачныя мысли: ничего особенно свѣтлаго не пророчить незаселенный людьми просторъ; это показываетъ не силу государства, а его незрѣлость и слабость; это пророчить тугой, медленный прогрессъ; сила не въ пространствѣ, а въ людяхъ: Сахара необъятнѣе и шире Россіи, но ни одному самому яркому поэту не прійдетъ въ голову видѣть великій прогрессъ въ ея пустомъ и мертвомъ пространствѣ. Раздолье и ширь безъ конца были бы по душѣ Ерусланамъ Лазаревичамъ, да соловьямъ-разбойникамъ; для богатырей мысли не нужно отводить сотни тысячъ десятинъ необработанной земли, безъ людей.

Безпредѣльная мысль развертывается не въ киргизскихъ

степяхъ, льяносахъ и помпасахъ Америки, а въ тѣсныхъ пространствахъ, гдѣ душно сплотились люди; въ раздольныхъ степяхъ Россіи носится прозаически буйный, голосисто-заунывный вѣтеръ; колышетъ онъ не тучныя нивы, съ колосистымъ хлѣбомъ, а степной, сѣдой ковыль; ничто не веселитъ и не радуетъ взора. Гоголь увлекается тѣмъ, что по всей ширинѣ и длинѣ Россіи несется тоскливая, раздольная пѣсня; это не пѣсни, а заунывныя жалобы, стоны несчастнаго, замученнаго народа; такія пѣсни тѣснятъ грудь и ничего не пробуждаютъ свѣтлаго. Далѣе Гоголь въ сонambuлизмѣ вдохновенія бормочетъ безобразныя рѣчи: „Не такъ ли ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься, дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все остается и остается позади; остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель, не молнія ли это, сброшенная съ неба? что значить это наводящее ужасъ движеніе и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣту коняхъ? Эхъ кони, кони, что за кони! вихри ли едутъ въ вашихъ гривахъ, чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилѣ? за-слышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летяція по воздуху,—и мчится вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не дасть отвѣта! Чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.“

Этотъ дидеирамбъ прогрессу былъ пропѣтъ нашимъ талантливимъ писателемъ во время царствованія Николая I незабвеннаго!... Слова: „что значить это наводящее ужасъ движеніе?“ очень бы шло замѣнить — „что значить это наводящая ужасъ всероссійская, поголовная порка?“ Этимъ вопросомъ совершенно исчерпывался бы весь прогрессъ Николаевскаго царствованія.

Трудно повѣрить, что эта гомерическая ерунда, безтолковый, горячечный бредъ приводилъ въ восторгъ и приводитъ теперь многихъ неглупыхъ людей; онъ даже увлекъ свою красивою формою глубокаго и трезваго мыслителя — Бѣлинскаго. Николаевская Русь, полная Коробочекъ, во всѣхъ отношеніяхъ пріятныхъ дамъ, Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичей, Маниловыхъ, Пироговыхъ, Чичиковыхъ, квартальныхъ, казнящихъ на ногтѣ вшей, какъ необгонимая тройка несется; передъ этой идеальной Русью, вытянувшись въ струнку, безъ шапокъ, благовѣрно, какъ городовые передъ

губернаторомъ стоять остальные государства. Русь съ ея крѣпостнымъ правомъ, чиновничествомъ, бѣшеннымъ абсолютизмомъ, лѣсами розокъ и палокъ несется съ дымомъ и пламенемъ черезъ пропасти, гремящіе мосты; оставшіяся назади государства испуганно лепечуть: „не молія ли это, сброшенная съ неба?“ а Русь, какъ слышала съ вышины камаринскаго, еще буйнѣе и шибче понеслась. Гоголь, въ концѣ перепуганный, наконецъ рѣшается самъ спросить ее: „Да куда же ты, матушка, такъ разносишься?“ а она, одурѣвшая, какъ жеребенокъ въ первый разъ выпущенный на лугъ, на свободу, ничего не отвѣчаетъ, а несется и несется, задравши хвостъ. Америка и Англія, косясь, униженно сторонятся отъ страшнаго урагана русскаго прогресса, который мчитси такъ, что спицы въ колесѣ прогресса превратились въ свѣтлые круги и вѣтромъ становится разорванный въ куски воздухъ.

И что дико и странно, что такой нахально цѣнный патриотизмъ проявился въ человѣкѣ, который, смѣясь сквозь слезы, вывелъ, съ „крѣпкою силою неумолимаго рѣзца,“ „всю потрясающую тину мелочей, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ,“ которыми кишала и кипитъ наша Русь. У русскихъ, даже у самыхъ умныхъ и талантливыхъ, очень рѣдко всѣ функции мозга работаютъ въ стройномъ порядкѣ; самъ Гоголь эту мысль прекрасно выразилъ, сказавъ: „на Руси устроено такъ: иной Русскій въ Бога не вѣритъ, а вѣритъ въ то, что онъ умретъ, если у него зачесется переносица; въ медицину не вѣритъ, а лечится у бабы, которая лечитъ пришептываніями и приплевками.“ Та же дикая несообразность просвѣчиваетъ и въ самомъ Гоголѣ; рядомъ съ странницами, гдѣ онъ съ глубочайшею правдивостью рисуетъ жизнь пустую, дикую, грязную, безъ отпечатка прогресса и рядомъ та же отставшая Русь, какъ Илья Пророкъ, богатырски проносится на огненной колесницѣ мимо великихъ цивилизацій и несется за нею, не догоняя, разорванный въ куски воздухъ.

Замѣтка о Писаревѣ

Ни одинъ писатель, исключая Чернышевскаго, не провелъ такъ много широкихъ, сильныхъ, плодотворныхъ идей въ наше читающее общество, какъ Писаревъ; онъ умеръ очень рано, — нѣтъ сомнѣнйя, что ему предстояла великая будущность; но трудно, почти невозможно вообразить, что, оставшись живымъ, онъ избѣжалъ бы роковой участи, не пощадившей у насъ ни одного честнаго писателя; его неперемѣнно затирало бы въ застѣнкахъ крѣпости или каторгѣ, въ самую цвѣтущую пору его дѣятельности, наше о благѣ вѣрно-подданныхъ неусыпно пекущееся правительство.

Писаревъ горячо слѣдилъ за западною мыслью, онъ былъ превосходный общественный агентъ мысли; ни одно разумное произведеніе не ускользнуло отъ него ни въ нашей, ни въ иностранной литературѣ; свѣтлый мыслитель и рѣдкій популяризаторъ, онъ свѣжо, бойко, остроумно, понятно для ребенка передавалъ свою мысль; честному, широко свободному направленію онъ не измѣнилъ нигдѣ, а такую послѣдовательность мысли отличались очень и очень немногіе изъ русскихъ писателей.

Съ непостижимымъ искусствомъ онъ проводилъ зловѣщія мысли, но загрываніе съ дубоватой цензурой, неутомимое лавированіе среди очень опасныхъ цензурныхъ отмелей принесли ему много вреда; мысль его часто заговорена очень длинными отступленіями.

Огромная придиричивость ко всякому личному чувству, порыву, стараніе быть трезвымъ въ мысли отняли у Писарева много природной, кипучей страстности, свойственной

такимъ натурамъ; отъ этого его статьи не носятъ того потрясающаго характера, который носили статьи энциклопедистовъ XVIII вѣка и современныхъ писателей: Прудона, Луи Блана, Лассалья, Гейне, Бернэ. Онъ не писалъ сокомъ своихъ нервовъ и кровью своего сердца, его слово не горитъ внутреннимъ огнемъ, въ немъ мало той страстной задумчивости, которая придаетъ такое повальное очарованіе писателю; слова, выговоренныя такимъ образомъ, оставляютъ жало въ душѣ. Добролюбовъ, не смотря на менѣе сильное умственное развитіе, теплѣ и глубже подѣйствовалъ на современное ему общество; онъ былъ сосредоточеннѣе, горичѣе и симпатичнѣе Писарева; его идеи ему доставались еще тяжеле и выливались онѣ на бумагу, окрыленные и обвѣянные жизнью. Въ блестящемъ, остроумномъ смѣхѣ Писарева вы слышите умнаго забіяку мальчика, ради эффекта передъ товарищами отщелкивающаго дурака учителя; въ Добролюбовскомъ скорбномъ смѣхѣ — незримыя міру слезы.

Но странно, что Писаревъ съ особенною нѣжностью относится къ Базарову, это его *enfant terrible*; онъ останавливается на немъ съ любовью и очень часто безконечно варьируетъ на него, перескакиваетъ на него чрезвычайно неожиданно во многихъ статьяхъ; его любовь къ Базарову напоминаетъ любовь бабушки къ испорченному внуку. Кажущійся представитель молодого поколѣнія, Базаровъ, отъ пяти и до послѣдняго атома мозга натянуть и неестественъ; Тургеневъ пыжился что-то изобразить въ немъ, напугтвувемый въ своихъ психическихъ изысканіяхъ Катковымъ и Леоновевымъ, но, къ сожалѣнію, ничего не изобразилъ; не сиранившись съ нимъ, онъ столкнулъ его ранѣе срока въ могилу — а могила очень молчалива — и именно въ то время, когда вы ждете, чтобы передъ вами выяснились способности и задача жизни героя. Молодой Базаровъ, односторонній реалистъ, долженъ былъ обнаружить свои способности въ осязаемыхъ фактахъ. Базаровъ, трезвый умъ и логика котораго очаровываютъ Писарева, соглашается стрѣляться изъ за глупости съ Павломъ Петровичемъ; поступокъ отзывается такимъ пошленькимъ романтизмомъ, что былъ бы по плечу коварнымъ героямъ Марлинскаго; гдѣ же тутъ реальное направленіе? Старый романтикъ вызываетъ его на дуэль; человекъ, цѣнящій жизнь, которую онъ можетъ посвятить на пользу людямъ, разсудилъ бы, что назначеніе человека не стрѣляться съ героями Февалей и Сю изъ за каждаго неосторожнаго звука, а работать мощно головою и руками, что дуэль — кровожадный вандализмъ, уцѣлѣвшій въ средѣ армейскихъ прапорщиковъ и конногвардейцевъ, но имъ это

простительно: ихъ жизнь по содержанію равна сну блохи и потеря одного изъ нихъ не составляетъ ровно никакой потери для общества, и, наконецъ, эти юные царскіе стражи ничего не ждутъ отъ жизни, за исключеніемъ кровавыхъ ростбифовъ и безкровныхъ камелій. Базаровъ серьезно разгрызаетъ эту драматическую пошлость; онъ стрѣляетъ въ человѣка, и послѣ, въ силу великой логики, подаетъ ему помощь; странно, что эта всеотрицающая мумія необыкновенно пошло самолюбива, отчего отрицаніе не коснулось этого завѣтнаго и темнаго уголка его мозга? Послѣ вызова на дуэль ему не мѣшало бы улізнуть, вѣдь жизнь дороже предразсудка, что стыдно бѣжать отъ одержимаго бѣлой горячкой, который, чтобы избавиться отъ васъ, готовъ убить васъ; отъ такого Браво*) и рыцарь убѣжалъ бы. Отсутствіе всякаго молодого увлеченія отталкиваетъ отъ него Одинцову, которая невольно задаетъ себѣ вопросъ: что будетъ дѣлать она съ этою живою, отлично устроенною машиною, съ засушеннымъ гербаріемъ? Базаровъ кладетъ безцеремонное табо на чудную природу, музыку, поэзію; все стоящее внѣ чрезвычайной полезности безошадно имъ отринуто; такое повальное отрицаніе отзывается старческимъ чиновничье-дѣловымъ тупоуміемъ. Если бы Базаровъ рассчитывалъ за сухую, научную, отшельническую жизнь насладиться въ небесномъ царствѣ безграничнымъ блаженствомъ, я бы извинилъ ему такой умственный аскетизмъ; но такъ какъ онъ глубоко вѣритъ, что изъ него лопухъ выростетъ, то это кажется удивительно страшнымъ. Въ силу фізіологіи и гигиены необходимо разнообразіе жизни, необходимъ отдыхъ и свѣтлыя, потрясающія минуты; наслажденіе природою, музыкою, ароматомъ цвѣтовъ, поэтической книгою, живою бесѣдою, пѣніемъ соловья, душистою, теплою, майскою ночью, такія удовольствія наполняютъ теплотою и жизнью вашу засыхающій организмъ; посвящая имъ часы вашего отдыха, вы ни у кого ничего не отымаете, не заѣдаете чужой жизни, не разрушаете чужаго счастья. Человѣкъ рядомъ съ работою мысли долженъ ловить въ жизни тѣ счастливыя минуты, которыя онъ можетъ поймать, окруженный извѣстною жизнью; добровольно отказаться отъ всего этого — обратиться въ босоногого капуцина науки.

Въ Базаровѣ мы не видимъ ни открывателя новыхъ научныхъ истинъ, ни человѣка страстно преданнаго идеѣ всеобщаго блага, ни даже особенно полезнаго дѣятеля; онъ

*) Намный убійца въ Венеціи во времена республики.

рѣзко отдѣляется отъ всего его окружающаго, но это невеликая заслуга — въ низкой комнатѣ и среди карликовъ средняго роста человѣкъ покажется гигантомъ; онъ копошится, заброшенный въ жалкую среду, въ ней онъ и умираетъ; умираетъ онъ твердо и спокойно, но способностью твердо и спокойно умереть не объясняется ничего: твердо иногда умираютъ генералы, а больше всего солдаты; геройская смерть намъ не въ диковинку и въ старомъ поколѣннн. Но многіе могутъ сказать, что онъ трудился и что этого довольно, чтобы его уважать; его можно и должно уважать, но позироваться передъ нимъ, трещать монологами, приводя его какъ лучшаго представителя сильнаго, молодаго поколѣннн — занятіе отнюдь не реальное.

Писаревъ очень часто Базарова противопоставляетъ Рудину; увлекаясь Базаровымъ, онъ критически относится къ Рудину; Рудинъ возбуждаетъ глубокое участіе. У Тургенева есть дикое противорѣчіе: онъ выдаетъ его человѣкомъ, любящимъ голову, а не сердцемъ; онъ у него робѣетъ отъ столкновенія съ дѣйствительностью — передъ пылкою, рѣшительною Натальею, передъ ея женихомъ; бросается на дѣятельность и тотчасъ же отшатывается отъ нея, и тотъ же человѣкъ умираетъ со знаменемъ въ рукѣ на парижскихъ барикадахъ! Плохо вяжется его жизнь съ этимъ необыкновеннымъ концомъ.

Смерть за святыню убѣжденій — великій пробный камень; она показываетъ, что Рудинъ сросся съ высокимъ призваніемъ пророка мученика; тутъ виденъ не робкій, отшатавающийся передъ крошечными препятствіями человѣкъ, а великій, энергическій дѣятель, умирающій за непримѣнными у себя дома убѣжденія; фразеры оканчиваютъ свою нулевую жизнь въ душинахъ деревенскихъ вертепикахъ, на теплыхъ перинахъ; тѣ, проповѣдуя свободныя убѣжденія, пресмыкаются, отроцая себѣ животы и откладывая массы жира въ мозгъ; у тѣхъ разладъ слова и жизни поразительный, тѣ не увлекаютъ своимъ краснорѣчіемъ. Поддѣлаться подъ искренность и задумчивость очень трудно; вы можете легко передразнить голосъ великаго актера, но могущественное обаяніе его игры, его силы душевной вы не передразните.

Рудинъ производитъ потрясающее впечатлѣніе своею фразою; если это такъ, то безплодное значеніе фразы теряется, она становится дѣломъ, и это вѣрный признакъ, что онъ глубоко вѣрилъ въ то, что говорилъ, и слово его не звукъ пустой, а мощная сила, которая преобразилась бы въ великія дѣла при иначе сложившейся жизни; это не Тенетиковъ, прозябающій въ омутѣ деревенскомъ, замышляющій со-

чиненіе о Россіи, которое должно охватить ее со всѣхъ сторонъ, и кончающій грызеніемъ пера и усиленнымъ апетитомъ — увалень Обломовъ съ пошленькими стремленьцами и водевильнымъ концомъ жизни.... Смерть Рудина дѣлаетъ его фразерство страшно полноувѣснымъ; онъ передѣлался на послѣдней страницѣ романа въ титана, который

„Смертью своей показалъ,
Что въ немъ сердце не робкое билось,
Что умѣлъ онъ любить.“

Рудинъ — эгоистъ въ благородномъ смыслѣ этого слова; онъ цѣнитъ свои мощныя, душевныя силы, онъ уважаетъ въ себѣ человѣка; не выносилъ онъ мелкой службы рядомъ съ ничтожными, безличными, будничными тварями, потому что глубоко сознавалъ, что онъ годенъ на великую и плодотворную дѣятельность, что онъ родился нѣсколькими столѣтіями ранѣе; ему жаль своихъ силъ, онъ страдательно мечется отъ одной мелочи жизни къ другой и очень естественно не удовлетворяется ни одною изъ нихъ... Навѣрное, ни Писаревъ, ни Добролюбовъ съ ихъ силами не удовлетворились бы дѣятельностью честнаго и благонамѣреннаго квартальнаго, добраго пѣхотнаго маіора, трудолюбиваго учителя провинціальной гимназіи. Добролюбовъ и Писаревъ часто съ желчнымъ состраданіемъ относились къ тѣмъ призрачнымъ субъектамъ, которые съ дѣтства до самаго гроба, опустивши покорно несчастныя головы, идутъ по указочкѣ гнуснаго формализма, жизнь которыхъ жиденько и умѣренно тянется, сжата и руководима чужими, неумѣлыми руками; такіе, воняющіе гнилью, автоматки, отличающіеся по службѣ, вслѣдствіе глубочайшаго отсутствія всякаго личнаго убѣжденія и необычайной эластичности позвоночнаго столба, готовы по приказанію начальства украсть и пожертвовать, спасти и изрѣзать въ куски человѣка, дать ему пищу и сожрать его, дѣйствуя чисто механически; они уживаются при всякой жизненной обстановкѣ и напоминаютъ собою тѣхъ красныхъ инфузорій, находимыхъ на снѣжныхъ вершинахъ, которые выживаютъ тамъ, гдѣ замираетъ всякая жизнь. Неужели эти волки въ овечьихъ шкурахъ, приносящіе мнимую пользу и дѣйствительный, страшный вредъ, могутъ служить примѣромъ для Рудина? Вспомните, что Рудины явились въ Николаевское царствованіе, гдѣ для честнаго человѣка заперты были семью печатями всѣ дѣятельности, всѣ выходы; честному гражданину предоставлялось на выборъ или самому пороть или ложиться подъ розги...

Рудины въ такіа славныя, свободныя времена, вынося страшныя, незаслуженныя удары судьбы, должны были скитаться, всюду проповѣдуя свои мысли, выливаться въ скорбныхъ словахъ.

Многіе могутъ сказать: „отчего онъ не въ Россіи погибъ за свои широкіе принципы?“ Но такіа требованія, не смотря на то, что они раздаются даже и теперь, всегда останутся великою, жалкою глупостью; карлики всегда злобно завидуютъ исполинамъ. Неужели нужно тратить слова, доказывая, что выступи онъ открыто, то при первомъ образованіи звука на кончикѣ языка его живымъ бы съѣла полиція, а Николай Незабвенный подписалъ бы: „быть по сему.“ Вспомните общество Петрашевскаго... Онъ былъ бы наивнѣе бабочки, кружащейся надъ огнемъ...

Дѣятельность Рудина тождественна дѣятельности Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева; ни Добролюбовъ, ни Писаревъ нигдѣ не служили; вся ихъ жизнь прошла въ пропагандѣ свѣтлыхъ убѣжденій, въ горячемъ и неутомимомъ преслѣдованіи зла, и это великое дѣло дѣлалось не съ помощью мышцъ, а съ помощью Рудинскаго слова. Рудинъ имѣетъ громадное значеніе: всюду, куда ни забрасывала его скитальческая жизнь, онъ огненнымъ словомъ пробуждалъ спящихъ, онъ воскрешалъ начинающихъ тлѣномъ пахнуть деревенскихъ лазарей; его слово пробуждаетъ въ Наталью ея дремлющія, богатая силы, онъ даетъ толчекъ Батистову; такіе люди, какъ онъ, избранные; они вливаютъ въ массы живыя силы, свѣжіе соки; они — зоря, предвѣщающая яркій день; черезъ нихъ переходятъ въ сознаніе общества истины; они явленіе законное, появленіе ихъ кроется въ самомъ сердцѣ Россіи; это свѣтлые ключи, бьющіе въ глубинѣ земли и рвущіеся наружу; изъ этихъ невидимыхъ, бурно шумящихъ источниковъ сливаются громадныя, многоводныя, могучія рѣки, несущіяся въ моря. Трудно, страшно трудно сказать, какая дѣятельность изъ всѣхъ дѣятельностей полезнѣе всего для обширнаго, разсѣяннаго государства. Молчащіе Базаровы на мѣстѣ въ абсолютно свободномъ государствѣ; у насъ же необходимы будутъ Рудины даже тогда, когда спадутъ каторжныя кандалы съ печатнаго слова; они внесутъ свѣтъ туда, куда оно никогда не проникнетъ; они помогутъ тѣмъ, для которыхъ мало печатнаго слова, которые жаждутъ живаго человѣка съ потрясающимъ словомъ. Рудины съютъ сѣмя, изъ котораго тихо, невидимо для глазъ, вырастаетъ тотъ питательный, дающій здоровье и силы плодъ, которымъ должны питаться массы; оцѣнить, взвѣсить эту неосознаемую работу труднѣе, чѣмъ физическую. Если Рудинъ фразеръ, то, идя

последовательно, придешь къ тому грустному выводу, что Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ — фразеры; придется растоптать всѣ великія литературныя имена, всѣхъ, безъ исключенія, титановъ слова. Исусъ является жалкимъ фразеромъ; онъ не занималъ никакой должности, не шилъ обуви, не работалъ поденичкомъ, не обработывалъ земли; онъ всю жизнь проповѣдывалъ высокія мысли, на площадяхъ онъ говорилъ только слова и слова, погибъ онъ тоже со знаменемъ духовной свободы на іерусалимскихъ баррикадахъ.

Добролюбовъ

„Вѣчный врагъ всего живаго,
Гупоумень, дикъ и золь,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчетъ произволь.

* * *

И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба.

. . . . .

* * *

Жаждой правды изнывая,
Въ темномъ царствѣ лжи и зла,
Жизнь зачахла молодая,
Гнега не спесла...“

I.

Въ нашей литературѣ не много бойцевъ сильныхъ, непоколебимыхъ, умершихъ въ бою; крупно и рѣзко изъ всей массы писателей, критически относящихся ко всему пошлomu и злomu, выдѣляются личности: Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева; есть еще имена, которые рѣзче и оконченнѣе проводили свои идеи, но эти люди находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ для своихъ идей; они были окружены другою свѣтлою атмосферою, да и другими средствами для своихъ грозныхъ обличеній. Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ были поставлены въ не совѣмъ благоприятную обстановку для своей дѣятельности;

трудно полною грудью дышать въ собачьей пещерѣ—современной имъ и намъ жизни. Жизнь всегда кишала и кишитъ ничтожными, жиденькими на расправу людипками, которые думаютъ, но, къ сожалѣнію, никогда не додумываютъ; не будь молодого поколѣнія, съ жадностью воспринимающаго всякую идею, полную новизны, честности и борьбы со зломъ, не будь этой выкупающей стороны, никакихъ бы силъ не хватило, плечи Атланта не вынесли бы этого страшно тяжелаго міра ничтожества, несочувствія, злобы и пустоты. Девизъ всей огненной, беспощадной, неустойчивой дѣятельности Бѣлинскаго — слова спартанской матери къ сыну, надѣвая щитъ, она говорила: „или съ нимъ, или на немъ“; какъ ни грустно, а дѣятельность Бѣлинскаго кончилась не торжествующимъ возвращеніемъ назадъ, „не съ нимъ, а на немъ.“ Добролюбовъ, защищаясь до послѣднихъ силъ, со всѣмъ отчаяніемъ храбрости, палъ покрытый щитомъ. Оба гладиатора мысли сошли съ своей арены въ пустую могилу, изнеможенные, усталые, съ болѣзненно сжатой грудью и не въ старости, а въ годахъ, когда мысль еще глубже зрѣетъ въ сердечной глубинѣ и человѣкъ еще горячѣе срастается съ своимъ мученическимъ призваніемъ. Стальной мозгъ и стальные нервы не вынесли бы постоянного напряженія, безостановочной, мелкой борьбы, миллионъ острыхъ, отравленныхъ булавокъ, которыя тихо, чуть слышно вползали въ живое мясо. Трагическою простотою звучатъ слова Добролюбова:

„Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.“

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою
И тебя благословляю,
Шествую тою же стезею.“

Эта лебединая пѣсня дышетъ скорбною простотою, въ ней Добролюбовъ подымается до поэтической простоты первыхъ христіанскихъ мучениковъ; онъ умираетъ оттого, что честенъ, но онъ спокоенъ душою и благославляетъ идти этимъ свѣтлымъ путемъ всякаго, въ комъ зрѣетъ душа человѣка. Христіане въ когтяхъ разъяреннаго льва шептали слова любви и прощенія врагамъ. Свѣтлый путь, завѣщанный Добролюбовымъ, привелъ Чернышевскаго въ Сибирь; въ холодъ и мракъ Сибири погибнуть его великія силы на благое. Безконечно ужасна та жизнь, среди которой могутъ

вырваться такіа погребальныя строки; хороша та обстановка, гдѣ изнуренный, изувѣченный жизнью человѣкъ говоритъ, что онъ умираетъ оттого, что онъ былъ честенъ! Какой живой урокъ тѣмъ манюсенъкимъ либеральчикамъ, которые думаютъ, что пропаганда честныхъ убѣжденій легка, что это можно дѣлать, какъ вино пить, или какъ женщину обнимать. Нѣтъ, путь безъ свертковъ, безъ оборачиваній назадъ куда не легкокъ! Это путь къ кладу, гдѣ со всѣхъ сторонъ гремятъ страшныя заклинанія, а по бокамъ возникаютъ чудовищныя, отвратительныя образы, оглянешься и пропаль... Этимъ путемъ начинали идти многіе, но немногіе до конца доходили; иныхъ жесткость и колючесть этого пути ужаснула, иныхъ обольстительныя призраки втянули въ свои призрачныя объятія, иныхъ страшная даль испугала. Во всей дѣятельности Добролюбова проглядываетъ довольно крупная черта, не будъ ея и давно бы Добролюбовъ попаль:

„Въ снѣжныя сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.“

Его спасло постоянное и осторожное лавированіе среди страшныхъ и острыхъ какъ иголки скалъ; безъ этого лавирования, замаскировыванія своихъ идей не могъ существовать писатель, подобный Добролюбову; не развѣй онъ въ себѣ глубоко утонченной діалектики, ему пришлось бы бѣжать изъ Россіи и не удалось бы ему принести той пользы, которую онъ принесъ, оставаясь въ ней. Но не всякій умѣетъ читать, не всякій умѣетъ разбросанныя, тщательно закутанныя идеи понять.

Разбирая сочиненія Добролюбова, можно положительно сказать, что онъ вовсе не былъ изъ робкихъ; если бъ онъ это считалъ болѣе полезнымъ, онъ съумѣлъ бы провести свои идеи такъ, что у сѣдыхъ, сморщенныхъ министровъ и сенаторовъ—лакеевъ гнета и изувѣрства, морозъ продралъ бы отъ пяты и до сѣдой, плѣшивой, пустой макушки; но одинъ такой порывъ, и его не стало бъ... Солнечный лучъ пробилъ всюду нависшія, свинцовыя тучи, сверкнулъ мощнымъ, горячимъ свѣтомъ!... и снова давяція тучи и безразсвѣтныя сумерки... Начинъ рѣшительно—погибель немедленная—борьба прикрытая, но конецъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же; дикая жизнь разыграла надъ нимъ роль палача съ тою разницею, что идя медленнымъ путемъ, чтобы больше излить изъ себя мучительно накипѣвшаго, онъ день за днемъ отдавалъ свои силы, свою жизнь; окружающая жизнь, если не сразу, то медленно и послѣдовательно, все таки пожирала

его плоть и кровь, пока жизнь стала невозможна. Гейне говоритъ, что политическую идею слѣдуетъ обходить, какъ бѣшенную собаку; Добролюбовъ поступалъ иначе: онъ не обѣгалъ ее, онъ какъ индѣйскій фокусникъ игралъ кинжалами, не боясь проколоть себѣ обнаженную грудь; онъ умѣлъ концы хоронить; при своей безукоризненной, твердой какъ сталь логикѣ, онъ долженъ былъ или недоговаривать мысли до конца, или же презрительно заигривая съ нашей подслѣповатой и дубоватой цензурой, подсовывать ей, ея же запрещенныя мысли. Вспомните процессъ Даламбера, заключительную страницу этой статьи, все дѣло — въ подтасовкѣ лицъ и событій, чтобы провести задуманную мысль. Прочтите критическую статью о Бокѣ „о здоровомъ и больномъ человѣкѣ“; строго онъ доводитъ ученіе о силѣ и матеріи до полного отрицанія души, какъ нѣчто отдѣльно существующее, а это важный пунктъ, затемняющій головы многихъ, — стихи „Благодѣтель,“ гдѣ глубоко и остроумно онъ возстаетъ противъ вѣры въ Бога, какъ въ личность, всюду вмѣшивающуюся и отъ которой зависятъ счастье и невзгоды цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Прочтите критическую оцѣнку событій надъ г-жею Артамоновой, т. е. ея изцѣленіе Николаемъ чудотворцемъ; какъ бы поступилъ другой, поставленный на его мѣсто? Прочтя, что эту монументальную дребедень подписали четыре статскихъ совѣтника и доктора (охъ ужъ эти статскіе и тайные совѣтники), каждый разразился бы пылающими эпитафиями противъ такого крегнизма; глубокое самообладаніе и тутъ не покидаетъ Добролюбова; онъ сознается очень мягко, что событіе не такъ важно, какъ интересно то, что подъ него подписались такіе и такіе-то субъекты; онъ отдаетъ ихъ на судъ публикѣ, другими словами—говорить: „Добродѣтельные сограждане любуйтесь, вотъ вамъ пышные плоды университетскаго образованія!... вотъ вамъ реальное направленіе медиковъ! Одного не достаетъ—назначить профессора Рклицкаго (имя котораго сіяетъ лучезарнымъ блескомъ въ удостовѣреніи чудесъ, свершившихся надъ г-жею Артамоновой) еще профессоромъ физики и физиологіи и заставить его читать лекціи о матеріи и силѣ.

Прочтите „Когда же придетъ настоящій день?“ Какою подавляющею душою тоскою отзывается эта статья въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что могучія силы у насъ сгораютъ въ бесплодной, пока еще, мелкой борьбѣ и какъ вдохновенно онъ пророчествуетъ явленіе сильныхъ дѣятелей въ скоромъ будущемъ; вспомните заключительныя слова о Тургеневскомъ „Наканунѣ“: „Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! и во

всякомъ скучаѣ канунъ не далека отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая нибудь ночь раздѣляетъ ихъ.“ Въ этой статьѣ и во многихъ другихъ онъ не разъ повторялъ, что у насъ открытой борьбы быть не можетъ, иначе капутъ!... Да, это правда, всякому человѣку въ Россіи, въ непуточномъ значеніи этого слова, можно быть только по секрету, по-потомъ и то не на долго; разъ столкнулся съ дѣйствительностью, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, сказалъ ей правду и наступаетъ переходъ въ другую жизнь, не въ полную смерть, а въ ту пытку на медленномъ огнѣ, которая неизмѣримо хуже смерти.

Прочтите статью о сочиненіяхъ Марка Вовчка, гдѣ онъ разбираетъ Ефима „Въ купеческой дочкѣ“, личность дѣйствительно могучую, мстительную, ужасную и посмотрите, какъ онъ злобѣще, пророчески смотритъ на проявленіе подобныхъ людей въ народныхъ массахъ съ такими безконечными силами на злое; его увлеченіе переходитъ границы, — подобная личность исключительна — онъ не былъ знакомъ съ жизнью крестьянина, развращеннаго тысячелѣтнимъ рабствомъ, онъ съ воловьимъ терпѣніемъ вляпалъ ярмо; не будь эта личность исключительная, развѣ былъ бы возможенъ на минуту такой фантастически ужасный порядокъ вещей? Развѣ такіе гордые, неодолимые, ни передъ чѣмъ не преклоняющіеся люди, какъ Ефимъ, выдержали бы на своихъ плечахъ невыносимую тяжесть палача-царя и палачей-помѣщиковъ? А статья „О правилахъ жизни Дымана“, что онъ сулитъ тому, кто логично пойдетъ тою стезею, которая его въ раннюю могилу свела; сколько веселенькихъ пейзажиковъ повстрѣчаетъ на своемъ пути подобная личность; какой мрачный конецъ ждетъ такого мученика мысли, но не смотря на это, вездѣ у него сквозитъ мысль: „всякій долженъ бороться со зломъ настолько, насколько хватитъ силъ, неустанно, до самой могилы.“ Въ XVIII вѣкѣ наплывъ идей уничтожилъ утѣшающія пытки въ судахъ; идеи погасили костры фанатизма, распатали государственный строй въ цѣлой Европѣ, сверху до низу, и влили тотъ невидимый огонь въ жизнь, который скоро вспыхнетъ страшнымъ, всемірнымъ пожаромъ и въ этомъ очистительномъ огнѣ погибнетъ болѣе чѣмъ нелѣпный, болѣе чѣмъ безумный, современный намъ государственный строй.

II.

„И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба.“

Во всей дѣятельности Добролюбова живымъ ключемъ бьетъ горячая, глубокая любовь къ людямъ; всѣ идеи, обнаруживающія эти чувства, у него чрезвычайно закончены. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой любви, я долженъ сказать, какъ я понимаю любовь къ человѣчеству; ее до этихъ поръ, послѣ безчисленныхъ объясненій, смѣшиваютъ съ любовью къ своему родному, насколько это позволяютъ географическія границы, и даже эта односторонняя поддѣлка подъ любовь выражалась въ жалкихъ формахъ и принесла вредъ народу.

Нѣкоторые наивные дѣти не перестаютъ думать, что любить народъ—значить: стоя на ходуляхъ, позироваться передъ нимъ, по питейнымъ домамъ обниматься съ нимъ, интимничать съ нимъ, называть его нѣжнѣйшими эпитетами, кокетничать съ нимъ, выводя его въ дрябленькихъ повѣстяхъ—которыя во вѣки вѣковъ не дойдутъ до него—титаномъ, который однимъ протираніемъ заспанныхъ очей производитъ всемірное землетрясеніе; такая любовь—профанація любви; подобная галиматья не вливаетъ ни одной свѣжей, трезвой мысли въ массы, не дѣлаетъ, рѣжуцій горло, собачій ошейникъ болѣе слабымъ. Статьи и повѣсти, лисящія къ народу, дѣлали ему вредъ; правительство дремало, убаюкиваемое сладкою вѣрою въ могущество народное; нѣтъ сомнѣнія, что его радовало это могущество съ финансовой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія неистощимыхъ податей. И въ это самое время, когда народу пѣли восторженные гимны, онъ задыхался въ гнетѣ, непокрытой нищетѣ и невѣжествѣ, умиралъ нравственно и умственно, перерождаясь въ нѣкоторыхъ глухихъ деревенскихъ вертепахъ въ кретиновъ и орантъ-утанговъ.

Любовь ко всему отечественному пахнетъ географическими перегородочками, казенными таможнямы; чувство это тогда могущественно, когда оно не знаетъ заставъ и распространяется на все человѣчество; любовь ко всему человѣ-

честву не похожа на любовь одного человѣка къ другому, вытекающая изъ взаимныхъ симпатій, вѣрованій, могущая существовать только при полномъ умственномъ и нравственномъ равенствѣ.

Мы любимъ людей неразборчивою любовью en masse, не смотря на все различіе образованія, стремленій, надеждъ, не смотря на бездонную пропасть, лежащую между человѣкомъ, ни передъ чѣмъ не клонящимъ головы и копошащимся рабомъ и несчастнымъ невѣждою. Странное это чувство! оно загорается въ груди у ребенка и постепенно разгораясь, вѣдряясь все глубже, ово ложится съ человѣкомъ въ могилу. Любовь эта чутка къ человѣческимъ радостямъ, но она безконечно чувствительнѣе къ человѣческому горю. Болѣзненно отзываются въ нашей душѣ: скорбный вопль голоднаго пролетарія, несущійся изъ заросшихъ плѣсенью, холодныхъ, мрачныхъ подваловъ Лондона; хриплое стенаніе рудокоповъ, работающихъ изъ за куска хлѣба, среди вѣчной ночи, въ опасныхъ подземельяхъ; звонъ тяжелыхъ цѣпей каторжниковъ — печальныхъ жертвъ уродливой жизни, вытягивающихъ себѣ жилы при 40° морозѣ въ Сибири; кровавыя слезы, пролпваемые въ той же Сибири — мучениками свободы. Унылая, въ стонѣ переходящая пѣснь пахаря, когда заросшею мозолями рукою, онъ за истощенною, голодною клячею тащитъ плугъ, дерущій истощенную, жалкую землю; жалобный лепетъ подунагихъ, голодныхъ дѣтей, у которыхъ впереди до самой могилы бесплодный трудъ и безплодное горе; плачь матерей, у которыхъ отняли дѣтей и вышвырнули ихъ, какъ вонючую падлу на съѣденіе дикой войнѣ; истерическіе вопли пронзенныхъ пулями, исковерканныхъ разрывными гранатами; глухія проклятія убѣгающихъ отъ царей переселенцевъ, переплывающихъ океаны на зараженныхъ корабляхъ; унылое воркованіе негрятинки, у которой еще теперь на ея родинѣ отымаютъ дѣтей на продажу. Горючія пересыхающія слезы покорно склонившей уставшую головку труженицы-швеи; безмолвная грусть дѣвушки, сходящей въ могилу съ разбитою жизнью и неудовлетворенными стремленіями къ освобожденію. Везыходность индѣйца, раздавленнаго промышленнымъ гениемъ англичанина, и еще болѣе тяжкая безвыходность всего честнаго и прекраснаго въ нашемъ любезномъ отечествѣ; баснословное вымираніе кроткихъ, способныхъ племенъ на островахъ Тихаго океана отъ сопркосовенія съ цивилизованными христіанами. Всѣ безчисленныя страданія несчастнаго человѣчества невольно рвутъ нашу душу и вызываютъ горячее состраданіе. Вопли голодающихъ, стоны придавленныхъ, лязгъ цѣпей, скрежетъ зубовъ, рыданія разда-

ются не въ одномъ нашемъ печальномъ отечествѣ, а по всему земному шару, во всю его ширину, отъ полюса и до полюса. Эта эпидемія не знаетъ преградъ; морозы ее не убиваютъ, бури не сдуваютъ, не приостанавливаютъ бдительныя таможни; передъ нею безсильна медицина и даже христіанство, сзывающее со всѣхъ концовъ земли всѣхъ нуждающихся и обремененныхъ для тихаго успокоенія; она царски могущественна и также звѣрски глухо безжалостна; замираетъ она тамъ, гдѣ замираетъ эхо человѣческой жизни; неизвѣстно, какія мрачныя силы породили ее и когда она исчезнетъ. Человѣческій умъ открылъ способы узнавать вѣсъ и объемъ невидимыхъ глазу звѣздъ; очень много изъ области таинственнаго перестало быть для него тайною; онъ измѣрилъ землю и измѣряетъ небо, но онъ не сдумѣлъ и никогда не сдумѣетъ измѣрить свое безграничное, пережитое и переживаемое горе; не свѣсилъ и не свѣситъ свой кровавый потъ, вѣчныя слезы и вѣчно даромъ текущую кровь!...

Любовь, не сжатая тѣсными заборчиками, вырабатываетъ тѣхъ, непросящихъ пощады, великихъ бойцовъ, которые съ знаменемъ свободы въ рукахъ, отбросивъ предрасудокъ національности, погибаютъ на баррикадахъ Парижа, въ красной рубашкѣ Гарибальдійца, и которые одинаково горячо защищаютъ всѣхъ безъ исключенія людей, въ силу того всеобъемлющаго принципа, что все несправедливое должно встрѣчать отпоръ. Но пусть читатель не сдѣлаетъ ложнаго вывода, что я ставлю состраданіе къ австралійскому парю на одну степень съ состраданіемъ русскаго къ русскимъ; перечнемъ страданій я хотѣлъ показать, что люди, любящіе человѣчество въ извѣстныхъ границахъ, горячая любовь которыхъ можетъ неожиданно оборваться въ Ейдкуненѣ, что такіе ипалуны-патріотики, если вникнуть въ ихъ любовныя порывы, окажутся безсердечными болтунами, очень подозрительно любящими свое отечество; не любя горячо всѣхъ людей, нельзя ихъ любить въ извѣстныхъ рамочкахъ. Если человѣческое страданіе скорбно волнуетъ мою душу, то я не въ состояніи потерять эту способность чувствовать, перешагнувъ географическую линейку; но самую сильную любовь и самое сильное состраданіе невольно возбуждаетъ родина: я съ нею связанъ языкомъ, моими индивидуальными особенностями и, наконецъ, она, моя бѣдная родина, несчастнѣе всѣхъ на европейскомъ континентѣ; она только недавно освободилась изъ позорнаго рабства, но корни его еще не перегнили въ русской землѣ. Нигдѣ такъ не подавленъ и не обезсмысленъ человѣкъ, какъ въ Россіи; нигдѣ рука дикаго произвола не

загребаетъ столько невинныхъ жертвъ, какъ въ нашемъ нѣмомъ отечествѣ; это отечество, несознательно, цѣною труда и лишеній дало мнѣ, принадлежащему къ обезпеченному меньшинству, возможность безбѣднаго, независимаго существованія; у кого есть искра человѣческой души изъ этого меньшинства, долженъ „зажить долгъ“ поработенному народу, онъ долженъ честно служить ему; наше время выдвинуло много задачъ, исполнивъ которыя мы доблестно уплатимъ долгъ вскормившему насъ народу.

Глубокую любовь питалъ Добролюбовъ ко всѣмъ бѣднымъ, угнетеннымъ, обойденнымъ жизнью; онъ подымалъ первый голосъ въ защиту слабого и притѣсненнаго; умирая, онъ завѣщалъ идти этою стезею каждому. Добролюбовъ, критикуя сочиненія Соллогуба, впадаетъ въ крайность; въ глубоко увлекающейся статьѣ Бѣлинскаго „Тарантасъ“ онъ видитъ иронію, словомъ дѣлаетъ *tonc de force*, чтобы растоптать Соллогуба; все дѣло въ томъ, что Соллогубъ былъ аристократикъ, ни одною строкою не выказавшій сочувствія къ несчастнымъ; во всѣхъ его романахъ вы видите дрянненькую салонную жизнь, которую онъ по временамъ яро бичуетъ, но она не стоила даже пучка свѣжихъ розокъ. И это дѣлалось въ то время, когда народъ задыхался въ рабствѣ и начиналъ уже во многихъ мѣстахъ жечь помѣщиковъ; въ то время, когда безчисленные, глубокіе, живые вопросы стояли на очереди; это невольно заставляетъ Добролюбова глубоко презирать его. Также вспомните его строгій отзывъ о Пушкинѣ, который, имѣя такой громадный талантъ, такъ бѣдно подѣйствовалъ имъ на общество, излившись въ сладко нѣжныхъ звукахъ; жалко такихъ людей; держи эти временные идолы въ своихъ рукахъ истину, будь она доступна имъ со всею полнотою, сколько бы они свѣтлаго могли провести въ общество, облекши честную, великую мысль въ дивныя формы; нѣтъ, иначе распорядились наши поэты - эпикурейцы: Пушкинъ былъ Поганини своего времени; онъ владѣлъ тайною божественной музыки, его поэзія—таинственная, прекрасная греза, прелестные арабески, гирлянды цестрыхъ, красивыхъ, пахучихъ цвѣтовъ; но поблѣкнуть розы, сладкое обаяніе звуковъ исчезнетъ и наступитъ вѣчное забвеніе; отъ него не спасутъ никакіе нерукотворные памятники, къ нему заростетъ непроходимо народная трона. Намъ дорогъ тотъ, кто не даетъ дремать мысли, кто волнуетъ ее, тревожить, заставляетъ мучиться; нѣжные звуки, раздражая нервы, утомляютъ, возбуждаютъ, но толчка впередъ не даютъ, а это главное; всякая честная, свободная, серьезная мысль будить человѣка, заставляетъ его мучительно задумываться

надъ окружающею жизнью и надъ собою, а этого недоставало Пушкину: эгоизмъ, довольство окружающимъ были у него огромны; запрещенныя его стихотворенія были неясныя, мимолетныя стремленія къ свѣту; но ихъ такъ немного, такъ онѣ бѣдны мыслью, такъ безтолково неясны, что не стоятъ упоминанія; три четверти изъ нихъ — сальности, въ духѣ Баркова... а тутъ еще примѣшался камергерскій мундиръ!... Не золотые — позорные мундиры выпадали у насъ на долю честныхъ писателей, а терновые вѣнцы и полупудовыя желѣзныя цѣпи! Онъ служилъ изолированному искусству и служеніе это было такъ же мизерно, какъ служеніе поповъ Богу; очи великаго Пушкина не были такъ зорки, какъ очи испуганной орлицы; языкъ его не былъ жало мудрыя змѣи, а сердце — горящій уголь; онъ не жегъ сердца людей, а приятно щекоталъ нервы и мозжечекъ; онъ плодилъ лирическіе восторги и помѣщиковъ Маниловыхъ; отъ его слова не стыла кровь въ жилахъ, не пробуждался испуганно отъ опьяняющихъ грезъ палачъ; помѣщики могли имъ наслаждаться безтрепетно, они могли имъ зачитываться и въ то же время мѣнять дѣвокъ на борзыхъ щенковъ, запаривать до смерти своихъ лакеевъ, вытягивать ставшій ребромъ послѣдній грошъ у раздавленнаго крестьянина. Паѳосъ Пушкина, столь необузданно воспѣтый Бѣлинскимъ, могъ идти весьма дружескою рукою въ руку съ крѣпостнымъ палачествомъ, бѣшеннымъ деспотизмомъ, трусливою, глупою низостью.

Многіе защитники Пушкина произносятъ глубокомысленную фразу: „Пушкина нельзя выбросить изъ исторіи развитія нашего общества, имъ жило общество 40 годовъ“; это все равно, что кто нибудь сказалъ бы: „шампанское вдовы Кликко, бывшее особенно въ модѣ въ такихъ-то годахъ, нельзя выбросить изъ исторіи умственнаго развитія нашего общества“; какъ ни крайне покажется такое сравненіе, оно справедливо; развѣ шампанское не возбуждало въ пирующихъ 40 и даже 50 годовъ возвышенныхъ и въ то же время и невинѣйшихъ мечтаній, блестящихъ остротъ, бездонныхъ философскихъ преній? Жалки были тѣ болтуны, которые жили такъ долго красивыми галлюцинаціями; жалки тѣ паразиты, которые набиваніе своего брюха и половое раздраженіе возводили въ сознательную, человѣческую жизнь. Съ современнымъ, дѣйствительно честнымъ и великимъ писателемъ не уживутся въ ладу дрябленькіе романтики; они или трусливо съезжата передъ его мощнымъ, отрицающимъ словомъ, или же глубоко возненавидятъ его, втихомолку отплеиваясь и открещиваясь отъ него, какъ бы ни была дивно художественна форма его созданій. Современный намъ чест-

ный писатель безстрашно произносить: „Кто не за меня, тотъ противъ меня“; кумовства и примиренія тутъ быть не можетъ; ни въ своихъ произведеніяхъ, ни въ своей жизни онъ не умѣетъ склонять головы ни передъ общимъ кумиромъ, ни передъ частными кумирами; честнымъ и широко развитымъ человѣкомъ онъ остается всегда, тогда какъ Пушкинъ и прочіе той же категоріи поэты дѣлаются получестными и полуразвитыми только во время рѣдкихъ и краткихъ святыхъ минутъ вдохновенія, когда ихъ слишкомъ не въ моготу расшевелить божественный глаголь; въ остальное слишкомъ продолжительное время ихъ жизни они—безалаберные, безхарактерные лакеишки, а по сознанію самаго Пушкина:—они ничтожнѣе самаго ничтожества, другими словами—такая дрянь, что и вообразить трудно.....

А Гоголь, начавшій враждою съ дѣйствительностью и кончившій гнуснымъ холопствомъ, поповскою религіозностью, старушечьимъ ханжествомъ, и сколько такихъ! Это наши литературные великаны!..

Многіе скажутъ, что вліяніе Добролюбова отразилось только на молодежи; тѣмъ лучше для молодежи и тѣмъ хуже для тѣхъ почтенныхъ старцевъ—молюсокъ канцеляріи, апостоловъ официальной серьезности. Но рано или поздно его идеи живительною волною вольются въ жизнь, прокрадутся въ такіе темные, жестяные черепа, гдѣ царилъ абсолютный мракъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ проглядываетъ его глубоко любящая, глубоко гуманная и вѣчно борющаяся личность; вспомните „Темное царство“, „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, критику на Полежаева и большую часть его статей, и вы увидите, какъ разнообразны были формы борьбы; она не затихаетъ нигдѣ и всюду много, очень много логики; вопросъ осмотрѣнь со всѣхъ сторонъ, высмотрѣнь всѣхъ черточки, затемняющія бѣлый фонъ, и только послѣ глубокаго анализированія онъ берется за предметъ; навѣрное, изъ читавшихъ его, каждый помнитъ его привычку всегда сначала говорить: „что многіе, можетъ быть, посмотрятъ такъ“ или „многимъ это покажется такъ“ и когда уже разсмотрѣны всѣ mogućія возникнутъ противорѣчія, тогда только начинается твердое и ясное выговариваніе мысли. У него не найдете такихъ противорѣчій, какъ у Бѣлинскаго, который рядомъ съ задушевными, широкими статьями пишетъ такую грязную статейку, какъ „Бородинская годовщина“, гдѣ онъ поетъ гимнъ императорамъ, приводя монологи изъ Ричарда, котораго онъ не пональ. Шекспиръ въ Ричардѣ II выводитъ короля XIV вѣка, минувшихъ, невозвратныхъ дней, вѣрующаго искренно, что рука изъ костей и крови, прикоснувшись къ

коронѣ, свершаетъ безумное святотатство ; что ангелы, плающіе гнѣвомъ, съ огненными мечами мести, явятся къ его услугамъ, и вся Англія обогрится кровью, превратится въ кладбище за такое дерзкое посяганіе на величавое тѣло короля ; сходя на судъ, онъ говоритъ : „Я Фатонъ — сынъ солнца, несправившійся съ бѣшенными, огненными конями.“ Монологи его передъ судомъ Волинброка ужасны своею глубочайшею искренностью ; въ его словахъ клокочетъ гнѣвъ боговъ олимпійскихъ, блестятъ пропитанные слезами и ядомъ сарказмы, необузданная вѣра въ свое божественное, ненарушимое могущество ; онъ собственными слезами смываетъ помазаніе, собственными руками отдаетъ корону, собственнымъ дыханіемъ разрѣшаетъ отъ всѣхъ обязанностей и уставовъ ; въ темницѣ, развѣнчаннй, истерзаннй, онъ остается до послѣдняго дыханія жизни королемъ отъ головы до пятокъ ; онъ говоритъ своему убійцѣ Экстону : „твоя жестокая рука обогрела землю короля его королевскою кровью.“ Но заблужденія живутъ не вѣчно ; въ одинъ прекрасный полдень палачъ показалъ англійскому народу окровавленную голову короля Карла Стюарта I со словами : „это голова измѣнника.“ Послѣ этого достопамятнаго дня, Ричарды II отошли въ область тѣней, стали глупою сказкою ; ударъ топора разсѣялъ дикую тысячелѣтнюю иллюзію, народъ и короли очень сильно усомнились въ божественномъ помазаніи. Такіе императорскіе призраки могли существовать и не быть смѣшными только въ такое призрачное время. Папы, вѣрующіе въ свое грозное, непогрѣшимое могущество, уцѣлѣли только въ портретахъ Рафаэля, въ палатцѣ Урфици во Флоренціи, а короли — въ трагедіяхъ Шекспира, — въ наше время это дикій анахронизмъ ; типъ подобныхъ царей и папъ отложился въ слѣп, чтобы уже никогда не воскреснуть къ жизни ; эти ихтиозавры были взбѣсившіеся фанатики, недостатокъ которыхъ состоялъ въ томъ, что они стояли въ уровень съ своимъ временемъ, которое грязнуло и киснуло въ варварствѣ и наибезобразнѣйшихъ предрасудкахъ. Современные цари и папы прямо ловкіе карманщики, отчаянные жулики ; они дрожатъ за свое существованіе, они знаютъ себѣ цѣну, они даже скверные актеры, но кажутся хорошими, потому что публика черезъ чуръ глупа и невзыскательна. Шекспиръ, какъ величайшій психіатръ, вывелъ Ричарда II. Бѣлинскій съ легкой руки подтасовалъ къ нему вообще императора. Если бы онъ послѣ съ отвращеніемъ не относился къ этой статьѣ, она запятнала бы всю его литературную дѣятельность, заставила заподозрить въ немъ неумѣющаго связать двухъ мыслей человѣка или же навела на мысль, что онъ написалъ ее въ

сумасшедшемъ домѣ, во время самаго злостнаго припадка временнаго сумашествія. У Добролюбова нѣтъ такихъ промаховъ. Не знаю, чѣмъ бы кончили Добролюбовъ, проживши долѣе; можетъ быть, ему стало бы не въ мочь постоянное укорачиваніе своихъ порывовъ и онъ развернулъ бы на вольномъ, ясномъ просторѣ гигантскимъ размахомъ свои мощныя орлиныя крылья; онъ умеръ очень и очень рано; онъ сѣзидъ себя для пользы другихъ, самъ надѣлъ на себя желѣзныя вериги, которыя съ терпѣніемъ первыхъ христіанъ не снималъ всю жизнь; такая горькая жертва пойдетъ ему въ великую заслугу.

Нѣкоторые упрекаютъ его въ недостаточности точныхъ взглядовъ на искусство, приводя въ примѣръ Бѣлинскаго, который часто любилъ останавливаться на такихъ опредѣленіяхъ; но это его достоинство, а отнюдь не недостатокъ. Критика, идя впередъ, непремѣнно должна была оставить за собою это покушеніе вдвинуть искусство въ вѣчно недвижныя рамки; темная философія Гегеля должна была уступить мѣсто новой эмпирической философіи, построенной на опытѣ и наблюденіи, которая опирается на естественныя науки и немислима безъ нихъ. Бѣлинскій часто бывалъ теменъ, пускаясь въ таинственныя отвлеченности; онъ становился пророкомъ, выѣзжающимъ на огненности и неточности своихъ опредѣленій. Добролюбовъ ближе стоялъ къ дѣйствительности, опредѣленія его были проще, яснѣе и вовсе не лишены глубины; утонченное же пониманіе всего хорошаго и свѣтлаго, глубочайшее увлеченіе всѣмъ хорошимъ у него были огромны; вспомните критику на „Наканунъ,“ гдѣ, увлекаясь лучшими мѣстами романа, онъ впадаетъ въ такую яркую, блестящую чудными переливами поэзію, что далеко оставляетъ за собою Тургенева съ его поэтическими красотами. Говоря о стихотвореніяхъ Языкова, онъ указываетъ съ ироніею на то, что всѣ поэты Пушкинской школы куда-то стремились, въ какую-то блаженную страну, „тамъ за далью непогоды.“ Стремленіе къ этой блаженной странѣ до Пушкина, во время Пушкина, словомъ, во всѣ времена, а въ особенности душныя, было любимую мечтою поэтовъ, всѣхъ бойцовъ мысли. Одно изъ лучшихъ, задушевныхъ стихотвореній Добролюбова производитъ мучительное впечатлѣніе своимъ отчаяннымъ стремленіемъ къ этой блаженной странѣ, „за далью непогоды.“

„Бурнаго моря сердитыя волны
Что такъ влечетъ меня къ вамъ?
Я вѣдь не брошусь отвагою полный
На встрѣчу сердитымъ волнамъ?
Грудью могучей, сильной рукою

Не разсѣку я волны,
Не поплыву искать подъ грозою
Обѣтованной страны...
Край мой желанный, любимый мной свято
Тамъ, гдѣ волна улеглась
Тамъ далеко, гдѣ спускаясь куда-то,
Море уходитъ изъ глазъ,
Мнѣ не доплыть до страны той счастливой
Средь этихъ яростныхъ волвъ...
Что же стою я, боецъ боязливый,
Жаднымъ волненіемъ полнъ?
Такъ бы и кинулся въ ярое море
Въ бой бы съ волнами вступилъ...
Кажется въ этомъ самомъ просторѣ
Взялъ бы отвати и силъ...“

Несчастные русскіе, посвятившіе себя на упорную борьбу со зломъ, не доплывали до страны той счастливой; большею частью они доплывали до Петропавловской крѣпости, да до страшной Сибири. „Такъ ведущее насъ провидѣніе указало.“ Это была обѣтованная страна для лучшихъ русскихъ; въ глуши Сибири загикала борьба и замолкали проклятія. Самъ Добролюбовъ остановился у берега, жаднымъ волненіемъ полнъ; борясь всю свою грустную жизнь съ цѣлымъ моремъ золь, неправдъ, угнетеній, онъ успокоился въ холодѣ и тишинѣ своей ранней могилы; благо, что умеръ на собственной постелѣ, а не былъ съѣденъ заживо крысами въ Петропавловскомъ подвалѣ! Окружающая ихъ жизнь не походила на разъяренное море, а на мертвый штиль въ океанѣ:—солнце палить нестерпимо ярко, лучи жгутъ, кругомъ душно, воздухъ и океанъ застыли, ни тучки въ небѣ, ни легкаго дуновенія на цѣломъ океанѣ; кажется, ничего нѣтъ, но руки матросовъ опускаются въ отчаяніи; паруса повисли, какъ бѣлые саваны; все гниетъ; послѣднія, живительныя капли воды испаряются, смерть идетъ отовсюду медленно, но неотразимо; жертвамъ нѣкуда бѣжать, нѣкуда рвануться. Буря—борьба; чѣмъ страшнѣе ураганъ, тѣмъ могучѣе становится человекъ въ борьбѣ съ нимъ; тутъ же нѣтъ жизни, силы кинять, а дѣтъ ихъ нѣкуда, приложить не къ чему...

Сказки Лабуде

„Чудилось мнѣ, что я слышу давно поза-
Стария, милыя сказки, [бытыя сказки,
Тѣ, что когда-то ребенкомъ
Слушалъ съ другими дѣтьми,
Когда въ дѣтній вечеръ [ступенькахъ
Мы передъ домою, на каменныхъ сидя
Къ тихимъ рассказамъ склоняли
Дѣтское чуткое сердце
И пытливыя, умныя глазки...
А взрослые дѣвушки въ домѣ,
Подлѣ душистыхъ, цвѣточныхъ горшковъ
У окошекъ сидѣли,
И лица цвѣтуція ихъ
Смѣялись луной освѣщенныя.“

(Сумерки—Генриха Гейне)

I.

Какимъ дикимъ, разнообразнымъ хламомъ полна дѣтская литература; она кишитъ пошленькими сказочками, бессмысленными прибауточками, семинарскою моралью. Грустно, что есть люди, посвятившіе себя на систематическое забиваніе дѣтскихъ головъ; неужели онѣ на самомъ дѣлѣ у нихъ такія жалкія, что ихъ можно безжалостно нашинковывать узенькими воззрѣніями, наивными пошлостями? Въ особенности огромное число расплодилось въ послѣдніе годы; книженки плодятся, какъ моллюски, и такъ же бѣдны были жи-знію, какъ моллюски; самая ничтожная ихъ часть успѣла выглянуть на свѣтъ, не погибнуть; собственная крохотность

была виною ихъ мгновенной гибели, ихъ ничто не спасало : ни золотыя Вольфовскіе переплеты, ни превосходная бумага, ни громкія, яркія объявленія, патетическіе возгласы, словомъ, никакіе блестящіе, ви́шніе атрибуты ; даже сказокъ Пердъ — о которыхъ Вольфъ безчинствовалъ во всѣхъ газетахъ, зазывая на покупку книги, какъ прикащикъ Ножевой линіи — не спасетъ Тургеневское предисловіе, въ которомъ просвѣчиваетъ поощренное Вольфомъ самообожаніе авторитетика, желающаго ничтожную книгу спасти такимъ же ничтожнымъ предисловіемъ, гдѣ онъ старается — но черезъ чуръ плохо — доказать, что фантастическое необходимо въ дѣтскомъ возрастѣ, что это само собою пройдетъ современемъ ; вѣтъ, оно не такъ легко проходитъ, какъ кажется г. Тургеневу ; не даромъ правительство не выпускаетъ и не выпускаетъ изъ своихъ рукъ воспитаніе будущихъ гражданъ ! Оно увѣрено, что дѣти, въ которыхъ вздѣлываютъ вѣрноподданичскія чувства, которымъ преподаютъ разнаго рода бессмыслицу, въ большинствѣ случаевъ останутся на всю жизнь рабами и недоумками. Часто самыя могучія усилія разума не могутъ отрѣшить человѣка отъ дикихъ предразсудковъ, напечатанныхъ ему нянюшками и разнаго рода гувернантками въ годы навивнаго дѣтства. Ни одинъ психологъ не пришелъ еще къ выводу, что есть возрастъ, нуждающійся, какъ въ манірѣ небесной, въ ерундѣ. Но кромѣ громаднаго вреда умственнаго, фантастическіе рассказы приносятъ вредъ физическій : большинство дѣтей не выдерживаетъ вѣчно натянутого состоянія нервовъ, постояннаго чувства страха и напряженія воображенія, они заболѣваютъ нервными горячками и смертельными воспаленіями мозга.

Какія свѣтлыя чувства можетъ возбудить въ дѣтяхъ рассказъ о „Синей бородѣ“ ? Его завязка въ крови и насилиі, въ остервенѣломъ злѣ, которое ничѣмъ не оправдывается, ничѣмъ не руководствуется.

А рассказъ о томъ, какъ великанъ - людоедъ по ошибкѣ обрѣзалъ вмѣсто головъ чужихъ дѣтей головы своимъ дѣтямъ, — о томъ, какъ волкъ ни за что ни про что проглотилъ невинную, красную шапочку ; много ли помогутъ этимъ кровожаднымъ пошlostямъ приложенные къ нимъ рисунки Доре, дѣйствительно превосходные, но въ то же время дѣлающіе книгу колоссальной цѣны (8 руб.) ? Полное собраніе сочиненій Тургенева дешевле. Стоили ли такіе сюжеты старанья художнически изображать ихъ ? Кромѣ этого въ сказкахъ всюду просвѣчиваютъ низенькія, гаденькія черты ; отъ нихъ пахнетъ императорскою Франціею. Высшее счастье въ сказочкахъ заключается въ томъ, что въ дѣвушку влюбляется

принцъ; все дѣйствіе вертится на баснословной роскоши, всюду вытекаетъ выводъ, что въ этомъ и есть смыслъ жизни. Неужели у истины мало красоты, мало фантастичности, величія, неподражаемаго разнообразія? Къ чему эти жалкія отступленія отъ нея? Какая сказка по своей фантастичности сравнится съ кругосвѣтнымъ путешествіемъ Магелана, съ путешествіемъ Колумба? Неужели фантастическія повѣсти Гофмана могутъ быть на минуту сравниваемы съ кипящими живою жизнью романами Диккенса, Теккерея, Гринвуда? Неужели ребенку нужно врать глупости потому только, что онъ малъ, и затѣмъ, чтобы послѣ всѣми силами стараться разубѣдить его въ собственномъ враньѣ? Ребенокъ и безъ вашихъ стараній замѣтитъ ложь, которой полна жизнь; дѣтскій, забытый мозгъ часто яснѣе родителей понимаетъ нелѣпость, ихъ „отчего и почему“ бываютъ очень замысловаты; я былъ часто свидѣтелемъ, какъ эти роковые вопросы ставили въ поразительно глупое положеніе добрую мамашу, старающуюся уяснить ребенку бездонно таинственную дребедень священнаго писанія; увѣряю васъ, что они гораздо логичнѣе и умнѣе многихъ профессоровъ богословія, не исключая Юркевича и многихъ знаменитыхъ педагоговъ.

Есть и другія сказочки; мораль ихъ глубока, какъ синее море и сюжетъ не фантастиченъ. Читая ихъ, вы позаимствуете изъ нихъ бездну прекрасныхъ и пикантныхъ мыслей, напр.: что маленькому Карлу слѣдуетъ проситься на маленький горшечекъ, но отнюдь не свершать необходимыхъ отправлений въ только что спитые наковые штанишки, иначе его за это накажетъ довольно строго подсматривающій изподтишка, съ неба, Боженька. Что строптивые дѣти, не умѣющіе обращаться съ перочиннымъ ножичкомъ, купленнымъ мѣстнымъ добрымъ пастыремъ — Иосафатомъ, могутъ имъ обрѣзать себѣ палець; что рѣзвая Каролинхень, бѣгающая около топящихся печей и не слушающая доброй, глухой, старой бабушки, вдруги разомъ сгорѣла за это и отъ нея ничего не осталось, кромѣ двухъ крошечныхъ ботиночекъ и горочки золы; ботиночки, подобно сказочной саламандрѣ, не сгораютъ потому, что нужно же напомнить остальнымъ злонравнымъ малюткамъ о глубоко горестной участи, постигшей злосчастную Каролинхень, которая такъ наивно была наказана за непослушаніе, что немножечко вся сгорѣла.

Прилагаются рисунки, гдѣ подъ большою яблонью, увѣшанною пунцовыми яблочками, сидитъ благонравный и благолѣпный Порфирій и прилежно читаетъ ветхій завѣтъ, вдали виднѣется опрятная хижина; сбоку хижины, гораздо болѣе хижины, рисуется добрый, деревенскій пасторъ въ шляпѣ,

похожей на огромный лопухъ, съ тросточкою; еще болѣе вдали — мирно рѣзвятся маленькіе птенцы; въ доказательство ихъ душевнаго благополучія издатель не поскупился дешевой красной краской и вымазалъ ихъ лица, макушки и панталоны; около дѣтей также вымазанныя красною краскою, какъ выраженіе душевнаго благополучія, пасутся кругленькія, сытыя овечки, умильно глядящія на птенцовъ — своихъ братьевъ. Есть еще картинки, но черезъ чуръ мрачныя; въ нихъ караются различные дѣтскіе пороки, какъ напр.: сосаніе передняго пальчика, нежеланіе ѣсть супъ... На картинкѣ изображенъ круглякъ съ пузочкомъ, сосущій, какъ капитанъ трубочку, передній пальчикъ; къ нему разлетается съ изумительнымъ свирѣпствомъ остроносаю личность, похожая на католическаго іезуита, съ громадными ножницами, съ неизмѣннымъ намѣреніемъ отрѣзать передній пальчикъ. О томъ же, какая участь постигаетъ малютокъ, negliжирующихъ супами, сказать страшно!...

Распредѣленіе наказаній у сказочниковъ такъ разумно, что напоминаетъ своею мягкостью наказанія грѣшниковъ въ аду. Но бросимъ жалкіе выкидыши дряблой фантазіи и перейдемъ къ прекраснымъ сказкамъ Лабале. Чудная мысль согрѣваетъ и освѣщаетъ эти рассказы, отъ нихъ вѣетъ задумчивою поэзіею, милою нѣжностью; вспомните сказку „Абдалахъ.“ Сюжетъ ея простъ: отъ скряги богача родились два мальчика; одинъ, вслѣдствіе мрачныхъ предсказаній, отданъ на воспитаніе къ свободнымъ бедуинамъ; другой воспитывается дома; тутъ борятся два начала: въ одномъ прекрасное — стремленіемъ котораго всю жизнь есть умалываніе эгоизма; въ другомъ все большее и большее впаданіе въ него; въ этомъ яркомъ противорѣчій и состоитъ вся сказка; шутности тутъ нѣтъ, весь рассказъ проникнутъ глубиною и мыслию. Одинъ изъ этихъ дѣтей, вольный сынъ пустыни, характеръ, который только и могъ выработаться среди безпредѣльной пустыни, гдѣ нѣтъ притѣснителей, на краю которой испуганно останавливались цезари. Густосинія небеса пустыни не темнятъ ни одно перистое облачко, ничто не заститъ горячаго солнца; по ночамъ въ глубокихъ, яркихъ небесахъ, какъ полуночныя лампы горятъ вѣчныя звѣзды; полгода пустыня дышетъ зноемъ, полгода въ ней царитъ весна. Въ пустынномъ оазисѣ, среди фантастически величавой природы, въ тѣни тихо вѣющихъ пальмъ, обвѣваемый ласкающимъ воздухомъ, вростаетъ юноша, чистый, прекрасный, мучительно отдавшійся свѣтлымъ стремленьямъ; онъ зрѣютъ въ немъ безъ его воли, волнуютъ его въ жаркихъ сновидѣніяхъ, манятъ его въ таинственную даль; онъ ищетъ всю жизнь

трилистника о четырехъ листьяхъ. Аллегорическое названіе скрываетъ тотъ смыслъ, что высшая задача человѣка : стремиться къ совершенству ; для величайшаго изъ людей совершенство—фантастическій трехлистникъ о четырехъ листьяхъ. Провожая караванъ, онъ часто слышитъ тихими лунными ночами прекрасные, полные мысли рассказы ; они западаютъ въ его душу и перерабатываются въ ней. Читая, вы видите, какъ все чище и чище становится юноша ; неизмовѣрными усиліями онъ выкапываетъ въ пустынѣ колодезь ; все противится ему, близкій другъ устаетъ подавать ему помощь ; изнеможенный смертельною борьбою, онъ наконецъ видитъ воду подземнаго ключа ; свѣжій родникъ забилъ съ могучею силою и напоилъ жадную почву, закипѣла кругомъ жизнь ; всѣ благословляютъ сына пустыни, который купилъ чуть не цѣною жизни общее счастье.

Это первый шагъ, но онъ все далѣе и далѣе пролагаетъ путь, и только могла останавливаетъ движеніе впередъ. Умирая въ огненномъ вихрѣ пустыни, онъ впадаетъ въ волшебный сонъ ; въ поэтическомъ снѣ набросана смѣлою рукою картина восточнаго рая.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобной книги никогда не издастъ книжный барышникъ Вольфъ. Каждый честный критикъ долженъ остерегать публику отъ издателей, подобныхъ Вольфу ; много дрянныхъ, безтолково неполныхъ, отрывочныхъ книгъ было издано имъ подъ громкими названіями, и очень много собралъ онъ съ публики, совершенно даромъ, денегъ.

II.

Въ сказкѣ „Азисъ и Азиса“ характеръ мусульманки Азисы такъ благороденъ, такъ полонъ христіанскаго самоотверженія, что лучшія наши женщины могли бы ей позавидовать. Рассказъ „раба Блондина“ дышетъ глубокою грустью ; когда читаешь его, въ взволнованной душѣ просыпаются образы погибшихъ за истину ; пытки, кандалы, тюрьмы, костры невольно грезятся болѣзненно настроенному воображенію ; злыя чувства будить этотъ маленькій рассказъ. Одно странно, что авторъ считаетъ самую драгоценною изъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей — благочестіе и будто милосердіе, самоотверженіе, смиреніе и любовь къ справедливости заключаются въ немъ. Къ чему примѣшивать темное выраженіе ? Развѣ только однимъ вѣрующимъ въ Бога доступны всѣ эти высокія добродѣтели ? Съ изученіемъ естественныхъ наукъ,

какъ тѣнь, исчезъ призракъ творящей и всюду произвольно распоряжающей силы; но развѣ въ людяхъ естественнаго направленія уменьшилось самоотверженіе, смиреніе, мужество, любовь къ справедливости? Нѣтъ, эти понятія стали яснѣй, глубже и строже. Развѣ Лассаль и масса подобныхъ ему борцовъ за свободу и человѣческія права не безконечно выше, святѣ первыхъ христіанскихъ мучениковъ, апостоловъ и пр.?

Трагическими штрихами очерчены страданія и мученическая смерть Блондины; ее затерзали при Маркѣ Авреліи, цезарѣ - философѣ, который написалъ прекрасную книгу, наполненную великодушными правилами, проникнутую гуманностью и христіанскою любовью къ людямъ; но христіанинъ не имѣлъ правъ, онъ былъ не человѣкъ, а врагъ рода человѣческаго.

Всѣ друзья свободы и людей въ нашъ языческій вѣкъ во многихъ государствахъ носятъ почетныя названія: враговъ рода человѣческаго. Злымъ пророчествомъ заканчивается этотъ рассказъ, вникните глубже въ простой смыслъ послѣднихъ заключительныхъ словъ: „Всѣ насилія доказывали только боязнь; протекли вѣка, язычество пало (боги, падеть ли оно?), имена палачей забыты съ проклятіями, но имя Блондины навсегда сохранилось въ исторіи христіанства...“

Король Лиръ

I.

Большая часть господъ, писавшихъ о Лирѣ, высказывали о немъ мнѣнія, дозволенныя цензурой; постараюсь на него взглянуть, не соображаясь ни съ какими цензурами и выставить его такимъ, какимъ онъ является въ трагедіи Шекспира; я укажу на нѣсколько чертъ, которыя врядъ ли были замѣчены критиками. Въ I дѣйствіи Лиръ—императоръ самодуръ; онъ похожъ какъ двѣ капли воды на всѣхъ абсолютныхъ монарховъ земнаго шара; онъ окруженъ, какъ и всѣ монархи, всѣхъ шерстей и отѣнковъ, подлипалами, трутнями, очищенными холопами, маскарадными масками, всѣмъ тѣмъ вылощеннымъ снаружи отребьемъ, которое, прячась за царскую порфиру и ослѣпительную корону, хищнически запускаетъ когтистыя лапы въ народное, наболѣвшее мясо. Уродливый міръ, окружающій Лира, трясущійся отъ мановенія бровей его, коверкаетъ его сильный характеръ; ложно направленные силы проявляются въ горячечномъ произволѣ. Въ I дѣйствіи король Британскій Лиръ—Титъ Титычъ Бруковъ съ братьей, въ болѣе красивой шкурѣ и въ болѣе блестящей обстановкѣ. Онъ дѣлитъ свое царство между дочерьями и увѣренъ, какъ религіозный фанатикъ, въ своей отвлеченной идеѣ, что онъ безъ короны и ея мощныхъ атрибутовъ останется тѣмъ же грознымъ Шивою, передъ которымъ въ великомъ трепетѣ будутъ пресмыкаться парии; об-

становка, его окружающая, одурила его до такой степени, что онъ умудрился вообразить себя королемъ въ рубищѣ. Онъ велитъ сказать дочерямъ, какая изъ нихъ его больше любитъ; искалѣченный умственно и нравственно, онъ вѣритъ льстивонапыщеннымъ словамъ Реганы и Гонерилли и цѣплетъ отъ гнѣва, услышавъ скромно простыя слова любящей Корделии; принимая всегда за правду льстиво подобострастный шопотъ, зависящихъ отъ него придворныхъ, онъ уже былъ не въ состояніи понять ни умома, ни сердцемъ, голосъ истинной, безкорыстной любви. Онъ отдаетъ все царство двумъ дочерямъ, а Корделию изгоняетъ, осыпая проклятіями; король французскій, женихъ Корделии, юноша, сердцемъ угадываетъ въ молчаніи Корделии возвышенную любовь, стоящую выше громкихъ фразъ; отверженной, лишенной доли царства, онъ предлагаетъ свою руку. Кентъ, честный, правдивый человекъ, возможный въ частной жизни и идеальный призракъ при дворѣ, вступаетъ за Корделию, но отуманенный гордынею, разсвирѣпѣлый Лиръ, какъ левъ, разбуженный въ берлогѣ, грозно рычитъ :

„Натянуть лукъ — не стой передъ стрѣлою.“

Во второмъ актѣ величайшій психіатръ — Шекспиръ перетасовалъ шахматы; онъ насмѣшливо сдернулъ съ Лира его божественную корону, драгоценную порфиру, нахлобучилъ на него дурацкій колпакъ съ бубенчиками и напустилъ его, жалкаго мечтателя, на двухъ дочерей, любовное краснорѣчіе которыхъ подарило имъ царство. Первое время Лиръ слѣпо вѣритъ въ свое могущество, но жизнь полная горькой, ни кого не щадящей прозы, разрушаетъ его величественную, классическую иллюзію. Обѣ сестры, выдержавшія на своихъ плечахъ весь гнетъ деспотизма, затаивъ въ себѣ злую месть къ самоуправцу Лирю, овладѣвши властью, придираются къ нему, обрѣзываютъ и общипываютъ его дорогія, царскія прихоти и въ концѣ концовъ выталкиваютъ его за дверь, во время страшной грозы, въ пустыню. Лиръ, завладѣвши трономъ, выгналъ за дверь народъ въ пустыню, великодушно обрекши его на голодъ, холодъ и гибель, и та же суровая катастрофа разыгралась надъ его собственной, беззащитной, сѣдой головой. Въ нѣсколько часовъ, онъ постигаетъ во всей глубинѣ всю злую иронию жизни; юпитеровски могущественный, царскій призракъ разлетается, какъ мыльный пузырь; мысль, что онъ безъ короны — ничтожный, слабый старикъ, кумирчикъ обрѣченный на дрова, переворачиваетъ его мозгъ; онъ задыхается въ проклятіяхъ, въ нихъ слышится

растоптанная гордость, презрѣніе къ себѣ, ненависть къ дочерямъ, разрушившимъ галлюцинацію его жизни. Конечъ дѣйствія замыкается, какъ погребальнымъ пригѣвомъ, тирадами скомороха, который скептически уменъ, какъ самъ Мефистофель; звеня колокольчиками, онъ осыпаетъ Лира молніеносными сарказмами, сохраняя добродушное, невинное выраженіе, царскаго шута :

„Мало было толку въ твоей лясой маковкѣ,
Когда ты отдалъ съ нея свою золотую шапку.“

„Я дуракъ, а ты нуль безъ цифры.
Свѣчку отдалъ, въ потѣмахъ сиди.“

„Добрая синичка кукушку кормила,
А кукушка птичкѣ голову скусила.“

Въ концѣ втораго акта шутъ вырастаетъ до исполина, а король Лиръ падаетъ до карлика-скомороха.

II.

Въ третьемъ актѣ подѣ вой бури, подѣ потоками дождя, при свѣтѣ безпрерывныхъ молній, въ Лирѣ свершается бурная реакція — разрушеніе упорной иллюзіи въ старикѣ глубоко естественно кончается помѣшательствомъ; нервы и мозгъ изнемогли подѣ массою наплывающихъ и неуспѣвающихъ улегаться сильныхъ ощущеній; Лиръ путаясь въ собственныхъ заклинаніяхъ и проклятійхъ, сходитъ съ ума и, сумасшедшій, онъ становится болѣе человѣкомъ, болѣе трезво умнымъ, чѣмъ Лиръ-король отъ головы до пятокъ, на британскомъ тронѣ; дождь промочилъ его до костей, реакція свершилась и увидѣлъ онъ въ себѣ, черезъ чуръ поздно, жалкое, голое, двуногое животное. Столкнувшись, въ грозу, въ пустынѣ съ нагими несчастливцами, онъ прозрѣлъ и очеловѣчился; въ немъ засвѣтилась яркимъ огонькомъ, не успѣвшая совершенно затухнуть во дворцѣ, искорка человѣческой души; онъ вспомнилъ, черезъ чуръ поздно, о народѣ, голодомъ, голодномъ, который цѣною рублища насыщаль, незнающій пресыщенія дворъ короля Лира; въ немъ забродили глубоко теплыя, трогательныя чувства, которыя не снились ему во дворцѣ, даже въ самыхъ причудливыхъ сновидѣніяхъ; обращаясь къ бѣдному, вѣрному шуту, онъ иронически грустно говоритъ :

„Товарищъ, гдѣ же солома?
Нужда — вещь чудная. Пустой предметъ
Безцѣннымъ дѣлаетъ она. Ну что же?
Гдѣ твой палашь? Иди дуракъ мой бѣдный,
Иди за мной. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость: я тебя жалю.“

Остановившаяся передъ палахомъ, онъ пускаетъ впередъ шута.

„Ступай впередъ, бѣдняга,
Голякъ бездомный, ну ступай подъ кровлю,
Я жъ помолось и лягу спать ужъ послѣ.
Вы бѣдные, нагѣ несчастливцы,
Гдѣ бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дыравомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я? Учись богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
Имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ небо.“

Совѣтую тебѣ, читатель, вдуматься въ послѣднюю строку : мы съ тобой въ полномъ умѣ не выдумаемъ такой фразы. Если такія чувства теплыя, свѣтыя пробуждаются только у свихнувшихъ сумасшедшихъ монарховъ, то я желаю, отъ всего сердца, съ ума сойти нашему умному монарху, примѣнивши слова сумасшедшаго Лира къ дѣлу, онъ совершить то, что не входило въ программу цѣлаго сонмища въ своемъ умѣ находившихся монарховъ. Въ порывахъ сумасшествия его мозгъ и нервы стали громадно чутки къ окружающей изнанкѣ жизни, пристально взглянувшись въ бѣдняка бездомнаго, онъ грустно говорить :

„Неужели это человѣкъ — человѣкъ и ничего больше? Смотрите на него хорошенько : на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелка отъ червя. А, мы трое не люди — мы поддѣлка! Вотъ человѣкъ какъ онъ есть — бѣдное, голое двуногое животное... Прочь съ меня все чужое... (*шуту*) эй, разстегни здѣсь (*рветъ на себѣ платье*)...“

Снова погребально звучить саркастическій припѣвъ ско-
мороча :

„Кумъ не раздѣвайся, здѣсь негдѣ плавать.“

При чтеніи перваго акта, ненависть растетъ къ Лире при каждомъ его новомъ словѣ ; на столько каждое слово сумасшедшаго Лира все болѣе и болѣе пробуждаетъ къ нему участіе и глубокое состраданіе, примиряешься съ нимъ вполне. На тронѣ онъ былъ слишкомъ поддѣланъ, встрѣча съ обдѣланнымъ народомъ его чудно преобразила ; дикая пустыня,

гдѣ онъ метался въ глубокомъ страданіи, бокъ о бокъ съ нищими, была для него тоже, что гора Фаворъ для Иисуса. Хищное животное на тронѣ, онъ является вполне человѣкомъ сумасшедшей, причудливо убранный не драгоценными каменьями, а соломой и цвѣтами, въ разодранномъ рубищѣ; ядовито горько говоритъ онъ въ своемъ чудномъ, умномъ безуміи:

Они меня гладили какъ собачку, они лстили мнѣ, у меня не было волосъ на бородѣ, а они уважали мои сѣдины; на мои слова мнѣ говорили да и нѣтъ въ одно время. А я ихъ понималъ, когда дождь промочилъ меня хорошенько! Когда я дрожалъ отъ студенатаго вѣтра, когда громъ не захотѣлъ умолкнуть по моему приказу, тутъ то я ихъ хорошо понималъ! Нѣтъ, лстивымъ рѣчамъ не надо вѣрить. Мнѣ говорили, что я всемогущъ: лихорадка сильнѣе меня.“

Чѣмъ болѣе разыгрывается его сумасшествіе, тѣмъ прекраснѣе сплетаются его мысли; подъ конецъ его языкъ — „жало мудрыя змѣи.“ Онъ отчеканиваетъ каждое слово съ послѣдовательностью великаго логика:

„Развѣ нельзя и безъ глазъ различать дѣла людскія, глядя своими ушами? Слышишь, какъ судья-мошенникъ издѣвается надъ убогимъ воромъ? Слушай, слушай, что я теперь тебѣ скажу на ухо (*тихо*): перемѣни мѣста, который теперь изъ двухъ воръ, который судья вора? Видалъ ли ты, какъ собака лаеетъ на нищаго?“

Глостеръ. „Да, государь!“

Король Лиръ. „И голякъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ отъ собаки! Собаки

Онъ долженъ слушаться: она власть..

Злой пономарь, ты весь въ крови! прочь руки!

Зачѣмъ сѣнешь развратницу! Скорѣе

Свою подставь ты спину. По душѣ

Ты самъ развратецъ. Ростовщикъ повѣсилъ

Обманщика. Сквозь рубище худое

Порокъ ничтожный ясно видѣнь глазу:

Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!

Закуй злодѣя въ золото, стальное

Кошье закона сломится безвредно,

Одѣнь его въ лохмотья и погибнетъ

Онъ отъ пустой соломинки пигмея.

Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ! нѣтъ! я знаю,

Я заступлюсь за всѣхъ — зажму я рты

Доносчикамъ. Ты это знай, мой другъ,

Купи себѣ стеклянные глаза

И какъ дрянной политикъ, дѣлай видъ,

Что видишь то, чего не видно.“

Слова Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“ удивительно совпадаютъ съ знаменитою фразою: „tout comprendre c'est tout pardonner“. Эту фразу во всемъ ея гуманномъ, всеобъемлющемъ значеніи оцѣнить свѣтлое грядущее; наше поколѣніе не доживетъ до этого счастливаго часа, мы умремъ, зады-

хаясь въ гнѣвъ и желчи, окруженные безсмысленнымъ мракомъ дикаго деспотизма.

Скоро наука безвозвратно разрушитъ нашу гордую, слѣпую дѣтскую вѣру въ нашу свободную волю, она докажетъ, что „человѣкъ свободенъ, какъ птица въ клѣткѣ.“ Давно пора человѣческія дѣйствія и порывы, начиная съ величаво-прекрасныхъ и кончая преступными и мрачно грязными, объяснить не запутанно-отвлеченнымъ путемъ, а правдиво естественнымъ; разгадка всего таится не въ надзвѣздныхъ пространствахъ, не въ душахъ, порхающихъ надъ матеріей, а въ окружающей человѣка жизни, въ физиологической наслѣдственности. «*Les fautes des femmes, des enfants, des serviteurs, des faibles, des indigents et ignorants sont la faute des maris, des pères, des mères, des forts, des riches et des savants*» и такъ далѣе до безконечности. Когда каторжные, варварскіе вертепы превратятся въ здоровые, свѣтлые, просторные пріюты для жертвъ ненормально сложившейся жизни, а лакомые на человѣчье мясо и кровь цивилизованные судьи превратятся въ горячихъ послѣдователей всепрощающаго Христа, тогда сбудутся слова развѣнчаннаго, помѣшаннаго старика Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!“

Неаполь.— 1873 г.

Ромео и Джульета

Существует потерянная фраза, что Шекспира можно глубоко понять и оценить только на сцене, но отнюдь не на наших столичных сценах, не в Париже, но только в Лондоне и Берлине. Съ трудомъ я могъ достать мѣсто въ знаменитомъ Шауспильгаузѣ. Декорации, актеры, все сливалось въ одно прекрасное цѣлое; тутъ не было ни широкоплечихъ, съ бычачьими шеями, дикимъ звѣремъ завывающихъ трагиковъ, ни подозрительно охрипшихъ актрисъ, неизмѣнно играющихъ юныхъ дѣвственницъ, ни тянущихъ горькую великихъ, но совершенно непризнанныхъ талантовъ, ни суровыхъ, таинственно молчаливыхъ лицъ, самоотверженно играющихъ статуи и привидѣній, — отъ перваго и до послѣдняго замирающаго акорда драмы иллюзия не прекращалась ни на одно мгновеніе. Джульету играла молоденькая, нѣжной красоты дѣвушка; ея черные, южные, широкозрачные глаза дивно мѣняли свое выраженіе. Ромео игралъ Робертъ—юный, но великій талантъ; въ каждомъ его движеніи проглядывалъ граціозный веронскій патрицій, необузданно пылкій юноша. Въ первомъ дѣйствіи, въ маскарадѣ, встрѣчаются два юныхъ, красивыхъ существа; они встрѣтились глазами и вспыхнула въ нихъ неодолимая страсть; въ молодомъ сердцѣ накопила жажда любви, одной искры было достаточно, чтобы вспыхнуть пожару; они были похожи на два южныхъ цвѣтка; въ теплое, душистое, майское утро солнце заронило горячій лучъ въ чашечку нераспустившагося цвѣтка; согрѣтый лучемъ, обрызганный росой, онъ мгновенно распустилъ свои лепестки и заблесталъ красотой, испуская нѣжный аромат.

Ромео и Джульета пылкіе дѣти; они радостно отдаются

набъжавшему счастью; они не анализируютъ чувства, грѣзы у нихъ впередѣ, а пока надъ ними чудное, ласковое небо; ихъ охватило чувство первой жгучей любви; они непозволительно блаженствуютъ; но Шекспиръ, знавшій глубоко жизнь, поставилъ ихъ безумное лжеваніе въ зависимость отъ слѣднаго, страшнаго по своей безсмысленности *случай*; тяготѣющій *случай* — идея великая. Шекспиръ, дѣлая его двигателемъ трагедіи, невольно впадаетъ въ атеизмъ: *случай* и Богъ несомѣстимы. Рецензенты Шекспира зашмуриваются на этотъ глубочайшій элементъ его трагедій и драмъ. Религія, а за нею и богобоязненные поэты видятъ въ Богѣ мудраго, благонамѣреннаго императора, неусыпно пекущагося о своихъ подданныхъ, тогда какъ случай не подводится ни подъ какіе итоги: на видъ въ немъ все безобразно перепутано. *Случай* въ переводѣ на современный намъ языкъ — природа, съ ея безчисленными законами, комбинаціи которыхъ, на видъ безобразно перепутанная, сбиваетъ съ толку людей мало мыслящихъ: слѣдствія они смѣшиваютъ съ причинами. Въ случаѣ все участвуетъ: и люди съ своими безчисленными столкновениями, и бездушная, неинтересующаяся нами, третирующая насъ природа; случай — не благой Богъ, обязательно наблюдающій за людскимъ благополучіемъ, черезъ-чуръ щедро награждающій праведниковъ и черезъ-чуръ карающій злыхъ, — случай — природа, которой рѣшительно все равно: утопаетъ ли родъ человѣческій въ блаженствахъ мусульманскаго рая, или судорожно захлебывается въ грязи и крови; основа ея — законъ неумолимый, разрушающій, какъ мельничный жерновъ, все препятствующее ему на пути. Случай не пощадилъ Ромео и Джульеты, онъ свелъ ихъ вмѣстѣ, подарилъ имъ безумно-сладкіе часы, безсознательно поднялъ ихъ на седьмое небо и безсознательно раздавилъ. Непримируемая вражда ихъ отцевъ — случайность; отъ препятствій, какъ и всегда, разгоряется ихъ любовь; они урывками, лихорадочно наслаждаются счастьемъ, лунною ночью, среди фонтановъ и пахучихъ цвѣтовъ; они изливаютъ свою любовь „въ словахъ нѣжныхъ, какъ свѣтъ луны, и отрадныхъ, какъ запахъ розы.“ Препятствія заставляютъ Джульету рѣшиться на отчаянное средство: по совѣту монаха Лоренцо, она принимаетъ напитокъ, погружающій въ летаргію; ее должны опустить въ склепъ и она должна проснуться — сказочная царица — отъ поцѣлуя юноши. Когда я пишу, я вижу передъ собою блѣдную, стройную Джульету, она подняла кубокъ дрожащею рукою, ея щеки пылаютъ, вдохновенные глаза горятъ страстью и рѣшимостью; улыбаясь страшною улыбкою, она говорить, ледянищимъ душу голосомъ:

„Но если я проснусь в моем гробу,
 Проснусь раньше, чѣмъ придетъ Ромео...
 Вотъ страшно что... Да, да, я задохнусь
 Подъ сводами могильными, куда
 Не входитъ свѣжій воздухъ, и умру
 Я прежде, чѣмъ придетъ туда мой милнй,
 А если и останусь я жива —
 Не все ль равно: мечты о смерти, ночь,
 Всѣ ужасы могилы, темный склепъ,
 Гдѣ нѣсколько сотъ дѣтъ погребены,
 Прапрадѣдовъ моихъ хранятся кости,
 Гдѣ въ саванѣ лежитъ окровавленъ
 Тибальта трупъ, ужъ преданный гниеню.
 Гдѣ, говорятъ, въ извѣстный почи часъ
 Выходятъ привидѣнья... Боже! если
 Я ранѣ проснусь, окружена
 И смрадомъ тѣлъ и стопами глухими
 Похожими на тѣ, что издаетъ
 Вдругъ вырванная съ корнемъ Мандрагора,
 Отъ нихъ бѣжить въ безумномъ страхѣ каждый.
 О! если я проснуся прежде ихъ!...
 Сума сойду я, и въ безуміи буду
 Прапрадѣдовъ моихъ играть костями
 И вытащу изъ савана Тибальта
 И, въ бѣшенствѣ, одной изъ тѣхъ костей
 Свой черепъ разобью.....“

Случай помѣшалъ Ромео узнать о планѣ: монахъ, посланный съ извѣстіемъ къ Ромео, былъ задержанъ по случаю свирѣпствующей чумы, и все обречено гибели. Распространяться о натуральности, глубинѣ и чудовищной поэзіи Шекспировскихъ трагедій и драмъ было бы слишкомъ истерто. Драма идетъ крещендо, событія растутъ и наконецъ масса набѣгающихъ событий разрѣшается грандіозною развязкою. Последняя сцена изображаетъ таинственный, мрачный склепъ съ темными, колоссальными колоннами; среди склепа, на возвышеніи стоитъ гробъ, обтянутый чернымъ бархатомъ, обшитый серебромъ; возвышеніе и полъ кругомъ покрыты чернымъ бархатомъ, шптымъ серебромъ; по черному фону разсыпаны бѣлыя и пунцовыя розы, лиловыя фіялки. Въ театрѣ лампа чуть мерцаетъ; сцена освѣщена блѣдно-синимъ, бенгальскимъ огнемъ; въ гробу, покрытомъ газомъ, лежитъ красавица — Джульета; черезъ газъ просвѣчиваютъ ея блѣдное личико, черныя, густыя косы, нѣжныя, бѣлыя плечи, ждущія доцѣлуя губки; въ желѣзныя рѣшетки склепа глядятъ синяя веронская ночь, полная тайны и нѣги; въ серебристой голубой мглѣ неподвижно темнѣютъ кипарисы и стройныя готическія башни. Въ склепъ входитъ Парисъ — женихъ Джульеты, любящій, но не любимый; огонь факела озарилъ пунцовыя розы — вѣнокъ на головѣ Джульеты, лицо

стало блѣднѣе, тѣни около глазъ рѣзче обозначились, бархатъ сталъ еще чернѣе, а серебро блестящѣе. Парисъ цѣлуетъ невѣсту и подавленный скорбью, удаляется въ сторону. Синюю мглу снова озаряетъ факель; къ рѣшеткѣ подходит тихо, весь въ черномъ, смертельно блѣдный Ромео; факель освѣтилъ его лицо; оно было исковеркано пытками Тантала; въ застывшемъ взглядѣ не было тѣни надежды, онъ говоритъ :

„Теперь ступай...
Но если ты дерзнешь сюда вернуться,
Чтобы слѣдить мои дѣянья тайно,
Тогда клянусь, твой составы всѣ
Сломаю я, и жадно кладбище
Усѣю все твоими я костями,
Мой часъ насталь, намѣренья мои
Неизмѣнны, яростны и дики;
Они лютѣ тигра на свободѣ,
Страшнѣ моря въ часъ ужасной бури.“

Какъ Самсонъ, желѣзными руками онъ растворяетъ ворота; голосомъ похожимъ на клокотаніе огненной лавы, онъ говоритъ :

„О вѣдра смерти! алчная утроба,
Похитившая лучшей цвѣтъ земли,
Я пасть твою тлетворную открою
И новою тебя насыщу жертвой.“

Парисъ идетъ съ ненавистью ему на встрѣчу; они обнажаютъ шпаги. Ромео нѣчего терять, смерть для него — вѣчный, сладкій сонъ, забвеніе послѣ безконечной муки. У гроба спящей, сказочно прекрасной Джульеты, въ тишинѣ катакомбъ, при блескѣ факеловъ, блестятъ шпаги, и Парисъ падаетъ мертвый. Ромео стоитъ надъ убитымъ соперникомъ, и изъ глубины души его вырывается горькій смѣхъ; грустно склонившись надъ нимъ, онъ говоритъ :

„Товарищъ,
Запиши ты со мною рядомъ въ книгѣ
Тайственныхъ судебъ! такъ дай же руку!
Я схорю въ торжественной могилѣ
Твой юный прахъ! въ могилѣ? нѣтъ въ чертогѣ
Сраженный юноша; да въ ней почіетъ
Джульеты прахъ... и этотъ мрачный склепъ
Краса ея въ чертогъ преобразила.

(Кладетъ Париса въ склепъ)

Лежи здѣсь трупъ, похороненный трупомъ.
Какъ часто люди веселы бывають
Въ послѣдній часъ, и это называютъ

Предсмертною зарницей. Какъ же мнѣ
 Назвать послѣднія минуты?
 Любовь моей души, моя супруга!
 Смерть высосавъ до капли жизнь твою,
 Надъ красотой твоей еще безвластна
 И не совсѣмъ раскинулось надъ ней
 Могильной тьмы таинственное знамя.
 Зачѣмъ, зачѣмъ ты такъ еще прекрасна,
 Неужли смерть, незримый этотъ призракъ
 Тобою очарована? Быть можетъ
 Чудовище шадить тебя зачѣмъ,
 Чтобъ быть твоимъ любовникомъ во мракѣ?
 Но остаюсь я самъ на стражѣ здѣсь
 И траурный чертогъ твой не покину,
 Не выйду, здѣсь останусь, здѣсь съ червями,
 Прислужницами смерти! Да, я здѣсь
 Созвижду мой покой на вѣкъ — страхну
 Весь грузъ судьбы съ моей усталой плоти.“

Конвульсивно рыдая, со стономъ онъ припадаетъ къ ея груди, душитъ ее безумными поцѣлуями; въ рукѣ его ядъ. Надъ нимъ тяготѣетъ проницательскій случай: Джульета опоздала проснуться, а онъ такъ глубоко естественно поспѣшилъ умереть. Онъ выпиваетъ ядъ, какъ Гетера кубокъ искрящагося вина, и глядитъ, болѣзненно ужасно, въ ея закрытые глаза; быстро ослабѣвающія руки хватаются за гробъ, тѣло тихо опускается; онъ послѣдній разъ напрягаетъ всѣ силы заглянуть въ гробъ; онъ цѣлуетъ гробъ и мертвый падаетъ на ступеняхъ возвышенія. Теперь пора проснуться Джулетѣ.

Смерть, какъ легкое дуновеніе, вѣетъ надъ ея спящею прелестною головкою; пробужденіе ея будетъ страшное; газъ зашевелился и прозрачно-блѣдная, съ улыбкою блаженства, приподымается въ гробу Джульета; она очнулась и Ромео — первая мысль ея пробужденія; жажда наслажденія проснулась въ ожившей душѣ. Она встаетъ и наталкивается на трушъ; у нея вылетаетъ крикъ, отъ котораго заныла моя душа и, не смотря на удушливый театральнй жаръ, 40° холодъ пробѣжалъ въ мозгу и нервахъ. Она припадаетъ жаркодышащею грудью къ его колѣнямъ, прислушивается къ его на вѣки затихшему дыханію; немного словъ вырывается у нея, но они падаютъ на душу, какъ пламя; отыскавши кинжалъ, она, съ улыбкою самозабвенія, убиваетъ себя, и наступаетъ пиръ смерти... Драма доростаетъ до своихъ крайнихъ границъ: синюю мглу освѣщаютъ факелы, входитъ въ склепъ отецъ Джульеты и, какъ молніей пораженный, останавливается надъ ея трупомъ; за нимъ входитъ отецъ Ромео; за минуту тутъ встрѣтились соперники, а теперь сошлись неумолимые враги. Въ склепъ, окруженный

свитою, входитъ герцогъ и трогательно говорить о примиреніи, и у могилы пѣжно любимыхъ дѣтей два врага, рыдая, подаютъ другъ другу руки. Въ нѣсколько часовъ передо мною пронеслась громадная масса жизней. Величественная драма мощно и естественно развернулась подъ давленіемъ случая; погибли два юныхъ существа, великое преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они умѣли безгранично любить. Послѣдній моментъ драмы полонъ ироніи: два старика-отца черезъ-чуръ поздно подали, обливаясь слезами, другъ другу руки. Какими ничтожными, быстро и безслѣдно погибающими мошками показались мнѣ наши поэты, временные идолы; какою жалкою грудю запачканной бумаги показались мнѣ новѣйшія драмы, съ свѣженькимъ, моденькимъ направленьемъ, путаницею замысловатыхъ эффектовъ, съ наидлиннѣйшими ходулями, съ картонными маріонетками вмѣсто лицъ, дрябленькими, тощенькими чувствованьями вмѣсто чувствъ и съ разнузданною фантазіей, богатою какъ греза, спящей блохи.....

„Довольно“ и „Призраки“

Ив. Тургенева.

„Вынулъ изъ кармана, вмѣсто золотыхъ часовъ, пѣлую пригоршню червей....“

Я не пишу критическаго разбора сочиненій Тургенева: наши знатоки литературнаго лакомства очень тонко разобрали и рассмотрѣли его сочиненія. Всякое слово взвѣшено на караты; всѣ характеры, романтическя склонности, даже позы героевъ промѣнены критическимъ и эстетическимъ аршиномъ; помирены всѣ противорѣчя; угаданы всѣ сокровенныя мысли, изумительно разъяснены даже такія, которыя самому Тургеневу не грезились, даже въ его „Призракахъ“; нѣтъ живаго мѣста, нѣкуда воткнуть булавку; отъ повальнаго обыска уцѣлѣли какимъ-то чудомъ двѣ статьи; объ нихъ говорили, но такимъ образомъ, что въ сущности они остались нетронутыми. Эти статьи: „Довольно“ и „Призраки.“

„Довольно“ — одна изъ лучшихъ статей Тургенева; она проникнута яркою поэзіею; она кипитъ мыслями иногда поразительно глубокими. „Довольно“ — разросшееся до гигантскихъ размѣровъ „И скучно и грустно“ Лермонтова. Это — коробящій, дикій хохотъ отчаянія, постигшаго ничтожество, даже собственнаго отчаянія. Ни одинъ мучающійся мыслію человѣкъ не обошелъ въ жизни мрачнаго момента,

болѣзненного, поголовнаго отрицанія; отъ него не спасеть ни молодость, ни душевная ширь, ни плодотворная дѣятельность, ни горячая вѣра въ будущее. Въ эти скорбныя минуты человѣкъ неожиданно ясно начинаетъ чувствовать давленіе вѣчности и неизмѣримости; завязка падаетъ съ его глазъ и съ мучительною ясностью, колко, нагло - рѣзко вырѣзывается передъ нимъ ничтожество и пошленькая мелочь всего существующаго, не исключая великихъ словъ, великихъ дѣлъ, великой борьбы. Въ эти минуты прогрессъ міра кажется микроскопическою, свѣтящеюся точкою на необозримомъ черномъ фонѣ бездоннаго неба. Этотъ диссонансъ таинственно хоронится въ глубинѣ самаго дѣятельнаго мозга; это Мефистофель, являющійся безъ призыва, безъ думы объ немъ. Продолжайся ненатянуто это трупное чувство долгое время, оно раздавило бы человѣка своею злою громадностью. Антей, прикасаясь къ землѣ, черпалъ изъ нея страшныя силы. Спустившись въ такую преисподнюю отрицанія, мы съ большею силою начинаемъ ощущать въ себѣ жизнь; внутри насъ снова начинается кипѣть кровь, а въ мозгу снова разцвѣтаютъ горячіе сны, могучія упованія; жизни чуждо такое золотушное, больное отрицаніе, бесплодный нигилизмъ. Дайте жизни, жизни намъ, всемогущіе боги! умирать намъ рано. Погрузись міръ въ такое нравственное и умственное разложеніе, онъ отодвинулся бы назадъ на цѣлые вѣка. Вѣра въ себя и внутренній голосъ говорятъ, что мы могущественны и велики въ насъ силы на благое. Что за дѣло до нашей относительной малости? что за дѣло, что весь видимый міръ — „наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступила плѣсень?“ Цѣлое видимое небо — та же куча атомовъ въ сравненіи съ безконечнымъ множествомъ другихъ колоссальныхъ міровъ, разсѣянныхъ въ необъятномъ небѣ. Самосозерцаніе собственной микроскопичности не избрѣло намъ локомотива, прорѣзающаго мглу облаковъ, не прорыло тоннеля черезъ Монсени; оно не подвинетъ впередъ всепроницающей, всепобѣждающей науки, не раздвинетъ нашъ умъ до пониманія великаго, не передастъ нашего слова черезъ ширь океана въ секунду, не создастъ государственнаго строя Америки, не поборетъ угнетающія насъ свирѣпыя силы, не разсѣетъ густаго мрака, который затемняетъ намъ солнце. Такая панихида по самомъ себѣ предвѣщаетъ могилу. Если человѣчество сложить „на пустой груди пустыя руки,“ его закроютъ черныя вороны, вѣчно стерегущіе неподвижную добычу. Застой — смерть, движеніе — жизнь. Такихъ самоуничженіемъ воспользуется тиранія и снова изъ исторической тьмы выползутъ кровавыя чудовища. Проснись

не Лиръ, а только Филиппъ Испанскій и онъ задохнулся бы отъ злости, взглянувъ на мiръ; онъ замѣтилъ бы къ ужасу своему, что искорка величиною въ маленькую звѣздочку, не смотря на все усердіе гасителей, разгорѣлась въ свѣтящееся, разливающее тепло и жизнь солнце. Время, рождавшее Ричардовъ III тысячами, родитъ ихъ единицами. Призраки, совершенно справедливо, на волосъ не пугаютъ современныхъ намъ тирановъ: вмѣсто страшныхъ призраковъ, теперь паритъ въ мiрѣ страшная дѣйствительность — время, съ его мягкими путами; отъ этого грознаго критика не открестишься; избѣжать его вліянія и суроваго анализа такъ же невозможно, какъ избѣжать жары, стоя безъ прикрытія подъ раскаленнымъ солнцемъ. „Довольно“ написано музыкальнымъ языкомъ; но на всемъ сочиненіи лежитъ дымка. Эта неопредѣленность сквозитъ въ оборванныхъ мысляхъ, блестящихъ фразахъ, звенящихъ акордахъ. „Довольно“ отъ первой и до послѣдней строки пахнетъ трупомъ; оно проникнуто разложениемъ, чувствительнымъ только для свѣжаго обонянія; сухое, мертвящее отрицаніе обвѣяно росскою поэзіей, замаскировано ослѣпительными софизмами; оно напоминаетъ балетныя сцены, гдѣ дѣйствительность преобразуется, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ и розовою дымкою, наброшеною на трупъ. Черезъ этотъ полупрозрачный газъ трико кажется нѣжнымъ, прекраснымъ тѣломъ, рябое лицо зараженной сифилисомъ балетчицы — гипсовымъ изваяніемъ, освѣщеннымъ изнутри таинственнымъ свѣтомъ; жадные, пошлые глаза — ласкающими, зовущими къ наслажденію. Выньте мертвеца изъ гроба, и подъ этимъ волшебнымъ покровомъ онъ превратится въ спящаго Адониса; черви, клубящіеся внутри его не выяснятся при фантастическомъ свѣтѣ и розовомъ покрывалѣ.

„Призраки“ заключаются въ томъ, что къ г. Тургеневу, въ одну прекрасную ночь, явилась прозрачная, какъ туманъ, дѣвушка; она похожа на облако, дымъ, млечный туманъ, сумерки, серебряный свѣтъ луны, на вампира и скорбящую душу, а болѣе всего на млечную, сумеречную, туманную галиматью, наводящую скорбь на душу. М¹¹⁰ Элисъ — духъ, родная сестрица всѣмъ призракамъ женскаго пола Гг. Гофмана, Ратклифъ, Жанъ Поля. Эта молочно-туманная женщина объяснилась въ любви г. Тургеневу. Женщины — не призраки

не любить начинать первым; женщины—призраки совершенно напротив. Она воздушными руками обхватывает далеко невоздушного автора „Наканунъ,“ „Отцы и дѣти,“ „Дыма,“ „Собаки“ и „Чертопханова“ и sans façon уноситъ его подалеже отъ грѣшной земли. Когда я читалъ это глубоко-эксцентрическое мѣсто, мнѣ вспомнилась карточка Тургенева, продающаяся въ книжныхъ магазинахъ; на ней изображенъ сѣдой, высокій, почтенный старикъ, съ добрымъ выраженіемъ лица, въ сѣромъ, клѣтчатомъ пиджакѣ, съ вѣрнымъ пуделемъ у ногъ. Съ оскорбительною для меня ясностью вдругъ мнѣ представилось, что г. Тургеневъ, длинный, въ сѣромъ пиджакѣ и сѣрыхъ панталонахъ не хуже Иисуса возносится въ воздушный океанъ, гдѣ онъ намѣревается проплыть всю ночь съ М^{lle} Элизъ, по мѣрѣ надобности спускаясь на землю и снова подымаясь въ лазурное пространство; на его почтенномъ лицѣ я увидѣлъ прежалкое, недоумѣвающее выраженіе; ясно видно, что онъ не въ своей тарелкѣ. Охота было г. Тургеневу съ непотребною М^{lle} Элизъ странствовать по ночамъ, компрометируя незапятнанную нравственность! Охота было залетать въ Римъ, чтобы увидѣть голову цезаря! И что это за фантастическая голова, которой стоило только открыть глаза, и Тургеневъ тотчасъ же бы испустилъ духъ? Отъ такихъ наивныхъ галлюцинацій лечуть компрессами холодной воды. Охота была, чтобы нагородить кучу громкихъ фразъ, вызывать безумную головушку Степана Тимофѣвича! Не-зачѣмъ было понапрасну беспокоить мощную тѣнь. Охота была такъ неостроумно и безцѣльно дурить! На мѣстѣ г. Тургенева, ощутивъ въ себѣ приливъ фантастическихъ порывовъ, черезъ-чуръ несоотвѣтствующихъ нашему скептическому, привязанному къ землѣ времени, я бы попросилъ Марю (ключницу Ив. С. Тургенева въ „Призракахъ“) поставить самоваръ, засыпалъ бы въ чайникъ малины и пилъ бы ее до жесточайшей испарины, и кланусь страшнымъ, желѣзнымъ кольцомъ М^{lle} Элизъ, головою цезаря, что это призрачное настроеніе испарилось бы вмѣстѣ съ испариной. Г. Тургеневъ не заболѣлъ бы греческою болѣзнию—анемією и не написалъ бы аномаліи.

Еще до Тургенева, нашъ талантливый лирикъ Майковъ выкинулъ точно такой же фокусъ въ своемъ очень поэтическомъ стихотвореніи: „Вечеръ въ Трианонѣ.“ На этомъ вечерѣ прогуливается Мирабо съ Каліостро. Каліостро, чтобы охладить пламенные мечты о свободѣ будущаго народнаго вождя, предсказываетъ математически вѣрно его будущность и, не смущаясь ни на волосъ, рассказываетъ, что онъ видѣлъ народъ во многіе періоды его исторической жизни; онъ былъ

вездѣ „иль лютый тигрь, иль смиренный воль.“ Чтобы подкрѣпить эту затѣйливую, симпатическую для Майкова мысль, онъ разсказываетъ, что онъ шелъ съ Моисеемъ въ пустынь, былъ во время казни Исуса, пировалъ вмѣстѣ съ Нерономъ, когда пылалъ подожженный имъ Римъ, былъ при казни Саванароллы, казни Стюарта I. Воображаю, если бы Калиостро на самомъ дѣлѣ вздумалъ нести такую чертовщину Мирабо, воспитанному подѣ влияніемъ энциклопедистовъ XVIII вѣка! онъ удовольствовался бы исполнѣ его путешествіемъ съ Моисеемъ и немедленно сдалъ бы его въ сумасшедшій домъ, какъ безвреднаго, но неизлечимаго сумасшедшаго. Современный, передовой, талантливый лирикъ, находясь въ здоровомъ умѣ, владеть въ основу своего стихотворенія такой сюжетъ! и безпрепятственно вдохновляется темою, которая дѣлаетъ стихи до того мизерными и забавными, что невольно забываешь всѣ ихъ поэтическія красоты. Удивительный фактъ! Удивительная голова!

У г. Тургенева въ головѣ витали волшебнаго свойства картинки, но разорванныя и непоследовательныя; ему жаль было разстаться съ ними и съ тщательно выполированными фразами. Движимый простительнымъ чувствомъ художника, который хочетъ поскорѣе показать публикѣ свои хорошенькія картины, онъ изобрѣлъ М^{ле} Элисъ — молочнаго вампира, прозрачную глупость; она помогла ему смастерить изъ картинокъ хорошею альбомчикъ; онъ внутренно былъ увѣренъ, что читающая публика, большая идеалистка, жадно заищеть таинственныхъ аллегорій, политическихъ, злостныхъ намековъ; ему, какъ знатоку русскаго сердца, извѣстна слабая, забавно-наивная струнка нашего общества: держа въ рукахъ шляпу, искать ее по всѣмъ комнатамъ и дѣлать самыя фантастическія предположенія о томъ, куда она исчезла. Пора дать полную отставку призракамъ всѣхъ шерстей и оттѣнковъ; они выслужили полный покой; въ болѣе время ихъ тормозили безъ малѣйшей церемоніи, на нихъ выѣзжала болѣею частью безталанная ограниченность или выписавшаяся талантливость. Не дается мудреная дѣйствительность, не говори худаго слова, они тотчасъ поднимаются въ высь, и безъ руля и безъ вѣтриль, вяло и невыносимо долго плаваютъ въ туманѣ. Призрачность миновала и выступила неисчерпаемая дѣйствительность. Все стоящее внѣ ея здоровыхъ формъ — галиматья, очень полезная только залежалымъ, немѣдкимъ педагогамъ профессорамъ, заучившимся до такой сухости, что имъ необходимо дать фантастическаго комфорта; болѣе она никому не нужна, она не пугаетъ, а смѣшить. А тѣмъ болѣе эти туманные, здравый смыслъ вы-

сасывающіе вампиры непростительны г. Тургеневу, какъ мастеру подмѣчать живыя явленія жизни, которыя онъ такъ глубоко-вѣрно и поэтично изображалъ во многихъ превосходныхъ романахъ. Онъ похожъ на человѣка, который вѣрилъ въ одну природу и ея неизблемые законы и вдругъ неожиданно увѣровалъ въ чудеса Тихона Задонскаго.

Во всѣхъ атмосферахъ русской жизни есть страшные, злые, жизнь душащіе призраки, носящіе дѣйствительныя оболочки и трудно, страшно трудно бороться съ ними; зачѣмъ намъ выдумывать новыя?

Біографія Грановскаго

(Сочиненіе Ал. Станкевича.)

Біографія Грановскаго, написанная Станкевичемъ, наводитъ на цѣлый рядъ неутѣшительныхъ размышленій ; ошупывая ее въ рукахъ, я ужаснулся ея тяжести ; эта огромная книга, вся, отъ первой и до послѣдней страницы, посвящена одному Грановскому ; навѣрное Станкевичъ разсчитывалъ, что публика, сложа руки, погружена въ глубочайшую бездѣятельность ; неужели она предназначается для людей занимающихся ? Если каждое замѣчательное лицо будетъ имѣть такую біографію, то, чтобы прочесть ихъ, нужно жить никакъ не менѣе библейскаго Мафусаила. „Исторія умственнаго развитія Европы“ Дрепера ничуть не болѣе книги Станкевича о Грановскомъ. Нѣтъ лица въ міровой исторіи, о которомъ можно было бы, не издѣваясь надъ читателемъ, говорить на 306 страницахъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ вмѣстѣ съ лицомъ выдвигается громадная масса событій, множество характеристическихъ лицъ или же разбираются сочиненія автора.

Въ біографіи могутъ быть допущены подробности изъ жизни, но только такія, которыя глубоко и рѣзко охарактеризировываютъ самую личность и его дѣятельность ; но онѣ должны быть страшно кратки, если пишущій хочетъ возбудить въ читателѣ интересъ, а не хандру отъ невыносимой скуки. Ал. Станкевичъ напоминаетъ въ своей біографіи почтенную старушку-няню времяя крѣпостнаго права, которая со слезами, пришептываніями, всхлипываніями, подобострастіемъ душитъ васъ разказами о добромъ ея баринѣ, его супругѣ, дѣтвахъ, о покойныхъ бабушкѣ и дѣдушкѣ, объ

отсутствующихъ тѣщахъ и золовкахъ. Сто страницъ посвящены дѣтству Грановскаго; съ неспостижимой наивностью разсказывается о томъ, какой дѣдушка былъ у Грановскаго, чѣмъ онъ занимался, какія предпринималъ аферы. Въ одну прекрасную полночь онъ на зубокъ Тимофею Грановскому несъ 15 тысячъ; мать Грановскаго на бѣду притворилась спящей, а дѣдушка на бѣду быстро раздумалъ и, улепетнувъ съ деньгами, преисправно спустилъ ихъ въ карты. Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный старецъ скоро свихнулъ съ ума и его усадили во флигель; довольно подробно описаны обои и мебель во флигелѣ. Самое характеристическое изъ дѣтства Грановскаго слѣдующее: маленький Грановскій прятался у дѣдушки отъ внушительныхъ наказаній; онъ часто строилъ крѣпости, и самъ упорно осаждалъ ихъ; во время осады онъ нерѣдко летѣлъ кубаремъ; разъ, желая избавиться отъ уроковъ, юный, находчивый Тимофей натрескался воды съ мухами и его прослабило и вырвало послѣ этого. Всѣ великія задатки будущаго замѣчательнаго профессора разсказаны мертвенно вяло; нечего объяснять, что эти дѣтскія продѣлки свойственны дѣтямъ умнымъ, глупымъ и даже чрезвычайно глупымъ: натрескаться воды съ мухами „кому ума не доставало?“

Отъ этихъ характеристическихъ подробностей Станкевичъ переходитъ къ письмамъ къ двоюродной сестрѣ, гувернанткѣ, къ роднымъ сестрамъ; длинная переписка болѣе, чѣмъ обыкновенна, и не вызываетъ ни удивленія, ни интереса. Жизнь Грановскаго въ Берлинѣ ограничивается крохотными повседневными подробностями, не бросающими атома свѣта на дѣятельность и личность Грановскаго; на 10-ти стр. тянется разсказъ о томъ, какая актриса нравилась Грановскому, а какая Н. Станкевичу — его товарищу и другу, съ кѣмъ онъ познакомился въ Берлинѣ; сухой перечень фамилій не ограничивается Берлиномъ, полицейскій отчетъ густо размазывается по всѣмъ нѣмецкимъ городкамъ, куда заѣзжалъ Грановскій. Въ статьѣ о профессорской дѣятельности кой когда черезъ сѣренькій, великопостный разсказъ просвѣчиваютъ чуть брезжущимъ свѣтомъ дѣйствительно интересныя подробности, но и онѣ заговорены ненужными прибавками. О его лекціяхъ высказаны довольно ходячія фразы: „гуманная разносторонность, глубина и пр. пр.“ Слова: „замкнутость, всеобщность, обобщеніе,“ не смотря на всю ихъ громоздкость, часто повторяются. Очень мало и крайне темно объяснено, въ чемъ же состояло повальное очарованіе лекцій Грановскаго, въ какихъ его идеяхъ сквозитъ глубина, многосторонность и та новизна, дѣлающая его интереснымъ даже для нашего

времени. Отъ замѣчательнаго лица читатель вправѣ требовать немного болѣе, чѣмъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ, обнаруженныхъ вполнѣ въ интимномъ кругу. Статья „последніе годы жизни Грановскаго“ вся состряпана изъ писемъ Грановскаго къ сестрамъ, кузинѣ, друзьямъ и меланхолически мечтательныхъ присказокъ; но въ нѣкоторыхъ письмахъ и нѣкоторыхъ замѣткахъ выдаются такіе младенческіе взгляды, что я считаю ихъ долгомъ выписать. Серьезный мыслитель, слѣдящій за современностью, производящій очарованіе своимъ многостороннимъ умомъ, пишетъ къ кузинѣ, что онъ съ Н. Станкевичемъ встрѣтится въ загробномъ мірѣ и тамъ пожметъ ему руку — не мѣшало бы для большей ясности назначить гостинницу, въ которой онъ остановится — говоря, что онъ проситъ у отца благословеніе на свадьбу, онъ прибавляетъ: „бракъ безъ благословенія родителей приноситъ большія несчастія.“ По словамъ біографа — Станкевича онъ признавалъ за непоколебимую истину слѣдующее архипастырское изреченіе: „Поверхностное знаніе удаляетъ насъ отъ религіи, основательное возвращаетъ насъ снова къ религіи.“ Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ убогіи московскія старушки сдѣлались столь религіозными отъ основательнаго научнаго знанія! Возвратило ли глубокое изученіе науки въ нѣдра христіанской церкви Вирхова, Бюхнера, Молешота, Фохта, Дюбуа Раймонда, Фейербаха, Ренана и цѣлую фалангу великихъ мыслителей и ученыхъ?

Станкевичъ никакъ не можетъ забыть тихій лѣтній вечеръ, гдѣ онъ, гуляя съ Грановскимъ, услышалъ отъ него слѣдующія, поучительныя фразы: Грановскій вспомнилъ Вильгельма Гумбольдта, который вѣрилъ въ загробное свиданіе съ своею супругою, и Гёте, открывшаго секретарю Эккерману, что онъ вѣритъ въ безсмертіе души; отъ себя онъ прибавляетъ: „для меня относительно этихъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей.“ Такая удивительная вѣра въ непогрѣшимость Вильгельма Гумбольдта и Гёте чрезвычайно трогательна; попы, говоря дремучую, бездоказательную ерунду, ссылаются на Луку, Матѳея, Павла, Иоанна; многосторонній профессоръ Грановскій — на гранитную твердыню Гёте и Вильгельма Гумбольдта. Неужели нужно говорить, что такіе взгляды простительны только монаху изъ афонской обители и добрымъ старушкамъ, толпящимся у Иверскихъ воротъ? Эти промахи „незрѣлой мысли“ наводятъ насъ на мысль, что знаніе исторіи очень и очень недостаточно; развивать необходимо всю голову, а не десятую часть головы.

На 247 страницѣ приводятся строки, направленные противъ дѣятельности Герцена за границей; въ этихъ пошлыхъ

строкахъ мы видимъ въ Грановскомъ не горячаго, полного упованій челоуѣка, а дряхлѣющаго педанта, упоеннаго и насыщеннаго до костей своею полезностью; онъ говоритъ о дѣятельности Герцена, что она ничтожна, дѣтски глупа, что его статьи возбуждаютъ въ Россіи смѣхъ и досаду. Миръ его истлѣвшему праху! онъ жестоко, до смѣшнаго ошибся: дѣятельность ничтожная разрослась такъ могущественно, что передъ нею съежилась дѣятельность почтеннаго профессора; черезъ эту ничтожную дѣятельность ступевались и смѣшались съ прахомъ злые идолы, передъ которыми плашмя, мараясь въ грязи, лежали многія почтенныя личности; его произведенія возбуждали горькій смѣхъ, но не надъ Герценомъ, а надъ собственнымъ отчальнымъ безобразіемъ; его огненные, остроумныя, полныя широкихъ и глубокихъ мыслей статьи были свѣточи Эвмениды; онъ озарили тьму кромѣшную современной ему жизни, онъ возбудили досаду огромную. Тысячи отвратительныхъ тварей, буйствующихъ и справляющихъ тризны по всему прекрасному въ Россіи и которыхъ не страшили громы небесныя, были оглушены и ошеломлены до апоплексіи звономъ колокола, который зазвонилъ, отдѣленный отъ нихъ разстояніемъ цѣлой Европы; этотъ вѣчевой колоколь зазвонилъ въ первый разъ съ основанія русской исторіи; дерзкая рука, ударившая въ набатъ, была рука Герцена, и за это его никогда не забудетъ исторія и Россія.

У Грановскаго чешутся руки на Герцена за то, что онъ объявилъ, что въ Россіи есть большая либеральная партія; онъ умеръ, не дождавшись момента, когда эта партія разрослась до огромныхъ размѣровъ. Чѣмъ объяснить неслыханное распространеніе сочиненій Герцена и въ печати, и въ рукописяхъ — не смотря на страшное запрещеніе — по всей Россіи? Чѣмъ объяснить всеобщее горячее увлеченіе ими? Какъ назвать ту партію, состоящую изъ безчисленныхъ жертвъ деспотизма, тайно мучимыхъ и тайно сосланныхъ въ Сибирь на каторгу за свободныя убѣжденія? Что же касается до полезности, то нѣтъ на русскомъ языкѣ слова, на которое было бы столько непостижимо разнообразныхъ, игривыхъ варіацій; самъ Станкевичъ, навѣрное, считаетъ очень полезною книгу „біографію Грановскаго“; навѣрное онъ ею рассчитывалъ положить лепту въ бездонную лаханъ полезности. Эта увѣсистая біографія напоминаетъ цвѣтущую пору жаркаго поклоненія авторитетикамъ, когда всякая глупость авторитетика считалась реликвією, — то еще не совсѣмъ исчезнувшее время, когда для пополненія журнальныхъ пробѣловъ писались безъ начала и конца біографіи замѣчательныхъ, десятую долю замѣчательныхъ и вовсе незамѣчатель-

ныхъ лицъ;—гдѣ пишущій біографію тщательно вылизывалъ описываемое лицо отъ пять до кончиковъ волосъ на макушкѣ; гдѣ, приступая къ этому священному труду, авторъ свершалъ омовенія, приобщался святыхъ тайнъ и приступалъ къ труду, выполнивъ строго сто тысячъ китайскихъ церемоній. Высказавъ краткій взглядъ на біографію Грановскаго, написанную Станкевичемъ, я долженъ прибавить для коверкателей чужихъ мыслей, что я отнюдь не хотѣлъ бросить тѣнь на Грановскаго, я набрасываю тѣнь на жалкую копію съ Грановскаго. Станкевичъ не только не художникъ, но и плохой фотографъ; въ его фотографіи живые, прекрасные глаза и тонкія черты выходятъ тѣнями; онъ очень плохо передалъ его черты и окончательно не сѣумѣлъ вдохнуть въ нихъ жизнь и придать имъ глубокое разнообразное выраженіе; онъ очень рельефно выказалъ всѣ его смѣшныя стороны, поразительно отсталые взгляды, но не сѣумѣлъ ярко выставить тѣхъ крупныхъ достоинствъ, которыя затушевали бы и заставили искренно забыть недостатки. Я увѣренъ, что много недостатковъ, самыхъ крупныхъ, вытекло безъ вины Станкевича: онъ вдался въ мелочи жизни Грановскаго, любя его; ему дорого малѣйшее воспоминаніе о немъ; но онъ не отрѣшился отъ себя, не вошелъ въ положеніе читающей публики, которой нѣтъ дѣла до его личныя симпатій и которой кажутся чрезвычайно скучными и приторными мелкія воспоминанія. Грановскій—свѣтлая, прекрасная личность, не смотря на его односторонность; черезъ много лѣтъ послѣ его смерти память о немъ жива въ Московскомъ университетѣ. У Герцена въ „Былое и Думы“ есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ Грановскому, и на этихъ глубоко поэтическихъ страницахъ вырисовывается рельефно возвышенно-прекрасный образъ Грановскаго; невольно начинаешь понимать и память о немъ, и глубокую симпатію къ нему тѣхъ, которые столкнулись съ нимъ на пути жизни.

Замѣчательныхъ лицъ много, замѣчательныхъ біографовъ чрезвычайно мало; извѣстное лицо можетъ глубоко выиграть—Сократъ былъ много обязанъ счастью, что его біографію написалъ его пламенный и гениальный ученикъ Платонъ—и страшно пострадать отъ біографа. Для біографіи мало одного добросовѣстнаго труда, тутъ нужно быть поэтомъ и глубокимъ психіатромъ, нужно сильно проникнуться образомъ, чтобы обвѣять его мягкой поэзіею и вдохнуть въ него теплую струю жизни. Изъ нѣсколькихъ страницъ Герцена Грановскій ярче вырисовывается, чѣмъ изъ 306 труженическихъ страницъ Ал. Станкевича.

Стихотворенія Всеволода Крестовскаго

Священникъ. „Да ты жь прелюбодѣй!
Твои стихи...

Поэтъ. Всѣ лгутъ, а на душѣ моей
Ей богу, я грѣха такого не имѣю,
По модѣ лишній грѣхъ завалилъ себѣ на шею,
А, правду вымолвить, я сущій Эпиктетъ,
Водой незамутимъ, предобренькій поэтъ.

Священникъ. Послушай же теперь полезнаго совѣта,
Будь добрый человекъ изъ грѣшнаго поэта.“

(*Исповѣдь бѣднаго стихотворца.* А. Пушкина.)

Когда я перелистываю стихи страстнаго Крестовскаго, я испытываю странное чувство, я обоняю запахи мая, того милого, благодатнаго мая, въ который деревья такъ роскошно распускаются; цвѣты, зелень, свѣжая, кипучая жизнь такъ и слышутся, видятся всюду; жаворонки нѣжными дискантами чирикаютъ въ воздухѣ; раскаты соловья тревожатъ сумракъ сада, „ландышь серебристый привѣтливо киваетъ головой,“ кошки, собаки, старички-саладоны объаты любовнымъ восторгомъ; всюду разлита нѣга, упоеніе весеннею страстью. Я увѣренъ, что ни одно стихотвореніе Крестовскаго не написано въ суровые, холодные мѣсяцы, въ которые кошки тоскливо мурлыкаютъ, присосѣдившись къ тепленькимъ печкамъ, а собаки, поджавши хвостъ, лаютъ на холодный воздухъ, не зная, какъ убить холодное, свободное время. Нѣтъ, увѣряю васъ, что эти вулканическія стихотворенія навѣяны майскимъ, раздражающимъ солнцемъ, общею животною стра-

стію; что-то роковое, знойное слышится въ стихахъ этого неоцѣннаго поэта весеннихъ похотей. Черноглазые, смуглолицые жители Юга трунять надъ нами, бѣдными жизнію, холодными дикарями сѣвера; они жестоко ошибаются: и у насъ есть огненно чувственные темпераменты, передъ которыми жители юга кажутся льдинами. Пусть подыщутъ у себя другой экземплярчикъ г. Всеволоду Крестовскому! я смѣло бросаю перчатку сладострастной Италіи, роскошной Испаніи, свѣтлой Греціи, если мало, — мрачно-фантастической Индіи, африканскимъ неграмъ, Каспскимъ готтентотамъ. Исходите възъ конца въ конецъ всѣ спаленныя зноемъ страны, вы нигдѣ не отыщете человѣка, похотливѣе нашего лирика — Всеволода Крестовскаго. Павьяны и мандрилы, о которыхъ такъ великолѣпно рассказываетъ Врежь, не смотря на всю необузданность ихъ страстей, гораздо холоднѣе и безстрастнѣе Крестовскаго. Но многіе, смущенные такимъ предисловіемъ, захотятъ доказательствъ, въ нетерпѣніи воскликнуть: „Покажите намъ творенія нашего похотливаго соотечественника, подайте ихъ!“ — „Андалузская ночь.“ Авторъ пишетъ, что она „горяча, горяча.“

„Въ этомъ зноѣ и страсть и безсиліе *(очень грустно)*
 Такъ что даже спадаетъ съ крутаго плеча
 Отъ біенія груди мантилія.“

Я очень несчастливо путешествовалъ: ни въ Индіи, ни Египтѣ, ни Италіи, я не сумѣлъ подсмотрѣть такого страстнаго момента! Можете ли вы себя представить, мои ледяные соотечественники, такую страсть, что даже мантилія спадаетъ съ крутаго плеча? Безъ трепета не могу читать: мнѣ воображается роскошная, голубая андалузская ночь; дамы при свѣтѣ яркой южной луны прогуливаются по пахучимъ алеандровымъ и лимоннымъ аллеямъ; у каждой дамы, при встрѣчѣ съ мужчиною, начинается такъ страшно биться сердце, что она на силу, съ помощью горничныхъ, можетъ на себя удержать мантилью, иначе она слетитъ съ „крутаго плеча.“ Всемогуція боги! что за страстная страна! Далѣе авторъ съ скромностью повѣствуетъ, что женщина срываетъ съ себя не только мантилью, но и все, и нагишомъ лупитъ въ благовонную даль, ея груди трепещутъ, горятъ (дымятся), а у ея любовника сигара горитъ и курится; понятно, возлюбленный отбрасываетъ сигару и начинается заниматься ею, а она, во время свиданія, съ дымящимися грудьми, прячется у него подъ плащомъ; что она тамъ продѣлываетъ я не знаю, но только, проведя такъ всю ночь, она весь день послѣ тоскуетъ и съ нетерпѣніемъ дожидается ночи, чтобы снова

слиться подь плащемъ. Въ оправданіе этой женщины Крестовскій увѣряетъ, что у ней старый мужъ, который все деньги считаетъ, но видно женѣ не до денегъ; она не знаетъ какъ урваться, а ужъ если урвется, ну и пойдетъ сливаться... Вотъ высокіе идеалы современнаго лирика Всеволода Крестовскаго! но не ужасайтесь, это только эротическія грезы. Какъ ни страстна голая андалузинка, но Мавританка страстнѣе, она сама говоритъ о себѣ:

„Я породы львиной самка
Съ логовищъ моихъ отцовъ.“

Она показываетъ на груди ранку и прибавляетъ:

„Мнѣ пробилъ ее кинжаломъ
Сорванецъ въ лукавый часъ,
Обожгла его я жаломъ
Полныхъ яду острыхъ глазъ.
Крѣпкій станъ мой, взоръ газели,
Подъ лобзаньемъ трепеть губъ
Очи брата подглядѣли,
Сердцу брата былъ онъ любъ.“

Они росли вмѣстѣ какъ „двѣ ягоды на вѣткѣ.“ Братъ, какъ тѣнь, ходилъ за сестрою, томимый ужасающими похотями, и наконецъ все это очень естественно разрѣшилось слѣдующимъ (но, положительно, чувствую невозможность передать жалкою, сухою прозою все, что случилось,—передаю клокочущими стихами Всеволода Крестовскаго):

„Онъ тревожнымъ поцѣлуемъ,
Онъ разбудить сонъ сестры,
И не помнимъ и не чuemъ,
Какъ уйдемъ мы за шатры.

Какъ умчимся въ степь отраднo
На свободу до утра!...
Какъ къ упругимъ персямъ жадно
Привлечетъ его сестра!

Но едва слышитъ шорохъ,
Чуть завылъ вдали шакаль,
Онъ ужъ вспыхнулъ, словно порохъ,
И дрожить въ рукѣ кинжалъ.

Было любо мнѣ порою
Ревность въ тигрѣ разбудить
И со страстью роковою
И со смертію шутить.

Этой ревностью волнуемъ,
Разъ, какъ левъ, меня онъ сжалъ
И съ проклятымъ поцѣлуемъ
Грудь цараннулъ мнѣ кинжалъ.

Я, какъ змѣйка, ускользнула,
Я царницей отошла,
Лишь во взорѣ промелькнула
Безпощадная стрѣла.

Только слышу, рухнулъ кто-то,
Обернулась братъ въ крови,
Ножъ подъ сердцемъ... шепчетъ что-то,
Шепчетъ мнѣ слова любви.

Я къ нему съ мольбой, мученьемъ,
Онъ на грудь меня привлекъ
И съ послѣднимъ наслажденьемъ
Кровью жгучею истекъ.

Умолкнувшій Барковъ, гдѣ ты? Цензура, трепеща за
россійскую нравственность, никакъ не рѣшается пропустить
ни одного сочиненія, проникнутаго высокою, честною мыслию;
что же касается до пахабщины, то съ превеликимъ удоволь-
ствіемъ...

Страсть въ этомъ стихотвореніи доходитъ до размѣровъ,
по истинѣ изумительныхъ: сестрица наслаждается съ роди-
мымъ братцемъ, а братецъ такой страстный и ревнивый, что
если слышитъ шакала, то вспыхиваетъ какъ порохъ и
схватывается за кинжалъ; умираетъ эта обезьяна на груди
у сестры, во время спазмовъ, сопровождающихъ извѣстный
физиологическій процессъ.

Въ стихотвореніи „Весеннія ночи“ лирикъ Крестовскій
сознается, что весна его сильно щекочетъ. Мнѣ кажется,
что подъ налитіемъ этого возвышеннаго духовнаго процесса
написаны всѣ его лучшія произведенія. Если бы у мандрилъ
и павьяновъ была литература, были поэты нѣжныхъ стра-
стей и тогда никто бы изъ ихъ круга не дошелъ до такого
ужасающаго лиризма страсти. До тѣхъ поръ, пока въ лю-
дяхъ будетъ оставаться хоть одинъ атомъ чувственности,
авторъ „Мавританки,“ „Затворницы,“ „Гитаны“ не умретъ:
онъ „памятникъ воздвигъ себѣ не рукотворный.“

Стихотвореніе „Затворница“ еще страннѣе и страстнѣе:
затворница, находящаяся въ монастырѣ, начинаетъ чувство-
вать неудержимое желаніе насладиться плотскими удоволь-
ствіями; не смотря на крѣпкіе затворы, она черезъ окно
пробирается въ садъ; тутъ ее опьяняетъ и одуряетъ аро-
матъ и она съ страстнымъ томленіемъ стремится, сама не
знаетъ куда, и вдругъ наталкивается на свою подругу—за-
творницу, которая, движимая и снѣдаемая тѣми же похо-
тями, забрела сюда, тогда.....

„И съ грудью грудь слилась въ объятяхъ жгучихъ,
И плескомъ струй
Быль заглушень въ тѣни кустовъ пахучихъ
Нашъ поцѣлуй!

И каждый разъ приходимъ на свиданье
Мы съ ней съ тѣхъ поръ,
Хоть можетъ быть за грѣшный мигъ желанья
Насъ ждетъ костеръ.“

Дьявольски таинственно!!.. Въ чемъ же дѣло? что дѣлаютъ затворницы? Авторъ разстрастничался до аллегоріи, или даже у него, автора „Мавританки“, не хватило геройства рассказать, на наготу, чѣмъ занимались голыя андалузинки, валяясь въ объятіяхъ одна у другой? Не мѣшало бы воспѣть нашему незабвенному лирику, въ pendant къ затворницѣ, ту нѣжную любовь, которая царила въ кадетскихъ корпусахъ, когда они были замкнутыми заведеніями! Въ каждомъ стихотвореніи вы непременно встрѣтите: „жгучія, дымящіяся груди, жгучіе поцѣлуй, жгучая кровь, жгучія объятія, жгучее наслажденіе, жгучій запахъ, жгучая похоть“ и даже—до чего только не могутъ донюхаться поэты-лирики — „благоухающія тѣла.“

Въ стихотвореніи „Гитана“ она проситъ не корить ее въ развратѣ (пусть себѣ развратничаетъ, кому какое дѣло!), но цѣловать ее звончій; она сознается, что въ развратѣ закостнѣломъ — лучезарная звѣзда и поясняетъ это еще глубже, прибавляя: „но за то и грѣшнымъ тѣломъ не скупилась никогда“. Разъ къ ней стукнулъ въ дверь нищій и попросилъ хлѣба, но оказалось, что хлѣба у ней нѣтъ; недолго думая, она, съ чудною, дѣтскою наивною, предложила: „прелестъ тѣла“ съ прибавленіемъ:

„Хочешь нищій, вмѣсто хлѣба я сама?“

Понятно, что не смотря на голодъ — „не единымъ хлѣбомъ будетъ сытъ человѣкъ“ — нищій чуть не подпрыгнулъ отъ радости, услышавъ о такомъ импровизированномъ хлѣбѣ.

„И въ кипучее лобзаніе
Я всю страсть свою влила,
И бѣднягѣ подаваніе
Грѣшнымъ тѣломъ подала.

Пусть позоръ — моя дорога
Въ замогильные края,
Мнѣ за то простится много,
Что любила много я.“

Воженька не злой, онъ почти навѣрное все простить, взявъ въ расчетъ такую небесную любовь; но, во всякомъ случаѣ, дѣвственная Гитана въ замогильные края отправится въ веселой компаніи! За ней послѣдуютъ, въ дикомъ ликоваіи, всѣ лучезарныя звѣзды публичныхъ домовъ, которыя на своемъ вѣку препорядочно много любили и чрезвычайно часто пускали въ ходъ свое тѣло, но только, къ великому сожалѣнію, не вмѣсто хлѣба, а за хлѣбъ; навѣрное, Богъ будетъ въ огромномъ затрудненіи, кому болѣе нужно простить грѣховъ. Но рядомъ съ озаглавленными стихотвореніями есть одно поразительно кипучее, безъ названія. Содержаніе стиховъ покажетъ, что придумать названіе было не подъ силу даже Всеволоду Крестовскому. Ни въ одномъ стихотвореніи авторъ не подымается на ту высоту похотей, какъ въ этомъ монументальномъ произведеніи, скромно озаглавленномъ тремя звѣздочками. Опять таки андалузинка повѣствуетъ:

„Въ дальней Африкѣ, весною,
Чуть засочнѣтъ трава,
Ходятъ львицы надъ водою
И за каждой по два льва.

Ходятъ чутки и ревнивы
Два соперника любви;
Взоръ что уголь, дыбомъ гривы,
Зубы въ пѣнѣ и крови.

Ходятъ долго львы за львицей,
Львица ждетъ и не глядигъ,
Только съ каждою денницей
Все томить ихъ и томить.

Изморила и ложится,
Взглядомъ вызовъ шлетъ на бой,
Спиблись львы и смотритъ львица
Пальъ одинъ, а къ ней другой.

Стихи дышутъ образами и при этомъ невыносимо пикантны. Изъ зоологіи мы знаемъ, что въ дальней Африкѣ, когда не сочнѣтъ, но уже начинаетъ сохнуть трава отъ наступающей жары, у животныхъ наступаетъ пора оплодотворенія. Подсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ этотъ процессъ въ дальней Африкѣ не удалось ни одному зоологу; но поэтъ — своеобразный чародѣй, въ своемъ таинственномъ исповидѣніи, въ поэтическомъ сонambuлизмѣ узрѣлъ львицу, съ каждою денницею все болѣе и болѣе томящую львовъ. Своимъ духовнымъ окомъ онъ подсмотрѣлъ, какъ она, изморивши ихъ безошаднымъ образомъ, ложится и подаетъ си-

гналъ къ кровавой битвѣ; львы, съ вздыбленною гривую, пѣною и кровью у рта, шгибаются, одинъ падаетъ, а другой бросается въ объятія къ возлюбленной. Но еще болѣе остервенѣлая сцена творится въ Испаніи: когда начала сочнѣть трава, за андалузинкой начали неотступно слѣдовать два испанца, съ пѣною въ зубахъ.

„Эта ножка, эта нѣга
Ихъ дразнили съ давнихъ поръ,
И одинъ былъ грандъ Ріего,
А другой Торедоръ.“

Пожираемая сочными весенними страстями, она не знаетъ кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, но половая страсть бываетъ непостижимо находчива: она обращается къ нимъ съ тирадою, которая была бы неопѣенна въ устахъ львицы дальней Африки:

„Мнѣ оба любви,
Пусть кинжалъ рѣшаетъ споръ,
Кто вопьется въ эти губы:
Грандъ или ты Торедоръ.“

Битва описана вулканическими стихами. Торедоръ напалъ убиваетъ Гранда и впиивается въ нее поцѣлуемъ, предварительно павши на обнаженные, дымящіяся перся; но благонамѣренный авторъ, тайно симпатизирующій нашимъ расторопнымъ городовымъ, захотѣлъ ввести тотъ же бдительный полицейскій элементъ въ Испанію. Андалузскій квартальный надзиратель стаскиваетъ разъяреннаго Торедора съ голыхъ персей андалузинки, и вскорѣ андалузинка узрѣла, какъ повѣсили адски страстнаго Торедора. Этимъ раздрающимъ трагическимъ положеніемъ заканчивается стихотвореніе. Ни въ одномъ изъ своихъ весеннихъ произведеній поэтъ не проводитъ такой удачной, восхитительной паралели между женщиной и похотливой львицей дальней Африки. Последнее стихотвореніе, съ которымъ я познакомлю читателя, въ андалузско-русскомъ вкусѣ; изъ альамбрскихъ садовъ авторъ переноситъ насъ на нашъ тучный черноземъ, на наши капустники и конопляники, густо унавоженные, въ среду березъ, дубовъ и ракитъ, но страсти носятъ тотъ же бѣшенный, испанскій характеръ; стихотвореніе это „Ванька ключникъ.“ У княгини былъ мужъ старый и ревнивый, вслѣдствіе этого ей полюбился „Ванька ключникъ, злой разлучникъ мужа стараго съ женой.“ Что съ нимъ продѣлывала княгиня—выше всякаго описанія, и на пуховикъ съ собою клала, прижи-

мала и льнула къ нему, „что сорочка ко плечу“; но про все провѣдалъ старый мужъ и велѣлъ — какъ водилось въ то гуманное время — повѣсить Ваньку — злаго разлучника; но передъ смертью Ванька, съ наглою откровенностью, повѣстуетъ въ пику старому мужу, что онъ не разъ хваталъ княгиню за грудь лебяжью. Поэтическія признанія новаго Руссо замыкаются фантастическою картиною:

„Вѣтеръ Ванюшку качаетъ
Что блинку на межѣ,
А княгиня умираетъ
Во свѣтлицѣ на ножѣ.“

Но довольно! дивныхъ перловъ и алмазновъ не перечтешь; они щедро разсыпаны по двумъ книгамъ: „Стихотворенія Всеволода Крестовскаго. С. Петербургъ, изданіе Озерова,“ и къ тому же это занятіе крайне утомительное. Аллахъ побори литературнаго павьяна — Всеволода Крестовскаго. Но вотъ что грустно: многіе въ Россіи читаютъ, перечитываютъ и даже переписываютъ его стишки; провинціальныхъ барышень и пылкихъ юношей бросаетъ въ потъ отъ его стишковъ, они производятъ довольно глубокой эффектъ; въ скромныхъ уѣздныхъ городкахъ есть много томныхъ дѣвицъ съ синими кругами подъ глазами, разгуливающихъ при свѣтѣ блѣдной луны съ раздражительными стишками Крестовскаго подъ мышкой. Не знаю, о чемъ мечтаютъ провинціальныя барышни, не хотятъ ли онѣ приблизиться къ чувственнымъ идеаламъ, выставленнымъ въ „Мавританкѣ,“ „Затворницѣ,“ „Гитанѣ“? Но такой колоссальный *tour de force*, нѣтъ сомнѣнія, даже не подъ силу самому Всеволоду Крестовскому въ дѣйствительной жизни. Эта печальная популярность Крестовскаго заставила насъ сказать объ немъ нѣсколько словъ; изъ этого грустнаго явленія невольно выводилъ, что критика Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и Чернышевскаго доступна только умственной аристократіи и что ея мощное, отрезвляющее, глубоко развивающее вліяніе не проникло въ средній кругъ.... Но многіе подумаютъ, что авторъ „Мавританки“ русскій, мальчикомъ еще попавшій въ Испанію, былъ взлелѣянъ знойными ночами Альамбры, что онъ росъ, гуляя въ альамбрскихъ садахъ, окруженный дѣвами Юга, которые его научили тѣмъ тонкостямъ, передъ которыми блѣднѣютъ подвиги чувственныхъ мандрилъ; нѣтъ, онъ родился, какъ мнѣ кажется, въ Нижне-Дѣвицкѣ — городѣ боговъ (уѣздный городъ въ Воронежской губерніи.) Я помню этотъ городъ, черезъ него давно я проѣзжалъ въ Воронежъ,

помню я этот укромный уголокъ — „пріютъ весны первоначальной“; въ этомъ пріютѣ весны первоначальной есть церковь съ колокольнею, просторная полиція, два каменныхъ домика, полусгнившія плетения казармы, меланхолично сложенные на бокъ, апельсины, но только въ лавкахъ, гдѣ они продаются разъ въ столѣтіе, а такъ лавки полны дегтемъ, карамелями, веревками, хомутами, колокольчиками, мочалками и сушеною рибою. Бульона и котлетъ въ Нижне-Дѣвицкѣ нѣтъ; жители считаютъ врагомъ правительства всякаго, кто, обуреваемый нестерпимымъ голодомъ, потребуетъ котлетъ; очень еще недавно былъ сосланъ въ Сибирь юноша за энергическое и неутомимое требованіе котлетъ; взятый подъ надзоръ полиціи, онъ продолжалъ неблагонамѣренныя требованія и былъ препровожденъ конфиденціально въ ссылку, какъ опасный членъ мирнаго общества. Внутри города обширная площадь, засѣваемая гречихою; унаваживаютъ ее черезъ чуръ густо благонамѣренные жители города. Тихъ городъ какъ Сахара, рыканіе львовъ тутъ замѣняетъ любовное и пронзительное визжаніе одичавшихъ кошекъ; жители не шумятъ, они тихо, сладко воркуютъ по домамъ, благоговѣнно играя въ дурачки; однообразную тишину нарушаютъ пчелы, они меня чуть не съѣли, когда я проѣзжалъ Нижне-Дѣвицкѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ; пчелы очень злы, крайне назойливы и приносятъ большой доходъ ихъ владѣтелю; сама пасѣка находится въ центрѣ города. Въ городѣ сонно, мутно протекаетъ рѣчка, зовутъ ее смердячая дѣвица,

„Не я ей названіе это далъ,
Хоть смыслъ глубокой есть въ названьи этомъ.“

Пасмурнымъ вечеркомъ, проѣзжая богами любимый градъ, я думалъ: вотъ то мирное лоно, на которомъ покоится престолъ русскій! Но мои думы прервала линейка; на ней верхами сидѣли 12 нижедѣвицкихъ гражданокъ; линейка была запряжена въ одну лошадь, съ широкою дугою и колокольчиками, за кучера сидѣлъ исправникъ; всѣ гражданки дивно и кротко во весь ротъ до ушей улыбались; онѣ ѣхали, погруженные въ кладезь молчанія и сколько божественной глупости было въ ихъ лицахъ; лица были всѣ страшно толстыя и невыносимо красныя. Въ Нижнѣ-Дѣвицкѣ есть и Олимпъ, но онъ грязенъ; въ этой странѣ очень часто идетъ дождь и вотъ что странно: когда въ Нижне-Дѣвицкѣ дождь — на Олимпѣ сухо, когда на Олимпѣ дождь — въ Нижне-Дѣвицкѣ сухо; жители въ этомъ зрятъ благость провидѣнія. Отъ цивилизациі городъ съ мужествомъ древнихъ классическихъ ге-

роевъ обороняется, и, не смотря на изрѣдко проявленное желаніе проникнуть туда, ей не удается: исправникъ, предводитель дворянства, сами жители, охраняющіе ихъ городовые, покровительствующіе имъ ангелы, устраиваютъ барикады и вѣчно стоятъ на стражѣ. Когда проѣзжаешь эту обѣтованную страну для многихъ, утомившихся жизнію, т. е. игрою въ карты и ѣздою на пноходцѣ въ тройкѣ, съ двумя тысячами колокольчиковъ и тремя тысячами бубенчиковъ, — невольно приходятъ завѣтныя слова:

Сни мирный празъ до радостнаго утра!

Но будетъ ли когда радостное утро? Нѣтъ, оно положительно никогда не будетъ!.....

И въ этомъ дивномъ уголкѣ міра рожденъ и обитаетъ, воспѣвающій лесбосскія страсти, лирикъ — Всеволодъ Крестовскій. „Какъ боги остроумны!“

Афера доктора Хана

(Популярная Медицина.)

Каждый из читателей, навѣрное, замѣтилъ, что новая вещь, во время періода своей новизны, продается очень дорого. Эта эксплуатация продолжается до тѣхъ поръ, пока вещь приглядится или явится огромное число конкурентовъ; но первымъ моментомъ стараются жадно воспользоваться всевозможные эксплуататоры и шарлатаны... Книга доктора Бока чрезвычайно просто обнаружила темный шарлатанизмъ медицины, всѣ ея мелкіе бабьи предрасудки, увертки, грубые обманы и нахальное обдираніе наивныхъ любителей леченія, какъ это дѣлали въ древности жрецы, а теперь попы и доктора. Старые плуты, недобросовѣстно дорого продающіе свое незнаніе, остервенѣли отъ книги Бока; они ее великодушно заклеямили пустою, ничтожною, поверхностною, забывъ, что рѣзкій скептицизмъ въ медицинѣ проявился не въ дилетантѣ, а въ специалистѣ, ученомъ, докторѣ-профессорѣ, въ которомъ очень трудно заподозрить поверхностность. Докторъ Бокъ принадлежитъ къ новой школѣ докторовъ. Медицина въ послѣднее время круто повернула въ другую сторону, она съ отвращеніемъ выбросила изъ науки ея темный средневѣковой хламъ, отбросила ея прежній кабалистическій характеръ; все темное отодвинулось на задній планъ и наука прояснилась. Алхимическіе препараты, выпиываемые изъ Индіи, Японіи, Бразиліи и острововъ Тихаго Океана, утеряли свою волшебную цѣлебность. Наука стала разыскивать цѣлебныя травы гораздо ближе и прописываетъ ихъ съ крайнею осто-

рожностью, въ рѣдкихъ случаяхъ ; большею же частью, не особенно довѣряя себѣ, она скромно предоставляетъ самой природѣ, помогая ей самыми простыми и не обогащающими аптекъ средствами. Понятно, что такое христіанство въ наукѣ до сихъ поръ борется съ медицинскимъ язычествомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что скоро умныя, осизаемыя начала возьмутъ перевѣсъ, и естественное, простое направленіе подавить средневѣковое, мистическое. Публикѣ понравилась книга Бока, она выдержала нѣсколько изданій ; это послужило сигналомъ : во мгновеніе ока изъ всѣхъ темныхъ щелей поползли мошки и букашки съ пусмами популярныхъ статей, съ новымъ направленіемъ ; очень немного сыскалось такихъ, которые, отобравъ у публики деньги, добросовѣстно отпустили популярнаго товара. Книга Хана вовсе не принадлежитъ къ этому разряду ; въ своей толстой, но жалкой популярной медицинѣ Ханъ выказалъ необыкновенную способность : одно дѣльное слово размазывать на 100 страницахъ.

Прочтя его статью, выносишь чертовскую тоску и головокруженіе, чисто съѣлъ что нибудь несвѣжее, скверное ; въ порывѣ болѣзненнаго ощущенія, невольно, предаешь анаѹемѣ всѣ популярныя статьи въ мірѣ. Въ его статьяхъ полезная мысль такъ занавожена пошлыми прибауточками, эротическими анекдотцами, что ее трудно поймать за хвостъ читателю. За неимѣніемъ собственныхъ взглядовъ онъ съ безцеремоннымъ мужествомъ размазываетъ чужіе взгляды ; его печальная жертва — Бокъ, онъ третируетъ его мысли, какъ прежній баринъ своего крѣпостнаго лакея ; все, что у Бока сжато, у Хана растянато ; но что странно : стряпаная книженку, онъ ни разу не упоминаетъ, что смѣшиваетъ съ водою густое „Будьте здоровы“ Д-ра Бока. Въ огромныхъ замѣчаніяхъ на концѣ страницъ видно, что Ханъ часто ссорится съ начальникомъ больницы — генераломъ. Генераль говоритъ, что камфора успокоиваетъ похоти, Ханъ сомнѣвается и дерзко увѣряетъ, что возбуждаетъ ; чтобы правильно рѣшить споръ, слѣдовало и Хану и генералу принять во внутрь по хорошей дозѣ камфоры и добросовѣстно прослѣдить ея дѣйствіе, но тогда потребовалось бы выкинуть нѣсколько страницъ изъ популярной медицины, на что Ханъ, навѣрное, не согласился бы. Ханъ весьма строго наказуетъ генерала за камфору ; вы часто встрѣчаете утонченно саркастическія замѣчанія, направленные не въ бровь, а въ самую макушку генерала : „къ моему величайшему прискорбію, онъ (то есть генераль) своего мнѣнія о камфорѣ не измѣнилъ“ (удивительно настойчивый!).

Изъ цѣлаго ряда статей, которыя цѣлкомъ принадлежатъ

перу Хана: „о холодной водѣ, умѣренной, очень умѣренной и страшно умѣренной, о теплой, очень теплой, чрезвычайно теплой, горячее и страшно горячее“ особенно рельефно выдаются двѣ: „Мои любимыя, домашнія средства“ и „Нѣчто отвратительное у человѣка.“ Мораль, таящаяся на днѣ этихъ статей, слѣдующая: ни одинъ въ мірѣ университетъ не въ состояніи укоротить ослиныхъ ушей.

Изъ первой статьи вы узнаете съ громаднымъ интересомъ для васъ, что Ханъ каждый день принимаетъ умѣренную душу, послѣ онъ весьма сухо, но въ то же время и умѣренно вытираетъ тѣло, послѣ чего неумѣренно подкушиваетъ. Ханъ ѣстъ 4 раза въ сутки и довольно плотно; если онъ изрѣдка простуживается, то, не теряя времени, вытапливаетъ изъ бараньяго хвоста жиръ и умѣренно натирается, послѣ умѣренно потѣветъ и болѣзнь тихо и умѣренно улечивается изъ него. Ханъ каждый день тщательно очищаетъ зубы отъ животной гнилости и полоскаетъ ротъ спиртомъ и каждый день онъ страшно умѣренно промываетъ и прочищаетъ носъ, чтобы у него не воняло изъ носу. Въ другой статьѣ онъ каламбурируетъ, смѣшиваетъ пріятное съ полезнымъ, проситъ всѣхъ дамъ и стыдливыхъ дѣвицъ не сердиться на него — Хана за то, что онъ взмахомъ стального пера дерзнулъ (въ полицію его!) провозгласить, что у прекраснаго пола встрѣчается нѣчто отвратительное. — „Да, любезныя, воздушныя дамы (воскликаетъ Ханъ), я самъ считаю васъ величайшимъ утѣшеніемъ, назначеннымъ небомъ въ вознагражденіе за всѣ непріятности, испытываемыя мужчинами въ жизни (какое великое назначеніе женщины!); но если бы вы могли подслушать, что про васъ говорятъ иногда тѣ же самые благородные рыцари и красавцы съ блестящими мундирами, которые, нагнувшись почти дугою, нашептываютъ вамъ любезности, вы нерѣдко слышали бы: „какая прелестная дама, но у ней отвратительно пахнетъ изо рта; эта дѣвица премиленькая, но жаль, что съ духомъ.“ Докторъ Ханъ взираетъ на женщинъ съ высоты собственной, объемистой, популярной медицины, какъ на утѣшеніе, ниспосланное для него — Хана съ неба за предпринятый имъ трудъ изданія популярной медицины; ему хочется (о боги, какъ умѣренны желанія доктора Хана!), чтобы небо не посылало на землю вонючихъ дамъ и барышень.

Нѣтъ сомнѣнія, что всюду разсыпанныя остроты почерпнуты у пѣхотныхъ красавцевъ, любящихъ сгибаться дугой, и отставныхъ подъячихъ, остращихъ подъ хмѣлькомъ по питейнымъ лавочкамъ. Онъ даже зналъ одного почтеннаго джентельмена, который 15 лѣтъ назадъ (паразитическое запо-

минаніе всего, что касается до протухлости) любилъ одну превосходную дѣвушку, но разъ въ семейной игрѣ онъ обнялъ ее и пламенный поцѣлуй разрушилъ его намѣреніе жениться на ней. Ханъ снова впадаетъ во всеокрушительное остроуміе, прибавляя: „поцѣлуй былъ съ духомъ.“ Не правда ли, покойникъ баронъ Бромбеусъ куда какъ неостроуменъ въ сравненіи съ докторомъ Ханомъ?...

Пусть Ханъ ссорится съ его превосходительствомъ, оспаривалъ успокоивающее дѣйствіе камфоры; обливается холодною водою, мажетъ себя бараньимъ хвостомъ, ложась въ постель во время простуды; пусть очищаетъ себѣ зубы и носъ, чтобы изъ нихъ не воняло, но пусть не остритъ: лишенный абсолютно этого дара, пусть не пыжится и не насилуетъ свой, и безъ того слабый, мозгъ, иначе онъ рискуетъ снова власть въ „Нѣчто отвратительное у человѣка,“ который, не имѣя атома остроумія, самостоятельныхъ взглядовъ, старается, но очень неудачно, все это замазать пикантными остротами овощныхъ лавокъ, переписываніемъ и обезображиваніемъ чужихъ статей и который своими популярными нулями подрываетъ любовь къ дѣльнымъ, превосходнымъ, популярнымъ статьямъ, которая начинаетъ обнаруживаться въ послѣднее время въ обществѣ.

26 Марта 1871 г.

Не памятникъ, а диво

„Поздравленіе съ новымъ годомъ отъ московскаго генералъ-губернатора Его Величеству было принесено въ слѣдующихъ выраженіяхъ :

*Ваше Императорское Величество,
Всемилоостивѣйшій Государь!*

Жители первопрестольной Москвы благоговѣнно повергаютъ передъ вашимъ императорскимъ величествомъ и государынею императрицею вѣрноподданническое поздравленіе съ новымъ годомъ. Одушевляющія всегда Москву (*высокое одушевленіе!*) чувства любви и глубокой преданности царственному дому были горестно встревожены недугомъ его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича; но утѣшительныя извѣстія о возстановившемся здоровьи его высочества успокоили жителей Москвы, и они, радостно встрѣчая наступающій новый годъ, вмѣстѣ со всѣми вѣрноподданными вашего величества, возносятъ ко Всевышнему усердныя молитвы о томъ, чтобы Господь по благодти своей сохранилъ ваше величество отъ тяжкихъ испытаній и даровалъ Вамъ и августѣйшему семейству вашему благоденственное долготлѣтіе для счастья нашего дорогаго отечества.

Повергая и мое вѣрноподданническое поздравленіе по случаю наступленія новаго года, всеподданнѣйше прошу принять благосклонно усерднѣйшія желанія мои всѣхъ благъ вашему императорскому величеству, государынѣ императрицѣ и всему августѣйшему семейству вашему, съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и безиредѣльной преданности имѣю счастье быть вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій

К. В. Долгоруковъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ, ДАННЫЙ НА ИМЯ МОСКОВСКАГО
ГЕНЕРАЛЬ - ГУБЕРНАТОРА :

Князь Владиміръ Андреевичъ!

Въ принесенныхъ нынѣ поздравленіяхъ Москвы съ новымъ годомъ выражены, кромѣ неизмѣнно искреннихъ благопожеланій, еще тѣ чувства душевной тревоги и сердечной затѣмъ радости, которыя испытаны были вслѣдствіе извѣстій о тяжелой болѣзни и наступившемъ за нею постепенномъ выздоровленіи любезнѣйшаго сына нашего государя наслѣдника цесаревича. Вѣрный отголосокъ того, что переживали въ это время наши родительскія сердца, — переданныя Вами по сему случаю отъ имени московскихъ жителей заявленія, а также дышущія глубокою любовью надежды ихъ на будущее благоденствіе наше и всего нашего семейства, служить новымъ доказательствомъ, что Москва живетъ по прежнему одною съ нимъ духовною жизнію, видя въ этихъ столь отрадныхъ чувствахъ завѣтное выраженіе непреложной преданности московскихъ жителей престолу, мы извѣляемъ имъ равно какъ и Вамъ лично душевную нашу признательность.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.“

АЛЕКСАНДРЪ II.

Ясно, какъ день, что Москва живетъ одною духовною жизнью съ императорскимъ семействомъ, но духовная ли это жизнь ???...

Передъ этимъ дивнымъ перломъ патріотизма блѣднѣютъ, дымомъ разлетаются официальные посланія Китайцевъ, Японцевъ къ ихъ владыкамъ — сыновьямъ неба; такіе адаманты жаркой, патріотической души должны быть преподнесимы монарху съ пышностью великою. Вѣрноподданнѣйшій подноситель, полный благопожеланій, чтобы не нарушить гармоніи между дивнымъ произведеніемъ и своимъ дѣйствіемъ, долженъ босой, въ рубищѣ, съ желѣзными веригами, ползсти на колѣняхъ отъ Москвы до Петербурга, дѣлая три ползка впередъ, а два назадъ; подползши ко дворцу, онъ долженъ тщательно облизать и обнюхать всѣ его стѣны внутри и снаружи, всѣ пороги и отхожія мѣста, а послѣ, растянувшись ничкомъ, съ закрытыми глазами и царскимъ испражненіемъ на головѣ, извиваясь въ тысячи погубелей, зигзагами подползсти къ самому императору и повергнуть рукопись къ его безсравнен-

нымъ подошвамъ, предварительно оросивъ ихъ обильными, но въ то же время радостными слезами умиленія, и кончикомъ носа обчистивъ съ нихъ съ высочайшимъ трепетнымъ благопожеланіемъ священную для всей Россіи пылъ. Если же эта церемонія не выполняется съ математическою точностью, то царство кромѣшного нигилизма уже наступило: Долгоруковъ, Слезянкъ, Катковъ стремятся съ быстротою индѣйскаго аркана по стезѣ Каракова. Государство перевертывается и изъ него скоро посыпятся въ смятеніи и ужасѣ Сашки, Машки, Кольки и проч., и проч. въ тѣмъ кромѣшную, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовный...

Чтобы сдѣлаться Тимономъ Аѳинскимъ, нужно прочесть два, три такихъ оффиціальныхъ посланій и отвѣты на нихъ. Невольно впадешь въ такую мизантропію, что будетъ рвать при видѣ встрѣчнаго человѣка.

Лилейное посланіе Брута города Москвы, князя Долгорукова, заставило меня усомниться въ теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; вѣрнѣе всего, что люди произошли отъ самой мерзвѣйшей собаченки, которая уже десятки тысячъ лѣтъ, вслѣдствіе своей негодности, исчезла съ лица земли.

Послѣдняя моська, выкормленная сливками какой нибудь вдовствующей московской графини, неизмѣримо самолюбивѣе, благороднѣе лучшаго изъ вѣрноподданныхъ благопожелателей города Москвы. Пусть разъяснятъ философы-эмпирики тайну тайнъ: откуда у человѣка такая безконечная потребность лисить, лизать, пролѣзать, вилять хвостомъ и припадать на заднія лапки во время побоевъ? Если расположеніе волосъ на рукахъ и спинѣ можетъ служить признакомъ происхожденія отъ обезьяны, то неужели эти нравственные, собачьи качества не намекають ясно, что существовала нѣкогдадохматая шавка, спасавшаяся отъ сильныхъ животныхъ вонью, паденіемъ ницъ, виляньемъ хвоста, облизываніемъ ихъ лапъ и готовностью всегда, съ великимъ стараніемъ и благопожеланіемъ, отыскивать у нихъ кучи паразитовъ. Одно изъ поколѣній этой шавки, все болѣе и болѣе облагораживаясь, пошло обыкновеннымъ собачьимъ путемъ; другое — становясь все гаже и мерзче, попало въ необыкновенно замысловатія условія и сдѣлалось родоначальникомъ гордаго вѣнца творенія.

Анна Каренина

(Романъ ир. Толстаго)

Мы не станемъ разбирать романъ графа Толстаго, онъ сданъ уже на съѣденіе нашей критикѣ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ расщипанъ на атомы; онъ окажетъ великую услугу журнальнымъ пробѣламъ: они будутъ напичканы жиденькими разглагольствованьями о неисчерпаемыхъ психическихъ тонкостяхъ и неувядаемыхъ красотахъ романа. Жизненная правдивость, глубокой драматизмъ сценъ, это—такія свойства Толстаго, въ которыхъ рѣдко кто усомнится, но такъ же никто не усомнится, что между романомъ „Миръ и Война“ и „Анна Каренина,“ ничего нѣтъ общаго, исключая имени автора. Предвзятая мораль погубила послѣдній романъ Толстаго; большая часть сценъ потеряли всю глубину и силу отъ наизыванія ихъ на пресловутую мораль; не знаю, какъ пойдетъ далѣе романъ, но пока самые чуткіе и впечатлительные люди сознаются, что они весьма холодно и спокойно прочитываютъ самыя драматическія сцены; но совсѣмъ другое происходило при чтеніи „Миръ и Война.“ Мы постараямся разобрать эту вольную или невольную полицейскую, чиновничью мораль. Умирающій журналъ, раздавателя оплеухъ лицейстамъ, г. Каткова неудержимо шелъ къ концу; устали даже отставные генералы и старья чиновницы пережевывать и выплевывать ту умственную ветошь, которая печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—выразитель жандармскихъ убѣжденій и чувствъ; только переводные романы еле

поддерживали потухающую жизнь, но и этого въ концѣ концовъ оказалось недостаточно, тогда на сцену, какъ послѣднее средство, появился мускусъ — романъ „Анна Каренина.“

Огромную часть изъ доходовъ, получаемыхъ съ задняго крыльца изъ канцеляріи III отдѣленія за гражданскія доблести и за обовраніе и униженіе политическихъ эмигрантовъ, пришлось заплатить Толстому, чтобы онъ рѣшился свое высоко нравственное, глубоко выношенное дѣтище продать журналу, заклеяменному лучшимъ, общественнымъ мнѣніемъ. Всѣ знаютъ профессію Каткова, его педагогическую дѣятельность и его искренніе взгляды на все то, что носитъ печать честной мысли и жизни! Неужели Толстому неизвѣстно, что въ публикѣ фамилія Каткова и въ Бозѣ почившаго Леонтьева синонимы Гречу и Булгарину? Я не знаю въ литературѣ ни одной личности, которая возбуждала бы въ развитой публикѣ столько глубочайшаго, заслуженнаго презрѣнія и отвращенія какъ Каткова и Леонтьева. Литературное имя, попадая на страницы этого журнала, такъ же оскверняется, какъ фамилія попавшаго за мелкое воровство въ чижовку. Всякая брань Каткова есть величайшее похвальное слово литератору, а всякая похвала — величайшее позорное осужденіе; только огромный талантъ и честность могутъ спасти Толстаго послѣ такого литературнаго промаха; ему слѣдовало предоставить этому мудрому органу кончить дни свои и соскользнуть въ помойную яму; не даромъ Катковъ шесть мѣсяцевъ не печаталъ романа: онъ трепеталъ за будущій годъ, какъ великій серебрянникъ, онъ зналъ цѣну имени Толстаго.

„Русскій Вѣстникъ“ усилилъ подозрѣніе на счетъ *agière pensée*, скрывающейся въ романѣ; Катковъ любитъ соединять всѣ удобства: и денежные и моральныя; денежные — спасти ни къ чему негодный журналъ, моральныя — уязвить и покарать развращенное, молодое поколѣніе, погнбающее безъ руководительной нити, въ черныхъ преисподнихъ ниглизма!.. Посмотримъ удалось ли это.

Мужъ Анны Карениной послѣ ея признанія въ измѣнѣ ему — великому административному портфелю, началъ выдумывать разныя орудія пытки для обузданія и наказанія виновной. Самое утонченное оказалось: оставить жить съ собою ненавидящую его женщину; кипучая жизнь была предана и продана свѣтскому приличію. Приличію какъ и религіи много приносилось трепещущихъ въ предсмертныхъ судорогахъ жертвъ, но приличіе не съумѣло такъ притиснуть гробовую крышкою свою жертву, чтобы она не успѣла вскрикнуть и вздохнуть.

Предчувствуя смерть, вслѣдствіе какаго-то глупѣйшаго

сна, который чудесно — даже съ спиритической точки — при-
снился слово въ слово Аннѣ Карениной и Вронскому, она
посылаетъ за своимъ любовникомъ, и любовникъ нечаянно
сталкивается съ мужемъ; мужъ свирѣпѣетъ и рѣшается на
скандальный разводъ, но при этомъ онъ зло издѣвается надъ
женою, стараясь у ней отнять сына; когда онъ обдѣлываетъ
свои дѣлишки, онъ получаетъ телеграмму, что жена, умирая
отъ родовъ, проситъ прощенія (въ чемъ? и за что?) и же-
лаетъ его видѣть; съ пламеннымъ желаніемъ, чтобы она по-
скорѣе умерла, т. е. самымъ приличнымъ образомъ очистила
его административную карьеру, онъ входитъ къ ней и къ
великому сожалѣнію застаетъ ее живую. Больная въ бреду
умоляетъ о прощеніи, взводитъ на себя небывалыя преступ-
ленія... Подъ вліяніемъ тяжкой, раздирающей сцены умира-
ющей женщины, въ Алексѣѣ Александровичѣ совершается
фантастическій переломъ; въ часъ времени весь его орга-
низмъ перерождается — по повелѣнію графа Толстаго „да
будетъ свѣтъ! явился свѣтъ“. Административная ветхая,
длиноухая мумія превращается въ пламеннаго христіанина
первой эры христіанства. Согнувшемуся передъ нимъ Врон-
скому онъ говорить :

„Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня
берутъ кафтанъ, и молю Бога только о томъ, чтобъ онъ не отнял у меня
счастья прощенія..... Вотъ мое положеніе. Вы можете затоптать меня въ
грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта, я не покину ея, и никогда слова
упрека не скажу Вамъ. Моя обязанность ясно начертана для меня: я
долженъ быть съ ней и буду. Если она пожелаетъ васъ видѣть, я дамъ
вамъ знать.“

Но не дайте подкупить себя читатели волшебною карти-
ною, въ которой рѣзкія краски и замысловатые эффекты за-
темняютъ содержаніе; истина дороже и выше самой чарую-
щей поэзіи; призовите на помощь всю силу анализа и
разнимите по частямъ эту вывѣтрившуюся христіанскую мо-
раль. Пусть высокая поэзія возвышаетъ истину, но не помо-
гаетъ сгущать мракъ въ слабыхъ головахъ!

Самоотверженіе — великій актъ, но для великихъ вещей
нужны если не великія, то по крайней мѣрѣ умѣлыя руки :
если вы вздумаете за ударомъ по щекѣ подставить другую
щеку, васъ буквально сотрутъ съ лица земли оплеухами, и
смерть ваша будетъ безславная, и память безславная! Та-
кими христіанскими добродѣтелями у насъ отличаются при-
живалки и заштатные чиновники полицейскаго управленія.
Наше чудовищное политическое и соціальное положеніе про-
исходитъ отъ того, что мы черезъ чуръ добродѣтельно

устилаемъ собою путь, по которому неистово канканируютъ царственные деспотики. Хищническіе клыки и когти не рвали бы на клочки нашего бѣднаго сердца, если бы мы, со слезами платоническаго холопства, не подставляли наши груди для этихъ мучительныхъ операцій; христіанская мораль о сниманіи съ себя верхней одежды, когда съ васъ снимаютъ нижнюю, тогда развернулась бы во всей лучезарной красотѣ, когда всѣ головы и сердца прониклись бы этою моралью. На практикѣ происходитъ совсѣмъ другое — не ходя далеко за примѣромъ, полюбуемся на нашу родину: христіанское, пекущееся о меньшей братіи, правительство уже давно раздѣло до нага всю меньшую братью, теперь, за неимѣніемъ шкуры, у націи съ необычайнымъ самоотверженіемъ отдираютъ мясо отъ костей.

Много развѣяно по міру великихъ людей, которые всѣмъ жертвуютъ для блага и спасенія страждущихъ; они часто на головы свои принимаютъ болѣе суровыя и колючіе вѣнцы, чѣмъ вѣнецъ Спасителя, но они борятся со зломъ, замѣтте, страшно борятся со зломъ! Война идетъ на жизнь и смерть и это божественная борьба свѣта съ тьмою.....

Всеобщее, великодушное прощеніе можетъ только наступить послѣ полной, безповоротной побѣды.

Теперь отъ общаго перейдемъ къ частному. Христіанское всепрощеніе, даже въ рѣдкихъ случаяхъ, приноситъ горькіе плоды: если въ женщинѣ сильно развито чувство, она, послѣ своего увлеченія другимъ мужчиною, вмѣсто того, чтобы встрѣтить, какъ обыкновенно случается, въ мужѣ ненависть, презрѣніе за то, что она не пощадилла его нѣжныхъ чувствъ, выставила его чуть не на посмѣшище передъ свѣтомъ, вдругъ совершенно неожиданно встрѣчаетъ нѣжное, трогательное прощеніе, великодушное попеченіе объ ея счастіи; она поражается этимъ возвышеннымъ чувствомъ. Мужъ, подымаясь и уходя въ небо, заставляетъ ее, невольно, еще глубже сознать свое мнимое паденіе; вѣрнѣе всего, что она не захочетъ, за такое самоотверженіе, отплатить соединеніемъ себя съ любовникомъ; она постарается, очень тщательно въ себѣ убить все и полюбить великаго, христіанскаго героя — мужа, и тогда самоотверженіе и всепрощеніе становятся тою невыносимою тяжестью, которая раздавитъ жизнь. Самоотверженіе, не во время разыгранное, тяжеле самага злаго деспотизма: деспотизмъ возбуждаетъ энергію для борьбы, самоотверженіе подавляетъ ее въ зародышѣ. Не желаю самому злѣйшему врагу моему быть въ кожѣ той несчастной женщины, на голову которой обрушилась такая христіанская мораль! Это торжество добродѣтели произво-

дить такое же впечатлѣніе, какъ торжественныя, христіанскія похороны съ блестящимъ облаченіемъ, свѣчами, кадилами, раздрающимъ душу пѣніемъ. Возставать противъ отрицательнаго добра необходимѣе, чѣмъ противъ положительнаго зла; предрасудки, замаскированные поэтическими, величественными мантиями, глубже хоронятся въ мозгу, чѣмъ обыкновенныя предрасудки.

Не глубока и не нова христіанская мораль, выведенная графомъ Толстымъ въ концѣ XIX вѣка; трудно ея обратить на стезю добродѣтели анархическое, материалистическое молодое поколѣніе! Авторъ „Анны Карениной“ невольно прочитываетъ приговоръ надъ новѣйшимъ ученіемъ, которое по гуманности, ширинѣ, глубинѣ мысли, свободѣ, простотѣ и примѣнимости къ практикѣ стоитъ неизмѣримо выше ученія Спасителя и Апостоловъ. Только хронически помѣшанные попы, видящіе въ Исусѣ Бого-человѣка, могутъ думать, что Исусъ отъ перваго и послѣдняго слова своего ученія стоитъ выше всѣхъ вѣковъ и народовъ. 1800 лѣтъ челоѣчество не стояло на одномъ мѣстѣ, мысль кипѣла, работала, величественно росла и крѣпла во мракѣ ужасающихъ тюремъ, тиши кабинетовъ, среди притоновъ нищеты и порока, въ подземельяхъ, подъ истязаньями священной инквизиціи, подъ топорами палачей. Неужели наука и мысль не сказали того, что не слышалось прежде мудрецамъ? Неужели можно перечислять ихъ откровенія, титаническія побѣды? Молодое поколѣніе почерпнуло мораль изъ другого источника, ставшаго библиографическою рѣдкостью: изъ романа „Что дѣлать“ Чернышевскаго. Авторъ романа опирался на другую почву, принадлежалъ къ совершенно другому лагерю мысли; между нимъ и великимъ христіаниномъ Катковымъ, развивающимъ въ своихъ лицейстахъ, въ самомъ высшемъ христіанскомъ смыслѣ, любовь къ оплеухамъ и шпіонству, лежала такая же пропасть, какъ между „Современникомъ“ пятидесятихъ годовъ и „Русскимъ Вѣстникомъ“, между благороднѣйшимъ и свободнѣйшимъ челоѣкомъ и палачемъ застѣнокъ Петропавловской крѣпости. Чернышевскій и Толстой... въ одномъ изъ нихъ воплощались всѣ радикальныя воззрѣнія, въ другомъ консервативныя. На слово радикаль существуетъ меньше варьяцій, чѣмъ на слово консерваторъ; эта кличка таитъ въ себѣ обширное опредѣленіе: самый шоръ консерватора даетъ намъ Англія. Консерваторъ — англичанинъ съ мужествомъ отстаиваетъ права и учрежденія, доставшіяся націи путемъ кровавой, вѣковой борьбы и эти права и учрежденія солидныя: нижняя палата, право личности, свобода печати, право сходакъ; государственный строй развилъ громадную само-

дѣятельность въ націи; вся дѣйствующая сила сосредоточена въ общественномъ мнѣніи; королевская власть тамъ поль, дорогая игрушка. Консерваторъ прежде чѣмъ принять реформу радикальной партіи, съ огромною предвзятою осторожностью разлагаетъ, взвѣшиваетъ и придирается къ чуть замѣтному ея темному пятнышку, словомъ онъ противопоставляетъ ей всю критическую тонкость своего ума, всю опытность практики. Консерваторы боятся стремительнаго наплыва идей; они на яву грезятъ революціями, боятся, что радикалы, въ безстрашіи мысли молодой, забудутъ, что почва недостаточно готова для воспринятія ихъ идей. У нихъ есть своеобразный взглядъ на почву: они думаютъ, что человѣческія права нужно сначала искрошить въ кусочки, а потомъ выдавать ихъ съ чувствомъ и разстановкой націи; они боятся, что страсти, разнузданныя революціей, затопятъ кровью всю Англію, и чтобы сдержать рѣзаніе глотокъ, запрудить эти бурныя, все выше и выше поднимающіяся, кровавыя волны прійдется прибѣгнуть къ такому отчаянному средству, отъ котораго подымутся волосы на головѣ у каждаго англичанина — патріота: къ диктатору, къ Бисмаркамъ, Наполеонамъ, Александрамъ. Человѣчество пойдетъ вспять, вѣковыя, дорогие права улетучатся и надъ нимъ, какъ реакція, воцарится цезаризмъ, съ пушками, палачами, инквизиціей мысли и рѣзкимъ подавленіемъ всѣхъ правъ въ зародышѣ. Но русскій консерваторъ—самый жалчайшій типъ консерватора; это своего рода японскій консерваторъ: отстаивать ему у себя нечего — дорогихъ для человѣка у насъ правъ нѣтъ и не предвидится въ близкомъ будущемъ. Мы жалкое стадо, руководимое слѣпымъ пастухомъ—кретиномъ, насъ могутъ по волѣ накормить вкусными злаками и—обрушить съ горы въ пропасть. Пока у насъ есть гордое право: обнюхивать молча обѣдки, брошенные намъ — Лазарямъ со стола богатаго; кланяться и благодарить, вотъ все, на что мы имѣемъ полное право, оставаясь благонамѣренными! Если мы завизжимъ, намъ скажутъ: „тубо“! — и конецъ великой, гражданской комедіи!... Мы пока ничего не взяли и до этихъ поръ не показали даже способности удерживать то посредственное, что намъ даютъ. При такихъ чудныхъ условіяхъ консерватизмъ теряетъ подъ собою всякую почву; большей частью, въ силу вещей, онъ присосѣживается въ концѣ концовъ къ жандармской командѣ, сыщикамъ III отдѣленія, къ лижещему отребью; онъ вступаетъ въ лилѣйный союзъ съ мракобѣсіемъ; полюбуйтесь на букетъ русскаго консерватизма: на Каткова и на живымъ взятаго на небо Леонтьева! Прослѣдите ихъ путь по стезѣ консерватизма.....

За недостаткомъ тѣмъ, наши консерваторы бросаются на защиту очень изящнаго рисунка кандаловъ и разныхъ формъ собачьихъ ошейниковъ, тянутъ изъ подъ спуда семейное начало, церковный бракъ. Предписывая слѣпое уваженіе къ нимъ, они ни на волосъ не объясняютъ, какими необыкновенными качествами они заслужили право на всеобщее уваженіе.

Къ сожалѣнію, мы еще такіе эгоисты въ любви, собственники, что лучшіе изъ насъ всегда съ болью и великими страданьями отрѣшаются отъ своихъ чувствъ въ пользу ближняго; у насъ всегда свое счастье затемняетъ разумное пониманіе чужаго счастья; мы никакъ не умудряемся разойтись съ женщиною, которая полюбила другого, просто, не терзая ее ни самоотверженіемъ, ни великодушіемъ. Сознаніе полной свободы женщины у насъ, пока, существуетъ только въ теоріи. Разъ мы любимъ, то невольно, въ силу воспитанія, привычки, предвзятыхъ убѣжденій, эгоизма, мы свершаемъ церемонію отпущенія женщины на свободу такъ же величественно и мрачно, какъ средневѣковые Евреи—отлученіе отъ синагоги. Грустно наше настоящее, и то что не подь силу намъ, будетъ подь силу будущему. Наступитъ время, когда оковы спадутъ съ тѣла и духа, и тогда наступитъ то гармоническое счастье, до котораго не подымается наше воображеніе. Пока у насъ предоставляется выбрать мужинѣ или семейную жизнь со всѣми ея роковыми случайностями, или же черпать ту любовь съ сифилистическою зарозкою, которая продается съ публичнаго торга, толкаемая кровавымъ трудомъ и голодомъ. Пока свободно любить мы не умѣемъ, боимся; мы не умѣемъ сойтись съ женщиною, ни разойтись; у насъ всегда появятся на сценѣ церковныя клеймы или меркантильныя законтрактованія, варварскій деспотизмъ или варварское великодушіе и всепрощеніе.

Донъ - Кихотизмъ

(Западочныя природы — романъ Шпильгагена)

I.

„Онъ дотронулся до ея рубашки, и не смотря на то, что она была сшита изъ грубѣйшаго холста, годнаго на мѣшки, рыцарь принялъ эту дерюгу за тончайшее полотно, какія-то несчастныя, стеклянныя украшенія на рукахъ Мориторны показались ему жемчужными браслетами, а волосы ея нѣсколько напоминавшіе конскую гриву — пятами чистѣйшаго арабскаго золота, затмѣвавшго своимъ блескомъ свѣтъ солнца, наконецъ дыханіе ея, отзывавшееся чеснокомъ, напоило обоняніе Донъ-Кихота какимъ-то чуднымъ ароматомъ... Ни дыханіе, ни другія достоинства злополучной Мориторны, нагнавшія бы тошноту на всякаго другого, не могли разсѣять призраковъ, порожденныхъ больнымъ умомъ рыцаря, воображавшаго, что онъ сжимаетъ въ объятіяхъ своихъ богиню любви.“

(Донъ-Кихотъ — переводъ Карелина.)

Романтическое направленіе изъ литературы перешло въ жизнь, и какъ вредное по своей неестественности направленіе, оно принесло неисчислимо скверные плоды. Много разъ были изображаемы романистами жертвъ вечернія, жертвъ среды; я попробую не въ романѣ, а въ критическомъ очеркѣ, изобразить жертвъ острой, психической эпидеміи: жертвъ романтизма. Отъ него мы не отдѣлались и до сихъ поръ; онъ занаваживалъ почти всѣ романы до настоящаго времени и будетъ свершать свою почтенную миссію еще долгое время.

Бѣлинскій полуреалистъ и полуромантикъ въ началѣ своей дѣятельности, началъ измѣнять этому дряблему направленію незадолго до смерти; отъ него у него остался дурманъ въ головѣ. Проживи онъ долѣе, онъ со всею необузданностью своей гениальной, гладиаторской природы, навѣрное, ринулся бы въ реальное направленіе и сильно нарушилъ бы сладкое прозябаніе романтиковъ.

Добролюбовъ реальному направленію не измѣнилъ до послѣдняго дыханія жизни; своимъ трезвымъ, задушевымъ словомъ, честною, здоровою мыслью онъ очистилъ ту смрадную атмосферу, въ которой свершались веселыя оргіи паганизма или романтизма. Писаревъ старался добить это направленіе въ литературѣ блестящими сарказмами, умными, ѣдкими статьями.

Въ моемъ очеркѣ я укажу на тѣхъ несчастныхъ Донъ-Кихотовъ мужскаго и женскаго пола, которыми кипитъ жизнь; это большею частью дѣвушки. Навѣрное, рѣдкому изъ читателей не приходилось на пути жизни сталкиваться съ романтическими семействами. Романтизмъ обыкновенно принималъ самый злостный характеръ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ прозаическій глава семейства умиралъ и воспитаніе переходило въ руки таинственно-романтической маменьки. Мнѣ приходилось сближаться съ необыкновенно богатыми натурами, которыя, всецѣло отдавшись этому направленію, заѣдали свою жизнь и своихъ дѣтей. Такія сильныя умственно особы, выходя замужъ и попадая въ деревенскую глушь, вдругъ начинали чувствовать, что онѣ очутились въ томъ благоуханномъ воздухѣ, въ которомъ или нужно задохнуться отъ вони и липкой грязи или предаться куренію опія, — онѣ выбирали послѣднее. Куреніе опія сулило имъ наслажденія магометова рая; ихъ уродливо ужасное положеніе не позволяло имъ додуматься до той плачевной мысли, что это наслажденіе съ лихвою окупится собственными ежечасными разочарованіями, собственной, узенькою односторонностью и тою массою жизней, которая будетъ погублена этимъ бесплоднымъ направленіемъ. Постоянное, тихое плаваніе въ туманахъ, безъ руля и безъ вѣтриль, не обходится даромъ: спускаясь съ необозримыхъ небесныхъ полей на землю, романтическія особы должны были ту же обыкновеннаго затыкать носъ отъ земныхъ зловоній; земля для нихъ переставала быть мѣстомъ горя и въ то же время — великаго счастья, — страданія и наслажденія. Онѣ въ ней видѣли юдоль плача, опустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое достояніе; романтики засыпали Крезами, а просыпались Ирами.

Куреніе опія заключалось въ томъ: что способная, пыл-

кая женщина, чтобы забыться отъ дѣйствительности и чѣмъ нибудь наполнить зіяющую прорѣху помѣщичьей жизни, начинаетъ съ жаромъ бросаться на романы; мужа ихъ, находясь въ точно такомъ же положеніи, обыкновенно съ жаромъ бросались на сивуху. Руководить ее въ глуши некому; чѣмъ фантастичнѣе романъ, тѣмъ болѣе волшебныя грезы наполняютъ ея возбужденный мозгъ. Любимыми ея писателями становятся: Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, Жанъ Поль, Гюфманъ, Раткливъ, Сю, Гюго, Феваль, Дюма; изъ романовъ Жоржъ Занда ей болѣе всего по душѣ: Консуело, Жанна; Диккенса, Текерея она не читаетъ, считая ихъ утомительными. Постоянное поглощеніе романовъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ, наконецъ, совершенно погружаетъ ее въ міръ хаоса и грезъ; подъ обаяніемъ вѣчныхъ сновъ что-то высоко-таинственное начинаетъ обнаруживаться въ томъ камердинерѣ, который во времена оны считался воплощеніемъ прозы. Въ каждомъ естественномъ, чувственномъ порывѣ простой дѣвушки она начинаетъ видѣть роковыя страсти, невѣдомыя страданія, высоко-драматическое положеніе; участіе, оказанное при такомъ способѣ пониманія, нѣтъ сомнѣнія, приводило въ крайнее недоумѣніе простую дѣвушку. Отупѣвшее, исковерканное голодомъ и вѣчнымъ страданіемъ лицо начинаетъ проситься въ романъ; продолжаться такое фальшиво возбужденное состояніе всегда не могло и въ прозаическіе промежутки, способная, чуть не на самопожертвованія, барыня начинаетъ въ порывѣ благороднаго негодованія пощипывать и пошлепывать по щекамъ горничныхъ; ея парящій въ лазурныхъ пространствахъ романтизмъ не мѣшаетъ ей относиться къ доброму поселянину, какъ къ движимой собственности, великое, святое назначеніе которой тѣшить свою барыню, лелѣять и безпрекословно повиноваться мановенію очей ея, а въ награду за все это питаться прочерствымъ хлѣбомъ, объѣдками и дробить отъ ужаса, ожидая, что спустятъ съ мяса кожу. Но многіе скажутъ, что я беру дикое время крѣпостнаго права, но, къ сожалѣнію, романтическія матери еще успѣли насладиться крѣпостнымъ владычествомъ, онѣ отвѣдали этой божественной амброзіи. Типъ *rig sang* романтическихъ матерей взлелѣяло крѣпостное право, то есть вѣчное тунейство и безобразно извращенная жизнь.

Въ то время, когда я пишу эти строки, т. е. 1 ноября 1872, представительницы этого высокоутонченнаго типа доживаютъ мирно свой вѣкъ въ деревенскихъ хлѣвикахъ, обкушываясь всевозможными аппетитными яствами, запивая ихъ вкуснымъ, не лишеннымъ алькоголическихъ свойствъ, виномъ, разнообразя все это роковыми любовными грѣзами, наипикантнѣй-

шими, наибезконечными сплетнями и переливаніями изъ кулька въ рогожку.

Романтическая барыня въ ранней молодости не была лишена пылкой нѣжности, способности глубоко любить; въ ней таилось много свѣтлыхъ силъ, но онѣ завяли безъ упражненія, какъ сила въ мускулѣ, неприводимомъ въ движеніе. Зачитываясь романами, она вовсе не читала серьезныхъ книгъ, въ которыхъ иногда кипѣла мысль, жаждущая освободиться изъ подъ гнета предрассудковъ, стремящаяся къ высокой гуманности, къ великому идеалу въ жизни... Здравый смыслъ покинутый, пренебреженный, начиналъ съживаться, тускнѣть, поддакивать дикой фантазіи и, наконецъ, совсѣмъ освобождалъ буйную фантазію изъ подъ своего отрезвляющаго контроля, и тогда въ головѣ образовывался кавардакъ; сужденія и мысли начинали путаться и перемѣшиваться въ головѣ, какъ разноцвѣтные камушки въ калейдоскопѣ. Утромъ романтическая особа въ человѣкѣ видѣла что - то значительное, роковое, непобѣдимое, слегка похожее на демона; послѣ обѣда какойнибудь прозаическій шагъ, неудачно сказанное слово разрушали иллюзію и сводили невиннаго субъекта съ лучезарнаго Олимпа прямехонько на скотный дворъ. Вечеромъ ей кажется, и очень ясно, что таинственный, не лишенный скрытаго обаянія, среднихъ лѣтъ мужчина, отецъ многочисленнаго семейства, горитъ къ ней неутлимою страстью, что ясно видно изъ взоровъ, полныхъ глубины и огня, бросаемыхъ на нее изъ за картъ. Въ ея воображеніи возникаютъ кровавыя картины: въ фантастическомъ туманѣ видится гнѣвный, полный черныхъ думъ мужъ, съ пистолетомъ въ твердой рукѣ; съ другой стороны — блѣдный, но безтрепетный, съ мрачнымъ облакомъ на челѣ, любовникъ, ищущій страстнымъ взоромъ предмета своей бѣшенной любви и жаждущій сказать только краткое, но пылкое прости, чтобы поспѣть, безъ замедленія, растянуться у ея ароматныхъ ногъ хладнымъ трупомъ, съ грустными упрекомъ на застывшемъ лицѣ.

Самая комическая черта романтическихъ натуръ — что для нихъ въ минуты грѣзь жизнь человѣка дешевле яичной скорлупы; онѣ съ удовольствіемъ въ своемъ сонambuлизмѣ зрятъ хладный трупъ, абы только картинка выходила хороша; онѣ удивительно любятъ, хотя и большія по большей частью трусихи, потрясающія сцены; онѣ питаютъ платоническую страсть къ мелодраматическимъ положеніямъ во вкусѣ Дюма - fils.

Проснувшись утромъ, она замѣчаетъ, что непостижимый незнакомецъ, уѣзжая, обратилъ загадочный взглядъ на сивуху

и, приложившись къ этому идеальному напитку нѣсколько разъ, не переводя духу, нажрался солёненькимъ и засвидѣтельствовалъ витиеватымъ, подъяческимъ слогомъ, вѣрноподданническія чувства хозяйкѣ дома; послѣ его отъѣзда она съ драматической улыбкою à la Рашель вливаетъ прохладный воздухъ, и ея трепетно взволнованная душа жаждетъ широко шумныхъ дубравъ.

Нерѣдко романтическія барыни пописываютъ стишки; если имъ удастся послѣ неуспѣшныхъ бѣднѣй наконецъ приучить свои мысли укладывать въ рѣмы, онѣ утопаютъ въ восторгѣ. По ихъ понятіямъ писать рѣмами—быть поэтомъ. Онѣ увѣрены, что поэты рождаются съ готовыми рѣмами въ головѣ, и стоятъ только до нихъ коснуться божественному глаголу, какъ они тотчасъ же въ священномъ сматеніи пойдутъ катать ямбами и хорейми. Начинается неутомимая начатная бумага; всѣ стихотворенія носятъ потрясающій, убійственный, средневѣковой характеръ; въ нихъ воспѣваются таинственныя страсти, роковыя положенія. Поэтесса часто въ стихотвореніяхъ молится, чтобы въ нее не влюблялись; она устала сѣять повсюду великія несчастія, въ особенности въ семействахъ; она старается соединить, съ помощью божьей матери, черезъ нее разрозненныя, испепеленныя сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что это — отчаянное надуваніе Иверскихъ и другихъ божьихъ матерей: внутри души она жаждетъ раздирающихъ чувствъ.

Стихотворенія пишутся, по большей части, въ глухую полночь, подъ ревъ грозы, — и эта стихоманія не покидаетъ ихъ даже въ очень солидномъ возрастѣ. Я зналъ шестидесятилѣтнихъ старухъ, въ глухую полночь строчившихъ мрачныя стихи. Романтическая барыня будетъ проливать обильнѣйшіе потоки слезъ надъ страданіями злополучнаго Вертера, и въ то же время ея душа не вздрогнетъ отъ ужаса, когда она услышитъ, что многія крестьянскія семейства, недалеко отъ ея деревни, пережевываютъ, послѣ каторжной мускульной работы на помѣщика, хлѣбъ изъ мякны, древесной коры, пополамъ съ гнилою соломою. Она будетъ неудержимо рыдать надъ „Валентиною“ и не шевельнетъ бровью, когда узнаетъ, что красивую, добрую дѣвушку выдаютъ силою за богатаго, плюгаваго старикашку-міроѣда. Она будетъ поэтически ворковать надъ околѣвшею кошкою и довольно спокойно, съ поддѣльными аханьями выслушаетъ скорбный, ставшій избитымъ отъ вѣчнаго повторенія, рассказъ о томъ, что въ темной, холодной хатѣ, похожей на берлогу дикаго звѣря, умеръ безропотно бѣдный труженикъ, старикъ-мужикъ, отъ задышей его нужды и безысходнаго горя, и оставилъ гулять по міру, безъ при-

зору, кучу голодныхъ, больныхъ сиротъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, изъ разряда самыхъ чувствительныхъ и либеральныхъ, занимались леченіемъ крестьянъ; это замазываніе незалеченныхъ ранъ приносило имъ неизреченное удовольствіе, онѣ воздвигали себѣ немедленно, при жизни, монументы и восторженно любовались ими. Поставятъ благодѣтели человечества даровой клистиръ Авдотѣ Спиридоновнѣ или Аграфейнѣ Савишиѣ, которыя питаются въ свѣтлые годы своей жизни желудями; посоветуютъ имъ пить на водѣ настоенное кровочистительное и почиютъ отъ трудовъ своихъ.

Современные романтики не покидаютъ дѣятельности, завѣщанной добродѣтельными родителями: наружныя сифилитическія язвы, страшные внутренніе недуги щедро поливаются разведенною финеловою кислотою или свинцовою водою; за два рубля въ годъ, затраченные на эти два универсальные медикамента, покупается популярность. Бѣдный людъ идетъ къ полудивилизованнымъ бабкамъ, минуя земскія больницы. Наша дрябленькая совѣсть любитъ грошовыя добродѣтели; это похоже на стараго чиновника - взяточника: содравши шкуру съ просителя, онъ ставилъ свѣчку угоднику.

Но вдругъ умираетъ мужъ; весьма неожиданно освобождаются бѣлые негры, тогда начинается еще болѣе необузданное упиваніе опиумомъ.

Теперь расширимъ кругъ романтизма, выдвинувъ на сцену дѣтей. Дѣти отъ природы нѣжны, добры, умны, но у нихъ, уже съ ранняго дѣтства, начинаютъ развиваться духовную золотуху. Умѣрьте въ нихъ эту больную, живую сторону, познакомьте ихъ съ неживою природою, дайте имъ поэтическую, полную честной мысли, а не одного чувства, книгу, и, не смотря на всю бѣдность вашего воспитанія, изъ нихъ выйдутъ любящія, умныя созданія, которыя дадутъ много счастья любимому человѣку; ихъ дѣвственный мозгъ широко разовьется при счастливомъ столкновеніи съ разумнымъ человѣкомъ; онѣ не будутъ бояться трезвой жизни, не будутъ презрительно отворачиваться отъ нея. Но попадая подъ контроль романтической матери, онѣ принимаютъ другія, затѣйливыя формы: дѣвушка, подростокъ, начинаетъ внимать чуточкамъ ухомъ разсказамъ маменьки о непостижимыхъ незнакомцахъ, о упоительныхъ блаженствахъ любви, о трепетныхъ поцѣлуяхъ въ тиши темныхъ, пахучихъ аллей, при серебристо-блѣдномъ, томномъ свѣтѣ луны. Она часто слышитъ отъ маменьки, что домъ построенъ не на кирпичномъ фундаментѣ, а на эротическихъ романахъ; слова эти сопровождаются мрачными пришептываніями, потрясающими вздохами, многознаменательными возведеніями очей къ потолку. Романтиче-

ская маменька непоколебимо увѣрена, что таинственный рокъ тяготѣетъ надъ всѣмъ ея семействомъ; онъ грозитъ ей раздирательными драмами и баснословными, роковыми положеніями. Она очень любитъ быть главной героиней романовъ, но и не прочь насладиться ими, если они даже вульгарно пошло разыгрываются въ ея семействѣ; ее сладостно волнуетъ и потрясаетъ всякій намекъ на романтическое приключеніе. Но рассказы не насыщаютъ дочки, она сама принимается за романы и предается чтенію со всѣмъ жаромъ молодости; она читаетъ дни и ночи и, наконецъ, впадаетъ въ то экзальтированное состояніе, находясь въ которомъ, наши природивые, святые схимники зрѣли передъ собою, въ пустыхъ углахъ, очень ясно чертей, ангеловъ, нагихъ, красивыхъ женщинъ. Ея несозрѣвшая, пылкая головка слѣпо погружается въ волшебный міръ; герои и героини ей мерещутся чуть не въ свиномъ хлѣбѣ; все ей кажется загадочнымъ, роковымъ. Она начинаетъ рисовать въ своемъ воображеніи идеаль героя: онъ долженъ быть непременно брюнетъ — признакъ пылости, блѣденъ — признакъ разочарованія и меланхолическаго страданія; въ немъ должно быть нѣчто цыганское — признакъ свободы и сатанинской удали. Но чего только не свершается въ жизни! Пожилой человѣкъ, не со всѣми признаками, но со многими изъ нихъ является въ домъ; дочка млѣетъ, чертитъ его имя пальцемъ, при свѣтѣ луны, на вспотѣвшихъ, засаленныхъ оконныхъ стеклахъ; чѣмъ глупѣе, слѣдовательно, и таинственнѣе пожилой брюнетъ, тѣмъ болѣе томныхъ воздыханій, зампрающаго шопота. Она начинаетъ ясно видѣть въ немъ сумрачнаго демона, ненавидящаго и презирающаго родъ людской, за исключеніемъ смазливенькой Тамары; злаго, но въ то же время магическаго Печорина — мучителя дѣвическихъ сердець въ городѣ Кисловодскѣ; (страдающаго катаромъ желудка отъ питій и явствъ), мечтательнаго Онягина. Подгоняя подъ него всѣхъ извѣстныхъ ей героевъ, она находитъ, что всего этого чрезвычайно мало, многое остается еще неразгаданнымъ. Пожилой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе и дѣвушка выходитъ замужъ за неразгадавнаго героя, ощущая въ себѣ героиню. Роковые брюнеты по большей части оказываются безпардонными олухами. Счастлива будетъ романтическая барышня, если она отъ природы отчаянно глупа и способна проспать всю жизнь сномъ великой праведницы, пробуждаясь, но только слегка, на время безпрерывныхъ родовъ, — если высшимъ наслажденіемъ ея жизни будетъ сплетничаніе, если свиная рыла ея добрыхъ деревенскихъ сосѣдей будутъ ей казаться благообразными, а невылазній, нестерпимо вонючій навозъ превратится въ роскошный цвѣт-

никъ, полный благовоній. Счастлива будетъ она, если ея крошечный и плохаго достоинства мозжечекъ непронизительно замретъ въ тѣсной семейной раковинѣ; если романтическая способность: все мерзкое преобразовать въ хорошее, не оставить ее до могилы. Загадочный брюнетъ, если съ него безцеремонно сдернуть романтическую тогу — загадочная натура. Если онъ изъ помѣщиковъ; то, женившись, начинаетъ охотиться, заводиться собаками; наемные Гришки, Фильки и Степки вычесываютъ вшей у собакъ; его разговоръ начинается принимать собачій характеръ. Идеалами его жизни становятся: необыкновенные доѣзжачіе, паразительныя борзья суки, замѣчательныя, поджарыя кобылицы. Въ антрактѣ между охотами онъ дрыхнетъ и жретъ по 15 разъ въ сутки. Но иногда онъ берется за книгу, безъ разбору; ему все равно, будетъ ли эта книга „Происхожденіе видовъ“ Дарвина, „Космосъ“ Гумбольдта или романы Богоявленскаго: „Онъ и она,“ „Зюлейка на гробѣ Абдалуя—алжирскаго разбойника,“ — книжныя мысли соскальзываютъ съ его мозга, какъ съ кожи лягушки. Противъ всѣхъ физиологическихъ законовъ онъ даже въ среднихъ лѣтахъ, не развивается умственно и нравственно, а неудержимо, незамѣтно только для одного себя, тупѣетъ и развращается и, наконецъ, въ концѣ четвертаго десятка отращиваетъ себѣ брюхо и видоизмѣняется изъ таинственнаго брюнета въ еще болѣе таинственное животное—растеніе, которое, прилипнувъ къ одному мѣсту, занимается поглощеніемъ, вареніемъ и изверженіемъ пищи; промежутки заняты растительнымъ сномъ. Этотъ сонъ прекращаетъ смерть, и ѣдкая, грустная пародія на человѣка унавоживаетъ своимъ разжирившимъ тѣломъ нижніе слои почвы — крайне безполезныя для человѣка — ноля при жизни и столь же великая величина послѣ смерти! Людишки этого разбора такъ крохотны, что о нихъ не стоило говорить, но они становятся возмутительнымъ явленіемъ, когда ихъ грошовая жизнь связывается, по милости романтизма, съ существомъ, богатымъ душевными силами; они затормаживаютъ подобныхъ личностей, а часто совсѣмъ губятъ. Способная, романтическая дѣвушка, выйдя замужъ, начинаетъ вскорѣ смутно сознавать, что гордымъ, лучезарнымъ демонамъ, обаятельнымъ Печоринамъ, обольстительнымъ Онѣгинамъ придется дать полнѣйшую отставку; она силится, какъ можно долѣе, видѣть въ немъ то, что ей хотѣлось видѣть, когда она выходила замужъ; постоянно напрягая свое воображеніе, она впадаетъ въ умственный онанизмъ: на каждый нелѣпѣйшій поступокъ уroda, съ которымъ связала ее попь, она набрасываетъ романтическій колоритъ. Романтическое семейство, ее окружающее, не отрываетъ ея,

но бессознательно губить и запутываетъ, поддерживая въ ней болѣзненные грезы; оно начинаетъ въ немъ находить „нѣчто“ — это замысловатое словечко восхитительно замораживаетъ голову женщины. Въ глазахъ романтическаго семейства все принимаетъ волшебный колоритъ: непроходимая тупость превращается въ неглижированіе собою, въ скромность, не лишнюю добродѣтели; свиноватое неряшество — признакъ животнаго дикаря — превращается въ идиллическую близость къ природѣ. Если вы имъ укажете, что это свойство Ноздревыхъ и Плюшкиныхъ, они возопяютъ, что высшій идеалъ человѣка — превратиться въ юродиваго. Скотская апатія, отсутствіе живой мысли, живыхъ потребностей, высокихъ порывовъ считается разочарованностью, т. е. удѣломъ высшихъ натуръ; постоянная дрыхотня и жранье не менѣе 15 разъ въ сутки считается нѣгою, свойственною южнымъ натурамъ; ухаживаніе за сѣнными дѣвушками, вытекающее изъ жировыхъ источниковъ, показывающее безсиліе, нуждающееся въ разнаго рода клубничкахъ, преобразуется въ бѣшенную жажду любви, въ знойный, ненасытный темпераментъ; въ охотѣ за зайцами видятъ жажду душевныхъ бурь; въ глупѣйшихъ прыганіяхъ черезъ рвы и окопы видятъ не нищенство духа, рискованіе жизнью изъ пустяковъ, а — удале, не знающую ровъ и окоповъ, желаніе заглянуть въ глаза смерти. Даже карточная игра преобразуется въ нѣчто роковое: игрокамъ приписывается страстность; чело ихъ непременно должно казаться блѣднымъ, а глаза сверкающими; волненіе, происходящее отъ горькой мысли, что придется вытащить не изъ чужаго, а изъ своего кармана деньги, является святымъ волненіемъ, грознымъ замираніемъ духа; пьянство иначе не называется, какъ заливаніе сумрачной, великой, творческой души; невольное выраженіе глазъ, случайно удачно сказанная фраза, улыбка, гримаса, минутная, благородная вспышка таятъ въ себѣ тонкіе намеки на что-то роковое; зачастую глупость, низость, безобразіе въ головахъ романтическихъ семействъ преобразуются въ грандіозное, таинственное, въ роковое... Но сильная женщина, у которой періодъ романтизма такъ же переходящъ, какъ вѣра въ сказки у ребенка, послѣ долгихъ лѣтъ просыпается; не смотря на деморализацію родныхъ, она начинаетъ овладѣвать сознаніемъ, она строже начинаетъ выбирать книги, старается сблизиться съ порядочными людьми. Жизнь часто наталкивается такихъ женщинъ на тѣхъ сильныхъ духовъ, съ которыми онѣ чувствуютъ духовное сродство, на тѣхъ, которые, сойдясь съ женщиною, пробуждаютъ въ ней новый невѣдомый ей міръ, и своею огненною энергіей, безпощадно отрицающимъ

умомъ, ненасытнымъ стремленіемъ къ истинѣ, мгновенно опрокидываютъ карточные домики романтизма. Подъ вліяніемъ многихъ жизненныхъ толчковъ женщина начинаетъ испуганно озираться, ей становится душно въ романтической богадѣльнѣ; ея организмъ начинаетъ не переносить наркотическаго яда; ее начинаетъ тошнить при одномъ взглядѣ на ту моллюску, которой она пожертвовала своею красотою, молодыми, лучшими годами жизни. Буря новыхъ желаній, новыхъ мыслей подымается въ ея головѣ, она мучительно мечется, ей страшно становится за дико и тупо растраченную сильную жизнь, она ищетъ выхода, где жалія жизненныхъ силъ; она бьется, какъ вольная, сильная птица въ старой, хрупкой деревянной клѣткѣ; она молодѣетъ отъ сознанія, что часъ освобожденія недалекъ; ея дремавшія долгіе годы живыя силы пробуждаются при одной мысли объ освобожденіи. Но дѣйствительность жестка и далеко не слабонервна, иногда бурная жажда жизни просыпается у такихъ женщинъ тогда, когда она уже истощила лучшія силы своего организма на рожаніе дѣтей отъ свиной туши, которая въ дни ея крайней, духовной молодости казалась ей роковымъ незнакомцемъ, таящемъ въ себѣ „нѣчто,“ но года грѣзъ прошли и увидѣла она, бѣдная, что это знаменательное „нѣчто“ не болѣе и не менѣе, какъ всему роду человѣческому, всѣмъ скотамъ свойственная способность производить дѣтей! Невольно возникаетъ вопросъ: много ли найдется молодыхъ женщинъ, способныхъ вырваться изъ этого трупнаго состоянія? Для современной женщины выходъ неизмѣримо легче, чѣмъ для старыхъ, романтическихъ женщинъ: жизнь кругомъ хоть немного, но все-таки измѣнилась къ лучшему, она расширила путь для женщины; но много ли тѣхъ, которыя, руководясь силою своего характера, жаждою свободной жизни, въ состояніи будутъ насмѣшливо взглянуть на завываніе рабовъ отвлеченной и непонятной нравственности, на тяжелыя, брачныя цѣпи, выкованныя церковью, и вырваться на свободу? Думаю, что многія, это прямой расчетъ: жизнь ихъ безотраднѣе, что можетъ быть ужаснѣе „жить безжизненно и умереть, не родясь?“ Такая жизнь сама изъ себя выталкиваетъ, не нужно только противиться, а самое главное, не нужно откладывать; наше время выработало печальную истину: если человѣку солоно жить и онъ не употребляетъ всѣхъ послѣднихъ силъ на то, чтобы вырваться изъ сквернаго, заѣдающаго положенія, онъ стоитъ не сожалѣнія, а презрѣнія. Счастье завоевывается тяжкою борьбою, а не получается въ готовомъ видѣ, изъ рукъ боженки. Во время оно люди задыхались въ нескончаемыхъ несчастіяхъ и ждали,

что рука протянется из глубины лазурной и заботливо перенесет их из смраднаго вертепа въ сказочный чертогъ Аладина; они безконечно страдали, безконечно терпѣли, жалкіе люди! но не шевелили пальцемъ, все надѣясь и надѣясь, пока ихъ не приплюснвала послѣдняя иллюзія: смерть...

Наконецъ молодая, романтическая женщина, большей частью, имѣетъ страшный, живой примѣръ въ образѣ маменьки. Старый типъ романтическихъ матерей, теперь уже близящійся къ могилѣ, представляетъ собою отвратительное зрѣлище; самыя способныя изъ нихъ кончаютъ нищенски бѣдно; все хорошее, нѣкогда пребывавшее въ нихъ, остается у нихъ на кончикѣ языка; наѣвшись до отвала, онѣ позируются, патетически заявляютъ, что имъ хочется вырваться изъ окружающей жизни, что онѣ способны на многое, что въ ихъ мозгу кипятъ нигѣмъ не понятныя (но въ то же время никогда не высказываемыя) мысли; что натуры ихъ чрезвычайно высокія, но проклятая среда одолѣла. Провзнося все это, онѣ иногда безъ малѣйшаго усилія открываютъ шлюзы очей своихъ и проливаютъ необходимое въ данномъ случаѣ количество слезъ; иногда онѣ расплываются совершенно и, кривляясь, вопятъ, что онѣ сгораютъ отъ внутреннаго огня, но не смотря на пожирающее ихъ роковое пламя, онѣ жирѣютъ сказочно, не по днямъ, а по часамъ, и подъ конецъ жизни становятся уродливыми массама пуховиковъ и подушекъ. Донъ-Кихотизмъ въ старости безопадно наноситъ имъ послѣдній ударъ; у нихъ лѣзутъ изъ макушки волосы, голова зарастаетъ плешами, гнилые осколки зубовъ вываливаются изъ ослабѣвшихъ десенъ, фізіономія, уморительно жалкая, трясется на разжирѣвшей шеѣ, пузо волочитъ по землѣ, а онѣ воображаютъ въ себѣ что-то невыразимо обольстительное и подозрѣваютъ равнодушіе къ себѣ въ каждомъ встрѣчномъ мужчинѣ; всякій корыстный, плутоватый идиотъ, притворившійся влюбленнымъ въ дряблую, водянисто жирную, похотливую старушенку, можетъ обобрать ее. Романтическія старушки бѣсятся, видя страшный разладъ между ихъ золотушной фантазіей и живою дѣйствительностью; онѣ вымѣщаютъ свою злобу на всемъ молодомъ, онѣ прикапываются и придираются ко всякому малѣйшему шагу ихъ жизни. Слѣпя всю жизнь, онѣ подозрѣваютъ ту же слѣпоту и въ другихъ; все молодое и прекрасное онѣ замусоливаютъ своимъ черствымъ, старушечьимъ прикосновеніемъ. Годъ отъ году онѣ становятся все менѣе способными къ чему нибудь доброму, честному и умному; ихъ сердечныя порывы переходятъ въ близкій къ разжиженію мозгъ, а старческое сердце наполняется

злобою, завистью. Онѣ клеветуютъ отчаянно, сплетничаютъ, громоздятъ цѣлыя горы, каждую минуту мѣняющихся, другъ другу противорѣчащихъ предположеній и, наконецъ, впадаютъ въ ханжество; изъ атеистовъ быстро вырождаются въ полупомѣшанныхъ мистиковъ, которые не вѣрятъ въ Бога и вѣрятъ въ сны и предчувствія. Всякій, кто ихъ понимаетъ, глубоко презираетъ ихъ отъ всей души; кто менѣе ихъ понимаетъ, ненавидитъ. Умираютъ эти романтическія туши жалкою смертью человѣка, который не знаетъ, зачѣмъ онъ такъ нестерпимо долго волочилъ жизнь. Женщина этого разбора невольно должна сказать себѣ: „Изъ за чего я горячилась и распиналась всю свою долгую жизнь, я ничего не испытала ни особенно дурнаго, ни хорошаго, у меня, даже странно вымолвить, нѣтъ воспоминаній; не давая мнѣ ни счастья, ни наслажденія, любовь моя дробилась, растрчиваемая попусту на негодяевъ и олуховъ. Я стремилась ко многому, но такъ смутны были мои идеалы, что я не могла ихъ понять и до настоящей, послѣдней минуты; я до позора отстала даже отъ своего времени; я никому не принесла пользы, никого не пригрѣла ко груди, ни въ кого не вдохнула ни живыхъ силъ, ни новыхъ потребностей, никому не помогла выйти изъ бѣды; я всеѣмъ вредила своей глупѣйшей, разнузданной фантазійей, своей подкожною энергіей; изъ мухи я всегда дѣлала слона, а изъ слона муху; негодяи и идіоты были для меня высшими организмами; все хорошее, какъ болѣе трудное для пониманія, я старалась переуродовать; около меня копошились въ непокрытой нищетѣ и ужасномъ невѣжествѣ сотни человѣческихъ душъ, и я не накормила алчущихъ и не напоила жаждающихъ, я на волосъ не улучшила ихъ нравственнаго, умственнаго и физическаго положенія; новое поколѣніе, когда мои остатки будутъ перегнивать въ землѣ, прзречетъ надо мною горькій и правдивый свой приговоръ.“

Грустна ихъ жизнь и грустна смерть; объ нихъ нельзя говорить безъ горечи: въ нихъ были душевныя силы, но какъ онѣ дико управились съ ними! Но довольно о призракахъ, душа устала, погружаясь въ больничную палату романтизма; среди духоты и чада тамъ копошутся убогія старухи, красивыя, сильныя, молодыя женщины; однѣ изъ нихъ плетутся, бормоча непонятныя для другихъ и себя слова, въ могилу; для другихъ жизнь хуже могилы. Злобное крахтѣніе и безсильныя, бесплодныя, старческія проклятія вырываются у однѣхъ, и горькая, рвущая душу, тихая, полная слезъ и страданія жалоба у другихъ. Незнающая пощады жизнь раздавила отступницъ жизни.

II.

„Онъ любить средніе вѣка, платоническую любовь; ему надобенъ эффектъ, фраза — и замѣтите, что у него эффектъ и фраза вовсе не ложь, вовсе не поддѣльны; онъ за фразу пойдетъ и сядетъ на колы, если онъ только живетъ въ той образованной странѣ, гдѣ за фразу сажаютъ на колы. Романтизмъ вообще ищетъ несчастій; онъ очищается ими, хотя мы не знаемъ, гдѣ онъ загрязнился; это особенная метода леченія: Unglückskur, такъ какъ есть Wasserkur, Hungerkur.

На мечтателей часто клепаютъ глубину души, неизвѣтную, намъ профанамъ: тамъ „поконилъ не одна прекрасная жемчужина,“ да они ее выковырять не могутъ, и словъ нѣтъ высказать и звуковъ нѣтъ спѣть... Глубина эта похожа на то, что если бы выкопать колодезь до центра земли, и все продолжать копать, каждый шагъ глубже былъ бы шагомъ ближе къ поверхности.“ (Герценъ.)

Шпильгагенъ не поэтъ - художникъ, а поэтъ - мыслитель. Какъ видно, онъ не особенно гонится за художествомъ; мысль для него составляетъ все; лица же важны, какъ дополненіе мысли: черезъ лица мысль ярче вырисовывается, становится образнѣе. Онъ можетъ, проводя извѣстную мысль, выказать всѣ ея самыя запутанныя стороны, заставивъ за себя говорить самую жизнь. Во всѣхъ сочиненіяхъ вы видите горячаго, честнаго, умнаго писателя, страстно проводящаго свою идею. Загадочныя природы его романа — сильные люди; ихъ душить невозможность удовлетворенія тѣмъ, чѣмъ удовлетворяются весьма охотно разныхъ шерстей и цвѣтовъ филистеры; они жадно набрасываются на все и ни чѣмъ не насыщаются. Одинъ изъ этихъ героевъ — баронъ Ольденбургъ, объѣхалъ весь міръ; любилъ страстно сотни очень красивыхъ и пылкихъ женщинъ и былъ ими любимъ, наслаждался всѣми матеріальными благами, и въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ тому грустному выводу, что страдалъ онъ очень много, а наслаждался весьма мало; но не смотря на это, этотъ невинный мотылекъ т. е. баронъ Ольденбургъ стремится снова на огонь, чтобы окончательно спалить свои уже подпаленныя крылушки. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ спосо-

бень на хорошія чувства: полюбивъ глубоко женщину и замѣтивъ, что ея сердце занято другимъ, онъ дружится съ соперникомъ; у него въ душѣ не свершается никакихъ возмутительныхъ процессовъ; онъ отодвигается въ сторону и не мѣшаетъ имъ блаженствовать. Аристократъ по рожденію, онъ не скрываетъ искренной, глубокой антипатіи къ аристократамъ; онъ стоитъ выше общественныхъ предрасудковъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Какъ можно догадываться, онъ весьма сквернымъ окомъ взираетъ на предрержащую власть и на извѣстный государственный строй. Онъ способенъ къ горячей любви; по натурѣ онъ страшно энергиченъ и смѣлъ. Излей онъ свою любовь на несчастныхъ, несправедливо обойденныхъ жизнью, обрати онъ бѣшенную энергію и громадную смѣлость противъ враговъ свободы и народа, онъ удовлетворился бы вполне; онъ испыталъ бы то мощное, безконечно великое счастье, которое ему не могли бы дать тысячи самыхъ обольстительныхъ женщинъ и никакія, самыя прихотливыя, матеріальныя блага. Жадно отзывается на всѣ эстетическіе, призывные звуки, онъ не отозвался на одинъ, самый важный: раздирающій, вѣчный вопль гибнущихъ отъ голода и горя не долетѣлъ до его непривычнаго къ такимъ звукамъ уха, и вслѣдствіе этого онъ произноситъ ватетическіе монологи, возвращаясь съ своимъ соперникомъ по любви съ бала, гдѣ онъ заигрывалъ съ аристократами какъ кошка съ мышью. „Если я не обманываюсь (говоритъ баронъ Ольденбургъ своему сопернику), вы заражены смертельной тоскою по голубому цвѣтку, и въ одинъ прекрасный день такъ и умрете съ этимъ неудовлетвореннымъ стремленіемъ. Вы помните голубой цвѣтокъ въ разсказѣ Новалиса? Цвѣтокъ, о которомъ тосковало бѣдное сердце Генриха Офтердингена? Голубой цвѣтокъ? Знаете ли что это? Это цвѣтокъ, котораго еще не видѣлъ ни одинъ смертный, но благоуханіе котораго наполняетъ весь міръ. Не всякое существо достаточно тонко организовано, чтобы ощущать этотъ запахъ; но соловей подъ его вліяніемъ поетъ, тоскуетъ и рыдаетъ при лунномъ свѣтѣ или на утренней зорѣ; подъ его же вліяніемъ и всѣ тѣ чудаки, которые теперь и прежде въ стихахъ и прозѣ утруждаютъ небо своими жалобами и еще милліоны тѣхъ, которымъ никакой богъ не далъ средства выказать свои страданія и которые съ безмолвной мукой взираютъ на то же небо! Ахъ, отъ этой болѣзни нѣтъ спасенія никакого кромѣ смерти; кто разъ въ себѣ вдохнулъ дыханіе голубаго цвѣтка, для того нѣтъ болѣе спокойствія въ этой жизни: какъ будто онъ проклятый убійца, какъ будто онъ оттолкнулъ господа отъ своей двери; гонитъ его дальше и дальше какаѣ-то сила,

какъ бы не болѣли его окровавленные ноги, какъ бы не хотѣлось ему склонить на покой свою утомленную голову. Хотя и просить онъ, томимый жаждою, въ той или другой хижинѣ живительнаго напитка, но безъ благодарности возвращаетъ назадъ предложенную кружку, потому что въ водѣ плаваетъ муха или посуда не чиста, словомъ такъ или иначе, онъ не получилъ удовольвенiя. Удовольвенiе? Гдѣ тѣ глаза, заглянувши въ которые, мы не желали бы заглянуть въ другiе, болѣе свѣтлыя, болѣе огневые? Гдѣ грудь, разъ прижавшись къ которой, мы не пожелали бы услышать бiенiе другаго сердца, еще болѣе теплаго и насквозь проникнутаго любовью? Гдѣ все это, скажите мнѣ?..“

Идеалы бароновъ Ольденбурговъ очень схожи съ голубымъ цвѣткомъ; впивая его зловѣщiй запахъ, они промечутся и промучаются всю жизнь; витая въ области фантастическихъ запаховъ, они никакъ не умудрятся спуститься на ту твердую почву, гдѣ кипитъ жизнь, полная трудныхъ задачъ, требующихъ рѣшенiя и рѣшенiе которыхъ возможно для всякаго умнаго и честнаго развитаго человѣка. Великое несчастье человѣчества, что къ простѣйшимъ и яснѣйшимъ мыслямъ оно придетъ всего позднѣе; оно никакъ не умудрится понять, что величайшiя истины, въ то же время самыя простыя. Чѣмъ болѣе человѣчество носилось въ абстрактномъ мiрѣ, чѣмъ болѣе оно углублялось въ него, считая, въ наивности душевной, это великою мудростью, тѣмъ безобразнѣе и чудовищнѣе слагалась дѣйствительная жизнь.

Но рядомъ съ правдивыми монологами, баронъ Ольденбургъ, глубоко противурѣча себѣ, иногда высказываетъ мысли удивительно замысловатаго свойства: „Различiе между нами и мѣщанами (говоритъ онъ) не есть только различiе по имени, по сословию; они должны различаться по крови, по душѣ, епiю, по цѣлой природѣ... Какъ же могутъ такiя различныя существа происходить отъ одного и того же родоначальника! Умъ теряется въ этомъ чудовищномъ противурѣчiи.“ Для того, чтобы разрѣшить этотъ демоническiй вопросъ, онъ перерылъ всѣ библiотеки Италiи; но ярость его не унялась Италiею, онъ уѣхалъ въ Египетъ, изъ Египта въ Палестину, Персiю, Индiю. Обыскавъ углы каждаго капища, углы древнихъ развалинъ, каждое отверстiе въ скалѣ, онъ проникъ даже въ таинственныя катакомбы, но къ вѣщему сожалѣнiю ничего не нашель; но на обратномъ пути, въ монастырской библiотекѣ, на горахъ Аеонскихъ, онъ открылъ манускриптъ и въ этомъ восхитительномъ манускриптѣ разъяснилась вся исторiя... На этомъ роковомъ мѣстѣ цензура сочла священною обязанностью прервать главу и даже не

поставила точекъ. По милости неожиданнаго перерыва, баронъ Ольденбургъ изъ умнаго, даровитаго и честнаго чловѣка превращается въ балбеса. Конецъ главы, разоблачающій всю фдкую проною его словъ на счетъ разныхъ родоначальниковъ, выпущенъ.

Критикуя русскій переводъ, я нарочно не отступлю отъ буквальнаго смысла перевода, чтобы провести мысль о различныхъ сферахъ, выработавшихъ изящныхъ аристократовъ и неуклюжихъ плебеевъ. Мнѣ кажется, что баронъ Ольденбургъ не на аеонскихъ горахъ, а гдѣ нибудь въ темномъ углу индѣйскаго, разрушеннаго капища розыскалъ таинственную эмблему зарождающагося чловѣка. Таинственная эмблема, навѣрное, изображала лохматаго, похотливаго чимпанзе и не менѣ лохматую жемчужину его пылкаго, благороднаго сердца, того же чистѣйшаго аристократическаго происхожденія, погруженными до самозабвенія въ восторги небесной любви. Божественное происхожденіе царской, папской и всякой власти, навѣрное, стало для него очень понятно. Напрасно вы, баронъ Ольденбургъ русскаго перевода, такъ далеко путешествовали, растревоживали плѣсенью заросшія церковныя бібліотеки, напрасно васъ запахъ голубаго цвѣтка носилъ по катакомбамъ Египта, по развалинамъ индѣйскихъ храмовъ! Ваше путешествіе, по своей плодотворности, напоминаетъ путешествіе средневѣковаго монаха въ Іерусалимъ за розысканіемъ того боженьки, который былъ безслѣдно утерянъ въ христіанской религіи; онъ дѣлалъ три шага впередъ и два назадъ. Дѣло это объясняется много проще: различіе между вами и плебеями въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи произошло не отъ фантастическихъ причинъ, — ваши предки въ продолженіи сотенъ лѣтъ откармливались весьма питательною пищею. Англичане попробовали выкармливать тпательно свиней, и въ какой нибудь десятокъ лѣтъ они выработали такихъ аристократическихъ, но въ то же время и полезныхъ выкормковъ, что недавно въ бозѣ почившій ихъ предокъ показался бы, въ сравненіи съ ними, удивительно неуклюжимъ пролетаріемъ. Многія сотни лѣтъ ваши предки обогрѣвались около весело пылающихъ каминовъ, подогрѣвая себя полуведерными кружками добраго пива; но когда кроткіе поселяне начали слегка жечь ихъ замки, а начинающая разрастаться императорская власть выставила противъ толстыхъ стѣнъ феодальныхъ замковъ, страшнаго врага ихъ, пушку, ваши предки быстро и трусливо съезжились, и какъ стая голодныхъ волковъ, жадныхъ до падлы, бросились къ раздавшему ихъ императору въ лакейское услуженіе, униженно прося его удѣлить имъ

частичку изъ награбленныхъ, мірскихъ благъ, общіяя помогать ему въ истребленіи рода человѣческаго. На этомъ грандіозномъ поприщѣ они изощрили въ себѣ всѣ таившіяся въ нихъ эстетическія способности; они начали изгибаться ловче жонглеровъ и это извиваніе, какъ утонченное, гимнастическое упражненіе, укрѣпило ихъ поясицу и развило грацію и величіе; хожденіе на цыпочкахъ, чтобы не оскорбить драгоценный органъ слуха императора, изъ поколѣнія въ поколѣніе выработало въ вашихъ предкахъ ту воздушную, граціозную походку, которая такъ умиляетъ многихъ въ аристократическомъ кругѣ. Крайне засаленныя и неумытыя фізіономіи вашихъ чистокровныхъ предковъ, которыя имъ очень нравились въ феодальныхъ замкахъ, не понравились монарху; не задумываясь ни на терцію, они самоотверженно начали соскабливать въѣвшуюся въ кожу въшковую гвязь и стали съ изумительнымъ постоянствомъ лелѣять ее, обмывая благовонными мылами. Изъ поколѣнія въ поколѣніе они выработали ту атласистость и бархатность кожи, которая еще болѣе, чѣмъ у нихъ, поражаетъ у камелій. Бывши феодалами, они холодно душили и давили своихъ крестьянъ, а женъ ихъ гурьбами насиловали въ своихъ вертепахъ. Сойдя съ этой свѣтлой арены въ дворцовыя лакейскія, они начали охотно, тщательно и добросовѣстно вылизывать полы монаршей исподней одежды и пороги его грязныхъ переднихъ; они изощрились въ лести, притворствѣ и всевозможныхъ подлостяхъ. Эти аристократическія, кровныя доблести отъ поколѣнія къ поколѣнію разрастались все болѣе, и болѣе, пышнымъ цвѣтомъ, и, наконецъ, вы достигли до той апатозы лакейства и пренебреженія къ равному себѣ человѣку, что невольно стали необыкновенно рѣзко отличаться нравственно и умственно отъ плебеевъ.

Теперь посмотримъ, подъ какими благоприятными условіями развивались плебеи. Они гнѣздились, расплоснутые, у подножія вашихъ замковъ, съ трепетомъ взирая на ваши орлиныя гнѣзда. Съ высоты замковъ, какъ съ неба лазурнаго, на нихъ сыпалась манна въ видѣ чудовищныхъ повинностей, и несчастные, бѣдные люди платили ихъ; но за то они работали и въ морозы трескучіе, и зной горючій до надрыва мускуловъ, и въ награду великому труду щелкали зубами отъ пожирающаго ихъ голода, холода, забившись въ свои черныя конуры и дѣля свое прихотливое ложе со свиньями, утопая, вмѣстѣ съ ними, въ жидкомъ навозѣ, вливая въ себя гніющій смрадъ. Тифъ, проказа, короста были веселые спутники ихъ счастливой жизни; ихъ жены и, быстро развивающіеся отъ страданія, дѣти были отымаемы воору-

женною рукою бароновъ, и этихъ дѣтей нужды, горя и слезъ насилывали пьяные канибалы, для минутной потѣхи! Безропотно, они пили чашу великихъ скорбей. Когда же нужно было позабавиться баронамъ бойнею, они тащили крестьянъ, и тѣ покорно отдавали свои истощенныя, несчастныя тѣла на растерзаніе и поруганіе войнѣ, а оставленные ими въ собачьихъ конурахъ дряхлыя, больныя матери и нагіе дѣти выли отъ голода, холодно, недоувѣрчиво глядя въ пустое небо, и сосали вмѣсто хлѣба до крови свои изсохшіе пальцы; и стало имъ еще хуже, когда къ царящимъ надъ ними чудовищамъ - феодаламъ, прибавился новый чудище, стоящій всѣхъ ихъ вмѣстѣ—императоръ. Когда императорскія переднія наполнились дворянами, они проиграли послѣднюю ставку; сначала ихъ кровь, какъ цѣлебную влагу, пили одни феодалы, но вскорѣ къ нимъ присосалась ненасытная пасть императорская. Много разъ они лили безъ мѣры свою кровь, стараясь освободиться изъ невыносимаго рабства, но до настоящей минуты, цѣною героической борьбы, они не завоевали себѣ даже призрака полного счастья.

Понятно, что такое полное нѣги социальное положеніе плебея не могло выработать изъ него мягкотѣлаго барона! Горе и трудъ — суровая и великая школа; они сдѣлали изъ народа руду желѣзную; въ его силахъ мощныхъ и безграничныхъ таятся вся свѣтлая будущность нашего міра; на нихъ все упованіе. Чтобы совершенно не погибнуть баронской расѣ, ветхой, тупой, нищенски бѣдной жизненными силами, въ ея вѣлыя артеріи нужно вприсунуть плебейскую кровь.....

III.

Другой герой романа, который ярче другихъ вырисовываетъ мысль Шпильгагена — Освальдъ, юноша очень пылкій, хорошо образованный и способный на многое при иначе направленныхъ силахъ. Онъ тоже снѣдаемъ жаждой любви и выливаетъ ее на женщинъ. Въ результатѣ оказывается, что онъ страдаетъ отъ невозможности такъ полюбить женщину, чтобы она наполнила его жизнь тою полнотою, которая не нуждается въ новыхъ образахъ красоты. Онъ мечтаетъ о томъ дремотномъ, безмятежномъ счастьи, которое, осуществившись, сдѣлало бы жизнь похожую на волость, который тянуть по молоку; онъ хочетъ розыскать женщину, образъ

которой затемнилъ бы и подавилъ собою всё прошедшіе женскіе, блестящіе образы и будущіе, которые совершенно неожиданно можетъ выдвинуть жизнь. Понятно, что Освальдъ возбуждаетъ крайнее сожалѣніе; несчастливъ господа этой категоріи тѣмъ, что они любятъ въ женщинѣ не человѣка, а ея чудныя, физическія качества; на первомъ планѣ у нихъ бархатныя, нѣжно сладострастныя очи, бѣлыя, какъ снѣгъ, круглыя съ лиловыми жилками плечи, лебединая шея, нѣжная, полная грудь, очерченная какъ у капитолійской Венеры, стройный, гибкій, какъ лоза, упругій, но не лишенный полноты станъ, нѣжныя, полныя, стройныя ноги. Если женщина обладаетъ всѣми классическими качествами мраморной богини и при этомъ необузданно страстна, то болѣе ей ничего не нужно; она мгновенно зажигаетъ пылкія сердца Освальдовъ и они любясь ею, какъ юный художникъ ватиканскими статуями, готовы весьма охотно пожертвовать ей свою жизнь и даже будущими терзаніями: для нихъ, недоростковъ, нѣтъ міра внѣ женской любви. Съ такою жрицею наслажденій, госпожею Мелитой, нечаянно встрѣчается Освальдъ въ томъ аристократическомъ домѣ, гдѣ онъ учителемъ, и не успѣлъ онъ съ нею пугнымъ образомъ разговариваться, какъ они уже стремятся—сумеречныя бабочки—на огонь. Мелита проситъ Освальда посѣтить себя; поборовъ различныя, романтическія препятствія, онъ является къ ней въ домъ и затѣмъ они отправляются въ лѣсъ, и тамъ, подъ шумъ грозы, при свѣтѣ молніи, въ таинственномъ убѣжищѣ, гдѣ закутанная зеленью стоитъ Венера Милоская, юныя существа, рожденныя въ рощахъ Эпикура, бормочутъ другъ другу о безконечномъ счастьи, бессмертномъ наслажденіи, о міровой любви, которая двигаетъ горами и наполняетъ душу божественнымъ могуществомъ.

Наивные дѣти! отдаваясь горячимъ ласкамъ, дрожа и таля отъ огня поцѣлуевъ, они не подозреваютъ прони жизни. Когда я наталкиваюсь въ романѣ или жизни на упорный сцены любви, передо мной, неожиданно, безъ призыва, возникаетъ насмѣшливо скептическій, величавый образъ Мефистофеля; я слышу его горькій, злой хохотъ, когда онъ увидѣлъ Маргариту, изнемогшую отъ наслажденія въ объятіяхъ Фауста.

Часы въ таинственной бесѣдѣ бѣгутъ незамѣтно и этимъ часамъ, мигъ которыхъ поэты любятъ сравнивать съ вѣчностію, приходитъ конецъ; разстаются современные эпикурейцы съ цѣлымъ роємъ возвышенныхъ мечтаній въ головѣ. Они назначаютъ другъ другу свиданіе на балу; но на балу Освальдъ поэтическою наружностью съума сводитъ провинціаль-

ныхъ барышень; онъ старается глядѣть на Мелиту и невольно смущается при взглядѣ на прелестнѣйшую блондинку, съ яркими, страстными глазами; томная, нѣжная блондинка въ свою очередь блѣднѣетъ отъ внутренняго трепета, глядя на Освальда; они встрѣчаются въ темной комнатѣ и Освальдъ чувствуетъ, какъ молоденькая, горячая, красивая дѣвушка прижимается къ его груди; обезумѣвъ отъ черезъ чуръ скоро вспыхнувшей страсти, онъ ощущаетъ на лицѣ, полные отравы, поцѣлун; въ его рукахъ дрожитъ ея молодое тѣло. Онъ старается разыграть героя, желаетъ быть вѣренъ Мелитѣ, и усердно проситъ дѣвушку успокоиться, но та очень далека отъ успокоенія, она шепчетъ, обливаясь слезами, слова любви, дѣтски наивно говоритъ ему: „я ребенокъ, я люблю въ первый разъ,“ умоляетъ его пощадить себя; нѣтъ сомнѣнія, герой паднетъ ее... но пощада не проходитъ даромъ, онъ начинаетъ терзаться раскаяніемъ. Онъ хочетъ остаться, въ обстановкѣ полной хаоса и бреда, честнымъ человѣкомъ, не хочетъ обманывать любимой женщины, и въ то же время боятся ей нанести тяжкій ударъ, сознавшись въ своей слабости; не хочетъ за любовь, давшую ему счастье, заплатить мукою; онъ начинаетъ анализировать себя, т. е. распиливать себя по кусочкамъ, и въ концѣ концовъ сознаетъ свое крайнее безсиліе и всю мизерность избраннаго пути. Юноша, томящійся въ броженіи пустомъ, начинаетъ сознавать, что его вѣчное, божественное чувство неудержимо близится къ могилѣ, а любовь Мелеты разгорается все сильнѣе. Во время мукъ душевной дисгармоніи, пріѣзжаетъ въ домъ, гдѣ онъ учителемъ, дочь хозяйки дома — Елена, дѣвушка такой фантастической красоты, что онъ ясно чувствуетъ, какъ образы Мелиты, Блондинки блѣднѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ ступшевываются; его сердце охватываетъ новое, невѣдомое ему, упительное чувство; онъ теряетъ способность владѣть собою и дѣлается агнецемъ пасхальнымъ любви. Окружающіе его аристократы ненавидятъ его, видя въ немъ соперника въ любви, и рядомъ мелкихъ низостей доводятъ его до дуэли, гдѣ онъ чуть не превращается въ мелодраматическаго пошляка. Елена начинаетъ чувствовать къ нему что-то похожее на любовь, но это слабое чувство тухнетъ, когда она узнаетъ, что онъ любимъ другою; подавленный неудачею, онъ чуть съ ума не сходитъ отъ отчаянія и возбуждаетъ тѣ же очаровательные симптомы въ Мелитѣ и Блондинкѣ. Онъ отравилъ, невольно, жизнь двухъ женщинъ, и одна женщина, въ свою очередь невольно, отравила его жизнь. На подмогу Освальду является докторъ, хорошая личность; вся жизнь его посвящена наукѣ, упорному труду

и бѣднымъ; онъ поддерживаетъ несчастнаго юношу въ тѣ минуты, когда тотъ, брошенный всѣми, одинокій, истерзанный, не знаетъ, куда преклонить усталую голову. Слѣдующими умными заключительными словами доктора окончивается романъ :

„Вы потеряли многое, но все это можетъ возвратиться; вы пренебрегли разумомъ и наукою, самой высшей силою человѣка, а между тѣмъ отъ этой силы зависитъ теперь спасеніе. Пойдемте, пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, для васъ должна начаться новая жизнь.“

IV.

„И твое — твое!
И мое — твое!
Говорить благой.“

Сладки объятія любви; глубокое, бурное счастье таятъ онѣ; не даромъ все живое, способное чувствовать жадно стремилось къ этимъ минутамъ; иные всю жизнь растрачивали на это чувство и, не смотря на страданія и разочарованія, стремились къ нему снова, не жалѣя послѣднихъ силъ. Это сладкое, полное невыразимой нѣги, трепетное чувство иногда не покоряется никакимъ выводамъ разума. Это чувство играло, какъ пылнками, поэтами-геніями; оно исполнило дѣлало карликами и карликовъ, на нѣсколько минутъ, исполинами. Этому лучезарному кумиру люди поклонялись и поклоняются, движимые не страхомъ и мелкимъ дряннымъ чувствованьемъ, но истиннымъ чувствомъ. Жертвы любовной магіи неисчислимы; объ этомъ свидѣтельствуетъ черезъ-чуръ часто сама жизнь, и горы романовъ, желающихъ передразнить ее; но очень грустно, если этимъ чувствомъ стараются наполнить жизнь; гоняться за подобнымъ счастьемъ все равно, что гоняться за собственной тѣнью и чѣмъ сильнѣе натура, тѣмъ менѣе шансовъ на удовлетвореніе. Это чувство тогда будетъ не лишено долгаго наслажденія, когда мы женскую красоту сведемъ съ улетающихъ въ небо пьедесталовъ на твердую почву. Современной женщинѣ стало нестерпимо гадко и душно въ небесныхъ сферахъ; пребываніе въ синемъ пространствѣ не приносило ей счастья, а только глубокое униженіе и нескончаемое страданіе. Мы станови-

лись въ подобострастно благоговѣйныя позы передъ красотою; мы окуривали ее волшебными благовоіями, но разъ она проходила или попадалась намъ въ руки, наступала изнанка эфемернаго чувства; женщина изъ лучезарной богини превращалась въ презрѣннаго парія, на которомъ мы вымѣщали наше болѣзненное разочарованіе.

Пора женщинѣ спуститься на землю и стать вполне человѣкомъ; пора намъ любить въ ней не однѣ ея роскошныя груди, страстныя очи и пышныя плечи! Мы будемъ счастливыѣ, когда подыдемся умственно и нравственно на столько, что для насъ все будетъ составлять въ женщинѣ ея внутреннія силы, и могущество этихъ силъ подавить вышность, какъ бы она блестяща ни была; когда мы будемъ ея глубоко любить за ея духовное родство съ нами, а наслажденіе чувственное — вполне законное — невольно, вслѣдствіе широкаго умственнаго и нравственнаго развитія, отодвинется на второй планъ. Хорошія умственныя и нравственныя качества подвержены, какъ все въ мірѣ, вліянію жизни, но не на столько, какъ физическая красота; обаяніе физической красоты страшно непродолжительно; удовлетвореніе сулитъ пресыщеніе; самыя пылкіе обожатели женской красоты — большей частью, люди очень цѣломудренныя, рѣдко къ нимъ прикасающіеся. Любовь же къ женщинѣ, какъ къ человѣку, сильнѣе разгорается отъ близкаго столкновенія. Этимъ путемъ женщина можетъ глубоко осчастливить и облагородить мужчину; подъ обаяніемъ этой возвышающей душу любви, человѣкъ не пресыщается, а благотворно возбуждается умственно и нравственно: куклы тѣшутъ ребенка, но перестаютъ тѣшить взрослого.

Счастливы тотъ, кто горячо любимъ честнымъ, умнымъ, добрымъ и красивымъ существомъ, но это прекрасная случайность; неизмѣримо счастливыѣ тотъ, счастье котораго не зависитъ отъ случая: не всегда женщина, которую мы любимъ глубокою, человѣчною любовью, въ состояніи отвѣтить намъ взаимностью. Чтобы не пасть подъ тяжестью неудачи, нужно не пренебрегать наукою и разумомъ — высшими силами человѣка; нужно весь жаръ любви излить не на нѣсколько субъектовъ женскаго пола, а на тотъ великій міръ великихъ скорбей, гдѣ большая часть человѣчества, обливаясь кровавымъ потомъ и слезами, изнемогаетъ подъ ношей крестной. Работайте надъ наукою, а болѣе всего надъ собою, и умудритесь подняться на ту безграничную высоту духа, гдѣ для васъ станетъ самоотверженіе наслажденіемъ. Неодолима жажда жизни затихнетъ, если вы свою богатую силами жизнь посвятите вашимъ несправедливо, безчеловѣчно обиженнымъ

братьямъ; развейте въ себѣ ту чуткость къ горю, которая, развиваясь все глубже и глубже, замѣтитъ въ жизни то, что быстро скользитъ мимо холоднаго взора; не пренебрегайте никакимъ микроскопическимъ случаемъ — быть полезнымъ; дѣлайте все, что позволяютъ въ данную минуту средства и на столько, на сколько хватитъ силъ; энергію вашего ума и характера употребите не на погоню за неуловимою красотою, а на неустанную борьбу съ врагами свободы и врагами народа!

Сильныя природы рѣдко удовлетворяются современною дѣятельностью, потому что всѣ службы нашего мудренаго государства только относительно честны. Чѣмъ съ болѣе высшими стремленіями сроднился человѣкъ, тѣмъ нестерпимѣе для него становится служба. Въ уродливо, насильственно сложившемся монархическомъ государствѣ служащіе служатъ не затерзанному, ограбленному, униженному народу, а той ненасытной, паразитной силѣ, которая жретъ народъ, составляющій государство; не они существуютъ для государства, а государство для нихъ. Новая жизнь выдвинула много возможностей быть полезнымъ не микроскопическому меньшинству, но и массамъ; человѣкъ, имѣющій даже небольшія средства можетъ заняться ремесломъ, раздѣливъ трудъ и барышъ труда съ небольшимъ или большимъ, смотря по средствамъ, кружкомъ бѣдныхъ тружениковъ; увеличивая благосостояніе рабочаго, вы въ то же время имѣете полную возможность развить его умственные и нравственные стороны. Что нашъ народъ способенъ къ быстрому, широкому, умственному и нравственному развитію, если за это возьмется честная, гуманная и высоко развитая личность, въ этомъ можетъ сомнѣваться только царскій камердинеръ или безсердечный, узкій, деревянный болванъ, для котораго нѣтъ міра внѣ собственнаго носа и который сталкивался съ народомъ, какъ господинъ съ рабомъ. Человѣкъ, способный свято выполнить эту миссію, насладится безпредѣльнымъ счастьемъ; онъ подымется на недосыгаемую высоту. Черезъ десятки вѣковъ, когда на человѣчествѣ не уцѣлѣетъ ни одного атома прежней, варварской шелухи, и оно съ ужасомъ и отвращеніемъ будетъ взирать на современный намъ гнусный міръ и тогда такая дѣятельность будетъ въ глазахъ всѣхъ людей такою же святою, великою, какою она считается немногими людьми въ настоящее время; образы этихъ людей, чистые и прекрасные, гордо возстанутъ изъ исторической тьмы. Эта дѣятельность, какъ бы ни малъ былъ ея районъ, выработаетъ въ человѣкѣ истинныя понятія о счастьѣ; блаженство въ обладаніи женщиной отодвинется на далекій планъ; если ему

улыбнется счастье, онъ воспользуется имъ, не посягая на свободу женщины, не отравляя ея жизни; если же на этомъ блаженномъ поприщѣ онъ потерпитъ неудачу, онъ безъ горечи и мукъ вынесетъ ударъ: отъ молній любви у него есть громоотводъ въ святомъ трудѣ и великомъ призваніи. Эта дѣятельность исключаетъ возможность пресыщенія и разочарованія; путь, что ни шагъ, свѣтлѣетъ и ширѣетъ; чѣмъ болѣе она встрѣчаетъ кровожадныхъ гоненій, издѣваній, ударовъ камнями, тѣмъ болѣе въ ней закаляется челоуѣкъ и чище, прекраснѣе выходитъ онъ изъ борьбы. Люди этого дѣла неволью вызываютъ горячую, чистую любовь близкихъ имъ по духу людей и она, какъ яркое, южное солнце согрѣваетъ ихъ жизнь; любовь напрасно отверженнаго, всѣми забытаго труженника къ своему избавителю будетъ глубже, искреннѣе, чѣмъ случайная любовь женщины, которая можетъ испариться отъ возникшаго передъ нею новаго образа красоты.

Москва. — 1873 г.

Романы Жоржъ - Зандъ

« Ils supprimèrent l'individualité d'une moitié du genre humain, pour dominer plus facilement sur l'autre. Car, s'il est une incontestable vérité historique, c'est: que partout où la femme est l'esclave de l'homme, l'homme est l'esclave du prêtre et du roi.

D'une mère esclave il ne peut sortir qu'une génération d'esclaves. »

(*Christna et le Christ* par L. JACOLLIOT.

I.

Романы Жоржъ Зандъ еще не потеряли своего животрепещущаго значенія не только у насъ, но и въ средѣ передоваго по развитію французскаго общества. Угнетенное положеніе женщины, брачныя кандалы, всё тяжкія, душадшія жизнь несообразности пышно цвѣтутъ, не отцвѣтая, до настоящаго дня. Наши русскія женщины и дѣвушки, на которыхъ дохнула свободная мысль запада, торопливо заматались; онѣ забормотали, съ сильною энергіею, о равенствѣ половъ, о великомъ и плодотворномъ назначеніи женщины, о звѣрски подавленныхъ правахъ; онѣ бросились, алчущія и жаждующія, на науку, грезили университетомъ; но лихорадочное броженіе такъ же быстро улеглось, какъ и возбудилось. Жаркій солнечный лучъ, не успѣвъ согрѣть и освѣтить, затемнился долгими, непривѣтными, осенними сумерками; свободно бурные порывы завяли и наступило музыкальное храпѣніе и сапѣніе города Глунова; золотыя грезы растаяли и

съ горечью мы грустно глядимъ по сторонамъ, отыскивая свѣтлыя слѣды исчезнувшаго вѣянія жизни; свобода и наука не восторжествовали, ихъ перевѣсили колоссальный шиньонъ, турниры, трехъ-аршинные шлейфы, маскарадныя бездѣлушки; брачныя, филигранной работы, длинныя цѣпочки еще ту же заковались и стали еще больше тереть больное тѣло. Немногія изъ женщинъ не шатнулись душою, меньшинство не поиятилось передъ надвигающимися со всѣхъ сторонъ препятствіями; лишеныя правъ жизни, онѣ бросились на науку и не смотря на грубыя бревна, которыми имъ загораживали путь отъ мрака къ свѣту, онѣ, какъ американскіе мормоны, цѣною смертельной борьбы, отстаивали свое существованіе; не смотря на варварски низкія стѣненія правительства, онѣ кончали курсъ въ иностранныхъ университетахъ. Но не одни столбы отечества — великіе инквизиторы администраціи загораживали имъ университетскую скамью; правительству ревностно подмогли жрецы науки — Египетскія пирамиды — Гг. профессора; этотъ умиляющій душу братскій союзъ шпионовъ, жандармовъ и полицейскихъ съ свѣтилами научнаго міра, для насъ на долго не потеряетъ очень глубокомысленнаго значенія.... Женщины этого круга, полюбя глубоко человѣка, не опутывали его и себя семейными цѣпочками; онѣ вносили въ свою жизнь широкія стремленія, трудъ, неугасимую вражду къ неправдѣ и насилию; онѣ соединялись въ силу умственного и нравственнаго сродства, а не въ силу потребности во чтобы то ни стало сокупиться съ мужчиною, изъ взлелѣяннаго съ юношескихъ дней желанія преобразиться изъ свѣтской дѣвушки въ свѣтскую даму съ высокими, душу обновляющими правами: вѣчно рожать, нянчить, жрать, дрыхнуть и переряжаться.

Но является вопросъ: что встрѣтили и встрѣчаютъ эти лучшія изъ женщинъ? Общество, тупо поглядывая на нихъ, съ злобою начало придумывать имъ замысловатыя названія. Литература дѣятельно помогла ему на этомъ достойномъ поприщѣ; бездарная сволочь начала навозить журналы романами, въ которыхъ золотушныя выкидыши собственной фантазіи выдавались за дѣйствительныя, живыя лица; они старались охаркать свѣтлое явленіе жизни; другіе, напротивъ, силились создать что-то грандіозное, чуть не великое, но карлика въ не удалась эта операція; ихъ грандіозное и великое оказывалось безпардонною дрянью. Но въ концѣ концовъ на этихъ женщинъ наложили тавро, наипикантнѣйшее названіе, данное имъ, послѣ долгихъ перебиравій: „нигилистка.“ Заслужить эту кличку было не трудно: стоило только не носить трехъ-аршиннаго шлейфа и не осыпать

себя перлами и алмазами; прекрасныхъ, скромныхъ личностей посмѣшали съ восхитительнымъ тупоуміемъ съ жалкими прихвостнями либерализма, — неизбѣжнымъ, горкимъ явленіемъ всякаго быстро развивающагося общества — съ нечистоплотными барышнями, которыя въ силу эмансипаціи безцеремонно задирали голыя ноги и быстро усвоивали ухарскія замашки гусарскихъ корнетовъ; которыя тайкомъ запоемъ читатели Поль-де-Кока, Февала и Сю, и въ то же время, насилуя мозгъ до паралича, вскользь прочитывали: Дарвина, Мошотта, Фохта. Свободу любви онѣ превратили въ свободу похотей; сисясь подняться до Лукреціи Флоріани, онѣ спускались до публичной женщины.

При первомъ представившемся случаѣ, онѣ попадали подъ пяту мужчины и подѣ этимъ небеснымъ покровомъ безъ борьбы улегались замашки Ноздревыхъ, и скоро онѣ послѣдовательно перерождались въ дамъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Чтобы прослыть современными, онѣ съ внутреннимъ страхомъ шжились быть атеистками, не вѣрили въ Бога, и вѣрили въ сны и предчувствія; отвергали произволъ Бога, и въ то же время не знали о существованіи законовъ природы. Умирая, онѣ каялись попу; сомнѣнія, въ виду могилы, разлетались, какъ мыльные пузыри, и въ ихъ предсмертномъ крикѣ слышалась жалкая трусость. Наши женщины были такъ долго въ крѣпостной зависимости, мозгъ ихъ былъ такъ глубоко подавленъ вѣковымъ бездѣйствіемъ, что первые порывы умственно ограниченнаго большинства къ свободѣ сопровождаются аномаліями; долгое, давящее рабство, въ большинствѣ случаевъ, естественно переходитъ въ бессмысленное броженіе; это большинство похоже на дикарей, которые, обращаясь въ христіанскую религію, усвоивали одни ея пошлые, грубые обряды и чудесное.

Тяжело положеніе нашей развитой женщины среди куаферскихъ вывѣсокъ мужскаго и женскаго пола; рѣдко онѣ нападаютъ на счастливую встрѣчу съ мужчиною, одинаково развитымъ, съ одинаково свободными стремленіями: пока еще немного у насъ женщинъ, похожихъ на Вѣру Павловну и еще менѣе Кирсановыхъ, Лопуховыхъ. Правительство, всегда вѣрное себѣ, тѣснить, давить ихъ, тормозить каждый ихъ живой порывъ; ставши въ уровень съ мужчиною, онѣ выигрываютъ только однѣ тяжкія муки; онѣ пріобрѣтаютъ колоссальное право: страдать наравнѣ съ мужчинами. Правительство, не признавая равенства половъ, совершенно равно гнететъ и терзаетъ свободы жаждущихъ мужчинъ и женщинъ.

Въ Америкѣ, гдѣ эмансипація изъ мозга нѣсколькихъ

единицъ переходить въ жизнь общества, женщины засѣдаютъ присяжными; онѣ профессора, учителя; онѣ энергично стремятся завоевать затоптанныя права; онѣ ожесточенно нападаютъ на всякій мелкій жизненный фактъ, противорѣчащій полному равенству; ихъ роющійся, пытливый умъ проникъ въ сводъ законовъ; своду ошибокъ, подъяческихъ увертокъ, онѣ противопоставляютъ незыблемую истину; твердымъ шагомъ онѣ всгунаютъ въ ту колею жизни, изъ которой онѣ были звѣрски вытолкнуты правомъ животной силы.

Прогрессивная буря въ Америкѣ на нашей родимой, плодородной почвѣ превратилась въ слабенькій, усыпляющій душу вѣтерокъ; тамъ женщины профессора, у насъ слушать профессоровъ сопряжено съ великою опасностью; тамъ женщины присяжные, открытые, политическіе борцы, у насъ — прикащицы въ кондитерскихъ, кафе-ресторанахъ и телеграфистки.

II.

Жоржъ Зандъ не сухою диссертацией, а живымъ, высоко поэтическимъ романомъ разоблачила весь омутъ семейной, идиллической жизни, всю уродливость церковнаго, связывающаго брака. Она глубоко разсмотрѣла эти гнойныя болячки; съ ужасающею правдивостью показала къ какимъ результатамъ приводитъ коверканіе жизни; какъ спокойно, и въ то же время, сурово караетъ жизнь на каждомъ шагу отступниковъ жизни, кладущихъ на всякое свободное стремленіе оковы. Она написала „Луcreцію Флоріани“, романъ, варомъ ошпарившій ея норовъ нравственности — господъ моралистовъ. Романъ этотъ закрѣпилъ за нею очень прочно глубокомысленное названіе: „развратительницы замужнихъ женщинъ.“ Высоко нравственныя матери очень многочисленнаго семейства, всю жизнь посвятившія огурцамъ и варенію жирныхъ снадобій, вырывали съ яростью изъ рукъ дочекъ ея романы, а отцы — канцелярскіе, полицейскіе, жандармскіе служители — отчихивались и отплеывались, при одномъ словѣ, начинающемся съ Ж. и З. И пѣтъ сомнѣнія, тѣ же служители надрывали себѣ животики, повѣствуя и слушая, послѣ жирнаго обѣда, напсалънѣйшія мерзости, отъ которыхъ неприличнаго человѣка непременно бы вырвало; они повѣрили „Московскимъ Вѣдомостямъ“, „Будильникамъ“ и прочимъ органамъ россійскаго слова, причислившимъ всѣ романы Жоржъ Зандъ гуртомъ къ острымъ язвамъ вѣка.

Въ „Лукреціи Флоріани“ она скромно предложила роковой вопросъ блюдителямъ семейной чистоты и порядка: „Что такое нравственная женщина?“ Въ очаровательной виллѣ, среди розъ и фонтановъ, на берегу изумруднаго, зеркальнаго озера — Иseo, живетъ плѣнительно-нѣжная, южно-пылкая красавица—Лукреція Флоріани, бывшая знаменитая артистка, которой восторгалась вся Италия. У ней, кромѣ пылкаго сердца, широко развитой умъ, возвышенныя стремленія, и при этомъ много милыхъ, розовыхъ, сильныхъ, здоровыхъ дѣтей. Но весь букетъ для моралистовъ заключается въ томъ, что прелестные дѣти прелестной Флоріани всѣ отъ разныхъ отцовъ; этотъ роковой, раздирательный фактъ ни на волосъ не конфузятъ Лукреціи Флорани. Она сама задушевно просто рассказываетъ исторію своей свѣтлой и честной жизни. Юная, пламенная, восторженная, она горячо полюбила красиваго, молодаго мужчину; полюбивъ его со всѣмъ необузданнымъ пыломъ распустившейся души, она дѣлила съ нимъ жизнь, труды, щедро осыпала его пылкими ласками; безъ натяжки, жертвовала для него всѣмъ; но послѣ первыхъ молодыхъ, жаркихъ порывовъ, она приглядѣлась къ нему пристальнѣе и передъ нею обнаружилась пустота того человѣчишки, который въ ея ненормально возбужденномъ мозгу принялъ грандіозный образъ человѣка; обнаружилось неравенство и вслѣдъ за неравенствомъ вѣчный атрибутъ неравенства: холодность. Высоко нравственная особа нашего общества постаралась бы не обратить вниманія на такой незатѣпливый фактъ! Охладѣвъ къ мужу и возбудивъ въ немъ то же чувство, она долго, очень долго коверкала бы себя, подогрѣвая на всегда угаснувшее чувство; она рожала бы отъ него кучи дѣтей; тайкомъ бы тѣшилась сладострастными грезами. Полюбивъ горячо другого, она съ тупымъ самоотверженіемъ монашки, въ силу какихъ-то таинственныхъ долговыхъ обязательствъ, отшатывалась бы отъ собственнаго счастья; она измѣняла бы мужу въ мысляхъ нѣсколько разъ въ минуту, и боялась бы измѣнить радикально, т. е. оставить нелюбимаго человѣка, освободивъ его и себя. Дисгармонія росла бы между ними все болѣе и болѣе; желчь накипала, страданія невыносимо накопились и заѣвъ жизнь свою и чужую, отравивъ жизнь дѣтей, она, задыхаясь отъ злобы, съ разбитою, отравленною жизнью, сошла бы въ пустую могилу, пожалѣвъ, черезъ-чуръ поздно о потерянномъ счастьи, о глухо и пусто растраченныхъ силахъ. Безнравственная Лукреція Флоріани слишкомъ любитъ жизнь, жадѣетъ другихъ и себя; міръ для нея безгранично свѣтелъ и великъ; она не считаетъ его тѣсененькою, затхлою конурою;

она сознаеть, что имѣеть права на счастье, что негаданное, неожиданное, оно хлынетъ на нее живительною, ласкающею волною; она спокойно и мирно расходится съ нелюбимымъ ею человѣкомъ. Первое разочарованіе глубоко потрясло ея довѣрчивую натуру, но подъ знойнымъ солнцемъ юга, натура, какъ сама природа, слишкомъ быстро заживляетъ раны; она начинаетъ любить другаго, но также неудачно. Нѣсколько разъ она горячо любила, но слѣпой случай не столкнулъ ее съ человѣкомъ роднымъ ей по духу; она испытала много счастья, и умерла, какъ заснула, среди сверкающей, прекрасной природы.

Чтобы окончательно растрожить моралистовъ, я долженъ пояснить, что она не торговала собою, какъ это дѣлають легіоны нравственныхъ дѣвицъ, идущихъ подъ вѣнецъ съ наикорыстнѣйшими *agrieues pensees* и съ наиполнѣйшимъ отвращеніемъ къ мужу. Она ни разу даже и не пробовала подогрѣвать отлетѣвшее чувство, не заѣдала своей и чужой свободы. Любя одного человѣка, она всецѣло отдавалась ему, дурная мысль не залетала къ ней въ голову; она вѣрила въ минуты счастья, что оно никогда не потухнетъ; она клялась въ вѣчной любви и очень искренно въ то время вѣрила своимъ клятвамъ; фальши въ ней одного атома не розщещетъ самый продувной моралистъ, вооруженный сильнѣйшимъ микроскопомъ Гарднапа; она естественна, благородна до послѣдней минуты жизни и что ужаснѣе всего, что ею отвергнутые любовники относятся къ ней съ огромнымъ уваженіемъ.

III.

Въ Валентинѣ она съ волшебною силою выдвинула всѣ предрасудки кастъ, все безобразіе брака.

На народномъ праздникѣ встрѣчается изящная красавица, кровная аристократка — Валентина, помолвленная за нелюбимаго ею человѣка, съ юношей страстнымъ, умнымъ, порывистымъ, вышедшимъ изъ простаго народа и получившимъ, вслѣдствіе покровительства родныхъ, воспитаніе въ высшей школѣ Парижа. Романъ просто, глубоко поэтично развивается, какъ сама жизнь. Любовь незамѣтно вспыхиваетъ въ Валентинѣ къ Бенедикту: онъ близокъ ей молодостью, красотой, жаждою любовной нѣги. Сестра Валентины — Луиза живеть у родныхъ Бенедикта, выгнанная черстою, напыщен-

ной аристократкою — матерью за ея любовь къ молодому человѣку нпшаго класса, отъ котораго она имѣла ребенка. Отдайся Валентина набѣжавшему счастью вполне, она была бы очень счастлива, не смотря на изгнаніе, массу проклятій, и сдѣлала бы глубоко счастливымъ Бенедикта; но вѣковые предразсудки сковали душу дѣвушки. Рабское повиновение родителямъ, не допускавшимъ мысли о бракѣ ихъ чистокров-ной дочки съ крестьяниномъ, варварскія посяганія религін на свободу душевныхъ порывовъ парализируютъ въ ней за-кипающую страсть; она выходитъ покорно за мужъ за де-ревяннаго негодяя — дипломата, который ея деньгами стара-ется замазать старыя шашни. Бенедиктъ съ ума сходитъ отъ отчаянія; на свадебномъ пиру чуть не убиваетъ нѣкоторыхъ субъектовъ, трунившихъ надъ его утеряннымъ счастьемъ; рпскуя жизнью, онъ пробирается въ спальню Валентины, гдѣ видитъ — незамѣченный ею — ея ужасныя страданія при мысли, что ея красота, молодость отцвѣтутъ, не принося нпкому счастья. Она должна отдать ихъ, по приказанію цѣломудрен-ной церкви, сухому, гадкому человѣку; сладкое счастье вза-имной любви ускользаетъ отъ нея по ея собственной винѣ, и винѣ тяготящихся надъ ея слабымъ мозгомъ горъ рели-гіозныхъ и общественныхъ предразсудковъ; она не пускаетъ къ себѣ мужа, который очень спокойно выноситъ этотъ отка-зъ, и, чтобы забыться отъ мукъ страшной дѣйствительно-сти, принимаетъ опій. Въ фантастической ночной сценѣ Жоржъ Зандъ ярко рисуетъ соблазнительное счастье вза-имной любви: влюбленный юноша видитъ, при свѣтѣ мато-выхъ лампъ, роскошное тѣло красавицы, ея огненные глаза, пунцовыя губки... Валентина засыпаетъ и опій навѣваетъ на нее сладострастные сны: ей снится Бенедиктъ, снится, что она принимаетъ къ молодому, горячему тѣлу обожаемаго мужчину, осыпая его безумными ласками; очаровательно чудная, она мечется въ душевной постелѣ. Движимый неоодо-лимою силою, Бенедиктъ подходитъ къ ней опьяненный, онъ слышитъ быстрое, неровное бѣненіе ея сердца, страстный, при-зывный къ наслажденію шопоть; рыдая, изнывая отъ счастья, онъ прижимаетъ ее къ груди, опутываетъ свою отуманенную голову ея душистыми, золотистыми волосами; онъ цѣлуетъ ея горячія губки... Она шепчетъ, утопая въ грезахъ, его имя, и онъ чувствуетъ, какъ она конвульсивно сжимаетъ его своими стройными, нѣжными руками и въ ея полурас-крытыхъ, влажныхъ глазахъ вспыхиваетъ и томно потухаетъ огонь безумнаго наслажденія... Онъ преодолеваетъ накинѣв-шія страсти и, не воспользовавшись пылкимъ сномъ, бросается въ окно, предварительно написавъ отчаянное письмо; утромъ

его находятъ опасно реннымъ пулею : не видя исхода въ жизни, онъ рѣшился на самоубійство.

Жоржъ Зандъ, мнѣ кажется, нарочно остановилась на ночной, эротической сценѣ ; вдавнившись въ поэтическія подробности, она нарочно не пожалѣла горячихъ красокъ ; въ этихъ знойныхъ страницахъ звучитъ саркастическій смѣхъ Мефистофеля : Валентина наслаждается счастьемъ въ грезахъ опія, Бенедиктъ болѣзненно подавляетъ мучительные, страстные порывы ; счастье было для Валентины сномъ, для Бенедикта ѣдкою отравою, и что грустнѣе всего, что счастье было для нихъ такъ близко, такъ возможно ! Много блаженныхъ ночей провели бы они и наслаждались бы здоровымъ, сильнымъ счастьемъ, а кто не знаетъ, по горькому опыту, что счастье „рѣзвая кокетка, посидитъ на мѣстѣ рѣдко, разъ, другой поцѣловала, и гляди, ужъ убѣжала!“ Эти незабвенныя минуты набросили бы розовый флеръ на всю ихъ будущую жизнь.

Жоржъ Зандъ игриво расплела вѣнокъ изъ яркихъ, искусственныхъ, весеннихъ цвѣтовъ и какъ ни хороши цвѣты, но они тусклы, мертвы, въ сравненіи съ живыми остро пахучими цвѣтами весеннихъ луговъ.

Послѣ этой ночи, мужъ Валентины уѣзжаетъ, отозванный по дѣламъ. Валентина тайно поддерживаетъ любовь къ Бенедикту, который медленно оправляется послѣ раны. Она безпощадно коверкаетъ себя, борется съ долгомъ, который какъ мечъ Дамокла виситъ надъ ея бѣдной головой ; она отдается счастью урывками, мечется, страдаетъ, всего боится, малодушно съезживается при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Страдательное существо всю жизнь, она не знаетъ, куда ринуться : съ одной стороны ее зовутъ пылія ласки, восторги любви, съ другой грозно возстаютъ религиозныя бредни, проклятія матери, вѣрность брачному обязательству. Время идетъ, страданія растутъ, давить ; счастье становится мимолетнѣе ; вѣковыя кандалы глубже врѣзываются и язвятъ тѣло и слабую душу.

Въ концѣ концовъ, мужъ обираетъ свою вѣрную брачному обществу супругу ; догадываясь о ея любви, уѣзжаетъ отъ нея и пишетъ къ ея почтеннѣйшей маменькѣ, что она измѣнила ему—въ то самое время, когда часть женинаго состоянія онъ проматываетъ на содержаніе двухъ балетныхъ танцовщицъ ; мать — развратная втихомолку — изрекаетъ надъ нею обильныя проклятія, выгоняетъ ее вонъ и на прощаніе трещитъ очень напыщенными монологами о высокой нравственности. Лишенная состоянія, отвергнутая семействомъ и мужемъ, она продолжаетъ упорно метаться и кончаетъ тѣмъ, что узнавъ

о скоропостижной смерти мужа, рѣшается обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ. Назначивъ ему свиданіе въ домѣ, въ которомъ жила прежняя невѣста Бенедикта, любившая его и нелюбимая имъ, вышедшая замужъ съ отчаянія за грубаго, ревниваго урода, который, заподозрѣвая жену въ любви къ Бенедикту, слѣдитъ за каждымъ его шагомъ; думая, что Бенедиктъ на свиданіи съ его женою, подкарауливаетъ его въ саду и прокалываетъ ему грудь рогатиной. На грудь къ умирающему Бенедикту бросается Валентина въ невыразимыхъ мукахъ, и черезъ нѣсколько времени пораженная кончиною, сама умираетъ въ нервной горячкѣ. Луиза, также глубоко любящая Бенедикта, у его трупа является мстительною Эвменидою; она произноситъ безопадный, правдивый приговоръ надъ тысячами Валентинъ, которыми кишитъ жизнь; въ ея словахъ слышится: „Ты тиранила его безъ границъ, давала ему счастье крупинками; ты отравляла краткія минуты счастья бездушнымъ ханжествомъ, грошевою моралью, жалкою, бессмысленною нерѣшительностью; ты дѣтски боялась проклятій, и они обрушились надъ тобою; ты боялась развода и мужъ разошелся съ тобою; у тебя все отняли, и взамѣнъ утраченнаго ты ровно ничего не приобрѣла: ты не наслаждалась счастьемъ. Полюби онъ меня, я отдалась бы ему всецѣло, въ моихъ объятіяхъ онъ былъ бы счастливъ, я всѣмъ бы для него пожертвовала; потерявши состояніе и ненужныя мнѣ права, я выиграла бы горячую, свободную любовь; я купила бы, цѣною утеранныхъ, нелѣпныхъ правъ, право счастья! Ты все потеряла и ничего не выиграла, и подвела путаницею твоихъ фальшивыхъ отношеній обожаемаго человѣка подъ ножъ убійцы!“

Многіе могутъ сказать, что, современный человѣкъ ставитъ задачею разумной жизни не изнывать всю жизнь въ любовныхъ пароксизмахъ, что испытавъ неудачу на этомъ очень пріятномъ поприщѣ, онъ отдался бы еще горячѣе наукѣ; богатую способность любви онъ истратилъ бы не на одномъ субъектѣ женскаго пола, а на большую массу, окружающихъ его людей; что человѣкъ, для котораго нѣтъ міра внѣ женской любви — существо, возбуждающее очень грустныя чувства; надъ его еще недостаточно развитой головою виситъ, готовая каждую секунду расплюснуть его, гранитная глыба; малѣйшая случайность, смерть, болѣзнь любимаго существа, потеря красоты, любовь къ другому грозятъ ему мученическимъ концомъ. Все это такъ! но Жоржъ Зандъ больше насъ — критиковъ знаетъ жизнь, она чутче наблюдаетъ ее, глубже подмѣчаетъ ея невыносимыя противорѣчія; она глубоко вѣрно обрисовываетъ тѣ громадно чувствитель-

ные, нервные характеры, страшно богатые духовными силами, но великое несчастье которых — что нервная система их слишком неумѣренно раздражительна. Эти мимозы человеческого рода съ болѣзненной силою отдаются всякому чувству; онѣ не знаютъ предѣловъ ни въ ненависти, ни въ любви. Удовлетворенная, пламенная любовь ихъ можетъ подвинуть на великіе подвиги; препятствія ихъ раздражаютъ, сбиваютъ съ толку, мучаютъ и въ концѣ концовъ губятъ.

IV.

Въ романѣ „Лелія“ выведена не пылкая и робкая дѣвушка, а мощная личность, опередившая міръ на цѣлые вѣка, несущая на себѣ тяжкое бремя всеобщаго униженія женщины. Она воплощенный протестъ противъ того уродливаго міра, который сдѣлалъ изъ женщины куклу, кухарку, аппаратъ для удовлетворенія чувственности и рожанія дѣтей. Гейне гдѣ-то сказалъ, что Жоржъ Зандъ выплакала всѣ свои слезы въ Леліи, и онѣ разлились по міру пожаромъ... Несчастливая Лелія долго и часто лила слезы объ униженной половинѣ рода человеческого, и тяжелыя были эти слезы! Въ минуты давящей скорби у ней вырываются горькія фразы: „Говорять, что провидѣніе распоряжается судьбою людей, гдѣ же оно было, это провидѣніе, въ то время, когда человеческого роду въ первый разъ пришло на мысль поставить одинъ полъ въ вѣчную зависимость и подчиненность отъ другаго? Только одинъ грубый инстинктъ животнаго произвола могъ побудить мужчину сдѣлать женщину своей работой, собственностью. Если есть преступленіе противъ природы, то общество свершаетъ самое тяжкое, оставляя цѣлую половину человеческого рода въ вѣчномъ дѣтствѣ.“ Бѣдное провидѣніе! Какое несмѣтное количество разъ тебѣ задавали роковые вопросы, и вмѣсто отвѣта ты вѣчно и грустно безмолвствовало.....

Въ характерѣ Леліи, рядомъ съ мягкой женственностью и поэтичностью рѣзко проглядываютъ черты христіанскихъ мученицъ; въ ней рано развертывается жажда свободы. Она горячо привязывается къ умному, гуманному, страстно любящему ее мужчинѣ; она мечтала съ нимъ дѣлать жизнь, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ, т. е. его политическую карьеру, труды; но даже порядочный изъ среди мужчинъ оказался настолько гадкимъ и одностороннимъ, что,

замѣтивъ ея широкія стремленія, презрительно указалъ ей на положеніе женщины въ обществѣ, началъ ее упрекать въ женскихъ порокахъ, всосавшихся въ женщину отъ вѣчнаго рабства; упрекнулъ въ недостаткѣ знанія. Эта напыщенная тирада, полная презрѣнія къ женщинѣ, унижающая и обезличивающая ее, мгновенно охладилъ Лелію; любовь потухла, когда она замѣтила въ любовникѣ барина. Разбитая, уничтоженная первымъ разочарованіемъ, она отдалась наукѣ; она долго и упорно работала мозгомъ и почувствовала, что ея силы окрѣпли, и она способна на плодотворную дѣятельность. Правительство — какъ всегда случается — загородило дорогу ея стремленіямъ; она мечется, глубоко страдая, отъ одного дѣла къ другому. Очень древняго рода и очень богатая, она жертвуетъ свое состояніе на помощь несчастнымъ, но чувствуетъ, что этого мало, что ея неодолимо рвущимся наружу силамъ нуженъ громадный, вольный просторъ, широкая арена, и этой арены не дождался и долго не дождется женщины! Ее терзаетъ избытокъ собственныхъ силъ, она сознаетъ, что назначеніе ея великое и болѣзненно чувствуетъ всю микроскопическую узкость того пути, по которому суждено идти міровой крѣпостной, бѣдной женщинѣ.

Изнеможенная борьбою, она ищетъ отдохновенія въ любви, но, къ несчастью, такимъ женщинамъ не по плечу даже лучшіе изъ мужчинъ. Она начинаетъ любить художника, чрезвычайно пылкаго, юношески чистаго, свѣжаго; чтобы испытать качество его любви, она во время бала, ночью, когда подъ шумъ фонтановъ молодежь, оьяненная виномъ, ароматомъ цвѣтовъ, начала уединяться парочками, наталкиваетъ его въ дремучихъ аллеяхъ сада на очень похожую на себя, свою сестру-вакханку Зинзолину, и этотъ пылкій юноша такъ порывисто отдается похотямъ, что забываетъ и Лелію и высоко-поэтическія, художническія грѣзы. Лелія увидѣла ясно, что дряблему художнику не наполнить ея жизни, что въ глубинѣ красивенькихъ мечтаній лежала одна только чувственность и полная неспособность ни къ чему истинно высокому. Она вырываетъ изъ души этотъ призракъ; волнуясь, кипя огнемъ бесплоднымъ, она приходитъ въ отчаяніе и отыскиваетъ себѣ пристанище въ монастырѣ. Но не спѣшите горько улыбаться, читатели - атеисты, это не Лизенька „Дворянскаго гнѣзда,“ не глупенькая Тамара, не средневѣковая барышня, свихнувшая отъ романтизма, прячущаяся въ монастырь отъ сильныхъ соблазновъ плотскаго міра или безутѣшной любви. Лелія поступаетъ въ монастырь не для Бога, она ненавидитъ деспотовъ земныхъ и не вѣритъ въ деспота небеснаго! Ея точка опоры не внѣ ея, а въ ней самой, она

не намѣревалась сдѣлаться небесной горничной; въ монастырѣ для нея развѣртывается широкое поле для дѣятельности.

Дѣйствіе происходитъ во время бурнаго итальянскаго движенія за независимость; Италія отлагалась отъ владычественной тираніи Австрій. Въ романѣ мелькомъ являются такія колоссальныя личности, что, читая даже въ русскомъ переводѣ, трудно сдержать порывистое біеніе сердца.

Жоржъ Зандъ говоритъ объ этомъ движеніи мало, а наша заботливая, сонъ императорскій охраняющая, отъ злыхъ напастей удаляющая насъ, убогая старушка—цензура умудрилась изъ немногаго выпустить многое и замѣнить пламенные слова пламенно разставленными точками, но не смотря на усерднѣйшія ухищренія, мы чутьемъ угадали многое; не смотря на обиліе точекъ, вы тревожно чувствуете, что за этими абрисами событій кипитъ сильная жизнь, рѣками льется мученическая кровь.

Одинъ исполнивъ этихъ собраній трагически покойно говоритъ сомнѣвающемуся въ борьбѣ за свободу: „брошенное на вѣтеръ зерно все-таки падаетъ на какую нибудь почву; потоки человѣческой крови никогда не льются даромъ, они равняютъ путь для будущихъ поколѣній; ты напрасно думаешь, что я хочу навязать тебѣ мои вѣрованія, для нихъ нужна громадная сила, а въ тебѣ ея нѣтъ.“

Въ монастырѣ св. Маріи Лелія сталкивается съ кардиналомъ Анабели, она не отступаетъ отъ принятой на себя миссіи, ясно говоря кардиналу, что не для глупыхъ молитвъ, вязанія, ухода за цвѣтами она пожертвовала всѣмъ своимъ состояніемъ и положеніемъ въ обществѣ; она хочетъ быть во что бы то ни стало абатиссой: это мѣсто давало ей огромную силу на твореніе добра. Въ чемъ состоялъ разговоръ Леліи съ кардиналомъ, я передаю словами автора:

„Я понимаю дѣланіе добра не въ одномъ раздаваніи милостыни, я хочу не однимъ бѣднымъ дать насущный хлѣбъ, я хочу и богатымъ дать хлѣбъ жизни, науку, знаніе, идеи, принципы, которымъ ихъ никогда не учили. Вы открыли безлатно школы для мальчиковъ, почему же мнѣ не открыть точно такихъ же для дѣвочекъ? съ однимъ впрочемъ условіемъ, чтобы никто не вмѣшивался въ устройство и преподаваніе моихъ школъ.“

— Хорошо, сказалъ Анабели, подумавъ: Вы будете абатиссой, но не забудьте, что мы играемъ въ очень опасную игру: мы дѣлаемъ расколъ; но правдѣ сказать, католическая церковь много потеряла вѣсу оттого, что во главѣ ея постоянно стоятъ патріиш по фамиліи и плеbei по уму, отъ этого все идетъ изъ рукъ вонъ плохо; мы съ вами хотимъ сдѣлать болѣе сообразный порядокъ вещей: вмѣсто предразсудковъ поставить просвѣщеніе, вмѣсто невѣжества — знаніе, вмѣсто суевѣрія — науку... Какъ же вы думаете, неужели это все намъ пройдетъ даромъ?...

— Я не вижу, сказала Лелія, чтобы мы оба чѣмъ нибудь рисковали въ

случаѣ неудачи нашихъ плановъ, тѣмъ болѣе, что они совершенно безко-рыстны, мы хотимъ только провести въ жизнь, реализовать тѣ убѣжде-нія, которыя въ насъ живутъ; пусть за это на насъ посыпятся гоненія, притѣсненія, это все таки несравненно легче, чѣмъ подавлять въ себѣ силы, которыя просятся наружу.“

Этотъ краткій разговоръ вырисовываетъ Лелію во всей ея недосыгаемой высотѣ; на монастырской, узкой аренѣ Ле-лія могла принести болѣе пользы, чѣмъ на такой аренѣ, какъ вся Италия! Долго такого рода дѣятельность продолжаться не могла: Австрійское правительство въ преслѣдованіи всего честнаго не уступало идеальному по части преслѣдованій и конфиденціальныхъ задушеній русскому правительству. Ко-нецъ ея страшенъ и поразительно вѣренъ плачевной дѣй-ствительности; незадолго до ея смерти художникъ Стеніо, котораго она любила и который такъ необузданно бросился въ омутъ жизни, мучимый странною любовью къ Леліи, про-бирается къ ней въ монастырь. Встрѣча ихъ высоко поэтична по своей глубинѣ и силѣ.

„Я не уйду прежде, чѣмъ ты скажешь мнѣ, что ты ко мнѣ чувствуешь, возразилъ Стеніо; я хочу знать, какое чувство замѣнило ту любовь, въ которой ты сама сейчасъ призналась?“

— Никакое... отвѣчала Лелія, ты для меня не существуешь.

— Никакое? Ты не чувствуешь даже страха? съ раздраженіемъ про-изнесъ Стеніо, вставая и подступая къ ней, съ мрачнымъ огнемъ въ гла-захъ.

— Страхъ! повторила она. Нѣтъ, ты слишкомъ слабъ, чтобъ тебя бо-яться. Когда-то ты былъ типомъ искренности и граціи, теперь ты типъ ничтожества, теперь для тебя доступно одно только чувство — скука.

— А тебя развѣ не томить скука? возразилъ Стеніо съ ироніей и го-речью. Чѣмъ ты живешь? ты никого не любишь и тебя никто не любитъ: бѣдная Лелія, мнѣ тебя жаль!

— Въ этомъ ты правъ, отвѣчала она грустнымъ тономъ, который уди-вилъ и растрогалъ Стеніо. Путь, который я выбрала, не ведетъ къ сча-стію; я не могу подавить въ себѣ потребности сочувствія, ласкъ, счастья вдвоемъ: мужчина и женщина созданы другъ для друга, и конечно жизнь монахини жизнь ненормальная и однако даже она нормальнѣе тѣхъ отно-шеній, которыя установило общество между мужемъ и женой. Мы съ то-бою никогда не могли бы быть счастливы вдвоемъ, Стеніо, твоё воспита-ніе, привычки, примѣръ всего свѣта и наконецъ законъ давали тебѣ надо мною такія права, которыхъ я не могла добровольно признать; возьмемъ уже одно то, что я противъ твоей невѣрности не имѣла никакой гарантіи, противъ моей ты былъ гарантированъ моимъ позоромъ, безчестіемъ и из-гнаніемъ изъ общества; можетъ быть, ты воображаешь, что мы могли обойти этотъ спорный вопросъ и жить вмѣстѣ безъ всякихъ формально-стей, но вѣдь я уже испробовала союзъ подобнаго рода и убѣдилась, что вѣнъ брака женщина еще менѣе можетъ быть подругою и равною мужчинѣ, ихъ интересы еще противоположнѣе и положеніе въ свѣтѣ рѣзко разгра-ничено, потому что общество не признаетъ незаконной связи. Какую же роль можетъ играть женщина при такой обстановкѣ? Она должна сте-реться, исчезнуть, поглотиться въ существованіи мужчины, а я этого не

могла, я сама хотѣла жить, и лучше предпочла совсѣмъ отказаться отъ моей доли земнаго счастья, чѣмъ продолжать бесполезную, неравную борьбу. Голосъ Леліи постепенно понижался и, когда она кончила, изъ глазъ ея снова покатались слезы.

Стеніо, въ порывѣ неудержимой страсти, бросился къ ея ногамъ и охватилъ ея колѣни, осыпая ихъ безумными поцѣлуями.

— Пусть эти слезы льются на мою грудь, вскричалъ онъ. Ты все та же, ты жаждешь любви! ты любишь!

— Да, я люблю! Но тотъ, кого я люблю, родится черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ моей смерти...

Она сдѣлала ему строгій, повелительный знакъ, чтобы онъ вышелъ. Стеніо обезумленный, задыхаясь отъ слезъ, шатаясь, очутился, самъ не зная какъ, по ту сторону чернаго занавѣса...

Приговоръ Леліи убиваетъ Стеніо; самообольщеніе на всегда исчезло для него, онъ увидѣлъ себя безъ романтической тоги, во всей отталкивающей, пугающей наготѣ; онъ узналъ въ себѣ поражающее ничтожество; убаюкивающіе софизмы стали для него невозможны. Католическій попъ сказалъ бы: „отъ него отлетѣли свѣтлые ангелы и опутали его душу черные демоны.“ Онъ понялъ ясно, (а господа этой категоріи рѣдко это понимаютъ безъ чужой помощи), что крошечная комедія жизни сыграна, и впереди или сладкій покой безъ сновидѣній, или растительное прозябаніе. Онъ выбралъ лучшее: могилу; этотъ разумный выборъ почти насъ примиряетъ съ художникомъ Стеніо.

Вскорѣ послѣ его смерти сѣкира палача опускается надъ головами праведниковъ: Анабелли былъ отравленъ, надъ Леліею назначено было слѣдствіе, поступки ея были представлены въ чудовищномъ видѣ: ее выставили проповѣдницею новаго, опаснаго, еретическаго ученія, ее обвинили въ участіи въ политическомъ заговорѣ. Любить людей безъ предписанія на то мѣстной полиціи, съ указаніемъ на пункты, во всѣхъ монархическихъ государствахъ сопряжено съ великою опасностью.

Послѣ этого слѣдствія — такъ похожаго на тысячи подобныхъ слѣдствій надъ честными людьми — ее сослали (неверующую) на церковное покаяніе въ холодное, сырое мѣсто, гдѣ свирѣпствовали злокачественныя лихорадки. Тренморъ застаётъ ее умирающей, онъ умоляетъ ее бѣжать, но уже поздно: она угасала быстро, выносила пытки покойно и жаждала мученическаго вѣнца; слова ея передъ смертью потрясающи и полны величія. Скорбное чувство возбуждаетъ предсмертный вопль сильной души, сжигаемой безпредѣльною любовью къ людямъ; ея предсмертная, горячія слезы были пролиты по громадной половинѣ рода человѣческаго, которая, униженно склоня голову, плетется въ пустую могилу, силы

которой непроизводительно замирають, задушенныя грубою силою. Сомнѣніе закрадывается въ ея большую душу, она не видитъ загорающагося вдали разсвѣта; міръ для нея — безразсвѣтная ночь, тотъ ужасный хаосъ, изображенный Байрономъ въ „Шильонскомъ узникѣ.“

Въ послѣдніе часы она перестала вѣрить въ пробужденіе народовъ, ея душу охватило отчаяніе, напоминающее отчаяніе Иисуса, когда онъ, истекая кровью, увидѣлъ у своего креста смѣющійся народъ; тѣ минуты, когда облако закрыло отъ него лицо отца. Ея мозгъ и нервы леденитъ холоднѣе самой смерти мысль, что тысячи лѣтъ прошли для женщины даромъ; ее мучительно раздражаетъ вопросъ: куда же канули несмѣтные силы билліоновъ живыхъ созданій, имѣвшихъ тѣ же права на жизнь, какъ и мужчины?

„Неужели, говорила она, все живущее погибнетъ безслѣдно, безъ пользы для себя и окружающихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я питала надежду, что хоть въ далекомъ будущемъ блеснетъ для человѣчества заря обновленія, теперь я уже этому не вѣрю, чего можно ждать отъ этой искаженной, закоснѣлой, отупѣлой расы, безъ энергіи и безъ совѣсти?“ Тренморъ напрасно толковалъ ей, что законы природы не допускаютъ слишкомъ быстрыхъ переворотовъ, что зерно можетъ только тогда пустить свѣжій ростокъ, когда всѣ старыя соки уничтожатся въ немъ до послѣдняго. „Чтобы воздвигнуть новое зданіе, говорилъ онъ, недостаточно еще разрушенія стараго, надо вынести его обломки и расчистить то мѣсто, на которомъ оно стояло.“ Лелія мрачно покачала головой.....

„Я не могу удовлетвориться этими неопредѣленными обѣщаніями, сказала она; одна только увѣренность могла бы меня примирить совѣмъ. Если бы только могла я ясно прочесть въ будущемъ, что для слѣдующихъ поколѣній жизнь сдѣлается легче, чѣмъ была для меня, я не стала бы жалѣть о моихъ погибшихъ надеждахъ. Истина! истина! гдѣ же ты?... Десять тысячъ лѣтъ тебя ищутъ и десять тысячъ лѣтъ въ отвѣтъ на эти исканія раздастся только со всѣхъ концовъ этой проклятой земли безотрадный стонъ всего живущаго!...“ Она еще говорила, когда Тренморъ почувствовалъ, что рука ея похолодѣла въ его рукѣ, она приподнялась въ послѣдній разъ и тотчасъ же опять опустилась, уже безъ жизни и безъ дыханія.....

Поэзія беременности

(Посвящается Н. Е. К.)

Диксонъ въ своемъ сочиненіи „Новая Америка“ съ какимъ-то неподдѣльнымъ ужасомъ и паэосомъ говоритъ о томъ, что американскія лэди не имѣютъ ни малѣйшаго расположенія имѣть много дѣтей, что самыя образованныя изъ нихъ умѣютъ ихъ имѣть въ удивительно ограниченномъ числѣ. Онъ восклицаетъ, что затаенная мысль о дѣтяхъ гнѣздится въ мозгу у каждой лэди. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство русскихъ женщинъ раздѣляютъ пламенный протестъ Диксона, и это очень понятно: русскія женщины славятся, по цѣлому міру, безграничнымъ, встрѣчающимся только у рыбъ, плодородіемъ. Каждый изъ насъ встрѣчалъ сотни плюгавенькихъ недоростковъ, которые явились семнадцатыми или восемнадцатыми на вольный свѣтъ божій. Утроба, производящая такіе удивительные фокусы, нерѣдко была способна къ дальнѣйшему произведенію потомства... Нѣтъ сомнѣнія, что такая способность положительнымъ образомъ поглощала въ себѣ всѣ остальные способности. Женщина, кладущая на алтарь отечества такую колоссальную кучу вѣрнопопавшихъ, была ни болѣе и ни менѣе какъ травяная вошь...

Диксонъ, произнося забористыя фразы, не даетъ себѣ труда вникнуть въ этотъ вопросъ поглубже, отбросивъ англійскую, мѣщанскую чадолюбивость и ту прекрасную мысль, что святое назначеніе женщины— всю жизнь страдать потугами и доить изъ себя молоко. Мужчины на столько эгоистичны и лишены способности входить въ чужое, скверное

положеніе, что никакъ не умудряются постигнуть невыносимое положеніе рожающей женщины. Положеніе часто рожающей женщины при томъ социальномъ положеніи, въ которомъ находится большинство женщинъ, ужасно. Аристократкѣ, имѣющей въ распоряженіи громадные дома, огромное количество прислуги, ничего не дѣлающей, нищенски пустой, можно имѣть дѣтей. Прострадавъ девять мѣсяцевъ, она сдастъ новорожденное существо на руки нянекъ и мамокъ. Всѣ отравляющія, подтачивающія жизнь стороны дѣтскаго, идиллическаго возраста не доходятъ до ея ушей — стѣны слишкомъ толсты, а комнаты удалены. Сносно имѣть дѣтей мастодонтамъ купеческаго класса, ожирѣвая мозгомъ и тѣломъ, они производятъ кучи дѣтей, которые на время нарушаютъ апатическій сонъ жизни; но жалка судьба женщины разумной, жаждущей образованія, широкой дѣятельности, которая, за неимѣніемъ большихъ средствъ, сама должна выпячивать и выкармливать дѣтей. Всмотримся въ жизнь подобной женщины со дня ея замужества: восторженная, нѣжная, она порывисто отдается ласкамъ любимаго человѣка, ея юная головка полна золотыхъ сновъ; она мечтаетъ быть горячимъ другомъ, помощникомъ мужа, дѣлать его впечатлѣнія, занятія; читать вмѣстѣ съ нимъ то, что такъ побѣдно волнуетъ всякую молодую, стремящуюся къ развитію душу. Если у ней или мужа есть небольшія средства, она мечтаетъ о путешествіи; жажда жизни тянетъ ее въ яркую даль; передъ ея мечтательнымъ взоромъ проносятся волшебныя картины: синія небеса, яркія, съ блестящими звѣздами, томительно-сладкія ночи, среди благовоннаго воздуха, съ шумомъ и гуломъ лазурнаго моря; грозныя скалы, увитыя дремучими лѣсами, мрачныя пропасти съ бурными потоками, мелодично шумящія водопады. Она слишкомъ надыхалась ѣдкимъ чадомъ нашихъ деревень. Отеческія, утонченно выкованныя цѣпочки натерли ей молодое тѣло, она радостно рвется изъ тѣсной, затхлою тюрьмы на вольный свѣтъ, на свободу; въ бракѣ она видитъ спасеніе, счастье; весь міръ обвѣянъ для нея розовою дымкою. Но въ самомъ разгарѣ радужныхъ грезъ, ледяная, прозаическая дѣйствительность даетъ ей первый толчекъ въ видѣ зарождающаго младенца; наступаетъ идиллія беременности: нескончаемая рвота, гнетущее расположеніе духа. Только у сентиментальныхъ вралей—нѣмецкихъ романистовъ встрѣчаются приторныя картинки, изображающія блаженство пузатой женщины, они невиннымъ образомъ умалчиваютъ о поэтическихъ рвотахъ, о не менѣе поэтическихъ боляхъ въ поясницѣ, о тоскливой апатіи. Ихъ эстетическія натуры удивительно легко перевариваютъ свинину съ изюмомъ "

черносливомъ, картофель съ сахаромъ, ростбифъ съ варениемъ и вовсе не перевариваютъ житейской прозы. Много, очень много переносятъ беременная женщина, пока на шагъ отъ гроба, въ мукахъ и слезахъ родитъ перваго ребенка; но непонятно богата женская натура, она на долгое время забываетъ муки и наслаждается, прижимая къ груди кусокъ живаго мяса; она забывается, но не настолько, чтобы смутно не сознавать, что процессъ кормленія и ухаживанія за ребенкомъ истощаетъ ея молодыя силы, отымаетъ всякую возможность умственнаго труда; ея грезы таютъ, какъ упонительныя грезы опія. Но это первый ребенокъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ путь становится запутаннѣе и мрачнѣе: не успѣлъ ребенокъ высосать изъ матери мозгъ, нервы и кровь, какъ уже въ распухшемъ животѣ копошится другой претендентъ на безотрадную жизнь.

Было время, когда процессъ роженія избавлялъ женщину отъ дальнѣйшаго попеченія о ребенкѣ; воспитаніе было дѣло несложное: мальчикъ, рискуя на каждомъ шагу жизнью, вслѣдствіе бездоннаго невѣжества папеньки и маменьки, безолаберно выросталъ, а въ извѣстномъ возрастѣ его швыряли на растерзаніе въ педагогическіе вертепы; оттуда искалеченный физически, нравственно и умственно, онъ выползалъ въ жизнь; чѣмъ болѣе онъ приближался къ типу москки, тѣмъ болѣе обезпечивалъ онъ свое существованіе. Наше время показало ясно, что воспитаніе — наука изъ наукъ, самая глубочайшая и въ то же время самая труднѣйшая. Для многихъ стало понятно, что за тяжкимъ процессомъ роженія ребенка слѣдуетъ еще болѣе тяжкій процессъ: воспитаніе ребенка. У индѣйцевъ существуетъ обычай убивать новорожденныхъ дѣтей женскаго пола; у насъ же безошадно убиваютъ, съ помощью разнаго рода педагогическихъ заведеній, не однѣхъ дѣвочекъ, но и мальчиковъ, и не новорожденныхъ, а въ цвѣтущемъ, мощномъ возрастѣ. Воспитывать, въ глубокомъ значеніи этого слова, одной матери, можно только одного ребенка; воспитывать ихъ цѣлыя десятки, даже съ помощью толпы нянекъ, и гувернантокъ, положительно невозможно; ста материнскихъ жизней не хватитъ на такое сложное дѣло, и наконецъ, это воспитаніе должно каждую минуту прерываться мукою новой беременности, мукою новыхъ родовъ, новой, мелкой, подтачивающей жизнь заботой о новорожденномъ, когда онъ, какъ комокъ мяса, переживаетъ растительную жизнь.....

Возня, крики, капризы, мелкія, безпрерывныя заботы, немѣнне справиться съ дѣтми быстро портятъ лучшій характеръ; женщина становится болѣзненно раздражительна, и

раздражительность всею тяжестью падаетъ на дѣтей и на мужа. Воспитывать много дѣтей, кое-какъ, требуетъ большихъ средствъ; всякое большое состояніе отъ приращенія нѣсколькихъ птенцовъ становится ничтожнымъ, слѣдовательно, родители неспособны не только поддерживать жизнь дѣтей, но и свою собственную. Но нѣкоторые могутъ произнести патетически, но въ то же время автоматически, нѣсколько звучныхъ фразъ о самоотверженіи въ пользу дѣтей, о томъ, что разсуждая такъ, родъ человѣческій давно прекратился бы, укажутъ на многіе примѣры, — какъ одно семейство, состоящее изъ 18 человѣкъ дѣтей, было очень счастливо, что всѣ дѣти вышли въ люди, т. е. преуспѣваютъ на разныхъ ступеняхъ общественной службы..... Нѣтъ сомнѣнія, что бывають даже и не такіе случаи: изъ тысячи дѣтей нѣсколько выхаживаются даже изъ воспитательнаго дома. Рожать же дѣтей для могилы или несчастныхъ нищихъ, у которыхъ впереди безвыходное горе и непосильный вѣчный трудъ — невеликая заслуга передъ человѣчествомъ! Наконецъ, пусть успокоится читатель, заводчики и аппараты для рожанія дѣтей никогда не переведутся на нашей землѣ, „лучшей изъ всѣхъ міровъ.“

Что же касается до самоотверженія — эта фраза безъ смысла. Самоотверженіе — святое слово, но оно должно битъ разумно; если бы мать, цѣною утерянной жизни, давала богатую жизнь десяткамъ людей, такая печальная жертва пошла бы ей въ заслугу; но губить себя затѣмъ, чтобы губить другихъ — занятіе удивительное по своей глупости, это не самоотверженіе, а непонятное, средневѣковое презрѣніе къ жизни. Мнѣ кажется, что ничего нѣтъ ужаснаго и непозволительнаго въ томъ, что женщина сама хочетъ жить, т. е. трудиться, слѣдить съ жаромъ за всѣмъ, что такъ интересуетъ мужчннъ, наслаждаться обществомъ, путешествіемъ, поэзіей и тысячами удовольствій, которыми полна жизнь мужчины. Американскія женщины, какъ самыя развитыя, скорѣе другихъ сознали, что кромѣ мукъ беременности, вѣчнаго механическаго нянчинья съ дѣтьми, хроническаго, пчелинаго самоотверженія въ пользу дѣтей, есть жизнь, и что наслажденіе ею законно и разумно.

Пока не будетъ ограничено число дѣтей, всѣ рассказы о полномъ равенствѣ половъ будутъ подлюю, вздорною болтовнею; половина рода человѣческаго будетъ обречена духовному и физическому рабству. Вѣчная беременность будетъ вѣчно сопровождаться тупой отсталостью, безконечнымъ страданіемъ, робкою зависимостью и безпробудною апатіею. Ограниченіе числа дѣтей — вопросъ жизни и смерти для женщины.

Удивительнѣ всего, что этимъ вопросомъ неглижируетъ наше время, провозглашавшее уродливое ученіе Мальтуса и Рикардо,—пораженные экономическимъ строемъ нашего цивилизованнаго міра, они захотѣли оскопить весь трудящійся классъ, чтобы онъ не плодилъ нищихъ; они хотѣли у людей труда, горя и слезъ отнять послѣднее, оставшееся у нихъ наслажденіе. И это черствое ученіе проповѣдывалось въ то время, когда наука уже нашла способы избѣгнуть оплодотворенія, безъ особеннаго насилія со стороны мужчины и женщины и безъ малѣйшаго для нихъ вреда.

Жизнь современнаго человѣка слишкомъ коротка, а счастье, молодость, красота быстро переходящи. Нужно откликаться на каждый призывный звукъ жизни, иначе жизнь состроитъ кислую гримасу и безцеремонно повернется къ вамъ задомъ. Наука, поэзія, служеніе не однимъ дѣтямъ, но и людямъ, дали современному человѣку богатую возможность наслаждаться счастьемъ и счастьемъ не грубо эгоистическимъ. Монашенкѣ простиительно растительное прозябаніе въ жизни: могила для нея—ступень въ райскія ворота, гдѣ она рассчитываетъ вѣчно тонуть въ бездонныхъ блаженствахъ. Трезвая наука разсѣяла нашу поэтическую иллюзію; смерть для насъ переходъ къ уничтоженію; индивидуальность наша, послѣ бурной жизни, переходитъ въ сладкій покой, безъ сновидѣній, т. е. расплывается въ ноль. Нашъ таинственный организмъ поступаетъ въ общій складъ природы, которая изъ нашей брэнной, и въ то же время безсмертной матеріи начинаетъ строить безсознательно, въ силу вѣчныхъ законовъ, новыя формы жизни, которыми она замѣняетъ старыя, разложившіяся.

Наша неумирающая матерія питаетъ землю, воздухъ. Нашу матерію перевариваютъ крошечные желудки подземныхъ обжоръ, и это пожираніе и питаніе родятъ новыя фантастическія формы жизни, которыя не прослѣдитъ фантазія арабскаго сказочника. Тѣдкаго и мрачнаго въ этой научной мысли нѣтъ ничего: переставъ тѣшить себя призракнымъ, небеснымъ царствомъ, мы пристрастьѣ стали вглядываться въ наше земное, поразительно мерзкое царство. Эта загробная правда заставляетъ насъ невольнo еще глубже привязаться къ жизни, больше цѣнить ее и больше требовать отъ нея; мы невольнo начинаемъ стремиться оставить слѣдъ въ жизни: его шириною и длиною измѣряется наша личность; чѣмъ правдивѣ наша мысль, тѣмъ болѣе шансовъ на наше духовное существованіе.....

Отрывокъ изъ моихъ неизданныхъ путешествій

„И снова вѣютъ на меня
Минувшихъ лѣтъ воспоминанья...
Сны позабытые, погасшія картины
. . . . . опять
Наружу выплываютъ.“

Я видѣлъ англичанина, несущагося на югъ Франціи, въ тотъ волшебный уголокъ міра, гдѣ царить зимою дивная весна, гдѣ южная растительность ключемъ бьетъ изъ богатой земли, вѣчно освѣщенной горячимъ солнцемъ. Онъ сидѣлъ, вытянувши ноги; онѣ были окутаны пледомъ, самъ онъ въ сѣромъ пиджакѣ; безцвѣтныя, полурыжія, полубѣлыя, полугрязныя бакенбарды, гладко расчесанные, торчали по сторонамъ лица, съ выбритою челюстью гориллы; лицо было пьяно-красноватое, глаза жирные, окаменѣлые; они съ правильностью и неутомимостью маятника опускались въ толстый гидъ Бедекера, въ крѣпкомъ, красномъ переплетѣ, и на мимо мелькающую, ласковую природу. Съ обѣихъ сторонъ росли, уходя въ безграничную даль, синія горы, обросшія мягкой, темною зеленью; съ высоты горъ падали серебрянными струйками ручейки; звонко щебетали, покинувши трели соловья; въ воздухѣ благоухало весенними цвѣтами; солнце ослѣпительно обливало все усыпляющимъ, нѣжащимъ свѣтомъ. На днѣ моей души, отогрѣтые солнцемъ распускались чудные цвѣты; забылъ я въ эти минуты житейскія муки,

бури, безумія, кровавыя слезы... Тѣни пятнами ложились по мрачнымъ ущельямъ; сѣрыя, поросшія травою, обвитыя плющемъ развалины замковъ рисовались на красносинихъ утесахъ, отвѣсныхъ какъ стрѣла. Жирный взглядъ справлялся съ гидомъ и тѣмъ же справочнымъ взглядомъ смотрѣлъ по сторонамъ; иногда глаза распирались, раскрытый ротъ принималъ форму ноля, изъ него вырывалось шипѣніе, змѣинный свистъ, клокотаніе, кудахтаніе, хрусть зубовъ; вся эта масса чрезвычайныхъ звуковъ вырождала удивленіе, но неуловимо быстрые проблески души были помѣчены въ гидѣ; гидъ Бедекера въ крѣпкомъ, красномъ переплетѣ повелѣвалъ удивляться, англичанинъ удивлялся.

Я видѣлъ англичанина подъ темно синими небесами Рима, онъ стоялъ въ *rinse-nez*, которое сползло съ конца его длиннаго, сизаго носа, въ рукахъ его былъ пледъ, панталоны на немъ были клѣтчатыя, зеленосинія, пиджакъ—зеленосиній клѣтчатый; воротникъ, высокаторчащій, клѣтчатый, шляпа касторовая, круглая; бакенбарды были мутнорыжія, глаза жирные, гармонирующіе по выраженію съ классическими развалинами. Этотъ античный взглядъ каменно смотрѣлъ на разрушенную, безобразную колонну временъ Траяна; весь мусоръ, до послѣдняго осколка отъ мостовой, были отмѣчены въ толстомъ гидѣ Бедекера; около него лебезилъ, треща безъ умолку, полужидъ, полугрекъ—вѣчный спутникъ англичанина—драгоманъ. Взглядъ этотъ оставался тотъ же: устремленъ ли онъ былъ на древній мусоръ, на мраморную страдалицу—Ниобею, Венеру Капитолійскую, группу Лаокоона, сладострастную гетеру, замученную ласками Сатира, мадонну Рафаэля, плачущую Магдалину, Іисуса, погибающаго на крестѣ, съ идеальнымъ выраженіемъ на лицѣ. Онъ былъ тотъ же античный мраморъ, когда онъ смотрѣлъ на поля лилыхъ фіалокъ, горы, таящія въ золотистомъ туманѣ, при послѣднихъ лучахъ солнца; на освѣщенные луною, чудовищныя, таинственныя развалины, обросшаго мохомъ Колізея. Длинный, сизый носъ официально, по заказу, совершенно одинаково вдыхалъ запахъ дико растущихъ розъ, миндальныхъ деревьевъ, какъ и зловонія, несущіяся изъ темныхъ переулковъ, отъ перегнивающей, выброшенной на улицу пищи.

Я видѣлъ англичанина въ знойной Сахарѣ, всходящаго на въ небо укатывающуюся, желтую, колоссальную пирамиду Хіонса; онъ былъ въ сѣрой блузѣ, пробковой шляпѣ съ широкими полями и вентиляторами; за нимъ съ огненными глазами, бронзовыми лицами, черными бородами, въ бѣлыхъ, развѣвающихся одеждахъ подымались бедуины. Взглядъ, безжизненный, какъ пирамида, попеременно устремлялся на

желтую, безграничную пустыню, Каиръ потонувшій въ пальмовыхъ рощахъ, серебристо-голубую ленту Нила, на утонушаго въ песокъ, колоссальнаго, безъухаго и безносаго сфинкса.

На высотѣ Хіопсовой пирамиды онъ поглотилъ страшную массу мясной пицци и тщательно увѣковѣчплъ, желѣзнымъ остріемъ, ни кому неизвѣстное, ни кому не нужное пмя. Я видѣлъ его пыхтящимъ, краснымъ до удушья, ползущимъ внутри пирамиды; около его мутныхъ бакенбардъ и вспотѣвашаго лица, арабы держали зажженные факелы и усердно подталкивали его во всё удобныя для подталкиванія мѣста. Я видѣлъ его около гробницы Хіопса: на саркофагѣ фараона стоялъ бедуинъ въ бѣлой, волнистой одеждѣ, освѣщенный снизу факелами, въ его глазахъ свѣтился дикій огонь, въ високо приподнятой рукѣ онъ держалъ факель; его красноватый свѣтъ беспильно боролся съ тысячелѣтнею тьмою; другою арабъ ударялъ желѣзною тростью въ пустую гробницу, она издавала звенящіе звуки, таинственно прекрасные; въ вышинѣ во мракѣ шумѣли крылья вампировъ; порой освѣщенные факелами, виднѣлись тонкія крылья и блестили глаза; изъ темныхъ, подземныхъ щелей со свистомъ выползали желтыя змѣйки; въ сѣдой паутинѣ висѣли огромные пауки, распустивши лахматыя лапы. Я пристально взглядывался въ глаза англичанина—путешественника; ни одинъ лучъ не проблеснулъ въ каменныхъ глазахъ.

Я видѣлъ англичанина у жерла Везувія, ночью, за мѣсяцъ до страшнаго изверженія: сѣрые, бѣлые пары и дымъ, какъ саванъ, покрывали гору; изъ громаднаго жерла съ страшнымъ шумомъ, свистомъ и завываніемъ, какъ будто милліоны исполинскихъ мѣховъ раздували его, вырывалось пламя; черныя, острыя, какъ иглы, скалы отлпвали кровавымъ свѣтомъ; черезъ трещины сочилась, кипѣла и бурлила лава; подъ нами вздрагивала земля и раскатывались, глухо уходя въ бездонную глубину, подземные громы; а выше насъ другое жерло, засыпавшее пепломъ Помпею, выбрасывало по временамъ снопы свѣта и громадные камни; земля кругомъ трепетала. Англичанинъ лѣзъ въ самое жерло, сапоги его обугливались въ горячей золѣ, щеки были краснѣе разрѣзаннаго, кроваваго ростбифа; на шагъ отъ смерти, около страшной огненной лабораторіи, онъ сохранялъ то же пирамидальное спокойствіе взгляда. Мы быстро спускались внизъ. Неаполь блестѣлъ цѣлымъ моремъ огней, тонулъ въ лаврахъ и апельсиновыхъ рощахъ; заливъ блестѣлъ синими огоньками, освѣщенный палевою луною; теплыя волны воздуха обвѣвали усталое тѣло и несли съ собою нѣжный запахъ жасминовъ,

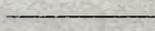
лимоновъ и розъ изъ садовъ Сорренто; звѣзды яркія мигали въ лиловато-синемъ воздухѣ; млечный путь, какъ серебряное облако, ярко перепоясывалъ небо; гробовая тишина была кругомъ, звуки жизни не добирались до нашей высоты; а сзади насъ, вдаль, клубился черный дымъ и блестяло зарево, отъ огня волкана; англичанинъ быстро спускался внизъ, обуреваемый энергическими позывами страшно энергическаго желудка.

Я видѣлъ англичанина на Лаго Маджіоре; косые лучи заходящаго солнца бросали на голубое озеро свои лучи; вода искрилась на неизмѣримомъ пространствѣ розовато-золотистымъ свѣтомъ; озеро дремало, какъ ребенокъ въ колыбели; чуть слышно лепетали, ударяясь о темныя скалы, теплыя, золотистыя волны; вблизи отъ насъ подымался изъ водъ озера, „какъ стройный сонъ Бога,“ покрытый алою, кипарисами, лаврами, камеліями, лимонными и апельсинными деревьями, сверху до низу осыпанный розами, пестрыми цвѣтами, во всей блистательной, сказочной красотѣ, островъ : *Isola bella*. Громадныя, бѣлыя, мраморныя террасы подымались на немъ все выше и выше, мраморныя, античныя, почернѣвшія статуи, роскошныя вазы, тонкіе, мавританскіе шпичи покрывали ихъ; по сѣрымъ стѣнамъ вились, спускаясь книзу гирляндами, ползучія, чернозеленыя растенія, осыпаныя пунцовыми колокольчиками; въ чуть слышномъ воздухѣ разносились острыя благоуханія волкамелій, чайныхъ розъ, алеандровъ и лимонныхъ цвѣтовъ. Громадный дворецъ и островъ стояли опрокинутые въ зеркальной водѣ, и казалось, что въ глубокой, прохладной водѣ прячется другой волшебный островъ; сказки о хрустальныхъ дворцахъ и замкахъ свершались на яву. Съ трехъ сторонъ озеро, какъ вѣнцомъ, было окружено фіолетовыми, гигантскими горами; верушки отдаленныхъ, снѣжныхъ вершинъ пылали блѣдно-пунцовымъ цвѣтомъ, въ лучахъ заходящаго солнца; такимъ розово-пунцовымъ свѣтомъ горитъ Монбланъ, когда роскошныя долины уже дремлютъ, окутанныя сумракомъ. Бѣленькіе, веселенькіе города, тысячи причудливо разнообразныхъ виллъ, потопленныхъ въ роскошной, южной растительности, усѣивали золотой дымкой покрытые берега. Дремало, не колыхаясь, озеро, дремали синія небеса, — потопленные въ солнечныхъ лучахъ долины; лодки наши остановились, гребцы бросили весла; ни одинъ звукъ не доносился до насъ, кругомъ было сказочно тихо; капли, съ весель падая, беззвучно разбѣгались серебрястыми кругами по зеркальной водѣ... Нѣтъ тѣхъ словъ на языкѣ, которыми можно было бы описать то, что чувствуется въ такія минуты! Грезы ласковыя, какъ улыбка ребенка, нѣж-

няя, какъ запахъ розы, поэтическія и легкія, какъ вѣяніе перваго, весенняго вѣтерка, просыпаются въ дремлющей душѣ; ни одинъ звукъ скорбнаго диссонанса не зарождается въ душѣ; въ такія минуты хочется забыться и заснуть вѣчнымъ, дивнымъ сномъ, подъ чуть слышное колыханіе волны. Венеція лунною почью навѣваетъ тѣ же думы, тѣ же сны. Англичанинъ убажуканный кашлями, падающими съ веселья, заснулъ; носовой свистъ, какъ завываніе осенняго, ночнаго вѣтра въ трубѣ и вульгарный храпъ наполнили сонный воздухъ; по временамъ, онъ силится проснуться; устало и лѣнливо, какъ пьяный, онъ приподнялъ жирную, потную руку и сталъ ею махать около сизаго носа, какъ будто сгоняя съ него безотвязную муху.

Я видѣлъ англичанина въ дѣвственномъ лѣсу Индіи: зеленые ліаны, какъ удавы, окутывали страшной высоты деревья; гирлянды громаднхъ пунцовыхъ колокольчиковъ спускались съ верхушекъ деревьевъ до самой земли; пряный запахъ носился въ раскаленномъ воздухѣ; среди голубыхъ, бѣлыхъ, синихъ цвѣтовъ развѣвался хвостъ какой-то фантастической, невидимой глазу, птицы; онъ переливался на ослѣпительномъ солнцѣ яхонтами и рубинами; по временамъ рѣзко, визгливо кричали попугаи и вдали звонко раздавался вой тигра... Англичанинъ красно-сизый, пытящій, обливающійся испариной, недоумѣвалъ; въ первый разъ онъ недоумѣвалъ: среди дѣвственнаго лѣса у него въ рукахъ не доставало гда въ крѣпкомъ красномъ переплетѣ... . . .

. . . . .

Передъ грозою

(Изъ письма къ другу.)

„Постой, мой малютка! возьми-ка
Солдатика ты одного;
Сломай ему руки и ноги
И вырви ружье у него;

Обмажь красной краской игрушку
И въ поле забрось, наконецъ...
Въ такомъ положеніи жалкомъ
Лежитъ твой отважный отецъ.

(Стих. *Война! Война!* Жулева.)

.....Русскій, глубоко и искренно любящій свою родину, вѣр-
ящій въ ея возрожденіе путемъ усиленной социальной пропа-
ганды въ народѣ, невольно, сильно задумается надъ печаль-
ными событіями послѣднихъ мѣсяцевъ. Всероссийская трагедія
послѣдніе мѣсяцы идетъ крещендо; всѣ напряженно ждутъ
часа ужасной развязки; политическій горизонтъ обложенъ
тучами, вдали глухо грохочетъ громъ, все предвѣщаетъ
страшную грозу; еще до рѣчи Александра въ Москвѣ чув-
ствовалось ея зловѣщее приближеніе. Газеты сдѣлали свое
великое дѣло: нафанатизировали, если не всю Россію, то
по крайней мѣрѣ ту большую, сытую кучку, которая не пла-
титъ налоговъ изъ своего кармана и имѣетъ много времени
на всякаго рода увлеченія, аханія; тотъ слой, котораго па-
тетическія захлебыванія, возгласы и драматическіе вздохи о
далекихъ славянахъ совсѣмъ заглушили хриплое стенаніе
собственной родины. Газеты кричатъ: „русскій народъ хо-
четъ войны!“ Пусть будущіе несчастія Россіи падутъ на
головы тѣхъ, которые произнесли эти проклятые слова! Бѣ-
сящаяся отъ жира кучка людей взяла на себя смѣлость рѣ-
шать роковые вопросы за 84 мил. государство! Только аб-

солотная монархія можетъ породить такихъ выкидышей съ монархическими замашками! Литературная свора, звука не проронившая во время бѣшеныхъ ужасовъ, свершавшихся въ нѣдрахъ Россіи, запылала огнемъ неугасимымъ, когда дѣло коснулось далекихъ славянъ! Она подняла такой гвалтъ и шумъ, что всѣмъ показалось, что это шумить не газетная бумага, а вся Россія; свои крошечныя, карманныя симпатіи она дерзко назвала симпатіями народными; свои жалкіе вздохи — страшными вздохами народными. Несчастный, трудящійся народъ, ограбленный до нитки, ободранный до костей, забитый и запоранный, снова будетъ вышвырнутъ на безумную бойню! Въ мирное время его давили, рѣзали съ чувствомъ, съ толкомъ и разстановкою, теперь же его начнутъ рвать на куски разрывными снарядами съ огромнымъ чувствомъ, но безъ малѣйшаго толка и безъ разстановки. Великіе командиры пушечнаго мяса будутъ вопить: „Мы сражаемся за объединеніе славянъ! мы сражаемся за свободу нашихъ братьевъ! мы вносимъ въ политическую, звѣрскую схоластику высочайшую нравственность!“ Если борьба увѣнчается успѣхомъ, командиры надѣнутся на себя лавры, народъ же подвѣситъ къ своимъ тяжелымъ цѣпямъ еще болѣе тяжелыя гири; командиры будутъ пожирать роскошныя обѣды, при громѣ музыки и шумѣ спичей, народъ же вернется голодный въ свои темныя, тѣсныя, холодныя хаты и молча будетъ пережевывать черный хлѣбъ пополамъ съ древесною корою, — великая логика событій!... Холопы и трусы, не умѣвшіе отстоять ни одного человѣческаго права у себя на родинѣ, берутся отстаивать права и свободу чужихъ націй! Царскіе холопы останутся холопами повсюду, живительнаго элемента они нигде не внесутъ ни въ какое дѣло, какъ бы оно громко не называлось.

Недавно въ „Голосѣ“ въ №№ 291 и 292 за октябрь была напечатана въ фельетонѣ статья Ев. Маркова: „Алхимія въ политикѣ.“ Она написана живо, очень увлекательно и въ духѣ минуты; нужно имѣть трезвый мозгъ, чтобы увидѣть всю несостоятельность и незрѣлость этого днѣимбрама въ пользу войны. Марковъ написалъ отличную статью: „Софисты XIX вѣка.“ Въ послѣдней статьѣ онъ является самъ софистомъ, но не XIX вѣка, а настоящей минуты; онъ провоздитъ ту мысль, что севастопольская война освободила Россію отъ рабства; цитируетъ слова Прудона въ пользу войны; говоритъ, что война обновляетъ націи, расширяетъ ихъ горизонты; что она далеко гонитъ сонъ, нарушаетъ апатію; восторженно увѣряетъ, что вѣка готовили Россію для уничтоженія Турціи, которая находится въ предсмерт-

ной агоніи; что ни одно государство не вступится за Турцію; пророчить великую будущность Россіи послѣ войны. Много, черезъ - чуть много говорить онъ, но пока и этого довольно!... Старинную методу леченія проповѣдуетъ г. Марковъ, какъ старый эскулапъ, онъ хочетъ лечить народы сплными кровопусканьями, ѣдкими слабительными; въ этой широкой и задушевной мысли онъ сойдется вполне съ императорской властью, господами Бисмарками и Наполеонами; дѣлаетъ честь русскому либеральному писателю!... Но чего же лучшаго можно было ожидать отъ либеральнаго русскаго писателя? Онъ проповѣдуетъ тайную инквизицію въ политикѣ, если боины возвышаютъ нравственный уровень народовъ, то идите послѣдовательно: тащите на сцену пытки — онъ тоже нарушаютъ апатію, гонять далеко сонъ — инквизицію, монархизмъ съ кнутами и крѣпостями!

Много разъ повторяли, на волосъ не вникая въ смыслъ фразы, что севастопольская война освободила насъ отъ рабства, но истина дороже эффектной фразы; если чудовищная рѣзня освобождаетъ народы отъ цѣпей, то остается только пожелать государствамъ хорошаго аппетита, пусть пожираютъ на здоровье другъ друга!... Совпаденіе возвели въ законъ: не отравись Николай, Россія только бы топоромъ сколотила съ ногъ своихъ цѣпи! Неужели Маркову неизвѣстно, что страшная реакція уже стала обнаруживаться по всей Россіи еще до севастопольской кампаніи? Рабство не могло существовать вѣчно: новый государь съ либеральнымъ направленіемъ, всходя на престоль, долженъ былъ чѣмъ нибудь ознаменовать свое восшествіе. Въ Европѣ и самой Россіи вопросъ объ освобожденіи сталъ не въ моготу налегать на русское правительство; на горизонтѣ начали показываться зарева отъ пожаровъ; добрые, почтительные крестьяне начали палить въ огнѣ своихъ добрыхъ помѣщиковъ; чиновничество, рабство и повальное палачество перелпли черезъ край, выхода не оставалось никакого, нужно было начать для спасенія собственной, мерзкой шкуры, игру въ жалкое освобожденіе, въ жалкія реформы! Заграничная, русская свободная пресса, отечественная литература, всеобщій предвѣщающій грозу ропотъ, повсемѣстные бунты, духъ времени, который началъ витать надъ необозримымъ пространствомъ Россіи, тысячи мелкихъ условій, которыя, усложняясь, переходили въ крупныя явленія, привели къ освобожденію крестьянъ. Не трудно было бы писать исторію, если бы въ ней дѣйствовали такъ рѣзко и отчетливо такіе опредѣленные стимулы! Разгадка великихъ, историческихъ явленій упростилась бы до поля.

Цитируя Прудона, Марковъ не даетъ себѣ труда ясно опредѣлить, о какой войнѣ говоритъ онъ, называя ее: „правосудіемъ народовъ.“ Плохая задача забивать голову публикѣ громкими авторитетами! Прудонъ рядомъ съ сочиненьями: „De la justice dans la révolution et dans l'église“, „Qu'est-ce que la propriété?“ проводитъ ту прекрасную мысль, что женщина должна сгнить въ рабствѣ, что ея святое назначеніе быть кухаркою. Есть война, съ которой можно помириться, какъ съ печальной безвыходностью: это война за всеобщее счастье, всеобщее экономическое равенство, безъ котораго всѣ возгласы о равенствѣ, свободѣ и братствѣ — злая ложь, возмутительная комедія, дѣтская игра въ жмурки! Но и тутъ она можетъ быть объявлена только тогда, когда всѣ силы договориться и добиться мирнымъ путемъ будутъ истощены совершенно; когда всѣ выходы къ человѣчнымъ мѣрамъ будутъ заперты хищниками. Эта война, на знамени которой, безъ лжи, будутъ лучезарно сіять слова: „равенство, братство и свобода,“ дѣйствительно пробудитъ все человѣчество отъ тысячелѣтняго, ужаснаго сна! Поднятые на ноги народы въ минуты великой борьбы будутъ съ неизмѣримою силою всасывать въ себя идеи; вопросы правды, добра и справедливости встанутъ во всемъ потрясающемъ величій передъ народами, и они должны будутъ рѣшить ихъ, ради собственнаго спасенія. Но эта война не должна издѣваться надъ своими жертвами, она не должна терзать, мучить своихъ враговъ, смѣхомъ отвѣчать на ихъ стоны; торжество надъ мгилами убитыхъ тутъ не мыслимо.

Если бы современныя намъ войны и прежнія обновляли націи, подымали ихъ нравственный и умственный уровень, указывали бы имъ новыя, высшія цѣли, открывали бы имъ новыя, обширныя горизонты, то Франціи временъ Наполеона I, которая буквально брала ванны въ крови народовъ, давно слѣдовало бы сдѣлаться самымъ идеальнымъ государствомъ въ цѣломъ мірѣ, а Швейцаріи самымъ гнуснымъ въ мірѣ. На практикѣ—воинственной Франціи открылись широкіе горизонты, въ видѣ Людовика XVIII, Карла X, Луи-Филиппа и 18-лѣтняго императорства Наполеона III, съ его блестящимъ, высоко нравственнымъ концомъ.

Пруссія сражалась за объединеніе Германіи. Поднятый нравственный уровень послѣ войны выразился въ проституціи ума и сердца; на нѣсколько лѣтъ героями націи стали кровавыя пугалы; деспотизмъ и тиранія послѣ войны помолодѣли, обновились, приумудились и гордо закинули свои головы. Я не стану впадать въ подробности, въ доказательства, ими можно наполнить цѣлыя томы; если же иногда путемъ войны

выходили кой-какіе благіе результаты для народовъ, то за это ее превозносить нечего: тогда прійдется броситься въ объятія абсолютизму. Людовикъ XIV и XV первостатейные царственныя негодии взлелѣяли революціи (да помянетъ ихъ Богъ во царствіи своемъ).

Наша честная, самоотверженная молодежь, запытываемая по дырамъ остроговъ и крѣпостей, меньше сдѣлаетъ въ дѣлѣ революціи, чѣмъ Александръ Николаевичъ съ своимъ восхитительно-остроумнымъ, государственнымъ строемъ и войною за славянъ; но поднявшійся народъ врядъ ли погладитъ по головкѣ великаго революціонера — Александра II!

Статистика подвела итоги самымъ сильнымъ людямъ, погибшимъ на войнѣ съ 1853, по 1870 годъ.

Крымская война	784,991
Шлезвигъ-Гольштинская.	3,500
Итальянская (1859).	45,000
Пруско-Австрійская (1866).	48,000
Мексиканская, Кокхинхинская, Парагвайская.	65,000
Франко-Прусская.	550,000
	<hr/>
(Впередъ, № 32 1876 г.)	1,493,491

Въ семь лѣтъ Европа къ лютой казни приговорила почти полтора милліона людей, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они были молоды, сильны и здоровы; но это конечно пустячки, когда дѣло идетъ о поднятіи нравственнаго уровня народовъ! Полтора милліона рабочихъ съѣли унавозили собою землю!... Лучшаго для нихъ назначенія нашъ гуманный, цивилизованный вѣкъ выдумать не могъ! Но можетъ быть Ев. Марковъ правъ, и оставшіеся въ живыхъ утопаютъ въ матеріальномъ благосостояніи? Но нікого не щадящая статистика снова продолжаетъ свои выписленія: отъ 1853 по 1873 военныя издержки выражаются въ слѣдующихъ наивнѣйшихъ цифрахъ:

Крымская война.	8,500,000
Шлезвигъ-Гольштинская.	1,400,000
Итальянская (1859).	130,000
Пруско-Австрійская.	1,650,000
Мексиканская, Кокхинхинская, Парагвайская.	1,000,000
Франко-Прусская.	29,700,000
	<hr/>
(Впередъ, № 32 1877 г.)	42,530,000

Прелюбодѣи мысли! изъ какихъ Эльдорадо получаютъ эти невинныя цифры? не трудно догадаться, что это теплая, неуспѣвшая еще свернуться кровь народная! Каждая копейка этихъ несчетныхъ милліардовъ, какъ живительнымъ дождемъ, обливалась кровавыми слезами и кровавыми потомъ нашихъ обоюдныхъ братій. Защитники любви и братства!

въ какія преисподнія провалилась ваша логика? Послѣ такихъ фактовъ, залившись слезами великаго умиленья, невольно завопишь вмѣстѣ съ Ев. Марковымъ: „Война матеріально и нравственно подымаетъ націи, расширяетъ ихъ горизонты!“ Да! она удивительно расширяетъ горизонты ихъ налоговъ, удивительно расширяетъ горизонты воровскимъ инстинктамъ ихъ властителей! По вычисленію Легуа, секретаря парижскаго статистическаго общества, Европа содержала въ мирное время массу солдатъ въ 3,815,847 („Впередъ“). Но съ 1866 года эта цифра удвоилась. Поклонники правосудія народнаго! загляните въ скромный русскій календарь, сколько выходитъ изъ государственнаго бюджета на содержаніе обновителей челоуѣчества.....

Мнѣ очень и очень жаль Славянъ, но честный челоуѣкъ долженъ умѣрить свой энтузіазмъ и заострить логику, разъ онъ обращается къ публикѣ; прежде, чѣмъ пустить искру въ пороховыя мины, нужно быть твердо увѣреннымъ, что она взорветъ враговъ, а не насъ самихъ. Нужно имѣть большую смѣлость и силу убѣжденія, чтобы обезумѣвшей массѣ славянофиловъ сказать: „Стойте! перестаньте тѣшить себя пышною иллюзіей, взгляните попристальнѣе на себя и на вашу родину, развѣ съ такими нравственными и умственными силами, какъ ваши, можно спасать народы? Спасители народовъ! полюбуйтеся на адреса, поднесенныя вами монарху! Не только Турки, но комнатныя шавки, если бы могли понимать ваши адреса, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ отвернулись бы отъ васъ! На глазахъ цѣлой Европы, вы, свободные граждане, вылизывали внутренность кишекъ царскихъ, вы показали цѣлому міру крайнюю крайность гнуснаго, платоническаго, татарскаго раболѣпія и собачьяго лизанья!

Турки мучаютъ во время разгара войны христіанъ, своихъ враговъ, вы пришли въ ужасъ. Это благородно и возвышенно! Но гдѣ пряталось ваше возвышенное благородство, когда наше правительство замучивало поляковъ и поставило во главѣ судей надъ несчастною націей Муравьева?

Куда запропастилось ваше таинственное благородство въ настоящее время? На вашихъ глазахъ цѣлые десятки лѣтъ, изъ года въ годъ, въ мирное время, вся Россія оцѣплена облавою жандармовъ, и тысячи честныхъ, прекрасныхъ, молодыхъ людей безъ суда гинутъ и гибнутъ на каторгѣ, по острогамъ, крѣпостямъ и полицейскимъ подваламъ; ихъ жгутъ и жгли на медленномъ огнѣ не часъ и не два, а десятки лѣтъ! Сотни изъ нихъ вышли съ тѣмъ, чтобы умереть на глазахъ родныхъ отъ скоротечной чахотки или полнаго истощенія силъ; десятки изъ нихъ выброшены сумасшедшими въ

казенные, сумасшедшіе дома; десятки изъ нихъ зарѣзались осколками стакановъ... Передъ этими бѣшенными злодѣяніями блѣднѣють варварства Турокъ!...

Подъ нашимъ цивилизованнымъ владычествомъ народъ стонеть болѣзненнѣе, чѣмъ турецкій народъ подѣ владычествомъ султана...

Невидѣть, любить, увлекаться, вы, доблестные граждане, не смѣете безъ разрѣшенія правительства! Гадко выговорить, что и увлеченія заклеяны казенною печатью.

Вамъ позволили ахать надъ славянами, вамъ показали примѣръ, вы разбахались до такой степени, что превзошли ожиданія начальства и газетамъ велѣно было поуспирить васъ. Внутренніе ужасы вамъ велѣно не замѣчать и вы съ кротостью барашковъ ихъ не замѣчаете и готовы, въ порывѣ патріотическаго усердія, забросать грязью и камнями всякаго, кто смѣетъ ихъ видѣть и понимать.

Близорукіе судьи—младенцы! вы любите не людей, а ходули, эффекты! Страданіе рельефное, при громѣ пушекъ, освѣщенное заревомъ пожаровъ, дѣйствуетъ на ваши валыше нервы; то же суровое, злое горе, которое затаилось въ каждой нашей мужицкой хатѣ, скользитъ по васъ, неувоенное и незамѣченное. Вы до этихъ поръ не умѣете, или не хотите понять, что такое правительство, какъ русское, нѣкого не съумѣетъ освободить. Оно не можетъ выйти изъ самого себя. Святое призваніе нашего правительства: поработать народы; снимать оковы съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же на наболѣвшее, изуродованное мясо вздѣть новыя, болѣе тяжелыя и болѣе крѣпкія! Отъ политики узкаго, безсердечнаго эгоизма не отрѣшилось пока ни одно государство Европы.

Внутренняя, горячая, социальная пропаганда стала наводить ужасъ на монарха и правительство; чтобы отвлечь, только на время, умы отъ всеразлагающаго анализа, они рѣшились выбросить въ живодерню сотни тысячъ русскихъ. Этими ужасными средствомъ они думаютъ отогнать отъ себя тотъ кровавый призракъ, который, страшно улыбаясь, стоитъ у нихъ за спиною. Они забыли, что въ исторіи человечества дѣйствуютъ тѣ же неумолимые законы, какъ и въ неорганической природѣ.

Мнѣ очень жаль маленькую Герцеговину, но мнѣ еще болѣе жаль мою большую Россію; ея нравственное и умственное обновленіе, если она одержитъ блистательную побѣду, выразится въ лизаніи начинающихъ ржавѣть цѣпей. Русский, самодовольный, разгулявшійся, квасной патріотизмъ, въ пылу побѣдъ, на время задушитъ начинающую всюду бродить живую, великую мысль народнаго освобожденія; подѣ

шумокъ всеобщаго энтузіазма начнутся въ усиленной степени конфиденціальныя задушенія ; гнусностямъ и звѣрствамъ конца не будетъ и они будутъ блестяще оправданы величіемъ свершонныхъ подвиговъ ! Надъ головою царя, къ позору націи, снова заблеститъ потускнѣвшій за послѣднее время ореолъ ! Тяжело выговорить : если насъ разобьютъ, мы выиграемъ болѣе умственно и нравственно, чѣмъ тогда, когда одержимъ блистательную побѣду. Послѣ блистательной побѣды народъ будетъ въ награду зафѣденъ, замученъ налогами, запоранъ за невозможность ихъ всѣ уплачивать, и въ концѣ концовъ, обновленная, выросшая духовно нація будетъ пмѣть надъ собою правительство по подлости и дикому звѣрству, на волосъ не уступающее турецкому.

Что же касается словъ Маркова, что Турція въ предсмертной агоніи, то то же самое можно сказать о всѣхъ современныхъ государствахъ, не только о самомъ худшемъ изъ нихъ, какъ наше, даже и о самыхъ лучшихъ. Мудрѣйшіе люди XIX вѣка уже давно уразумѣли ту прекрасную истину, что современный, хищническій, государственный строй переживаетъ самого себя. Смерть для неослѣпленныхъ глазъ видимо летаетъ надъ мнимо цивилизованными государствами ; они неминуемо погибнутъ, и ихъ могилы будутъ колыбелями будущихъ государствъ.

Рабочій народъ, по всему міру, расправляетъ свои желѣзные мускулы...

Гибель народа, застой общества, патріотическое мракобѣсіе сулитъ эта война ! Слабій лучъ надежды брезжитъ въ томъ предположеніи, что Александръ Николаевичъ послѣдуетъ примѣру своего незабвеннаго родителя : не доживетъ до конца войны, и тогда новый султанъ закуралеситъ реформами, и во время этихъ невинныхъ забавъ въ большинство проскользнутъ идеи и мысли, чреватая великими и грозными послѣдствіями, но это, къ сожалѣнію, только можетъ быть !...

Разставаться съ иллюзіями очень больно, истина иногда жестка и страшна, но для меня она, даже суровая и страшная, прекраснѣе самой волшебной и поэтической иллюзіи. Иллюзія пмѣетъ гадкое свойство : поработать себѣ чело-вѣка ; истина — революціонеръ, она вѣчно волнуется и вѣчно двигается и чарующая сила заключается въ этомъ постоянномъ движеніи.

22 ноября 1876 г.

Югъ Франціи. Ментонъ.

Идиллія моеї юности

*(Посвящается, какъ выраженіе глубочайшей признательности
моимъ учительнымъ педагогамъ.)*

Я не стану описывать моихъ счастливыхъ часовъ : они у меня были, я умѣлъ находить счастье, но страданіе очень и очень перевѣшивало; только деревянный человѣкъ, или самый плоскій филистеръ могутъ себя чувствовать вполне счастливыми среди современной намъ лучезарной цивилизаціи. Черезъ-чуръ мизерно наше личное, огромное страданіе рядомъ съ безграничнымъ, общечеловѣческимъ горемъ и слишкомъ не у мѣста наше даже крошечное счастье.— Я опишу одинъ періодъ моей жизни, я имѣю на это право потому, что тутъ гибла даромъ не одна моя жизнь, но тысячи жизней и богатыхъ жизней! Періодъ мучительный, отъ котораго послѣ многихъ лѣтъ у меня дрожали конвульсивно губы при малѣйшемъ волненіи, и воспоминаніе о которомъ воротило мнѣ душу и пробуждало самыя злыя, болѣзненно-желчныя чувства. Этотъ свѣтлый періодъ моей жизни изломалъ меня и разстроилъ мнѣ нервы на всю жизнь; я пережилъ его въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ; поступилъ я въ него въ 59 году. Эти воспоминанія не теряютъ своего современнаго значенія: такія школы еще существуютъ; по всей вѣроятности, лицей г. Каткова еще пикантнѣе. Кормленіе дѣтей оплеухами и классическое образованіе ничуть не элегантнѣе плетей и того научнаго образованія, которое процвѣтало въ корпусѣ. Я даже увѣренъ, что оплеухи, даваемые дѣтямъ, выработываютъ изъ нихъ такихъ безупречныхъ вѣрнопопданныхъ, которыхъ врядъ ли могъ выработать корпусъ, съ лѣсами розогъ и учителями изъ сморгонской академіи!

Если ктонибудь из моих учителей и надзирателей прочтет мои строки, (какихъ только чудесъ не бываетъ въ мірѣ!) пусть оглянется на прошлое, пусть добросовѣстно (если въ немъ какимънибудь чудомъ уцѣлѣли огрызки доброй совѣсти) полюбуется на себя и на тотъ образцовый міръ педагоговъ, который его окружалъ и дѣйствовалъ съ нимъ за одно!

Ненависть и презрѣніе — тѣ нѣжныя чувства, которыя вызываютъ во мнѣ, уцѣлѣвшіе въ памяти образы моего начальства; я ихъ ненавидѣлъ и презиралъ, когда задыхался съ ними въ одномъ смрадномъ воздухѣ, а теперь ненавижу память о нихъ! Это были или благонамѣренные палачи, или свирѣпыя идиоты, начиная съ попа и кончая послѣднимъ офицершкѣй. Если къ намъ попадались случайно порядочныя личности, то ихъ пробовали тотчасъ же исковеркать; если же это благое намѣреніе не удавалось, то такого строптиваго субъекта вышвыривали изъ корпуса, какъ зачумленнаго. Нашихъ педагоговъ пороли розгами до умственной и нравственной летаргіи по военнымъ заведеніямъ, въ придачу же къ розгамъ шниговали головы самою чудовищною дребендю; многіе изъ нихъ, противорѣча всѣмъ физиологическимъ законамъ, съ неподдѣльнымъ паѳосомъ вспоминали о кровавыхъ поркахъ, о мясѣ, отлетавшемъ кусками съ ихъ исковерканныхъ задовъ; многихъ изъ нихъ бросало въ сладостный трепетъ, когда они видѣли ручьями текущую кровь изъ тѣла несчастнаго кадета, растянутаго на скамьѣ. Я былъ отданъ въ корпусъ съ двумя моими братьями: одинъ умеръ въ чахоткѣ, исковерканный воспитаніемъ и не успѣвшій отдѣлаться отъ него внѣ корпуса, до самой могилы; другой — въ корпусѣ. Меньшой братъ, живой, умный, болѣзненно-нервный мальчикъ, умеръ отъ бугорчатой чахотки: у него высыпала корь, и, не смотря на это, его за какую-то вздорную палочку швырнули въ карцеръ. Карцеръ былъ въ подвалѣ въ землѣ, со стѣнъ его осенью лились мутныя ручьи; полъ въ немъ былъ каменный; крошечное окно съ желѣзною, тюремною рѣшеткою выходило на земь двора; зимою онъ не топился, окно закрывалось, какъ саваномъ, снѣгомъ; мутныя ручьи застывали сталактитами; отъ пола несло ледяною глыбою; такое помѣщеніе для блага медвѣдя было бы верхомъ комфорта! Въ этотъ колодезь опустили моего брата, больного, слабого отъ природы ребенка, въ сыпи; ночью у него въ темной ямѣ жаръ усилился; въ бреду и огнѣ онъ всю ночь стоналъ и рыдалъ, валяясь на ледяномъ полу, имѣя подъ головами ледяные кирпичи; утромъ его, выбивающагося изъ силъ, понесли на рукахъ въ лазаретъ затѣмъ, чтобы че-

резъ мѣсяцъ вынести оттуда въ могилу; я лежалъ въ немъ больной, въ кори. Корь у него бросилась на легкія, обнаружилась скоротечная чахотка; онъ не таялъ, а сторалъ. Оставаясь со мною наединѣ, онъ мучительно, раздирающе рыдалъ и призывалъ всѣ проклятія на своихъ палачей; ему страшно было разставаться съ молодою жизнью. Изъ мальчика уже формировался юноша, начинающій смутно чувствовать въ себѣ большія силы, и въ немъ были зародыши огромной силы! Онъ протестовалъ въ виду быстро приближающейся смерти съ суровою, мощною страстью взрослого. Мы или гибли быстро, какъ отъ яда, умственно и нравственно, или сказочно выростали.

За нѣсколько дней передъ смертью я засталъ моего брата въ слезахъ, съ багровыми пятнами на щекахъ; онъ сидѣлъ, скорчившись около горящаго каминна; пламя освѣщало его исхудавшую фигурку и огромные, яркіе, какъ послѣ сна раскрытые, задумчиво нѣжные глаза; онъ бросалъ въ огонь листы исписанной бумаги; во впадинѣ его щеки остановилась крупная слеза; онъ судорожно обернулся ко мнѣ и тихо сказалъ: „Братъ, я жгу мою коротенькую жизнь, я ее описалъ въ этой тетрадкѣ, я описалъ, какъ могъ; я въ ней описалъ монхъ.....“ Онъ не договорилъ, истерически зарыдалъ, раскашлялся, еще болѣе согнулся... и глубоко сильно задумался... Жаль мнѣ тебя, милое, молодое, рано погибшее существо!... Но будущее темно... силы, бродившія въ тебѣ, можетъ быть, привели бы тебя къ тому страшному концу, сравнительно съ которымъ твой печальный конецъ гораздо болѣе, чѣмъ счастливый! Вскорѣ моего брата вынесли, завернутаго въ простынь; съ этой минуты я очень долго все видѣлъ, какъ во снѣ... Но помню, что я не видѣлъ его въ гробу, но слышалъ, какъ его въ могилу провожали съ музыкой.

Но я еще счастливецъ: поступи немного ранѣе, я захватилъ бы въ воронежскомъ корпусѣ кровавое пугало — директора Впуглова! Нѣтъ сомнѣнія, что я не вынесъ бы года такой жизни: при немъ всякій имѣлъ право драть батогами кадетъ; офицеры, которыхъ было очень много, учителя, по давню ротные командиры, за малѣйшее слово, непослушаніе, дурной балъ, немилосердно пороли воспитанниковъ. Для сѣченія выбирались самые сильные солдаты и самые длинныя, густыя пучки розогъ. Неистовство этихъ господъ не знало границъ; они такъ вошли во вкусъ, что кровь и стоны производили на нихъ сладостное, опьяняющее впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что онъ то же чувствовалъ во время жаркихъ баталій въ Севастополѣ, когда около его глазъ летали оторванные члены. Несчастныхъ дѣтей иногда пороли

по нѣсколько разъ въ день, мясо начало буквально отпадать отъ задовъ; страшныя раны могли насилу залечиваться; у многихъ открывался антоновъ огонь. Педагоги разнообразили свою честную жизнь глупѣйшими лекціями и кровавыми экзекуціями.—Эта бойня дѣтей залпала кровью всѣхъ цейхаузы (мѣста, специально посвященныя сѣченіямъ), кровь тазами выносили послѣ частыхъ, повальныхъ бичеваній. Только невинныя могильки, порхавшіе всю жизнь подъ крылышкомъ у добродѣтельной маменьки, усомнятся въ глубочайшей правдивости, приводимыхъ мною фактовъ.—Наконецъ мѣра перешла всѣ границы и обнаружилась бурная реакція: кадеты начали съ ножомъ въ рукахъ спускаться съ третьяго этажа и уходить въ лѣса, обворовывать магазины, бросаться съ лѣстницъ третьяго этажа, проламывая себѣ черепа, ломая руки и ноги; огромное число затиранныхъ умирало быстро отъ нервныхъ потрясеній, въ горячкахъ, въ больницѣ. Обворовываніе магазиновъ поразило начальство, оно патетически возопило, что это позоръ для воспитанниковъ; никому изъ этихъ наивнѣйшихъ палачей не пришло въ голову, что подобныя пропществія фабриковались педагогами!

Къ великому счастью воронежскаго корпуса, съ лѣстницы удалось упасть и искалѣчиться, затерзанному сѣченіямъ, сыну генерала Муравьева; это остановило кровавыя вакханаліи, холопы и мелкіе тираны струсилы такъ, что у многихъ открылись холерическіе, очень опасныя припадки. Винтуловъ былъ наконецъ вытребованъ въ Петербургъ, и тамъ этотъ звѣрь околѣлъ. Смерть его произвела революцію въ корпусѣ: началось битье скамѣекъ, затѣмъ битье начальниковъ; буйству, дикому звѣрству, ликованію не было границъ... Кадеты служили молебны, надѣвая какіе-то балахоны, кувыркались и выли, какъ волчята; никто на волосъ не признавалъ начальства; классы надолго пріостановились.... И все это происходило въ цвѣтущую пору царствованія либеральнаго Александра II, въ то время, когда въ Лондонѣ издавался „Колоколь“ и его листки облетали всю Россію и прочитывались чуть не въ нашихъ отечественныхъ берлогахъ съ лихорадочнымъ трепетомъ, когда либеральничала наша литература!... Сверхалось все это не на берегахъ Ледовитаго океана, а въ центрѣ Россіи!

Міръ педагоговъ уцѣлѣлъ послѣ смерти Винтулова, а ихъ всѣхъ позахватилъ въ корпусѣ; при мнѣ они начали линять; многие изъ нихъ еще теперь занимаютъ тепленькія мѣста при военныхъ гимназіяхъ.

При мнѣ умеръ Як. Ростовцевъ. Портретъ предателя Рылева—безобразно подлой твари, которая изъ корпусовъ по-

дѣлала каторжные вертепы, гдѣ занимались сдираніемъ кожи и мяса съ костей дѣтей и приготовлялись безпробудные холопы—быль вывѣшенъ въ обѣденную залу, на всеобщее поелоненіе; начальники указывали на него, какъ на святыню, умиленно называли его нашимъ отцемъ и великимъ благодѣтелемъ. Одинъ ротный командиръ, знаменитый своею непроходимую глупостью и жестокостью, П—кій такъ вдохновился ликомъ Ростовцева, что въ тотъ же вечеръ произнесъ патетическую рѣчь своей, очень хотѣвшей спать, ротѣ; изъ рѣчи никто не понялъ ни единого слова, по той основательной причинѣ, что этому несчастному оратору никогда, ни въ какіе счастливые часы его жизни, не удавалось связать двухъ фразъ или осилить путную мысль; въ концѣ рѣчи онъ, видимо для всей роты, непритворно прослезился.... Наверху, въ спальнѣ, я такъ удачно перекопировалъ его рѣчь, слезы и гримасы, что разогналъ сонъ у всѣхъ присутствующихъ...

Когда водили, зачастую, торжественно какого нибудь товарища въ цейхаузъ для порки, на насъ это оставляло неизгладимое впечатлѣніе; отвращеніе и злоба кипѣли въ нашихъ дѣтскихъ душахъ; намъ казалось, что какіе-то гадкіе, дикіе звѣри затаскиваютъ беззащитную, слабую жертву въ берлогу и втихомолку жестоко ее замучиваютъ. Никогда въ жизни не забуду того впечатлѣнія, которое на меня оставило, въ первый разъ въ жизни видѣнное мною, бичеваніе; я со многими моими товарищами, движимый какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ, заглянулъ въ замочную скважину: на покрытой бѣлой простыней черной скамейкѣ лежалъ кадетъ, лицо его приподнялось отъ скамьи, оно было все синее съ радужными кругами подъ страшно воспаленными глазами, они были сухи; онъ жалобно, надрывающе стоналъ, какъ будто у него не хватало уже болѣе силъ на крикъ; на спинѣ и на ногахъ слабаго ребенка сидѣли весьма комфортабельно, два дюжихъ солдата, одинъ изъ нихъ давилъ съ ужасающею силою грудь, прижимая ее къ скамьѣ, другихъ два хлестали безпощадно розгами; кровь капала со скамейки и съ прутьевъ; стоявшій тутъ батальонный командиръ, коротенькій, залывшій жиромъ толстякъ, при каждомъ ударѣ розогъ приговаривалъ: „Вотъ тебѣ, мой милый дружечекъ, за излишнія разсужденія! Я знаю, ты впередъ будешь примѣрный умница; за одного битаго двухъ небитыхъ даютъ!“ Чѣмъ сильнѣе лилась кровь, тѣмъ присказки становились правоучительнѣе, задушевнѣе. Свиные глазки батальоннаго командира были облиты какою-то маслянистою влагою; видимо, онъ наслаждался хриплыми стопами и собственнымъ неизсягаемымъ, отъ порока развившимся, остроуміемъ.

Много лѣтъ послѣ я часто видѣлъ эту сцену во снѣ и каждый разъ просыпался съ холоднымъ потомъ на лбу и долго послѣ не могъ заснуть. Думаю, что не менѣе потрясаютъ впечатлительную душу пощечины, даваемые въ настоящее время воспитанникамъ въ лицѣ Каткова (я пишу эту статью въ 73 году); эта пытка еще утонченнѣе. Гг. Катковъ и Леонтьевъ могутъ быть вполне увѣрены, что если имъ простятся всѣ возмутительныя до рвоты подлости, то пощечины не простятся никогда, черезъ нихъ они уцѣлѣютъ въ памяти признательнаго потомства; они, достойные мужи правды и добра, воздвигли себѣ памятникъ, въ полномъ смыслѣ рукотворный!

Я зналъ одного кадета,—онъ былъ другъ мнѣ—при мнѣ онъ выпилъ мутную, черновато-красную жидкость*); допивая ее, — а онъ ее пилъ страшно медленно — онъ блѣднѣлъ и страшно кашлялъ; когда онъ ее допилъ, то былъ бѣлѣе стѣны, а по лицу у него проступили желтыя пятна. Задыхался отъ кашля, онъ спокойно сказалъ мнѣ: „я безъ малѣйшаго страха буду ожидать смерти; мысль, что мнѣ еще суждено задыхаться нѣсколько лѣтъ въ этомъ гробу, переворачивала мой мозгъ; меня тошнитъ при одной мысли, что я такъ долго жилъ.“ Но у многихъ можетъ явиться мысль: не можетъ быть, чтобы я не догадывался, что напитокъ этотъ — ядъ и какимъ образомъ я дозволилъ его выпить при мнѣ? Въ настоящую минуту я этого не понимаю, а въ то время я это очень хорошо понималъ; удивляюсь только, какая темная мысль о будущемъ удержала меня самаго отъ такого же шага? Я помню, что я завидовалъ въ то время его спокойной рѣшимости. Мой товарищъ вскорѣ умеръ; много рассказывалъ мнѣ онъ страшныхъ вещей, а ему было не болѣе 15-ти лѣтъ!.....

Многіе залепечутъ въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія: „Помилуйте, сколько прекрасныхъ офицеровъ выпло изъ корпуса, они теперь и здоровы, и веселы, и жуируютъ жизнью; ихъ не гложутъ и не сосутъ воспоминанія!“ Это совершенно вѣрно! но еще вѣрнѣе, что даже изъ каторги многіе выходятъ и жуируютъ жизнью и ихъ не гложутъ воспоминанія!... Нервы и мозгъ не у всѣхъ одинаково воспримчивы; не всякаго успѣетъ жизнь на первыхъ порахъ исковеркать и вопхнугуть въ маленькій, тѣсенный гробикъ; не всякій принимаетъ тотчасъ же всѣ грязныя и мутныя цвѣта, его окружающіе; не всякій въ состояніи мирно созерцать свою гибель и другихъ; но что важнѣе всего: не всѣ одинаково развиты.

*) Табачный настой.

А у насъ были развиты юноши; мы переживали, по своему, все то, что переживало передовое, русское общество. Кружокъ, въ которомъ я враждался, увлекался до безумія Кантомъ, Спинозою, Шлегелемъ, Шеллингомъ, Гегелемъ, не понимая въ нихъ ни единого слова; а послѣ мы стали увлекаться еще горячѣе, и на этотъ разъ понимая все, Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ, Чернышевскимъ; „Колоколъ“, „Полярная Звѣзда“, запрещенныя стихотворенія Некрасова, Огарева, Гейне, Толстаго, Расопчинной, Рылѣва у насъ ходили въ рукописяхъ; ихъ подъ сильнымъ страхомъ пересылали къ намъ студенты и городскіе либералы, переписанныя на прозрачной, тонкой, почтовой бумагѣ. „Сила и Матерія“ Бюхнера, „Сущность Христіанства“ Фейербаха, „Жизнь Иисуса“ Ренана и Штрауса, статьи Фохта и Молешотта доставляли намъ харьковскіе студенты, въ литографическихкихъ спискахъ. Бокль, Гервинусъ, Кинѣ, Дрѣперъ, англійская, французская литература въ переводахъ и русская намъ были очень и очень хорошо знакомы.

Это кипучее броженіе молодой, сильной мысли среди свирѣпой обстановки, рядомъ съ наитупѣйшими лекціями, проходило незамѣченное педагогами; они схватились, но только тогда, когда расколъ началъ изъ мозговъ воспитанниковъ переходить, но изумительно туго, въ мозги педагоговъ. На нашихъ глазахъ они стали разыгрывать жалкую роль, но изъ рукъ вонъ плохо... Остановить еретическое ученіе они были не въ силахъ, слиться съ нами также не въ силахъ; словомъ, въ относительно крошечномъ заведеніи, *en petit*, разыгралась исторія монархическаго государства.

Я бросилъ легкую полосу свѣта на потаенную жизнь нашего замкнутаго общества для того, чтобы читатель могъ понять и не найти натянутыми слова моего отравившагося друга. Мы были не бурсаки, и въ этомъ заключался весь ужасъ нашего положенія!... Мы созерцали наши вертепы такими напряженными глазами, съ такимъ нитьемъ въ груди и головѣ, что страшно становилось за нашу молодую жизнь...

У меня была громадная память, но не смотря на это, я, къ великому моему счастью, плохо учился; я не могъ побѣдить никакими усиліями отвращенія къ окаменѣлому, заплѣсневлѣлому, корпусному ученію; прочесть урокъ, отмѣченный ногтемъ учителя, изложенный официальнымъ чурбаномъ, было для меня пыткой 7-го отдѣленія Дантовскаго ада, и въ то же время, я читалъ по ночамъ, дрожалъ въ жару надъ каждою порядочною книгою, упивался и наслаждался ею съ какимъ-то жгучимъ, болѣзненнымъ чувствомъ; чтобы прочесть ее, съ радостью отдавалъ свой обѣдъ, завтракъ и ужинъ

счастливому обладателю книги, а самъ голодалъ по суткамъ: съ радостнымъ чувствомъ воспоминаю объ этомъ голоданіи: этимъ голодомъ я расширилъ свой умъ и облагородилъ сердце; цѣною обѣдовъ я вступилъ въ тотъ кружокъ, который сберегъ мнѣ жизнь и вывелъ меня изъ корпуса неумолимымъ врагомъ всего давящаго. Я передавалъ громадныя статьи моимъ товарищамъ, безъ малѣйшаго упущенія изъ нихъ малѣйшей мысли; я умѣлъ подмѣчать гнусныя слабости моихъ педагоговъ, всѣ ихъ смѣшныя стороны, и зло, не по лѣтамъ, издѣвался надъ ними...

Луна ярко освѣщала наши холодныя, большія, неуютныя спальни; не смотря на усталость, я мало спалъ въ лунныя ночи; я любилъ мечтать и много пылкихъ, восторженныхъ и напыщенныхъ грезъ бродили въ моей дѣтской головѣ; я всѣхъ спасалъ въ моихъ грезахъ: выхватывалъ изъ пожара маленькихъ дѣтей, освобождалъ изъ крѣпостей съ бунтовавшимися народомъ несчастныхъ молодыхъ людей; съ непостижимою злостью топталъ, если не самую царскую голову, такъ по крайней мѣрѣ царскую корону. Личное счастье не приходило мнѣ въ голову, грезы были такъ живы, что я плакалъ отъ восторга, дрожалъ отъ ужаса.

Долго я просидѣлъ, запертый въ воронежскомъ казематѣ; я бился въ немъ, какъ сильная птица въ желѣзной клѣткѣ. Мы не знали, что такое природа, солнечный лучъ насъ не радовалъ; мы не знали прелести майскаго, свѣжаго утра, благоухающіе цвѣты попадались намъ, подразнивая, на страницахъ романа; пѣніе птицъ на свободѣ, въ лѣсу, зеленые дуга снились намъ только въ блаженныхъ сновидѣніяхъ.

Я любилъ сидѣть около окна и смотрѣть вдаль, хотя это занятіе намъ крайне строго воспрещалось; въ тѣ года моей жизни я пожертвовалъ бы всѣмъ моимъ будущимъ, если бы меня бросили въ какую нибудь деревню, около дороги, беззащитнаго, одинокаго, безъ буска хлѣба, но только на свободу! Я завидовалъ послѣднему калѣкѣ - нищему, который, опираясь на палку, бредеть холодною осеннею ночью, деревенской околицей, осаждаемый собаками, полливаемый дождемъ, окутанный мракомъ. На свободѣ, впоследствии, я позналъ что такое околица, калѣка-нищій, деревенская хата.....

Многіе говорить, что когда выльешь горечь на бумагу, становится легче, я не испыталъ этого чувства! мнѣ не стало легче, послѣ моей короткой, печальной исповѣди.

Biblioteka Śląska w Katowicach

Id: 0030000968417

II 756978